И. С. Кон

ВВЕДЕНИЕ В СЕКСОЛОГИЮ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

МОСКВА, «МЕДИЦИНА», 1989

ББК 88.4
К 64
УДК 612.612+613.88+616.69+618.17

Рецензент Г. С. ВАСИЛЬЧЕНКО, профессор, руководитель Всесоюзного научно-методического центра по вопросам сексопатологии.

Кон И. С.

К64 Введение в сексологию.— М.: Медицина, 1989.— 336 с. ISBN 5—225—00129—7

Книга является первым отечественным исследованием по общим вопросам сексологии. Опираясь на обширную научную литературу, автор прослеживает становление современной сексологии как междисциплинарной области знания, раскрывает биологические, социально-культурные, историко-этнографические и психологические закономерности сексуального поведения, особенности мужской и женской сексуальности, ее возрастные и индивидуально-типологические вариации и т. д. Книга посвящена преимущественно проблемам нормальной человеческой сексуальности, но в ней использованы также материалы сексопатологии, особенно по формированию половой идентичности и сексуальной ориентации.

Издание рассчитано на врачей, прежде всего сексопатологов и психиатров, психологов, социологов и работников брачно-семейных консультаций.

К $\frac{0304000000-148}{039(01)-89}$ Без объявл. **ББК 88.4**

ISBN 5—225—00129—7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чего человек не понимает, тем он не владеет

Гете [1]

Проблемы охраны и укрепления здоровья людей необходимо рассматривать с широких социальных позиций, в неразрывной связи с развитием всего социалистического образа жизни, причем они должны обсуждаться трезво, научно и реалистически. Особое значение имеют забота об укреплении семьи и охрана материнства. Многое в этом плане уже делается. В ряде городов создана специальная служба семьи, ширится сеть психологических и медицинских консультаций. С 1973 г. при Московском НИИ психиатрии Минздрава РСФСР функционирует Всесоюзный научно-методический центр по вопросам сексопатологии во главе с проф. Г. С. Васильченко, координирующий деятельность сексопатологов по всей стране. Опубликованы руководства для врачей — «Общая сексопатология» (1977) и «Частная сексопатология» (1983). С 1985 г. с целью подготовки молодежи к семейной жизни в школьную программу включены учебные курсы «Гигиена и половое воспитание» и «Этика и психология семейной жизни». Активизировался выпуск научно-популярной литературы по вопросам пола, хотя ее тиражи и качество оставляют желать большего и лучшего.

Однако ни сексопатология, ни половое просвещение школьников, ни служба семьи не могут успешно развиваться, не опираясь на фундаментальные общие научные исследования пола и сексуальности. Поскольку эти вопросы по своей сути являются междисциплинарными, современная сексология напоминает равносторонний треугольник, одну сторону которого образуют био-меди-

[1] Goethe W. Sämtliche Werke in 6 Bänden. B. 1.— Stuttgart, 1863, S. 246.

цинские, вторую — социокультурные и третью — психолого-педагогические исследования. Все эти исследования взаимосвязаны и не могут друг без друга раскрыть полноту своих возможностей, но достигнутый в разных областях науки уровень знаний весьма различен, а вследствие междисциплинарной разобщенности специалисты зачастую вообще не знают, что делается в смежных, а тем более в отдаленных от них науках. Это сильно тормозит как интегративные процессы, так и развитие частных дисциплин.

С сожалением приходится констатировать, что некоторые существенные элементы сексологического треугольника в нашей стране практически отсутствуют. Вовсе нет исследований по психологии сексуальности, да и психология половых различий не привлекает к себе должного внимания, хотя в трудах П. П. Блонского и Л. С. Выготского психосексуальное развитие ребенка занимало важное место. Не проводятся систематические и достаточно массовые социологические опросы о сексуальном поведении, по которым в 20-х годах СССР занимал ведущее место в мире, а начались они в России еще в начале века. Сторонятся сексологической тематики и ученые-гуманитарии, хотя в свое время выдающиеся советские этнографы В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг Д. К. Зеленин и филологи М. М. Бахтин, В. Я. Пропп, О. М. Фрейденберг были пионерами в изучении культурного полового символизма. Лучше обстоит дело в биологии. Однако наши генетики, физиологи и эндокринологи изучают не столько сексуальное поведение, сколько общие закономерности половой дифференцировки и репродуктивной биологии, причем главным образом на животных, так что книгу, названную «Нейроэндокринология пола», следовало бы в интересах точности назвать «Нейроэндокринология пола грызунов».

Предлагаемая вниманию читателя книга не претендует на то, чтобы восполнить этот пробел. Однако она содержит необходимую для врача (и прежде всего для сексопатолога) информацию о современном состоянии и актуальных проблемах научных исследований человеческой

сексуальности, в том числе с точки зрения социологии половой морали, в сравнительно-историческом ракурсе, в связи с диалектикой индивидуальных половых различий и социальных ролей, в контексте общих закономерностей формирования личности и ее самосознания, в связи с особенностями психосексуального развития в подростковом и юношеском возрасте, в рамках междисциплинарного исследования общения и т. д. [41—47]. Частичным обобщением многолетней работы автора по этой тематике был лекционный курс, прочитанный в 1977 г. в Ленинградском психоневрологическом НИИ им. В. М. Бехтерева для психиатров и сексопатологов, на основе которого по заказу венгерского издательства им. Кошута была написана книга «Культура-сексология», вышедшая в 1981 г. на венгерском языке [43]. В 1985 г. ее расширенный и переработанный вариант был опубликован в ГДР и ФРГ [47]. В настоящем, первом на русском языке, издании учтены новейшие советские и зарубежные научные данные и освещены некоторые специальные вопросы, представляющие особый интерес для медиков.

При подготовке книги мне оказали большую помощь ученые разных специальностей. Прежде всего должен поблагодарить ученые советы Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР, детально обсуждавшие один из вариантов рукописи и рекомендовавшие ее к печати. Своими советами и замечаниями мне помогли физиологи академик Е. М. Крепс, член-корр. АН СССР П. В. Симонов, В. Г. Кассиль, В. В. Антонов, нейроэндокринолог А. И. Белкин, сексопатологи Г. С. Васильченко, З. В. Рожановская, А. М. Свядощ, психолог акад. АПН СССР А. В. Петровский, социологи В. Ж. Келле, В. А. Ядов, Б. М. Фирсов, этнографы акад. Ю. В. Бромлей, член-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге, член-корр. АН СССР К. В. Чистов, С. А. Арутюнов, А. Н. Анфертьев, А. К. Байбурин, Б. Н. Путилов, Ю. И. Семенов, антропологи член-корр. АН СССР В. П. Алексеев и А. Г. Козинцев, философы Л. П. Буе-

ва, Л. И. Новикова и др. Ценную библиографическую и консультативную помощь оказали мне также зарубежные коллеги Джон Ганьон и Джон Мани (США), Гунтер Шмидт (ФРГ) и научные редакторы немецкого издания книги Курт Штарке и Вальтер Фридрих (ГДР).

Не все вопросы рассматриваются в книге одинаково обстоятельно. Биологические и медицинские аспекты, о которых на русском языке имеется больше литературы, освещаются на уровне общих выводов. Социокультурные и психологические проблемы, к восприятию которых врачи менее подготовлены, анализируются подробнее. Кроме того, сексуальное поведение и мотивация рассматриваются в книге лишь на уровне целого (индивида, пары или социума), а не на «молекулярном» уровне отдельных подсистем и элементов, изучение которых является по преимуществу монодисциплинарным. Следует также иметь в виду, что речь идет об очень сложных вопросах, которые лишь недавно стали предметом научного исследования и о которых вместе с тем многие люди имеют собственные житейские, подчас весьма категоричные, суждения. Это требует от читателя критичности, понимания того, что почти за каждым положением автора стоит целая совокупность научных проблем и вместе с тем — интеллектуальной терпимости, готовности ничего не отвергать без проверки и обдумывания. Задача книги — не столько подводить итоги, сколько стимулировать развитие теоретической мысли и междисциплинарной кооперации. Современные знания о человеческой сексуальности — только верхушка айсберга, об огромных размерах которого мы можем лишь догадываться. Поскольку литература по сексологии, особенно зарубежная, очень обширна, в библиографию включены не все использованные работы, а только наиболее важные, прежде всего новейшие публикации обзорного характера. Ссылки на цитируемые другие источники даются в постраничных примечаниях.

ГЛАВА 1

ОТ МИФА К НАУКЕ

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Что такое сексология? Даже образованные люди большей частью считают ее разделом медицины, молчаливо отождествляя с сексопатологией. Между тем с самого своего возникновения слово «сексология» обозначало междисциплинарную, даже энциклопедическую, отрасль знания. В 1909 г., рецензируя книгу Фореля «Половой вопрос», известный русский писатель и публицист Василий Розанов выразил удивление, почему ни один немец с характерной для этого народа любовью к теоретизированию и классификации до сих пор не придумал слова «сексуалогия», обозначающего особую науку «о поле» или «о полах» [1]. На самом деле такой человек по имени Иван Блох уже нашелся. В 1907 г. в книге «Сексуальная жизнь нашего времени в ее отношениях к современной культуре» Блох провозгласил создание новой «науки о поле» (Sexualwissenschaft), подчеркнув, что она должна синтезировать данные всех наук о человеке, включая общую биологию, антропологию, этнологию, философию, психологию, медицину и историю литературы и культуры.

Разумеется, рождение термина и создание отрасли знания — не одно и то же. Люди интересовались проблемой пола всегда. Уже древнейшие мифологические, а позже философские системы содержали какие-то объяснения природы половых различий, сведения об анатомии и физиологии гениталий, технике полового акта, зачатии, беременности и родах. Благодаря обобщенному в них историческому опыту древние китайские трактаты об «искусстве спальни», индийская «Камасутра» или «Наука любви» Овидия и сегодня представляют не только исторический интерес. Однако древняя эротология, т. е. теория и практическое искусство любви, не ставила своей целью исследовать сексуальность. Она скорее обо-

[1] Розанов В. Афродита и Гермес.— Весы, 1909, № 5, с. 47.

сновывала и конкретизировала то отношение к ней, которое было принято в соответствующем обществе. Необходимая предпосылка научного исследования сексуальности — преодоление религиозно-мистического отношения к ней, принципиальная установка на то, чтобы анализировать половую жизнь не в терминах религии и морали, которые в разных обществах вовсе не одинаковы, а в естественно-историческом ключе, на основе достоверно установленных фактов. Такая задача была впервые поставлена лишь во второй половине XIX века. Почему так поздно? Объективное изучение сексуальности было невозможно без предварительного развития целого комплекса биологических и социальных наук. Кроме того, нужно было преодолеть жесточайшее сопротивление церкви и буржуазного ханжества. Официальная мораль буржуазного общества в XIX веке была насквозь пронизана антисексуальными установками [167; 209; 218]. Не только половая жизнь, но и весь телесный «низ» считались грязными и непристойными, о чем порядочным людям не положено думать и тем более говорить вслух. В Англии в начале XIX века даже попросить соседку по столу передать цыплячью ножку считалось неприличным, так как слово «ножка» вызывает сексуальные ассоциации. Приходя к врачу, женщина показывала, где у нее болит, не на собственном теле, а на кукле. В некоторых библиотеках книги, написанные женщинами, хранились отдельно от книг авторов-мужчин.

В XIX веке свирепствует моральная цензура. По соображениям благопристойности запрещаются произведения Ронсара, Лафонтена, Руссо, Вольтера, Прево, Беранже и других авторов. В 1857 г. во Франции состоялось два судебных процесса. Автор «Госпожи Бовари» был оправдан, ибо «оскорбляющие целомудрие места», «хотя и заслуживают всяческого порицания, занимают весьма небольшое место по сравнению с размерами произведения в целом», а сам «Гюстав Флобер заявляет о своем уважении к нравственности и ко всему, что касается религиозной морали» [1]. Бодлер был осужден и цензурный запрет на 6 стихотворений из «Цветов зла» снят только в 1949 г. То же самое происходило и в других странах [131]. Уже сама постановка проблем пола в этих условиях требовала большого личного мужества.

Первыми людьми, начавшими систематическое изу-

[1] Цит. по Моруа А. Литературные портреты/Пер. с франц.— М., 1970, с. 190.

чение половой жизни, были врачи, и начали они, естественно, не с ее нормальных, а с патологических форм. В числе родоначальников сексологии обычно упоминаются профессор психиатрии Венского университета Рихард фон Крафт-Эбинг (1840—1902), швейцарский невропатолог, психиатр и энтомолог Август Форель (1848—1931), немецкие психиатры Альберт Молль (1862—1939) и Магнус Хиршфельд (1868—1935), австрийский психиатр, родоначальник психоанализа Зигмунд Фрейд (1856—1939), немецкий дерматолог и венеролог Иван Блох (1872—1922) и английский публицист, издатель и врач Генри Хэвлок Эллис (1859—1939) [207, 345]. Это были во всех отношениях разные люди. Монархист, консерватор Молль имел идеологически мало общего с социал-демократом Хиршфельдом или с пацифистом и рационалистом Форелем. Разными были и их теоретические позиции, но всем им нередко приходилось трудно. Крафт-Эбинг, маститый немецкий психиатр, автор первого систематического руководства «Сексуальная психопатия» («Psychopathia sexualis», 1886), наиболее деликатные места в своей книге написал по-латыни, чтобы сделать их недоступными широкому читателю. Тем не менее в 1891 г. рецензент ведущего английского медицинского журнала обвинял его в смаковании «грязных деталей», выражая надежду, что сама бумага, на которой напечатана эта ужасная книга, будет использована для столь же низменных нужд. Поднимался даже вопрос о лишении Крафт-Эбинга полученного им звания почетного члена Британской медико-психологической ассоциации. Блох бо́льшую часть своих сексологических работ публиковал под псевдонимом. Труды Эллиса английская цензура запрещала как «непристойные», а сам он подвергался судебным преследованиям, причем ни один авторитетный ученый или медик не осмелился в то время публично выступить в защиту его основного труда, ныне признанного классическим. Основанный Магнусом Хиршфельдом Сексологический институт был разгромлен немецкими фашистами. Итальянский врач и антрополог Паоло Мантегацца из-за своей книги «Половые отношения человечества» едва не лишился профессорской кафедры и места в сенате. Подобные факты не раз случались и позже, делая историю сексологии весьма похожей на мартиролог.

Даже вполне «благополучным» исследователям, оставившим заметный след в науке, долгие годы приходилось жить и работать в атмосфере враждебности и подо-

зрительности, особенно в том, что касалось их собственной сексуальности. Повышенный интерес к ней проявляют и их современные биографы. Старая богословская идея о греховности половой жизни превратилась в массовом сознании в прочное убеждение, что у всякого, кого интересует «секс», у самого что-то по этой части не в порядке. Вообще говоря, заинтересованность ученого в том или ином предмете нередко стимулируется какими-то его личными жизненными проблемами. Однако так бывает далеко не всегда, да и сами эти проблемы могут быть разными. Никто не думает, что физиологией питания занимаются обязательно обжоры (а может быть, язвенники?), языкознанием — косноязычные, а криминологией — потенциальные преступники. К тому же сексуальность — предмет общеинтересный, а проблема «нормы» здесь особенно сложна. Одному собственная сексуальность кажется «чрезмерной», другому — «недостаточной».

Наличие каких-то личных проблем, если только они осознаны, в принципе не исключает возможности их объективного исследования. Иначе пришлось бы признать, что самые важные вопросы изучать вообще некому. Женщины не могут судить о женской психологии потому, что они пристрастны, а мужчины — потому, что они некомпетентны. Рабочий не может изучать положение рабочего класса из-за субъективной заинтересованности и недостатка образования, а интеллигент — в силу своей «посторонности». Тут образуется порочный круг. Если человек может исследовать только то, к чему он лично причастен, то объективное знание принципиально невозможно: европеец не может понять африканца, здоровый — психически больного. Если личный опыт для познания вреден, то для изучения человеческих проблем придется приглашать марсиан. Однако в том-то и состоит значение науки, что она вырабатывает объективные (хотя и относительные) критерии, позволяющие оценивать степень доказательности различных взглядов и теорий независимо от того, какими личными чувствами и пристрастиями вдохновлялся сформулировавший их ученый. Это в полной мере относится и к сексологии.

Эмансипация сексологических знаний от религиозно-моральных догматов могла начаться только в сфере биологии не только потому, что пол — универсальное биологическое явление, но и потому, что биология была ведущей отраслью естествознания второй половины XIX века, а эволюционная теория Дарвина служила методологическим образцом для других наук. Нетрудно

понять и то, почему изучение проблем пола началось не с нормы, а с патологии. «Нормальная» половая жизнь еще казалась ученым сравнительно простой, однозначной, не требующей особых объяснений. Другое дело — «половые извращения», к числу которых в XIX веке относили все морально осуждаемые формы сексуального поведения и вообще всякий секс, не связанный с продолжением рода, которое казалось единственной «естественной» функцией пола.

В развитии теоретической сексологии XIX — начала XX века отчетливо проступают две тенденции [206]: 1) постепенное ослабление жесткого биологического детерминизма в пользу более тонких и сложных психологических теорий и 2) усложнение и обогащение самого понятия нормы на основе включения в нее широкого спектра вариаций.

Критикуя наивность биологических теорий пола XIX века, нужно помнить не только об ограниченности самого принципа биологического редукционизма, стремившегося свести сложные социальные и психические явления к элементарным биологическим законам, но и о том, что биология, к которой апеллировали ученые этого периода, была еще весьма неразвита. Недостаток достоверных эмпирических фактов (даже половые гормоны еще не были открыты) неизбежно восполнялся умозрительными общими построениями, а их отправной точкой большей частью служили нормы обыденного сознания и буржуазной морали.

Эволюционизм XIX века видел в прошлом только подготовку настоящего и невольно идеализировал это настоящее. Это касается даже классиков науки: например, Чарлз Дарвин в книге «Происхождение человека и половой отбор» (1871) провозгласил эволюцию половой морали от «распущенности дикаря» к высоконравственной моногамии викторианской Англии следствием естественного биологического закона. Столь же непреложными представляются Дарвину психологические различия между полами: агрессивного напористого мужчину дополняет пассивная нежная женщина. По меткому выражению американского исследователя Арно Карлена [218], в XIX веке наука заменила религию в качестве обоснования традиционных нравов.

Если раньше установка на половое воздержание и умеренность подкреплялась религиозно-этическими доводами о греховности и низменности «плотской жизни», то теперь на первый план выходят псевдобиологические

аргументы — растрата «половой энергии» истощает жизненные силы организма, которые следовало употребить на что-то полезное. Большинство биологов XIX века, подобно христианским богословам, видели единственный смысл и оправдание половой жизни в продолжении рода. Все формы сексуальности, преследующие иные цели и не связанные с деторождением, в свете этой установки выглядят не только безнравственными, но и «противоестественными» (этот термин пришел в биологию непосредственно из богословия). Разумеется, противопоставление «естественного» и «противоестественного» никогда не имело и не имеет ясных критериев [345]. Что значит «вести себя естественно»? Следовать примеру природы? Предписание слишком неопределенно, так как природа дает разные примеры, да и сам человек существенно изменяет ее, создает «вторую природу». Подражать животным? Тогда история культуры оказывается сплошным регрессом; кроме того, разные виды животных ведут себя по-разному. Руководствоваться «самоочевидным» предназначением органов тела, употребляя их только так и не иначе (глаза — чтобы видеть, желудок — чтобы переваривать пищу и т. д.)? Но многие органы тела полифункциональны, к тому же все они взаимосвязаны. Это в полной мере относится и к половой системе. Апелляция к «естественности» лишь прикрывает незнание предмета и идеологический консерватизм.

Какой бы консервативной ни была биолого-медицинская теория, она обязательно задает вопрос: почему? Для богословия сексуальные аномалии были просто грехом, за который виновные должны отвечать перед богом и людьми. Для науки они представляют проблему — почему возникают такие непонятные явления, как половое влечение к людям собственного пола (гомосексуализм), потребность переодеваться в одежду другого пола (трансвестизм), причинять страдания сексуальному партнеру (садизм) или испытывать их самому (мазохизм), бесполезная растрата драгоценного семени (онанизм) и многие другие столь же странные вещи? Что это — преступление, за которое нужно наказывать, или болезнь, которую нужно лечить? А если лечить, то чем и как? Ответить на эти вопросы было не так-то просто.

Молодая наука психиатрия (название ее появилось лишь в начале XIX века) сначала видела мир черно-белым: человеческая душа либо здорова, либо больна, существует либо норма, либо патология. Однако уже в начале XIX века врачи заметили, что наряду с «безум-

ными» людьми существуют и такие, которые нормальны во всем, кроме одной какой-то частности. В 1835 г. английский врач и этнограф Джеймс Причард ввел понятие «морального помешательства (moral insanity)», «морбидной перверсии» — болезненного извращения некоторых чувств и влечений, но без потери разума. Это понятие как нельзя лучше подходило для описания девиантных (отклоняющихся от нормы) форм сексуального поведения, затрагивающих отдельные компоненты полового влечения (выбор необычного объекта, ситуации или способа удовлетворения).

В XIX веке психиатры детально описывают симптоматику разнообразных «половых извращений» (перверсий). Термин «извращение» подчеркивал органический характер таких нарушений, то, что они не имеют якобы ничего общего с нормальной, здоровой сексуальностью. Особенно много сделал в этом плане Крафт-Эбинг, книга которого «Сексуальная психопатия» содержит огромный клинический материал. Однако в интерпретации данных единообразия никогда не было. Характерна в этом смысле продолжавшаяся несколько лет дискуссия между Крафт-Эбингом и знаменитым французским психологом Альфредом Бине о природе фетишизма. Крафт-Эбинг, стоя на позициях биологического детерминизма, придавал решающее значение конституциональным факторам. Напротив, Бине подчеркивал роль ассоциативных связей: во время случайной эякуляции рядом с подростком оказывается женщина с надушенным сиренью платком, и в результате закрепления этой ассоциации запах сирени отныне вызывает у него половое возбуждение даже в отсутствие женщины. Однако почему случайная психологическая ассоциация у одного человека закрепляется, а у другого — нет? Видимо, считали Крафт-Эбинг и Молль, дело в индивидуальном предрасположении. Какова же природа этого предрасположения — является ли оно врожденным или обусловлено прошлым опытом человека, условиями его воспитания, ранними травмирующими переживаниями и т. п.? Особенно острые споры развертывались по поводу однополой любви, «содомского греха» по библейской терминологии. Сегодня эти споры кажутся спекулятивными, иногда даже странными. Однако в них ставились и уточнялись многие вопросы, не утратившие актуальности и сейчас. Молля наряду с Фрейдом считают одним из родоначальников изучения детской сексуальности; его идея о существовании особой стадии «подростковой интерсексуальности» по сей день импо-

нирует некоторым исследователям. Хиршфельд, подробно описавший трансвестизм, который он считал следствием нарушения нормального соотношения в организме мужских и женских гормонов, также внес большой вклад в изучение гомосексуализма. В 1908 г. он основал первый в мире сексологический журнал, а в 1918 г.— первый Институт сексологии, научный, лечебно-консультационный и просветительный центр, просуществовавший вплоть до прихода к власти в Германии нацистов. Важнейшей заслугой Хиршфельда было то, что он положил начало массовым сексологическим опросам анкетного типа. В 1903 г. он разослал анонимный вопросник, касающийся половой жизни 3 тыс. студентов (было получено 1756 ответов); в 1904 г. подобные письма были направлены 5721 берлинскому рабочему. Несмотря на несовершенство методики Хиршфельда, его данные и сегодня используются в целях сравнения.

Развитие клинической сексологии получило в начале XX века дополнительный стимул со стороны гуманитарных наук, прежде всего этнографии и истории. Уже древнейшие путешественники и географы, описывая быт и нравы чужих народов, уделяли какое-то внимание их половой жизни. Многочисленные факты такого рода содержат и этнографические описания XVIII — начала XIX века, но они были несистематичными, напоминая зачастую сборники анекдотов. Неспособные отрешиться от норм своей собственной половой морали европейские авторы, говоря словами Ф. Энгельса, часто рассматривали нравы неевропейских народов — первобытные условия «через очки дома терпимости» [2 с. 41]. Когда одного английского миссионера спросили об обычаях и нравах туземцев, он уверенно ответил: «Обычаев никаких, нравы скотские». Возникновение в XIX веке этнографии и антропологии должно было изменить положение вещей. Разумеется, пока европейская культура не научилась критически анализировать свою собственную половую мораль, не могло быть и речи об объективном изучении «чужой» сексуальности. Большинство этнографов и антропологов конца XIX — начала XX века предпочитали не касаться этих «скользких» вопросов, да и публиковать такие материалы было трудно. Тем не менее делаются первые попытки обобщения историко-этнографических данных, например «Эволюция брака и семьи» французского этнографа Шарля Летурно (1888), «История человеческого брака» финского этнографа и социолога Эдварда Вестермарка (1891) и др. Сведения о сексуаль-

ном символизме и поведении приводились также в работах по истории религии и в связи с изучением древних обрядов инициации, тайных обществ и мужских союзов. Классическая филология не могла обойти молчанием проблему античной педерастии и т. д.

Первую попытку соотнести клинические и культурологические данные о человеческой сексуальности предпринял уже Иван Блох, который понимал, что биологический подход к сексуальности необходимо дополнить культурно-историческим. В своих многочисленных книгах и статьях он как раз и пытался реализовать такой синтез.

Хотя с точки зрения современной науки работы Блоха поверхностны и недостоверны, они вводили в широкий оборот неизвестные его современникам факты, заставляя ученых искать им объяснение. Комплексный подход, но с явным креном в сторону биологии характерен и для крупнейшего популяризатора сексологии начала XX века Огюста Фореля, книга которого «Половой вопрос» (1905) имела самое широкое распространение вплоть до середины 20-х годов.

Переориентация сексологической теории с биологии на психологию наиболее отчетливо выражена в работах Хэвлока Эллиса, которого Г. С. Васильченко [62] считает самым ярким и талантливым представителем энциклопедического направления в сексологии. Семитомный труд Эллиса «Исследования по психологии пола» («Studies in the Psychology of Sex», 1897—1928) содержит все, что было известно в то время по психологии сексуальности. Главный пафос Эллиса — в гуманистическом стремлении понять многообразие форм человеческой сексуальности, вместо того чтобы безоговорочно осуждать все то, что не отвечает нормам современной культуры или нашим собственным склонностям. Эллис способствовал пониманию пластичности человеческой сексуальности. Больше, чем кто-либо другой, он содействовал преодолению ложных представлений и страхов относительно мастурбации, активно боролся за изменение консервативно-патриархальных установок по отношению к женщинам. На него во многом опирался известный голландский гинеколог Теодор Хендрик Ван де Велде (1873—1937) в своей книге «Идеальный брак» (1926), которая была самой популярной книгой по практической сексологии с середины 20-х до начала 60-х годов (в 1967 г. вышло 77-е издание); в этой книге женщина едва ли не впервые выступает не как простой объект

сексуальной активности мужчины, а как его равноправный партнер, интересы которого должны строго соблюдаться.

ВЛЕЧЕНИЯ И КОМПЛЕКСЫ

Самой влиятельной сексологической теорией первой половины XX века был, безусловно, психоанализ Зигмунда Фрейда. Психоанализ как философская и психологическая теория и как метод лечения неврозов, безусловно, значительно шире сексологической проблематики. Я не буду обсуждать здесь этих вопросов, отослав читателя к специальной литературе [51]. К сожалению, систематического изложения и критики фрейдовской теории сексуальности в свете современных научных данных на русском языке нет. В отличие от большинства своих предшественников, З. Фрейд рассматривает сексуальность не как частный, локальный, аспект человеческой жизни, а как ее основу и стержень. Половое влечение, «либидо» составляет, по З. Фрейду, источник всей психической энергии индивида, а всякое эмоциональное удовлетворение он называет сексуальным. Ядро того, что мы называем любовью,— писал З. Фрейд,— половая любовь, целью которой является сексуальная близость. Это влечение лежит и в основе таких «несексуальных» чувств, как любовь к самому себе, родительская и сыновняя любовь, дружба, любовь к человечеству в целом и даже привязанность к конкретным предметам и абстрактным идеям. Все они, по З. Фрейду, «суть проявления одних и тех же инстинктивных импульсов. В отношениях между полами они пробивают себе путь к сексуальному союзу, а в других случаях отвлекаются от этой цели или не могут достичь ее. Тем не менее, первоначальную либидинозную природу этих чувств всегда можно распознать по жажде близости и самопожертвования» [174]. Такая расширительная трактовка либидо навлекла на Фрейда небезосновательные обвинения в пансексуализме. Однако это не был вульгарный, механический редукционизм. Тезис, что «сексуальные импульсы» включают все эмоциональные и дружественные влечения, к которым в просторечии применяется слово «любовь», неразрывно связан у З. Фрейда с тем особым значением, которое он вкладывает в понятие «сексуальность»: «В первую очередь сексуальность отделяется от своей слишком тесной связи с гениталиями и рассматривается как более общая телесная функция, имеющая своей целью удовольствие и только опосредованно служащая целям воспроизводства» [175].

Иначе говоря, сексуальные переживания отнюдь не сводятся к генитальным. Опираясь на данные клиники, З. Фрейд утверждает, что у человека имеется не одна, а несколько эрогенных зон, раздражение которых вызывает эротические ощущения, причем значение этих зон с возрастом меняется. В соответствии с этим З. Фрейд выделяет несколько фаз психосексуального развития [176]. Первая фаза, оральная, охватывает первый год жизни, когда основным органом удовольствия является для младенца рот (сосание, затем кусание). Вторая, анальная, фаза (от 1 до 3 лет) характеризуется повышенным интересом ребенка к дефекации; контролируя этот процесс, ребенок получает чувственное удовольствие и одновременно вырабатывает навыки самоконтроля. Третья, фаллическая, фаза (от 3 до 5 лет) означает усиление интереса к гениталиям, что выражается, в частности, в мастурбации. Главным символом этого возраста является половой член, фаллос (отсюда название фазы), а основной психологической задачей — адекватная половая идентификация. Мальчик должен преодолеть бессознательное влечение к матери (эдипов комплекс) и идентифицироваться с отцом, а девочка — преодолеть влечение к отцу (комплекс Электры) и чувство зависти к мальчикам из-за отсутствия у нее полового члена и идентифицироваться с матерью. Четвертая, латентная, фаза, продолжающаяся до начала полового созревания, характеризуется временным ослаблением сексуальных реакций и интересов; либидо как бы дремлет, уступая место формированию сознательного Я и предметных интересов ребенка. С половым созреванием начинается генитальная фаза развития, когда либидо ищет и находит удовлетворение на путях половой близости. Если этому что-то мешает, то происходит как бы возврат, регресс к пройденным фазам. В психологической регрессии или «фиксации» на пройденных этапах Фрейд видел ключ к пониманию девиантных форм сексуальности. Отнюдь не отрицая возможных конституциональных и нейрохимических факторов, предрасполагающих индивида к той или иной девиации, З. Фрейд считал, что, пока эти факторы не открыты, а возможно и после этого, главным и единственным средством лечения сексуальных отклонений может быть психоанализ, т. е. выяснение психической травмы, задержавшей или исказившей нормальное психосексуальное развитие индивида, и преодоление психологических последствий этой травмы путем осознания ее причин.

Предложенный З. Фрейдом подход к сексуальности, снимая жесткий биологический детерминизм, концентрировал внимание на особенностях индивидуального развития. З. Фрейд анализирует тончайшие нюансы психосексуальной мотивации, соотношение «чувственного» и «нежного» влечения, эротических и неэротических привязанностей. Не ограничиваясь изучением психики отдельно взятого человека, он стремится выявить связь индивидуального сексуального поведения с культурными нормами, вскрыть филогенетические корни сексуального символизма, истоки и сущность важнейших сексуальных табу и запретов, например запрещения инцеста (кровосмешения) или охраны девственности. З. Фрейд подчеркивает, что некоторые типичные формы сексопатологии, например психическая импотенция, имеют в действительности социальные причины. Свою сексологическую теорию он иллюстрирует не только данными клиники, но и материалами истории, этнографии, изучения биографий и творчества великих людей (Микеланджело, Леонардо да Винчи, Гете и др.).

Влияние З. Фрейда на развитие сексологии во всех ее аспектах было исключительно велико. Прежде всего Фрейд, как никто другой, подчеркнул роль и значение сексуальности в человеческой жизни. Если викторианская эпоха считала секс скорее удовольствием, развлечением, без которого можно и обойтись, то теперь осознается его необходимость не только с точки зрения продолжения рода, но и для нормального функционирования личности. Весьма ценными были указание на органическую связь сексуальных и несексуальных переживаний и возможность перехода одного в другое. Это значит, что сексуальность не может быть понята вне целостной личности, а личность — без учета ее сексуальных переживаний. Взаимодействие природного и социального в развитии сексуальности понимается теперь не механически, а на основе преломления того и другого в индивидуальной биографии, побуждая психотерапевта искать истоки психосексуальных аномалий и трудностей в прошлом опыте личности. Весьма плодотворной оказалась мысль З. Фрейда о значении ранних детских переживаний и, в частности, отношений с родителями как эмоционального фона и даже непосредственной причины формирования определенного типа сексуального поведения. Анализ неосознаваемых переживаний — сексуальных символов, защитных механизмов, эротических фантазий и сновидений — был не только важен в клиническом отношении, но и стимули-

ровал сравнительно-историческое изучение этих явлений на материалах истории религии и культуры. Половые извращения, казавшиеся преступлением или следствием физической дегенерации, предстали теперь как гипертрофия или фиксация отдельных сторон и компонентов нормального психосексуального развития, элементы которых каждый может при желании обнаружить в своей собственной психике.

Это открытие вызвало настоящий культурный шок. Как писал в своей книге «Необходима осторожность» Герберт Уэллс, «в течение столетий Homo Тьюлеру (сатирический образ буржуа.— *И. К.*) удавалось делать вид, будто его тайные влечения и наиболее непривлекательные действия фактически не имеют места, будто дурные поступки его ближних представляют собой «отклонения от нормы» и срывы, к которым сам он не имеет отношения — «Ах, какой ужас!» — или же которые вызваны совершенно исключительными обстоятельствами, вроде дьявольского наваждения.

Только после появления психоанализа на дневной и, пожалуй, даже слишком резкий свет был позорно извлечен в качестве его «подсознательного» тот сложный клубок влечений и грез, существование которого он до сих пор отрицал и таил. «Что это такое? Вы меня просто удивляете»,— произнес психоаналитик, словно фокусник, вытаскивающий кролика из шевелюры почтенного зрителя. «У каждого из нас есть подсознательное»,— объявил он. «Решительно у каждого. Да! Но...»

Мы стали вспоминать такие вещи, о которых привыкли не думать. Это было очень неприятно» [1].

Концепция З. Фрейда вызвала сначала скандал, ее называли клеветой на человечество. Когда в 1910 г. на международном конгрессе психиатров в Гамбурге кто-то предложил обсудить теорию З. Фрейда, председатель заявил: «Это предмет не для научного конгресса, а для полиции». Постепенно картина менялась. Фрейдизм, хотя и с существенными модификациями, нашел поддержку у многих влиятельных представителей научной и особенно у художественной интеллигенции. Психоанализ оказался методом лечения или, во всяком случае, объяснения и облегчения некоторых психосексуальных расстройств. Даже враждебные Фрейду клиницисты стали находить у него множество ценных частных наблюдений. С середины 20-х годов фрейдизм стал практически господст-

---

[1] Уэллс Г. Необходима осторожность/Пер. с англ.— М., 1951, с. 131.

вующей ориентацией в западноевропейской и американской сексологии.

Однако влияние Фрейда на развитие сексологии было противоречиво. Оценивая его труды в свете современных научных данных, поражаешься тому, как точно он сумел почувствовать и локализовать основные проблемы сексологии, и вместе с тем тому, как ошибочны оказались многие предложенные им содержательные решения. Не вдаваясь в детали и спорные вопросы, укажу основные линии, в которых современная теоретическая сексология особенно резко расходится с З. Фрейдом.

Прежде всего резкой критике подвергается его пансексуализм. Как справедливо указывал известный американский психиатр Роберт Столлер [331], понятие «половой» у З. Фрейда весьма многозначно. Оно обозначает и биологические свойства, дифференцирующие организмы на мужские и женские, и либидо как инстинкт продолжения жизни, и чувственные переживания, связанные с получением удовольствия, и репродуктивное поведение, направленное на продолжение рода, и интенсивные эротические ощущения в разных частях тела, сопровождаемые фантазиями. Своей расширительной трактовкой либидо З. Фрейд стремился подчеркнуть единство эмоционального мира личности. Если понимать либидо в широком смысле как источник всей эмоциональной жизни индивида, то утверждение о либидинозном характере всех человеческих привязанностей — простая тавтология. Если вкладывать в это слово более узкий смысл, связывающий либидо с чувственно-эротическими, генитальными переживаниями, то свести к нему все богатство человеческих отношений явно не удастся. З. Фрейд был прав, доказывая, что либидо часто выступает в превращенных, неэротических по своему явному содержанию и мотивам, формах. Однако, как мы увидим дальше, существует и обратный процесс, когда явно сексуальное по внешним признакам поведение, например демонстрация гениталий или половой акт, в действительности выполняет несексуальные функции, психологические или социальные.

Второй главный недостаток теории З. Фрейда — психогидравлическая модель сексуальности. Хотя З. Фрейд признает влияние на личность культуры и воспитания, в центре его построений остаются внутриличностные процессы. Индивид обладает, по Фрейду, определенным фиксированным количеством психической энергии, которую общество помогает ему так или иначе «канализировать» и реализовать. Поскольку количество

этой энергии ограничено, индивид должен выбирать между сексуальной активностью и какими-то другими видами деятельности, в которых заинтересовано общество. Отсюда следует неустранимый конфликт между сексом и культурой. Подавление сексуальности порождает неврозы, а ее свобода — упадок культуры. Репрессивная половая мораль, по З. Фрейду, это цена, которую человечество платит за развитие цивилизации. В свете современных данных эта антитеза представляется ложной. Во-первых, люди обладают разными энергетическими ресурсами, и при нормальном физиологическом режиме половая активность не только не мешает другим видам деятельности, но даже повышает ее общий тонус. Во-вторых, культура не просто указывает каналы, по которым должна изливаться сексуальная энергия, но и формирует конкретный сценарий сексуального поведения индивида, характерные для него психосексуальные установки и ориентации. Речь идет, таким образом, не об универсальном конфликте биологической «сексуальности» и «культуры», а о конкретных противоречиях между относительно стабильными нормами морали и более изменчивым и вариабельным индивидуальным поведением.

Викторианская ограниченность лежит и в основе фрейдовской концепции женской сексуальности. Истинный сын своего времени и класса, З. Фрейд не сомневался в том, что все эмпирически наблюдаемые половые различия, включая мужскую гегемонию,— следствие универсального биологического закона. Современная наука считает спор о том, какой пол является высшим, таким же бессмысленным, как спор о высших и низших расах. Не выдержали эмпирической проверки и многие частные сексологические положения З. Фрейда, касающиеся женщин: об универсальной «зависти к половому члену», пониженной сексуальности женщин и т. д.

Коренным образом пересмотрена ныне и фрейдовская теория детской сексуальности. Разграничение биологических и психологических аспектов бисексуальности выявило несколько качественно различных критических периодов половой дифференцировки, не совпадающих с теми, которые постулировал Фрейд. Содержание выделенных им фаз сегодня также трактуется иначе. Идея универсальности эдипова комплекса была уже в 20-х годах поставлена под сомнение Б. Малиновским [242], а затем и вовсе отброшена этнографами. Не выдержала эмпирической проверки и фрейдовская теория идентификации. Не отрицая значения для мальчика идентификации с

каким-то мужским образом, психологи указывают, что таким мужчиной совсем не обязательно бывает отец. Вообще зависимость психосексуальной идентификации ребенка от его взаимоотношений с родителями гораздо сложнее и многозначнее, чем предполагает модель эдипова комплекса. Опровергнуто мнение З. Фрейда о том, что психологические различия между мальчиками и девочками появляются лишь в 5—6 лет, не подтверждается существование «латентного периода» и т. д.

Осознание этих и многих других слабостей теории З. Фрейда привело к тому, что психоанализ постепенно, начиная с 60-х годов, утратил ведущее место в зарубежной сексологии (в СССР он таковое никогда не занимал). С одной стороны, его критикуют представители биологических наук. С другой стороны, современная сексология придает значительно большее значение социально-культурным факторам психосексуального развития. Это характерно даже для ученых, которые сами были воспитаны на психоанализе (Эрик Эриксон, Гарри Салливен, Роберт Столлер, Леон Солцмен и др.). Отдавая должное З. Фрейду, они далеко отходят от его общих установок. Характерно, что наиболее серьезные авторитетные общие курсы и теоретические труды по сексологии, вышедшие в последние годы на Западе, написаны с нефрейдистских или даже антифрейдистских позиций, хотя никто не отрицает большого вклада в науку и интуиции З. Фрейда.

ОТ АНАМНЕЗА К АНКЕТЕ

Какие бы споры ни развертывались между З. Фрейдом, Моллем, Хиршфельдом, Блохом и Эллисом, для всех них сексология была преимущественно сексопатологией. «Нормальное» сексуальное поведение еще не было осознано как проблематичное и требующее объяснения. К его изучению подходили постепенно, главным образом (если исключить этнографические данные) через исследование аномалий и вариаций, встречавшихся в клинической практике и в быту. Однако психиатрическая клиника при всем ее огромном значении не может быть главным и единственным источником теоретической сексологии. Ее богатая и сложная феноменология, где один случай разительно отличается от другого, с трудом поддается обобщению; психиатрические классификации и типологии, основанные зачастую на внешних симптомах, сами нуждаются в теоретическом обосновании, исходящем из определенных биологических или психологических закономерностей.

Чтобы разорвать порочный круг, когда норма объясняется через патологию, а патология определяется по отношению к подразумеваемой норме, о которой ничего достоверного не известно, сексология должна была выйти за пределы клиники и обратиться к изучению поведения, физиологии и мотивации нормальных, обыкновенных людей в естественных условиях их жизни.

Однако кого и что считать нормальным? Понятие нормы в биологии и медицине многозначно [48]. Во-первых, норма понимается как норматив, т. е. нечто должное, эталон, на который нужно равняться, оценивая по нему индивидуальное поведение, таковы, например, спортивные нормы или нормы питания. Такие нормы-нормативы всегда условны и имеют значение только в определенной системе отсчета. Во-вторых, норма понимается как статистически среднее, наиболее часто встречающееся, массовое в явлениях; в современной науке нормальное в статистическом смысле включает не только среднестатистическую величину, но и серию отклонений от нее в известном диапазоне. В-третьих, норма понимается как функциональный оптимум, подразумевающий протекание всех процессов в системе с наиболее возможной слаженностью, надежностью, экономичностью и эффективностью. Функциональная норма всегда индивидуальна и ее нарушение определяется не величиной отклонения от статистического среднего, а функциональными последствиями.

Кроме этих формально-методологических измерений, понятие нормы имеет ряд содержательных параметров. Разговор о норме всегда подразумевает вопрос: «Норма чего?». Нормы морали, физиологии и психологии могут совпадать или не совпадать друг с другом, но это разные нормы, имеющие разные системы отсчета. Интенсивность половой жизни измеряется иначе, чем степень получаемого от нее удовлетворения, и т. д. К сожалению, как раз в рассуждениях о «нормальной» или «ненормальной» сексуальности эти понятия часто не уточняются; моральные нормы смешиваются с психическими или физиологическими, среднестатистические — с функциональными, количественные показатели — с качественными и т. п.

Клиническая сексология начала XX века знала в сущности только понимание нормы как норматива, причем биологические показатели сплошь и рядом подгонялись под требования официальной морали. Каковы среднестатистические нормы сексуального поведения и

как ведут себя люди за пределами клиники, ученые понятия не имели. Чтобы получить такую информацию, нужны массовые опросы населения. Такие исследования начались уже в начале XX века по инициативе Хиршфельда. Еще раньше, в 1901 г., такой опрос 595 университетских студентов был проведен А. фон Рёмером в Амстердаме. В России первое исследование этого типа (2150 студентов-мужчин Московского университета) было проведено в 1903—1904 гг. М. А. Членовым (результаты опубликованы в 1907 г.). После первой мировой войны подобные опросы проводились уже во многих странах.

Особенно много их было в 20-х годах в СССР. Достаточно вспомнить работы И. Г. Гельмана, обследовавшего 1214 студентов и 338 студенток, С. Я. Голосовкера, опросившего более 2000 молодых мужчин и 550 женщин, М. С. Бараша, обследовавшего 1450 мужчин-рабочих, С. Е. Бурштына, опросившего свыше 4600 военнослужащих и студентов, В. Васильева, изучавшего 250 женщин-киргизок в сельской местности, Д. И. Ласса, опросившего более 2300 студентов, Н. С. Храпковской и Д. Ю. Essential Кончилович, обследовавших более 3350 рабочих Саратова. Как замечает Г. С. Васильченко [62], по своей массовости и методической тщательности эти работы существенно опережали современные им зарубежные исследования. Некоторые из них переводились или подробно реферировались на Западе.

В конце XIX — начале XX века возникают специализированные сексологические журналы и научные общества [108]. Первыми периодическими изданиями по сексопатологии были «Archivio delle psicopatie sessuali» под редакцией Паскуале Пента (с 1896 г.) и «Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen» под редакцией Хиршфельда (1899—1923). В 1908 г. Хиршфельд основал первый научный журнал по общей сексологии «Zeitschrift für Sexualwissenschaft», однако год спустя он слился с более популярным журналом «Sexual-Probleme», который издавал Макс Маркузе. В 1914 г. Блох совместно с Альбертом Эйленбургом возобновил «Zeitschrift für Sexualwissenschaft» в качестве официального органа «Медицинского общества по сексологии и евгенике», основанного в 1913 г., журнал просуществовал до 1932 г. В том же 1913 г. возникло также «Международное общество сексологических исследований» во главе с Моллем. Ценные исследования по этнографии и истории пола и сексуальности печатались в журнале «Anthropophyteia» под редакцией известного венского этнографа Фридриха Краусса

при участии Франца Боаса и других выдающихся ученых того времени.

Какими бы специальными ни казались многие проблемы сексологии, ее развитие было всегда тесно связано с общими тенденциями общественного мнения и социальными движениями [363]. В 1921 г. Хиршфельд организовал в Берлине первый Международный конгресс сексуальных реформ. В 1928 г. на съезде в Копенгагене была основана Всемирная лига сексуальных реформ, первыми президентами которой последовательно были Эллис, Форель и Хиршфельд. Движение это было весьма неоднородным по своему составу и программным установкам. Его участники выдвигали ряд прогрессивных требований: политическое, экономическое и сексуальное равенство мужчин и женщин; освобождение брака и развода из-под власти церкви; развитие полового просвещения, изменение законов, направленных против контрацепции и абортов; охрана прав незамужних матерей и «незаконных» детей и т. д. Вместе с тем многие авторы ставили «сексуальные реформы» впереди социальных и апеллировали к ненаучным положениям евгеники. В эти годы получают широкое распространение различные спекулятивные теории пола, например «фрейдо-марксизм» Вильгельма Райха (1897—1957). Отождествляя всякое творчество с оргазмом, а всякое социальное регулирование сексуального поведения с репрессивной буржуазной моралью, Райх считал революцию в половой морали предпосылкой любых глубинных социально-экономических преобразований. К середине 30-х годов движение за «сексуальные реформы», отодвинутое более важными и драматическими социальными процессами (мировой экономический кризис, установление фашистской диктатуры в ряде стран, приближение новой мировой войны), быстро пошло на убыль.

Однако научное исследование проблем пола не прекратилось. Наоборот, в конце 30-х годов американский учёный Альфред Кинзи (1894—1956) начал исследование, которое радикально изменило наши представления о человеческой сексуальности. История этой работы такова [286, 317]. В 1938 г. студентки Индианского университета попросили администрацию организовать лекционный курс для старшекурсников, готовящихся к вступлению в брак. Курс этот, включавший биологические, социально-экономические, юридические и психологические аспекты брачно-семейных отношений, был поручен семи профессорам во главе с Кинзи. Известный

зоолог и автор популярного учебника биологии, Кинзи давно уже был озабочен тем, как мало известно науке о сексуальном поведении человека и как различны его нормы в разных обществах. Желая восполнить этот пробел, Кинзи вел доверительные беседы на эти темы со своими студентами, обобщая их мнения и опыт. Постепенно круг опрашиваемых расширялся, а методика опроса совершенствовалась, отлившись в форму стандартизованного интервью, охватывающего полную историю сексуальной жизни респондента (опрашиваемого).

Материальная поддержка со стороны Междисциплинарного комитета по исследованию сексуальных проблем, созданного в США в 1921 г., и фонда Рокфеллера позволила Кинзи в 1941—1946 гг. взять несколько помощников и расширить свою работу. Это было нелегкое дело. Как вспоминал позднее один из его сотрудников, Кинзи нужны были люди с благополучной семейной жизнью и в то же время готовые проводить много времени в разъездах по стране; люди с университетскими дипломами и докторскими степенями, вместе с тем умеющие разговаривать с представителями низших слоев общества; стопроцентные американцы, но начисто лишенные сексуальных предрассудков. Последнее было труднее всего.

Одному квалифицированному психологу, который хотел с ним работать, Кинзи сказал: «Я не могу вас взять, так как вы не интересуетесь этой темой.— Почему же, очень интересуюсь,— возразил психолог.— Но взгляните на свои установки,— продолжал Кинзи.— Вы не сомневаетесь в том, что гомосексуализм — это извращение, мастурбация — признак незрелости, внебрачные связи подрывают семью и т. д. У вас на все имеются готовые ответы, вы все знаете заранее. Зачем же тогда заниматься столь трудоемкими исследованиями?» [286].

Кинзи прекрасно понимал значение биологических и психологических детерминант сексуальности, но главной, ключевой, своей задачей он считал объективное изучение сексуального поведения. Люди могут сами не знать своих мотивов или ошибаться в их объяснении. Однако при надлежащем подходе человек может откровенно рассказать о поступках, фактах своей сексуальной биографии, вплоть до самых интимных. Кинзи мечтал собрать 100 тыс. сексуальных историй. Он успел провести около 19 тыс. интервью, каждое из которых содержало от 350 до 520 пунктов информации. Это была поистине титаническая работа, по сей день не

имеющая равных. Ее итоги, изложенные в двухтомном труде «Сексуальное поведение мужчины» (1948) и «Сексуальное поведение женщины» (1953), явились подлинной революцией в сексологии. В работах Кинзи сексология впервые получила количественный фундамент, обнажив широчайший диапазон индивидуальных и социальных вариаций сексуального поведения. Кроме того, статистическая форма позволила обсуждать ранее запретные сюжеты.

Научный подвиг Кинзи (Г. С. Васильченко справедливо называет его деятельность образцом беззаветного служения науке) был дорого оплачен. С самого начала его работа встречала сильнейшее противодействие реакционеров и невежд. Услышав, чем занимается Кинзи, многие коллеги перестали с ним здороваться. Уже в 1940 г. под давлением консервативной общественности ректор университета предложил Кинзи отказаться либо от своего исследования, либо от лекционного курса по подготовке к браку. Кинзи предпочел отказаться от лекций. Публикация отчетов Кинзи принесла ему всемирную славу [1], но одновременно вызвала публичный скандал. Ханжи негодовали, невежды зубоскалили. Американская таможня в 1950 г. начала конфисковывать адресованные институту Кинзи эротические материалы. В 1954 г. на него обрушились маккартисты. По их требованию фонд Рокфеллера прекратил дальнейшее финансирование исследований, а публикации института были изъяты из военных библиотек (военное ведомство, как и цензура, всегда стоит на страже «высокой морали»). Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, даже не выслушав Кинзи и поддерживавших его ученых, постановил, что «исследования института ненаучны, их выводы оскорбляют население и продолжение его деятельности привело бы к ослаблению американской морали и способствовало бы коммунистическому перевороту» [317]. Кинзи болезненно переживал эти нападки, но не прекращал работы. В 1956 г. он умер от сердечного приступа.

Однако остановить развитие науки было невозможно. Работы Кинзи положили начало массовым социологическим исследованиям сексуального поведения. В чем состояла их главная ценность? Прежде всего «Отчеты»

[1] Вероятно, это единственный случай в истории, чтобы 2 тома состоящие в основном из статистических таблиц, разошлись тиражом более 500 тыс. экземпляров.

Кинзи обогатили науку колоссальным количеством новой информации о сексуальном поведении и его формах. Даже сегодня, несколько десятилетий спустя, ни одно серьезное сексологическое исследование не обходится без сравнения полученных результатов с выводами и цифрами Кинзи. Кроме того, они доказали возможность и необходимость количественного анализа этого сложного материала. Наконец, хотя Кинзи формулировал свою общую задачу в нарочито объективистских, почти биологических, терминах, он тщательно учитывает и взвешивает значение множества социальных переменных — уровень образования, семейное, имущественное и социальное положение, региональные особенности, религиозную принадлежность и даже степень религиозной активности. В этом отношении работа Кинзи представляется социологически более зрелой, чем многие позднейшие исследования, особенно медицинские, авторы которых, анализируя количественные данные об уровне и типах сексуального поведения людей в свете тех или иных биологических переменных, далеко не всегда принимают в расчет социальное положение, уровень образования и тип культуры, на который ориентируются обследованные ими лица.

Нужно сказать, что в ходе работы развивались и собственные взгляды Кинзи. Если первый том, посвященный мужчинам, открывается довольно наивной декларацией методологического объективизма, то второй содержит четко выраженную теоретическую и социально-нравственную позицию, заостренную как против религиозного ханжества, так и против биологического редукционизма. Статистика сексуального поведения завершается детальным сравнительным анализом аномалий и физиологии мужских и женских сексуальных реакций и оргазма, а также их психологических, нервных и гормональных факторов. Этот анализ не только подготовил, но во многом даже предвосхитил будущие открытия Мастерса и Джонсон.

Разумеется, труд Кинзи и его сотрудников имел и свои слабости, своевременно отмеченные критиками. Важнейшим недостатком методики Кинзи было то, что он работал с добровольцами, людьми, которые сами хотели с ним беседовать. Такая выборка не может быть репрезентативной ни в социологическом, ни в психологическом плане. Среди людей, готовых подробно обсуждать свои сексуальные проблемы, как правило, много сексуально озабоченных, а также людей с повышенной

(по сравнению со средней) сексуальной активностью. В связи с этим, когда другие исследователи находят у своих респондентов меньше проявлений девиантного поведения (например, гомосексуальных контактов или генитальных игр в детстве), возникает вопрос, объясняется ли это тем, что Кинзи опрашивал своих респондентов более детально, фиксируя моменты, ускользающие от поверхностного взгляда, или тем, что в выборке Кинзи шире представлены люди, склонные к девиантному поведению.

В 1979 г. Институт им. А. Кинзи опубликовал новые таблицы результатов интервью 1938—1963 гг., пересчитанные с помощью компьютеров по наиболее репрезентативной части выборки [183]. Материал распределяется теперь по 4 разделам: 1) основная выборка, очищенная от индивидов, происходящих из кругов с сильно выраженной сексуальной спецификой (члены гомосексуальных организаций, проститутки, правонарушители, психически больные и т. д.), состоит из нескольких групп: 4694 белых мужчин с образованием в объеме колледжа; 766 белых мужчин с образованием ниже колледжа; 4358 белых женщин с образованием в объеме колледжа; 1028 белых женщин с образованием ниже колледжа; 177 черных мужчин с образованием в объеме колледжа и 223 черные женщины, окончившие колледж; 2) делинквентная выборка: 2446 белых мужчин, осужденных за половые преступления; 1024 таких же белых женщин и несколько меньшие группы черных и латино-американо-индейских делинквентов; 3) гомосексуальная выборка, состоящая из индивидов с большим гомосексуальным опытом (более 50 сексуальных контактов или более 20 партнеров своего пола), в том числе 946 белых мужчин-неделинквентов, 782 белых мужчин-делинквентов, 260 белых женщин-неделинквенток, 84 белых женщин-делинквенток и группы небелых мужчин и женщин, разбитые по тому же признаку; 4) специальные группы, исключенные по каким-либо причинам из общей выборки; важнейшая из них — 536 детей допубертатного возраста, которых интервьюировали по особой программе.

Серьезная критика высказывалась и по поводу некоторых применявшихся Кинзи статистических процедур. Особо отмечались издержки натуралистической ориентации Кинзи. Желая добиться максимальной точности анализа, Кинзи старался строго разграничивать осознанные психосексуальные установки людей (что они думают о тех или иных формах сексуальности) и их реальное поведение. Однако разграничение мысли и поступка

имеет свои пределы. Кроме того, перевод общих, особенно житейских, понятий в операциональные (т. е. допускающие количественное измерение) термины часто сопряжен с издержками. Например, считая термин «оргазм» слишком неопределенным, Кинзи заменил его понятием outlet (выход, сток, разрядка сексуального напряжения), под которым мужчины обычно подразумевают эякуляцию. Однако оргазм и эякуляция — не синонимы, одно возможно помимо другого. Да и можно ли вообще свести эмоциональное переживание к отдельному поведенческому акту, тем более физиологическому, или выразить одно через другое? Есть вещи, которых массовый опрос не улавливает, а в лучшем случае служит их косвенным индикатором.

Работы Кинзи стимулировали дальнейшие социологические и социально-психологические исследования сексуального поведения. Институт сексологических исследований им. А. Кинзи, который возглавил после его смерти антрополог Пол Гебхард, сначала продолжал эмпирически-таксономические (классификационные) работы своего основателя. Затем акценты сместились: от простого статистического обобщения индивидуальных интервью сотрудники института перешли к социологическому изучению отдельных сегментов общества и специфических субкультур, в рамках которых формируется и реализуется тот или иной тип сексуального поведения. Социологический анализ нередко сочетается теперь с психологическим. Например, книга Алана Белла «Личность педофила» основана в основном на анализе сновидений, а работа Белла и Вайнберга [101] о гомосексуальности — на 1500 глубинных интервью. В публикациях института появились труды по истории сексуальности, эротического искусства, а также сравнительно-этнографические исследования. Короче говоря, статистический аппарат теперь подчинен решению более сложных, комплексных задач. Но Институт им. А. Кинзи — только часть наследия ученого. Гораздо важнее то, что по примеру Кинзи во второй половине XX века массовые опросы о сексуальном поведении стали более или менее регулярно проводиться почти во всех индустриально развитых странах, давая ценнейшую информацию клиницистам, социологам, психологам и педагогам. Это могут быть общенациональные опросы, охватывающие разные категории населения, но, как правило, не моложе 20 лет и претендующие на какую-то репрезентативность. Таких исследований в связи с их высокой стоимостью и трудоемкостью очень мало [120;

324]. Как бы тщательно ни проводились такие опросы, они никогда не могут охватить все категории населения и содержат слишком много усреднений. Они дополняются множеством специализированных исследований, имеющих дело с более узкими, зато более однородными группами, отобранными по половому (мужчины или женщины), возрастному (например, только молодежь) или социопрофессиональному (школьники, студенты, рабочие) принципу. Хотя они кажутся частными, такие исследования порой более надежны и информативны. Проводятся такие исследования и в большинстве европейских социалистических стран. Из советских исследований следует выделить работы С. И. Голода, который, начиная с 1964 г., опрашивал разные категории молодежи.

Чем отличаются современные сексологические опросы от «Отчетов» Кинзи?

1. Их выборки, как правило, меньше, чем у Кинзи, зато они состоят не из добровольцев. Это случайные выборки на основе определенных научных принципов. 2. В отличие от применявшегося Кинзи интервьюирования сегодня чаще пользуются анкетами (вопросниками), поскольку они менее трудоемки и дают, как показала специальная проверка [313], столь же надежные результаты. Иногда оба метода сочетают: часть большой выборки, заполнившей анкету, подвергают затем более детальному, глубинному интервьюированию. 3. Исследователи стремятся зафиксировать не только открытое поведение (поступки), но и установки опрашиваемых, их отношение к тем или иным формам сексуальности, мотивы, степень удовлетворенности и т. п., но эти явления всегда разграничиваются и могут изучаться независимо друг от друга. 4. Более тщательному анализу подвергаются социально-культурные аспекты сексуальности: в связи с этим особое значение придается однородности выборки, способам ее расчленения и т. д. Крупные опросы проводятся только при участии профессиональных социологов, часто совместно с институтами по изучению общественного мнения. 5. Особое значение придается изучению когортных (межпоколенных) различий, которые позволяют проследить динамику сексуального поведения во времени, зафиксировать черты, типичные для разных поколений. Таким образом были пересчитаны и данные самого Кинзи, касающиеся мужчин, родившихся до 1900, в 1900—1909, 1910—1919, 1920—1929 гг. и после 1930 г. [149].

Проведение таких исследований сопряжено с большими методологическими трудностями. Прежде всего вопрос

о репрезентативности выборки. Любая выборка может быть репрезентативной лишь в каких-то определенных, но не во всех отношениях. Если выборка сделана по социально-образовательному признаку, это не значит, что она будет репрезентативной и для возрастной структуры населения или для разных типов семьи. Кроме того, в силу деликатности сексологических вопросов далеко не все соглашаются отвечать на них. Например, в американском исследовании Мортона Ханта [210] первоначальная выборка была социологически корректной, но ответить на заданные вопросы согласились только 20% отобранных людей, поэтому выводы такого исследования уже не могут считаться статистически достоверными и репрезентативными, их приходится принимать лишь условно.

Крайне сложна формулировка вопросов. Далеко не одно и то же спросить человека, в каком возрасте он «начал половую жизнь», «имел первую интимную близость» или «первый половой акт». Респонденты могут вкладывать в эти слова совершенно разный смысл, причем не тот, который вкладывает в них исследователь. Научные термины большинству людей непонятны, а бытовые обозначения неодинаковы в разных культурных средах и часто кажутся грубыми. Широкие понятия, например «начало половой жизни», слишком неопределенны: один будет думать, что речь идет о первом половом акте, а другой — о появлении эротических интересов или начале мастурбации. Так же расплывчаты понятия «частичный» или «полный сексуальный контакт». Кинзи и его сотрудники в рамках глубинного интервью могли многократно уточнять смысл вопросов и ответов. Формальная анкета всегда оставляет место для недоговоренностей, что затрудняет сопоставление данных разных исследователей. Существенно и то, спрашивают человека о его сегодняшнем или недавнем сексуальном опыте или же предлагают вспомнить, что было несколько лет назад. Это особенно важно для изучения возрастной динамики сексуальности. Напрямик спрашивать 11—12-летних подростков об их сексуальном опыте (например, о мастурбации) не позволяет педагогический такт, да они и не осознают многих своих переживаний. Ретроспективные же самоотчеты, как доказали психологи, крайне недостоверны. Во-первых, человека подводит память, он легко может отнести событие, произошедшее в 15 лет, к 12 годам или наоборот. Во-вторых, индивид невольно «выпрямляет» свой жизненный путь, подстраивая прошлое к своему нынешнему «образу Я». Взрослый гомосексуалист вспомнит свои

детские гомоэротические игры и интересы, потому что видит в них истоки своей психосексуальной биографии. Напротив, гетеросексуальный индивид обычно забывает подобные факты (если они были), поскольку они несущественны для него и даже противоречат его сексуальному самосознанию. В-третьих, в ответах сказывается уровень сексуальной «просвещенности» респондента, который часто сообщает интервьюеру не то, что на самом деле было, а то, что должно было быть, исходя из положений науки, как он их себе представляет.

В связи с этим даже в тех странах, где проводится много опросных исследований, научной информации не хватает. Например, автор выполненного по заданию Министерства здравоохранения, просвещения и социального обеспечения США обзора исследований подростковой и юношеской сексуальности [125] констатирует ряд серьезных методологических недостатков: атеоретичность, описательность большинства работ; редкость интервальных исследований, когда одна и та же среда изучается повторно по прошествии определенного времени; небрежные выборки, в которых неравномерно представлены разные социальные группы и районы страны; слишком много исследований посвящено исключительно женщинам; не всегда точно указывается возраст респондентов; не учитывается роль социально-экономических, классовых факторов; слишком примитивны статистические методы; в опросниках недостаточно представлены психологические, личностные проблемы, сексуальное поведение изучается в отрыве от чувства любви, удовлетворенности жизнью, общих социальных ценностей; крайне редки лонгитюдные исследования, когда одни и те же люди обследуются в течение длительного времени, без чего невозможно представить себе закономерности психосексуального развития. Как ни важны массовые сексологические опросы для уяснения вариаций и детерминант сексуального поведения, они не дают абсолютно достоверного и исчерпывающего знания и должны рассматриваться в связи с другими источниками информации (демографическая статистика, клиника и т. п.). Однако и другие типы исследований в свою очередь не могут обойтись без них.

В ПОИСКАХ СИНТЕЗА

Как и всякая другая наука, сексология начинала со спекулятивных общих теорий. Затем частные подходы и методы дифференцировались, разделяясь между соответ-

ствующими отраслями науки. Сначала возникла сексологическая клиника, затем психология сексуальности (хотя бы в рамках психоанализа), а после Кинзи — массовые статистические исследования, тесно связанные с социологией. Главной задачей сексологии 40—60-х годов были преодоление дилетанизма, накопление достоверных, тщательно проверенных научных фактов. Это было возможно только в рамках строгой научной специализации, когда каждая наука оперирует своими собственными методами, не особенно заботясь о том, что делают соседи, которые могли бы еще и не выйти на близкие «сюжеты». Специализированный, монодисциплинарный подход дал блестящие научные результаты. Генетика выработала строгие и вместе с тем сравнительно простые методы определения хромосомного пола; открытие ряда генетических половых аномалий, начиная с синдрома Тернера (Шерешевского — Тернера) (1938) и синдрома Клайнфелтера (1942) и кончая аномалиями, открытыми в конце 60-х — начале 70-х годов, позволило начать систематическое изучение самых глубоких детерминант половой принадлежности и их влияния на половые различия и сексуальное поведение людей и животных. Эндокринология научилась определять уровень половых гормонов и детально проследила их влияние на половую дифференцировку организма, особенно в зародышевой фазе развития; широким фронтом изучается влияние гормонов на психику и поведение, в том числе сексуальное поведение животных и человека. Нейрофизиология сделала сенсационные открытия относительно половой дифференцировки мозга и локализации центров, управляющих сексуальными реакциями. Эмбриология выявила стадии и закономерности половой дифференцировки в утробном периоде развития, а эволюционная биология — филогенетические закономерности репродуктивного поведения и сексуальности и специфику их проявления у разных видов. Американский гинеколог Уильям Мастерс с психологом Вирджинией Джонсон осуществили первое лабораторное исследование полового акта и т. д. Современная сексология немыслима без участия таких дисциплин, как цитогенетика, молекулярная биология, нейрохимия, психоэндокринология, иммунология, психофизиология, дифференциальная, возрастная и социальная психология. Не менее важны для нее и общественные науки.

Человеческую сексуальность нельзя понять вне общества и культуры. Столь же верно и обратное: невозможно понять образ жизни общества, не зная особенностей

сексуального поведения составляющих его индивидов и того, как это поведение и сами половые различия осмысливаются и символизируются в культуре. Как писал Ф. Энгельс, «согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода» [2; с. 25—26]. Этот второй аспект предполагает исследование не только форм брака и семьи, но и собственно репродуктивного поведения (рождаемость и т. д.), а также регулирующих его социально-культурных норм и стимулов. Налицо, таким образом, двуединая задача: 1) понять, как общественные отношения и культура формируют и видоизменяют взаимоотношения полов, включая их эротические реакции, и 2) выяснить, как сексуальность и конкретные формы ее проявления влияют на развитие общественных отношений и культуры.

Область исследований, которую можно условно назвать социально-культурной сексологией, возникла в конце XIX века и сначала была делом энтузиастов-дилетантов. Обращение к этой тематике профессиональных этнографов отчасти было связано с влиянием Фрейда и «психологической антропологии» (иначе — теории «культуры и личности»), поскольку многие положения психоанализа подкреплялись ссылками на этнографические данные (правда, часто бездоказательными). Этнографы должны были проверить эти теории на конкретном материале. Да и безотносительно к фрейдизму можно ли изучать образ жизни какого-либо народа без учета типичного для него полового разделения труда, полового символизма, брачно-семейных отношений и половой морали? В 20—30-х годах появляется ряд важных исследований, специально посвященных сексуальному поведению, прежде всего работы английского этнографа и социолога Бронислава Малиновского и американского антрополога Маргарет Мид. Эта проблематика стала гораздо шире освещаться в общих этнографических описаниях и трудах по истории религии и культуры. Между двумя мировыми войнами исследования по социальной и культурной сексологии оставались в общем редкими и разрозненными. После второй мировой войны усилиями этнографов наука обогатилась конкретными сведениями об особенностях полового символизма и сексуального поведения многих

народов мира. В связи с этим возникла и насущная потребность в более строгом обобщении данных.

В 1949 г. американский этнограф Джордж Мердок свел материал о способах социальной регуляции полового поведения у разных народов в единые таблицы. К. Форд и Ф. Бич количественно обобщили информацию о сексуальном поведении примерно в 200 человеческих обществах [166]. Сравнительный анализ взаимоотношений полов и их сексуального поведения в 7 различных обществах дала в книге «Мужчина и женщина» М. Мид [253]. Американская антропологическая ассоциация посвятила сексуальному поведению ряд крупных междисциплинарных симпозиумов.

Важное значение имеют статистические кросскультурные исследования проблем пола и сексуальности. Собрав и закодировав наличную этнографическую информацию о различных аспектах жизни 186 человеческих обществ, представляющих все регионы земного шара и разные типы социальной организации (кроме современных индустриальных обществ), ученые получили возможность ее количественной интерпретации. Статистическому обследованию подверглись формы полового разделения труда; различия в способах социализации и в поведении мальчиков и девочек; инициации и обряды перехода, связанные с половым созреванием подростков; нормы, касающиеся добрачных и внебрачных связей; соотношение сексуальных установок и поведения; специфические табу и запреты, касающиеся женской сексуальности, и т. д. [116, 154, 270].

Исследования этого типа, безусловно, имеют свои методологические слабости [45]. Возникают вопросы: насколько репрезентативна выборка сравниваемых обществ и достоверна первичная информация о них; учитывает ли кодировочная система вариативность и изменчивость описываемых обычаев и норм; не теряются ли при этом существенные индивидуальные особенности культур; какие содержательные причинно-следственные связи скрываются за статистическими корреляциями и т. п. Тем не менее они дают чрезвычайно ценную информацию общего порядка, сравнительный анализ которой наряду с углубленным монографическим исследованием конкретных культур помогает понять вариативность и историко-эволюционные закономерности человеческой сексуальности.

Не отстают от этнографов и социологи. Социология брака и семьи, в рамках которой традиционно изучалось

сексуальное поведение,— одна из самых продуктивных отраслей современной социологии. В последние годы не без влияния феминистского движения выделилась в особое направление социология половых ролей, изучающая закономерности полового разделения труда, сдвиги в общественном положении и характере деятельности мужчин и женщин и связанных с этим социально-психологических стереотипах. С 1975 г. в США выходит специальный междисциплинарный журнал «Sex Roles» («Половые роли»). Собственно сексуальное поведение также стало после Кинзи постоянным предметом социологических исследований.

Социологические и демографические исследования дают конкретную информацию о стиле брачно-семейной жизни в разных социальных средах, динамике сексуального поведения и соответствующих нормативных установок; без такой информации педагоги и врачи обречены работать вслепую, а их деятельность иногда дает результат, противоположный желаемому. Кроме того, такие исследования позволяют проследить общие тенденции развития от поколения к поколению и на протяжении длительных исторических периодов.

Однако систематические социологические исследования появились сравнительно недавно. Для понимания долгосрочных исторических тенденций нужны солидные исторические исследования. До начала 70-х годов история сексуальности и половой любви была представлена главным образом популярными книгами общего характера [209]. В последние годы ею занялись профессиональные историки [164, 165, 196, 244, 320, 332, 339]. Их исследования, тесно связанные с историей семьи и брака, охватывают широкий спектр стран и периодов от классической античности и древнего Китая до современности. Исключительно ценную информацию дает историческая демография, прослеживающая вариации рождаемости и динамику внебрачных рождений в разные исторические периоды, например многочисленные труды английского ученого Питера Ласлетта [228, 229]. Заново стала изучаться история эротического искусства и литературы. Появились первые серьезные обобщающие работы по истории девиантных форм сексуальности [114, 118, 148, 218] и множество специальных исследований на эту тему. В связи с возникновением в 60-х годах междисциплинарной истории детства стала интенсивно изучаться также история половой социализации и сексуального просвещения [137].

Рядом с историей идут литературоведение и фольклористика. В трудах выдающегося советского фольклориста В. Я. Проппа «Мужской дом в русской сказке», «Ритуальный смех в фольклоре», «Эдип в свете фольклора» [65] и других прослеживаются взаимосвязь мотиво рождения и смерти, значение некоторых сексуальных символов в народном творчестве и т. д. М. М. Бахтин в своем классическом труде о Рабле [14] исследовал наряду с многими другими вопросами эволюцию образов телесного низа и норм речевой пристойности в средние века и в эпоху Возрождения и т. д.

Короче говоря, нет ни одной отрасли общественных и гуманитарных наук, которая не изучала бы определенные аспекты человеческой сексуальности. Однако, как и в биологических науках, трудностей здесь больше чем достаточно.

В большинстве обществ сексуальность считается делом интимным и не поддается непосредственному наблюдению. Это заставляет ученых прибегать к услугам информаторов и к анализу косвенных данных (мифология, искусство, обряды и т. д.). Поведение, осуждаемое культурой, зачастую скрывается или преуменьшается степень его распространенности; о некоторых аспектах сексуальности говорить вообще не принято. Если информатор рассказывает, что дети рождаются не в результате полового акта, а вследствие контакта женщины с каким-то священным предметом (такие представления существовали у многих народов), этнографу ясно: он имеет дело с мифологическим представлением. Однако как быть, если информаторы отрицают наличие в их обществе гомосексуализма или мастурбации? Действительно ли такие факты им неизвестны или о них просто умалчивают в силу каких-то религиозных или моральных запретов? Сам исследователь-этнограф также не беспристрастен. Задаваемые им вопросы и то, как он их формулирует, тесно связаны с представлениями и нормами его собственной культуры. Преодолеть невольный этноцентризм (склонность воспринимать и оценивать чужие нравы и обычаи по своим собственным привычным стандартам) весьма непросто.

Нельзя не учитывать и многообразие объектов исследования. Далеко не одно и то же изучать: 1) реальное поведение членов данного общества, характерные для них формы сексуальной активности или 2) их установки и ценностные ориентации, то, как они относятся к данным явлениям, или 3) социальные институты, в рамках которых протекает и которыми регулируется половая жизнь,

например формы брака и семьи, или 4) культурный символизм, в котором осмысливается значение сексуальности и ее проявлений, например религиозные представления о природе половых различий, сущности полового акта и т. п., или, наконец, 5) обряды и обычаи, посредством которых оформляются соответствующие действия (брачные обряды, инициации, оргиастические праздники) и от которых во многом зависит их значение для участников. Все эти явления одинаково важны и взаимосвязаны, но их изучение предполагает разный круг источников и разные способы интерпретации.

Несмотря на сильные интегративные тенденции, междисциплинарная разобщенность в общественных и гуманитарных науках так же велика, как и в естественных. Один и тот же факт социолог интерпретирует с точки зрения его значения для функционирования данного социального организма, психолог — с точки зрения его влияния на развитие личности, культуролог — с точки зрения его символического содержания и т. д. Однако чем глубже уходят монодисциплинарные исследования, тем сильнее потребность в междисциплинарном сотрудничестве и кооперации наук, причем не только близких, но и принадлежащих к разным отраслям знания. Ни детерминацию половой принадлежности, ни психологию половых различий, ни закономерности сексуального поведения, ни психосексуальные аномалии нельзя понять, оставаясь в пределах одной науки или даже отдельной отрасли знания. Наиболее остро встал этот вопрос в медицине: кто и как должен лечить больных с сексуальными нарушениями, например с расстройством эрекции или эякуляции? Поскольку раньше этим занимались и урологи, и эндокринологи, и невропатологи, и психиатры, долгое время считалось, что сексопатология как особая медицинская специальность вообще не нужна. После того как опыт показал ложность такой установки, на смену ей пришла другая, которую Г. С. Васильченко называет концепцией «комплексного обслуживания»: сексопатолог выполняет функции диспетчера, координирующего связи между урологией, эндокринологией, невропатологией и психиатрией. Эта концепция, помимо организационных неудобств, предполагает, что все сексуальные расстройства — нечто вторичное, следствие каких-то других заболеваний, что явно противоречит клиническому опыту. Отсюда следует предложенный Г. С. Васильченко [62; 89] системный подход, предполагающий выделение сексопатологии в особую клиническую дисциплину, которая

тесно связана с «материнскими» науками, но не сводится к ним и имеет свой собственный категориальный аппарат, методы и т. д. В последние годы этот принцип официально принят советским здравоохранением и вполне себя оправдывает. В философско-науковедческих терминах речь идет о переходе от монодисциплинарного подхода к комплексному и от него — к интегративно-системному.

Та же тенденция наблюдается и в сексологии. Однако поскольку число дисциплин, подлежащих согласованию, здесь неизмеримо больше, возрастают и методологические трудности. Почти все сексологические исследовательские центры и научные общества Европы и США (самое авторитетное из них — основанная в 1975 г. Международная академия сексологических исследований) давно уже строятся на междисциплинарной основе, объединяя врачей, биологов, психологов и социологов. Наряду с традиционными монодисциплинарными, преимущественно биолого-медицинскими, сексологическими журналами появились мультидисциплинарные издания — «Journal of Sex Research» (с 1965 г.), «Archives of Sexual Behavior» (с 1971 г.) и др. Комплексный характер имеют и важнейшие зарубежные руководства по сексологии. Однако выводы разных наук представлены в них большей частью просто рядом, зачастую даже не сопоставляясь друг с другом. Это порождает у ученых острую неудовлетворенность состоянием теоретической сексологии и высказывания в пользу интегративной тенденции.

В разных странах, в том числе социалистических, существуют различные формы организации сексологии и сексологических исследований. Например, в ГДР руководство ими осуществляют совместно Общество социальной гигиены и Общество планирования семьи, в ПНР — Польская ассоциация развития семьи. В становлении сексологии и полового просвещения на Кубе важную роль сыграла Федерация кубинских женщин и т. д.

Однако главное, конечно, не организационные трудности, а многоплановость самого предмета сексологии. Современные определения предмета сексологии почти так же широки и энциклопедичны, как во времена И. Блоха. По словам Б. Г. Ананьева, это «изучение закономерностей полового диморфизма в филогенезе — онтогенезе, включая сложнейшие психофизиологические характеристики этого диморфизма у человека, связанные с историей естественного разделения труда, брака и семьи, с воспитанием и т. д.» [8]. Д. Мани видит в сексологии науку «о половом диморфизме и дифференциации

полов и об эротическом (сексуальном) парном союзе» [261]. Хотя он исключает отсюда социальную дифференцировку полов (половое разделение труда), считая, что сексология имеет дело с поведенческо-психологическими и соматическими данными, ее предметная область выглядит достаточно широкой. В зависимости от конкретного предмета и методов Мани различает ряд «научных подразделений» сексологии, таких, как генетическая, морфологическая, гормональная, нейрогормональная, нейроанатомическая, нейрохимическая, фармакологическая, поведенческая, социокультурная, концептивно-контрацептивная, акушерско-гинекологическая и парентальная (связанная с родительскими чувствами и выращиванием потомства.— *И. К.*) сексология. Кроме того, разным стадиям жизненного цикла соответствуют эмбрионально-зародышевая, младенческая, детская, подростковая (пубертатная), юношеская, взрослая и старческая сексология. Болгарский ученый Тодор Бостанджиев [18] ставит вопрос еще шире, включая в предмет сексологии не только сексуальность, но и весь комплекс социальных взаимоотношений между полами. Однако чем шире трактуется предмет сексологии, тем труднее координировать составляющие ее частные дисциплины, не говоря уже об их интеграции. Мы находимся между Сциллой медико-биологического редукционизма, отрывающего сексуальность от контекста половой дифференцировки и социальных взаимоотношений между полами, и Харибдой «всеобщей схематики», игнорирующей предметную и методологическую специфику конкретных наук. Интегративный подход имеет преимущество перед комплексным только в том случае, если он не декретируется, а вырастает из внутренних потребностей самой науки. Вместо того, чтобы спорить о предмете сексологии и ее соотношении с другими науками, посмотрим, как ставится ее проблематика в главных разделах научного знания, составляющих сексологический треугольник,— в биологии, общественных науках и психологии.

ГЛАВА 2

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ СЕКСОЛОГИИ

ПОЛ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ

Что такое пол? Слова «мужчина» и «женщина» ассоциируются с множеством разнообразных признаков, включая различия репродуктивных функций, телосложения, характера, рода занятий, социального статуса и многого другого. Эта противоположность кажется настолько всеобъемлющей и глубокой, что некоторые усматривают в ней источник всех прочих бинарных (двоичных) оппозиций человеческого сознания. Особенно часто путают пол и грамматический род. «Даже в примитивных языках каждый предмет отнесен к определенному полу. Мышление и речь невозможны вне половых (родовых) форм»,— читаем мы в одной «физиолого-педагогической» книжке [40]. Увы! По меткому выражению одного знаменитого лингвиста, грамматический род — одна из наименее логичных и содержащих больше всего неожиданностей грамматических категорий. Во многих языках, например в грузинском, грамматического рода вовсе нет; в некоторых языках эта категория применяется только к именам одушевленным; в третьих, например в русском, наряду с мужским и женским существует еще средний род. Грамматический род слова и пол обозначаемого им существа часто не совпадают. Немецкое слово «das Weib» (женщина) — среднего рода; во многих африканских языках слово «корова» — мужского рода и т. д. Так что смешивать биологические (пол) и грамматические (род) категории не следует.

В биологических, социальных и психологических науках понятие пола также неоднозначно. В строгом смысле пол — это «совокупность морфологических и физиологических особенностей организма, обеспечивающих половое размножение, сущность которого сводится в конечном счете к оплодотворению» [74]. Однако слова «пол», «половая принадлежность» или «половая идентичность» имеют также более широкий смысл, обозначая личный биологический и социальный статус индивида

как мужчины или женщины, самца или самки, устанавливаемый на основании строения гениталий, а иногда и других соматических и поведенческих признаков. Такие широко понимаемые «половые особенности» могут быть вовсе не связаны с репродуктивной функцией. И еще одно терминологическое уточнение. Хотя слова «пол» и «секс» — формально синонимы, эти существительные и производные от них прилагательные часто имеют разное значение. «Пол» и «половые» свойства обозначают явления, связанные с дифференцировкой и различением мужчин и женщин, тогда как «секс» и «сексуальные» свойства подразумевают сексуально-эротические чувства и отношения[1]. В дальнейшем я буду употреблять эти термины, насколько позволяют нормы русского языка (не писать же «сексуальный акт»!), именно так.

Однако проблема «пол и сексуальность» не просто терминологическая. Ранние теории сексуальности считали ее чисто биологической, инстинктивной, но что такое «половой инстинкт»? Одни авторы, начиная с Лютера и Монтеня и кончая французским ученым конца XIX века Шарлем Фере, отождествляли его преимущественно с потребностью организма в освобождении от продуктов деятельности половых желез, т. е. от семени. Эякуляция выглядела при этом аналогичной уринации и дефекации, а женщине отводилась пассивная роль «сосуда». Более сложная модель считает сексуальное поведение проявлением «репродуктивного инстинкта», потребности продолжения рода, свойственной не только мужчинам, но и женщинам. Именно так трактовал «половой инстинкт» один из родоначальников социальной психологии англоамериканский психолог Уильям Мак-Дугалл. Каковы мотивы сексуального поведения и чем объясняются такие его формы, которые заведомо не ведут к продолжению рода, например мастурбация? Теория полового отбора Дарвина, признавая основой сексуального поведения репродуктивные потребности, одновременно ставит вопрос о природе эстетических, эротических и психологических компонентов полового влечения: почему именно к этому, а не к другому объекту? Однако ответа на эти вопросы она не дает. По мере развития биологии глобальные теории «полового инстинкта» постепенно уступали место более конкретным и четким вопросам: 1) чем определяется и какие функции выполняет половая дифференци-

---

[1] В англоязычной литературе с этой целью часто разграничиваются понятия «sex» и «gender» (род), но это деление не является общепринятым.

ровка; 2) каковы биологические механизмы полового возбуждения; 3) каковы их филогенетические закономерности и чем сексуальное поведение человека отличается от репродуктивного поведения животных?

Первый вопрос относится прежде всего к компетенции генетики. Хотя половой диморфизм проявляется в самом широком спектре соматических и поведенческих различий, его сущность — в особенностях процесса размножения. Половое размножение обеспечивает значительно более быстрое создание новых генетических комбинаций, что облегчает их носителям приспособление к меняющимся условиям среды, причем самцы и самки выполняют в этом процессе разные функции. Анализируя данные генетики в свете общих положений теории информации и опираясь на идеи И. И. Шмальгаузена, В. А. Геодакян [24] считает, что процесс самовоспроизводства любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции: наследственность — консервативный фактор, который стремится сохранить неизменными у потомства все родительские признаки, и изменчивость, благодаря которой возникают новые признаки. Самки олицетворяют как бы постоянную «память», а самцы — оперативную, временную «память» вида. Любой поток информации от среды (изменение внешних условий) сначала воспринимают самцы, которые теснее связаны с внешней средой. Лишь затем, после отсеивания устойчивых сдвигов от временных, случайных, генетическая информация попадает внутрь защищенного самцами устойчивого «инерционного ядра» популяции, представленного самками. Поскольку самцы воплощают в себе принцип изменчивости, все новые признаки в развитии вида сначала возникают у самцов и лишь затем передаются самкам, у которых, напротив, сильнее представлены всякого рода рудименты. Исходя из этих общих положений, В. А. Геодакян объясняет ряд биологических половых различий (например, повышенную смертность самцов по сравнению с самками) и делает важные выводы практического характера. Теория В. А. Геодакяна привлекает своей логической стройностью и подтверждается солидными научными данными. Как и любая общая теория, она не претендует на то, чтобы объяснить все аспекты полового диморфизма.

Прежде всего половой диморфизм неодинаково проявляется у разных видов, причем варьируют не только степень различий между самцами и самками, но в некоторых случаях и характер, направление этих различий. У большинства видов самцы крупнее, импозантнее

по внешности и агрессивнее самок; им принадлежит также монополия на ухаживание. Однако из этих правил есть исключения. Особенно сильно варьирует, так сказать, половое «разделение труда». Например, у одних видов термитов «солдатами» бывают только самцы, у других, наоборот, только самки, а у третьих функции вообще не разделяются по полу [357]. Понимание филогенетических функций полового диморфизма само по себе не отвечает на вопрос, как именно и насколько резко он проявляется в различных сферах жизнедеятельности индивида. Современная биология констатирует наличие очень глубоких половых различий на всех уровнях развития и функционирования организма. Вместе с тем она возражает против упрощенной дихотомизации, разделения всех свойств на две полярные категории — мужских (маскулинных) и женских (фемининных), по принципу «или-или». Наряду с такими свойствами, которые действительно являются альтернативными, взаимоисключающими (один и тот же индивид не может в норме одновременно обладать мужскими и женскими гениталиями), существует множество так называемых бисексуальных качеств, одинаково присущих особям обоего пола. Это верно и для соматических, и для поведенческих свойств, которые, кстати, часто не совпадают.

В генетическом отношении все организмы, в том числе раздельнополые, бисексуальны, двуполы [1], так как их зиготы получают генетическую информацию, потенциально дающую возможность развивать признаки как мужского, так и женского пола. Некоторые рыбы (из семейств Labridae, Scaridae и Serranidae) способны даже менять свой морфологический пол, причем многократно и в обоих направлениях, в зависимости от пола партнера. Тропические тихоокеанские рыбы Labrides dimidiatus живут группами, состоящими из одного самца и гарема самок, занимающими общую территорию; самец не позволяет самкам изменять пол, но как только он умирает, доминантная самка меняет пол и становится новым хозяином гарема [357]. Советские генетики (Б. Л. Астау-

[1] Термин «бисексуальность» имеет два совершенно разных значения, обозначая, с одной стороны, двуполость, обладание соматическими, психическими или поведенческими свойствами обоих полов (андрогиния), а с другой — особый тип сексуальной ориентации, эротическое влечение к лицам как противоположного, так и своего пола. Чтобы избежать недоразумений, я буду употреблять в первом значении слово «двуполость» или, если речь идет о потенциальных возможностях развития организма, «бипотенциальность».

ров и др.) научились даже управлять процессами полообразования у некоторых биологических видов. Однако чем выше филогенетический уровень вида, тем сложнее детерминация его половой принадлежности и тем многограннее ее связь с другими аспектами развития. Более сложный онтогенез и более разнообразная индивидуализированная деятельность неизбежно порождают и бо́льшее число индивидуальных вариаций в психике и поведении, не укладывающихся в рамки дихотомии: мужское или женское. Наконец, при изучении половой дифференцировки у человека нельзя не учитывать социально-исторических факторов. Кажется весьма заманчивым «вывести» из общей теории полового диморфизма не только все психофизиологические различия между мужчинами и женщинами, но и существующие формы общественного разделения труда между ними. Однако из социологии и этнографии известно, что половые роли (половое разделение труда) в разных обществах распределяются не одинаково, а в зависимости от общественного строя, прежде всего — способа производства. Психология показывает, что далеко не все индивидуальные свойства мужчин и женщин зависят от их половой принадлежности и даже там, где такая детерминация существует, она опосредуется и часто видоизменяется условиями среды, воспитания, родом деятельности и т. п. Это полностью относится и к сексуальному поведению.

Весьма сложен процесс половой дифференцировки, результатом которой является половая идентичность, и в онтогенезе. Д. Мани [261] следующим образом изображает его стадии и компоненты (рис. 1). Первичное звено этого длинного эволюционного ряда — хромосомный, или генетический, пол (XX — самка, XY — самец) — создается уже в момент оплодотворения и определяет будущую генетическую программу организма, в частности дифференцировку его половых желез (гонадный пол). Первоначальные зародышевые гонады не дифференцированы по полу. Затем H — Y антиген (открыт в 1976 г.), характерный только для мужских клеток и делающий их гистологически несовместимыми с иммунной системой женского организма, программирует превращение зачаточных гонад мужского плода в семенники (у женского плода зачаточные гонады превращаются в яичники). Эта дифференцировка в общих чертах заканчивается уже на 7-й неделе, после чего особые клетки мужской гонады (клетки Лейдига) начинают продуцировать мужские половые гормоны (андрогены); их активность продол-

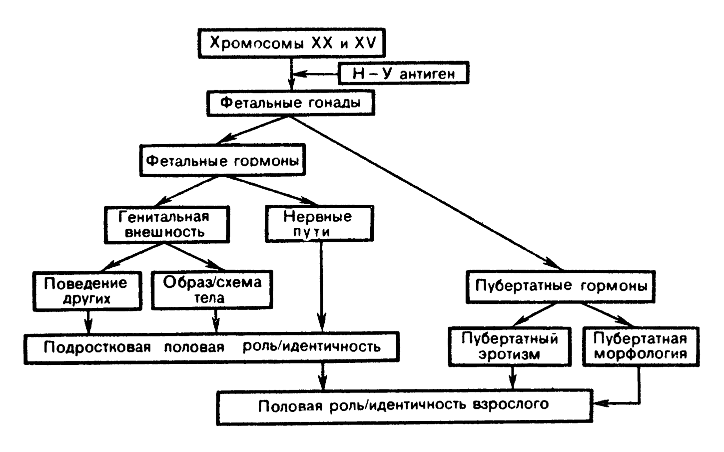

Рис. 1. Схема половой дифференцировки (по Д. Мани).

жается приблизительно до 32-й недели, после чего клетки Лейдига претерпевают обратное развитие, пребывая в атрофированном состоянии до начала полового созревания.

Значение этих фетальных андрогенов (иначе — гормональный пол плода) очень велико. Во-первых, от них зависит формирование у плода соответствующих, мужских или женских, внутренних репродуктивных органов (внутренний морфологический пол) и наружных гениталий (внешний морфологический пол, или генитальная внешность, по Д. Мани). Во-вторых, от них зависит дифференцировка нервных путей, определенных отделов головного мозга, регулирующих половые различия в поведении (иногда их называют «половыми центрами»). В постнатальном онтогенезе биологические факторы половой дифференцировки дополняются социальными. На основании генитальной внешности новорожденного определяется его гражданский пол (иначе он называется паспортным, акушерским или аскриптивным, т. е. приписанным полом), в соответствии с которым ребенка воспитывают (пол воспитания). Важную роль при этом как в самосознании ребенка, так и в отношении к нему окружающих людей играют также общая схема его тела и внешность, то, насколько она соответствует его гражданскому полу. В период полового созревания по сигналу, поступающему из гипоталамуса и гипофиза, гонады начинают интенсивно вырабатывать соответствующие мужские или женские половые гормоны (пубертатный гормональный пол), под влиянием которых у подростка

появляются вторичные половые признаки (пубертатная морфология) и эротические переживания (пубертатный эротизм). Эти новые обстоятельства накладываются на прошлый жизненный опыт ребенка и его половое самосознание, и в результате формируется окончательная половая и сексуальная идентичность взрослого человека.

Таким образом, налицо многоступенчатый и многомерный процесс, причем нарушение в любом его звене может иметь серьезные, часто необратимые, последствия. Именно через исследования этих многообразных генетических, гормональных, нейрофизиологических и других нарушений наука постепенно постигает закономерности нормального развития.

Для теории половой дифференцировки наибольшее значение имеет, конечно, взаимодействие триады гормоны — мозг — поведение. То, что это именно триада, ученые выяснили сравнительно недавно. Еще в 50—60-х годах чаще звучала формула «гормоны и поведение», причем активная роль в их взаимодействии отводилась гормонам. Однако выяснилось, что даже такой сугубо «внутренний» процесс, как половое созревание, зависит от целого ряда «внешних» экстрацептивных факторов. Удаление глаз или разрушение обонятельного мозга намного замедляет половое созревание крыс и мышей; присутствие взрослого самца мыши ускоряет половое созревание самки и тормозит созревание самца и т. д. [23]. Значит, гормоны не только регулируют процессы развития, но и сами зависят от внешней среды и информации о ней, поступающей в мозг. Не менее сложная обратная связь существует между половыми гормонами и мозгом. Как показали экспериментальные исследования [13, 145—147, 150], нарушение гормонального баланса во внутриутробном периоде развития крыс (дефицит андрогенов у самцов или избыток андрогенов и эстрогенов у самок) вызывает у взрослой особи устойчивое поведение, неадекватное генетическому полу, т. е. феминизацию самцов и маскулинизацию самок. За этим стоит нарушение половой дифференцировки некоторых отделов мозга, главным образом гипоталамуса. Аналогичный процесс половой дифференцировки мозга происходит, по мнению Дёрнера, у человеческого плода между 4-м и 7-м месяцем внутриутробного развития [147].

Открытие половой дифференцировки мозга имеет фундаментальное значение. Однако интерпретация этих фактов неоднозначна. Прежде всего гипоталамус не только дифференцируется под влиянием андрогенов, но и сам

может непосредственно воздействовать как на эндокринную систему, так и на половую дифференцировку поведения. Кроме того, половую дифференцировку мозга в зависимости от уровня половых гормонов и/или от психосоциальных условий, например испытываемого беременной стресса, нужно рассматривать не как взаимоисключающие, а скорее как взаимодополнительные следствия, поскольку они осуществляются при посредстве одних и тех же нейронных систем. Иначе говоря, половая дифференцировка мозга предположительно связана не только с гормональными, но и с информационными процессами, связывающими организм со средой, а также с обменом веществ внутри организма. Естественно, что у приматов связь между гормонами и мозгом значительно сложнее, чем у грызунов, на которых выполнена бóльшая часть таких исследований, а это требует большой осторожности в выводах [203]. Однако самое важное то, что половая дифференцировка мозга не исключает его бипотенциальности. Казалось бы, коль скоро в мозге уже сформировался соответствующий мужской или женский половой центр, полодиморфическое поведение особи однозначно и необратимо, но с помощью гормональных воздействий или хирургического вторжения в соответствующие участки мозга можно вызвать у самки маскулинные, а у самца фемининные реакции. Само понятие «половые центры» вызывает споры. Во-первых, употребляющие его ученые часто не уточняют, подразумевают ли они под «половым поведением» только репродуктивное поведение, спаривание или же весь объем полодиморфического поведения, отличающего самку от самца. Как мы увидим дальше, разница эта весьма существенна. Во-вторых, надо ясно понимать, что речь идет не о каких-то особых анатомических «точках» в мозге, а о взаимодействующих нейронных подсистемах, функционирующих только в пределах нервной системы как целого. Чтобы избежать «механицизма», многие ученые отказываются от понятия «половых центров» и даже оспаривают его правомерность [349].

В отличие от репродуктивных органов, дифференцировка которых альтернативна, мозг содержит потенциальные возможности программирования поведения как по женскому, так и по мужскому типу, реализация которых зависит от условий индивидуального развития.

Понимание многомерности и многоуровневости пола существенно усложняет проблему половой дифференци-

ровки. Понятие полового диморфизма первоначально не различало генетической, гормональной, морфологической, поведенческой и психологической дифференцировки индивидов; предполагалось, что все эти измерения совпадают и детерминируются одними и теми же причинами. Обыденное сознание и сегодня склонно считать, что по телосложению индивида можно судить и о его гормональной конституции, и о его сексуальных ориентациях. На самом деле половые различия в психике не обязательно совпадают с морфологическими, соматическими признаками, и сам этот феномен весьма сложен. А. Эрхард и Х. Ф. Л. Майер-Бальбург различают в нем по крайней мере 4 автономных измерения [150]:

— во-первых, половая идентичность, т. е. первичная идентификация индивида с тем или другим полом. Поскольку этот процесс предполагает самосознание и способность к самокатегоризации, половая индентичность не имеет аналога в животном мире;

— во-вторых, полодиморфическое, связанное с полом, поведение, которое может быть более или менее сходным у человека и высших животных. Оно группируется по нескольким «гнездам». Самцы и самки различаются прежде всего по своему энергетическому балансу и способам его расходования. Мальчики выглядят более активными, чаще участвуют в силовых играх, возне и т. д. Эта черта наблюдается и у приматов и связана с врожденными гормональными различиями. Вторая общая категория — социальная агрессия, проявляющаяся в угрожающем поведении, драчливости, соревновательности и т. п., которые больше характерны для самцов, хотя непосредственное сравнение поведения детей с поведением животных далеко не всегда возможно. Проигрывание будущих родительских функций, напротив, больше характерно для девочек, которые во всех культурах чаще мальчиков играют в куклы, «дом», семейные отношения, охотнее ухаживают за младшими детьми и т. д. Хотя такое поведение, безусловно,— результат специфического воспитания и обучения, у низших млекопитающих интенсивность «родительского» поведения связана также с действием пренатальных половых гормонов. Отчетливо полодиморфическим является общение со сверстниками: предпочтение партнеров своего или другого пола, стиль взаимоотношений в группе и т. д. У детей это дополняется также особыми полоролевыми «ярлыками»: дети, поведение и игры которых не соответствуют принятым стандартам, получают обидные клички; соматически или

поведенчески феминизированного мальчика сверстники называют «девчонкой» или «неженкой», а маскулинизированную девочку — «мужичкой». Существенные половые различия наблюдаются также в способах заботы о своей внешности, в украшениях и т. п.;

— в-третьих, существуют определенные, хотя не всегда строго фиксируемые, половые различия в познавательных, когнитивных процессах, скорости психических реакций, обучаемости, специфических интеллектуальных способностях и т. д.;

— в-четвертых, сексуальные ориентации — эротическое влечение к представителям того или иного пола.

Д. Мани удачно суммировал некоторые закономерности половой дифференцировки в онтогенезе в виде ряда принципов [260].

Принцип дифференцировки и развития означает, что развитие организма есть одновременно процесс его дифференцировки, в ходе которого первоначально бипотенциальный зародыш становится самцом или самкой. Этот принцип направлен, с одной стороны, против идеи автоматической, линейной эволюции, согласно которой развитие лишь развертывает заложенный в эмбрионе один-единственный набор возможностей, а с другой — против теорий, согласно которым половая и сексуальная идентичность индивида определяется главным образом, а то и исключительно, условиями среды и воспитания.

Принцип стадиальной дифференцировки означает, что этот процесс имеет свои закономерные этапы, так что каждая последующая дифференцировка основывается на предыдущей; генетический диморфизм половых хромосом предшествует дифференцировке гонад, она в свою очередь определяет гормональный пол зародыша и т. д.

Принцип критических периодов означает, что каждому этапу половой дифференцировки соответствует определенный период развития, когда организм наиболее чувствителен к данным воздействиям. Если критический период почему-либо «пропущен», то последствия этого обычно необратимы. Так, дифференцировка зародышевых гонад нормально управляется половыми хромосомами, но только если записанный в хромосомах генетический код может в отведенный для этого критический период проявиться нормально, без перерыва или вмешательства извне. Нарушение генетического кода может изменить весь процесс половой дифференцировки. Например, воздействие эстрогенов на личинок японской рыбки «медака» приводит к тому, что мальки, которые по своим

хромосомным характеристикам (XY) должны были развиться в самцов, дифференцируются в самок, не меняя своего генетического пола. Опыты такого рода проводятся и на млекопитающих. Хотя никому еще не удалось экспериментально осуществить полную трансформацию генетического пола оплодотворенного яйца у млекопитающих, принципиальная возможность изменения в критические периоды половых свойств — будь то морфология, поведение или способность к размножению — не вызывает у генетиков сомнений. Поскольку на первоначальной стадии онтогенеза (у человека это первые 7 нед после зачатия) нет видимых различий между полами, ее называют «нейтральной», или «бисексуальной». Однако, как подчеркивает американский анатом Милтон Даймонд [142], эта характеристика касается только фенотипа. Бипотенциальность зародыша не исключает того, что уже на «стадии предифференцировки» ткани генетических самцов и самок обладают разной потенциальной сенситивностью к определенным стимулам, причем разные ткани и подсистемы организма имеют свои собственные, не совпадающие друг с другом, критические периоды. Так, дифференцировка гонад у человеческого зародыша происходит приблизительно на 6-й неделе развития, когда у XY-зародыша образуются семенники, а у XX-зародыша — яичники. Половая дифференцировка нервных тканей осуществляется между 4-м и 6-м месяцем, но ее результаты становятся заметны только после рождения, а некоторые (например, выбор сексуального объекта) — лишь в период полового созревания.

Для понимания особенностей развития по мужскому типу весьма важен «принцип Адама» или дополнительности мускулинной дифференцировки [261, 267]. Природа, по мнению Мани, в первую очередь заботится о создании самки. На всех критических стадиях развития, если организм не получает каких-то дополнительных сигналов или команд, половая дифференцировка автоматически идет по женскому типу. Чтобы получить самца, нужно обязательно «прибавить» нечто, способное подавить исходное фемининное начало. Сначала это H — Y антиген, затем фетальный андроген. При отсутствии андрогенов в соответствующей стадии утробного развития у плода независимо от его генетического пола будут формироваться женские гениталии, а при частичном недостатке андрогенов мужские гениталии будут не закончены — уменьшенный половой член или неспустив-

шиеся яички. Напротив, при избытке андрогенов наблюдается маскулинизация женского плода; это было экспериментально доказано на мышах, кроликах, коровах и обезьянах. Фетальные андрогены оказывают сильное влияние и на половую дифференцировку центральной нервной системы. Путем инъекции андрогенов в матку беременной макаки резуса ученым удалось получить генетических самок, родившихся с нормально выглядящим половым членом и пустой мошонкой вместо клитора и влагалищного отверстия; в детстве и подростковом возрасте эти искусственно маскулинизированные самки вели себя как нормальные самцы их вида — затевали возню, участвовали в силовых играх, делали угрожающие жесты, принимали мужские позы в сексуальных играх. Нечто похожее наблюдалось и у девочек с андрогенитальным синдромом, возникшим в результате повышенного содержания андрогенов во внутриутробной фазе развития. Такие девочки вели себя скорее по маскулинному типу, хотя соматическая и поведенческая маскулинизация у них не всегда совпадает и последняя выражена менее резко [267].

Таким образом, при столкновении мужского и женского начал в процессе половой дифференцировки обычно побеждает первое. Зато, поскольку для создания самца природе требуются дополнительные усилия, она, по выражению Мани, чаще делает при этом ошибки, результатом чего являются повышенная смертность и восприимчивость мужчин к ряду болезней. Мы не последуем за Мани дальше, к характеристике собственно сексуального поведения и социальных факторов половой дифференцировки, о которых речь впереди. Поставим вместо этого другой вопрос: если генетические и гормональные детерминанты половой дифференцировки столь могущественны, может быть и не надо искать других причин для объяснения поведенческих различий между мужчинами и женщинами? Может быть, социальные факторы и самосознание — лишь надстройка над тем, что каждому дано природой? Вопрос этот не риторический. Пока биология пола была слабо развита, она часто следовала такой редукционистской логике, апеллируя то к хромосомам, то к гормонам, то к дифференцировке мозга.

В конце 50-х — начале 60-х годов, когда выяснилась высокая распространенность ряда аномалий, вызванных неправильным набором половых хромосом (синдром Тернера, синдром Клайнфелтера, синдром YY), причем эти аномалии коррелировали не только с некоторыми

соматическими свойствами их носителей, но и с определенным типом социального поведения (например, повышенные агрессивность и преступность при кариотипе 47/XYY), некоторым ученым показалось, что найден ключ едва ли не ко всем различиям в поведении мужчин и женщин. Однако скоро выяснилось, что, каково бы ни было влияние хромосомной патологии, в нормальном процессе половой дифференцировки генетический пол влияет на поведение лишь через многократное опосредование и не может рассматриваться как нечто универсальное и всеобъемлющее.

Еще больше иллюзий было связано в 50—60-х годах с достижениями эндокринологии. В свете первых успешных экспериментов на животных казалось, что едва ли не все половые различия (о сексуальных реакциях и говорить нечего!) детерминированы гормонально и сравнительно легко модифицируются под действием гормональных препаратов. Однако вскоре картина усложнилась. Обобщая современные представления на этот счет, известный американский психолог Фрэнк Бич [99] подчеркивает, что необходимо строго различать влияние гормонов в процессе развития организма (генетический эффект) и их периодическое, временное воздействие (сопутствующий эффект). Генетический эффект возможен лишь в течение определенной фазы развития, ни до, ни после нее гормоны не оказывают такого влияния. Последствия этого эффекта постоянны и необратимы, хотя некоторые из них могут быть позже «пересилены» негормональными влияниями. Часть этих последствий обнаруживается только на дальнейших стадиях жизненного пути индивида, причем такой отсроченный эффект иногда зависит от добавочного стимулирования организма половыми гормонами, появляющимися на соответствующей стадии развития; например, пубертатные гормоны активизируют и включают в действие механизмы, запрограммированные нейрогормонально уже на внутриутробной стадии развития. Сопутствующий эффект половых гормонов не ограничен определенной критической фазой, зато принципиально обратим. Преувеличение и одновременно упрощение регуляторной функции гормонов отчасти объясняются ложным представлением об их исключительности. На самом деле гормоны всех 3 групп — андрогены, эстрогены и прогестины — присутствуют у обоих полов, различаясь главным образом пропорциями и биологическим воздействием на организм. Уровень эстрогенов у мужчин составляет от

2 до 30 %, а уровень прогестерона — от 6 до 100 % женского уровня этих гормонов (в зависимости от стадии менструального цикла). Средний уровень андрогенов у женщин составляет 6 % мужского уровня [263]. В последние годы открыты новые гормоны и синтезированы гормональные препараты, различающиеся по своей физиологической активности, которые по-разному воздействуют на мужской и женский организмы, а при некоторых условиях даже превращаются друг в друга.

Чтобы конкретно оценить влияние гормонов на психосексуальное развитие организма, нужно учитывать ряд факторов [263]: 1) стадию жизненного цикла организма; 2) характер вводимых гормонов и их соотношение — разные гормоны могут действовать независимо друг от друга, антагонистически или синергически; 3) количество гормона, а также его суточные и иные ритмические колебания; 4) биологическую активность гормона — как и на какие именно ткани и органы-мишени он воздействует; 5) время и продолжительность гормонального воздействия; 6) пути прохождения гормонов; андрогенный путь использует главным образом тестостерон и(или) дигидротестостерон, а эстрогенный путь — прежде всего эстрадиол [252]; 7) особенности методов, посредством которых измеряется уровень гормонов и оцениваются те поведенческие «синдромы», на которые эти гормоны предположительно влияют.

Опасность поспешных и слишком широких обобщений относительно влияния гормонов на поведение хорошо иллюстрируется исследованием взаимосвязи между андрогенами и агрессивным поведением, которое считается одним из характернейших признаков маскулинности [237]. Как уже говорилось, андрогенизация женского плода в критической фазе развития дает эффект устойчивой маскулинизации, включая агрессивное поведение. Андрогены усиливают агрессивное поведение у макак резусов и тогда, когда вводятся постнатально. В ряде исследований у более агрессивных самцов был отмечен и более высокий уровень андрогенов. Однако уровень тестостерона в плазме крови не является постоянным фактором. Ежедневное измерение тестостерона у 20 молодых взрослых мужчин в течение 2 мес [143] показало, что его уровень существенно колеблется изо дня в день (от 14 до 42 %). Многое зависит и от перемены ситуации. Самцы макаки резуса, помещенные в клетку с самками, которыми они командуют и с которыми могут спариваться, обнаруживают значительное и устойчивое

повышение уровня тестостерона. Однако после того, как животное терпит поражение в драке, уровень тестостерона у него резко снижается и остается низким. Корреляция между уровнем андрогенов, с одной стороны, и доминантностью и агрессивностью — с другой, демонстрирует не причинную связь, а только взаимозависимость, причем гормональная регуляция поведения зависит от ряда негормональных факторов.

Зависимость человеческого поведения от гормонов еще сложнее. Как пишет Бич [99], важнейшее различие во влиянии гормонов на поведение животных и человека не в том, что человек якобы менее чувствителен к гормональным влияниям, а в том, что негормональные факторы играют значительно большую роль в структурировании всех аспектов человеческого поведения, включая и те, которые у большинства животных регулируются непосредственно гормонами. Кроме того, говоря о полодиморфических, различных для самцов и самок гормонально регулируемых реакциях животных, большей частью имеют в виду поведение, существенное для продолжения рода (репродуктивное поведение). У людей половая дифференцировка распространяется на гораздо более широкий круг отношений, включая такие, которые не имеют прямого репродуктивного значения, например профессиональные занятия или соотношение научных и художественных интересов. Всякое человеческое поведение, в том числе репродуктивное, развивается под влиянием и контролем личного опыта и социального научения.

Этими вопросами специально занимаются социология и психология. Однако клиническая медицина также столкнулась с ними в связи с изучением так называемых интерсексуальных состояний. Хотя проблема «промежуточных» состояний, людей «среднего рода», сочетающих мужские и женские признаки, стара, как мир, серьезное исследование ее стало возможно только после того, как наука научилась различать, с одной стороны, автономные компоненты и уровни биологического пола (хромосомный, гонадный, гормональный и морфологический пол), а с другой — свойства полового самосознания. Когда биологический пол и его социальное определение (гражданский пол, отношение окружающих и т. д.) совпадают, особых трудностей с половой идентификацией, по-видимому, не возникает. Другое дело, если они почему-то расходятся или если сам биологический пол неясен. Самый явный случай такого рода — гермафродитизм, т. е. врож-

денное состояние неопределенности, двойственности репродуктивной системы организма, прежде всего наружных гениталий, когда однозначное определение пола, как мужского или женского, невозможно или затруднительно [27]. Пока половая принадлежность определялась только по наружным гениталиям, смысл этого термина, хотя бы на описательном уровне, казался ясным. Как только выяснилось, что существуют глубинные компоненты пола, положение усложнилось. Возник вопрос: каков же «истинный» пол таких индивидов и по каким признакам они сами его определяют — на основании ли своей генитальной внешности или в соответствии с полом воспитания, или по каким-то другим, до поры до времени скрытым, органическим свойствам?

Исследования 50-х — начала 60-х годов отдавали предпочтение социально-психологическим детерминантам. Из 110 гермафродитов с различными хромосомными, гонадными, гормональными и морфологическими нарушениями, изученных Мани и Джоном Хэмпсоном, более 100 определяли свою половую принадлежность в соответствии с полученным ими воспитанием, заставляя думать, что половая идентичность — результат главным образом научения [198]. Однако вскоре стали известны противоположные случаи: дети, названные и воспитанные в соответствии с полом их наружных гениталий, которые казались вполне нормальными, вели себя по типу противоположного пола, а в пубертатном возрасте у них появились вторичные признаки этого пола, «оправдывающие» их прежнее атипичное поведение. Иначе говоря, биология «пересилила» воспитание [141]. По мере усовершенствования генетических и эндокринологических методов диагностики эмпирические данные стали еще более противоречивыми. Мани и Далери [266] описали, например, 7 индивидов с женским хромосомным и гонадным полом, которые, однако, вследствие очень сильной фетальной андрогенизации появились на свет с половым членом. Как девочек воспитали 4, и у них сформировалась женская половая идентичность, но с некоторыми маскулинными чертами поведения. Другие 3 воспитывались как мальчики, выработали мужскую половую идентичность и сексуально также функционировали как мужчины. Казалось бы, все в порядке, но по критериям хромосомного и гонадного пола поведение этих мужчин является гомосексуальным. В другом случае 18 генетических мужчин с явлениями вторичного псевдогермафродитизма из-за дефицита во внутриутробной фазе развития

дигидротестостерона появились на свет с гениталиями, больше похожими на женские, и были соответственно воспитаны как девочки. Однако после полового созревания все они, кроме 2, осознали себя мужчинами и приняли мужскую половую идентичность [211]. Это позволяет думать, что половая дифференцировка мозга и внутренней репродуктивной системы зависит от одного гормона — тестостерона, а наружных гениталий от другого — дигидротестостерона, причем влияние тестостерона на формирование половой идентичности сильнее, чем пол воспитания [147]. Следовательно, не только гормональные влияния могут расходиться с социальными, но и внутри каждого из этих факторов возможна рассогласованность.

Исключительно ценной базой для изучения взаимодействия наследственности и социальных факторов в формировании половой идентичности стали транссексуализм и накопленный опыт по перемене пола. Термин «транссексуализм», обозначающий расхождение между биологическим и паспортным полом, с одной стороны, и половым самосознанием — с другой (транссексуалы — люди, убежденные в том, что они принадлежат к противоположному полу, и стремящиеся любой ценой приобрести телесные свойства, в том числе гениталии, внешность и социальный статус противоположного пола), появился в 1949 г. Бум вокруг этого явления начался в 1962 г., когда 26-летний американец Джордж Йоргенсен подвергся в Дании хирургической операции по перемене пола, успешно превратился в Христину Йоргенсен и описал свою «эпопею» в популярной книге. К началу 1979 г. в результате хирургического или гормонального вмешательства сменили пол 3—6 тыс. американцев, а число желающих сделать это, по приблизительным подсчетам, колеблется от 30 тыс. до 60 тыс. (мировых данных, хотя бы ориентировочных, нет) [328]. Как показал опрос 717 взрослых американцев, более половины их хотели бы на короткое время (5—6 дней) попробовать переменить пол [Райниш Д., Розенблум Л. А., 1984]. Обследование 59 транссексуалов через 10 лет после операции показало, что в большинстве случаев хирургическое вмешательство было благотворным, но выявились некоторые половые различия [222а]. Хотя хирургическая смена пола дает значительно лучшие результаты у мужчин, чем у женщин, последние гораздо чаще имеют стабильные сексуальные отношения. Эти отношения большей частью устанавливаются до медицинского вмешательства и продолжаются в течение всего процесса

смены пола. Кроме того, уже при первом обращении к врачу по поводу транссексуализма женщины чаще живут в социально стабильных условиях, чем мужчины. В СССР этой проблемой успешно занимается А. И. Белкин [15, 16, 17]. В большинстве случаев смена пола давала положительный эффект, но вследствие существовавшей на Западе бесконтрольности и слабости методов психологической диагностики в некоторых случаях она не улучшала психического состояния пациентов и порождала новые проблемы.

В настоящее время терминология и методы диагностики нарушений половой идентичности существенно улучшились [89]. Базовый диагноз — синдром половой дисфории [328, 185] — определяется как психическое состояние, когда человек выражает неудовлетворенность своей врожденной половой принадлежностью и связанной с ней социальной половой ролью и добивается гормональной или хирургической смены пола. В рамках этого первичного диагноза различают два вида «ядерного» транссексуализма — смены мужского пола на женский или женского на мужской с различными клиническими вариациями, зависящими от того, затрагивает ли инверсия только половую идентичность или также и сексуальные ориентации индивида. Психогормональные, поведенческие и психологические свойства этих групп пациентов существенно различны, клиническая картина также весьма противоречива. Это побудило Международную ассоциацию по изучению половой дисфории имени Гарри Бенджамина (автор первой научной книги о транссексуализме) выработать специальный свод правил многодисциплинарного обследования людей, добивающихся смены пола, где особо подчеркивается требование стабильности полового самосознания: до начала гормонального вмешательства пациент должен показать, что чувство дискомфорта и желание избавиться от своего пола и начать жить по другим полоролевым стандартам существуют у него не меньше 2 лет. Перемена паспортного пола младенцев под категорию половой дисфории, естественно, не подпадает, так как у них еще нет сложившегося полового самосознания. Однако изучение детей с нарушением полоролевого поведения и (или) каких-то элементов половой идентичности занимает важное место в детской психиатрии и сексопатологии (я вернусь к этой теме в последней главе книги). Сначала ученые пытались найти одну главную причину транссексуализма. Бенджамин объяснял его

преимущественно конституциональными свойствами, Мани подчеркивал возможную роль импринтинга, а Столлер связывал транссексуализм у мужчин с особенностями семейного воспитания, считая невольной носительницей патогенного начала мать пациента. Однако монокаузальные объяснения не увенчались успехом. Американский психиатр Ричард Грин, проводящий длительное лонгитюдное исследование детей с отклонениями в полоролевом поведении и самосознании, считает эти отклонения результатом сложного динамического взаимодействия специфического поведения ребенка и его родителей, когда часть поведения имеет конституциональную природу [191—194]. В целом наиболее трезвые исследователи склонны сегодня считать, что в случае расхождения биологических, особенно гормональных, и социальных детерминант пола конечный психологический результат (половая и сексуальная идентичность индивида) при нынешнем уровне научных знаний непредсказуем. Биология закладывает фундамент психосоциального развития индивида, но конечный результат зависит не только от нее.

Подведем некоторые итоги. Половая принадлежность индивида, даже в чисто биологическом понимании термина,— сложная, многоуровневая система, складывающаяся в процессе индивидуального развития. Степень половых различий варьирует не только от вида к виду, но и в разных подсистемах и сферах жизнедеятельности организма; строение половых органов, телосложение, функции центральной нервной системы и поведение взаимосвязаны, но формы, сроки и степени их половой дифференцировки существенно различны, так что переносить выводы, сделанные в одной сфере, на другую, особенно когда речь идет о поведенческих характеристиках, не связанных непосредственно с продолжением рода, весьма рискованно. Отсюда следует необходимость концептуального разграничения социально-нормативных и индивидуально-личностных аспектов полоролевого поведения.

Половая роль — это некоторая система предписаний, модель поведения, которую должен усвоить и которой должен соответствовать индивид, чтобы его признали мужчиной или женщиной; половая идентичность — единство поведения и самосознания индивида, причисляющего себя к определенному полу и ориентирующегося на требования соответствующей половой роли. «Роль» и «идентичность» взаимосвязаны и предполагают друг

друга. По выражению Мани, половая идентичность — это субъективное переживание половой роли, а половая роль — публичное выражение половой идентичности [267]. Тем не менее они не тождественны и их изучение имеет разные точки отсчета: половые роли соотносятся с системой нормативных предписаний культуры, а половая идентичность — с системой личности. Общая логика взаимосвязи половой роли и идентичности — та же, что и в других сферах соотношения ролевого поведения и индивидуального самосознания [46]. Однако в сексологии проблема осложняется несовпадением понятий пола и секса. Поскольку сексуальность и репродуктивное поведение — самые характерные и важные проявления полового диморфизма, медицинские психологи и клиницисты предпочитают определять пол в терминах анатомии, а не гражданского состояния. Однако сексуальное поведение человека — частный случай социального поведения, а психосексуальные ориентации индивида производны от его половой идентичности, поэтому социологи и социальные психологи идут в противоположном направлении — от гражданского пола к сексуальности. Как совмещаются эти подходы в теории сексуальности?

БИОЛОГИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В ранних теориях сексуальности все было просто. Естественная и единственная цель половой жизни, поставленная природой,— продолжение рода. Для этого люди, как и животные, наделены половым инстинктом, сексуальными потребностями. Количество половой энергии индивида ограничено — немецкий ученый О. Эффертц в 1894 г. даже «подсчитал», что каждый мужчина обладает «запасом» в 5400 эякуляций [62],— чем раньше начинается и чем интенсивнее протекает половая жизнь, тем раньше она заканчивается импотенцией и т. д. Однако уже условнорефлекторная теория И. П. Павлова показала сложность возникающих в мозге связей. В. М. Бехтерев, анализируя природу полового влечения, выделял в нем два компонента: а) безусловную внутреннюю потребность организма в освобождении от накопившихся продуктов деятельности половых желез и б) обусловленные индивидуальным жизненным опытом и воспитанием «сочетательные рефлексы», благодаря которым выбирается надлежащий сексуальный объект и обеспечивается спаривание. Современная биологическая сексология

ставит более конкретные вопросы. Каковы психофизиологические механизмы полового возбуждения? От чего зависит уровень сексуальной реактивности самца и самки? Какова природа сексуальных автоматизмов, например эрекции полового члена? Какие акустические, химические, зрительные и другие сигналы вызывают у животных и человека влечения к определенному сексуальному партнеру или типу партнеров? Как дифференцируются стадии копулятивного цикла? Чем отличается женский оргазм от мужского? На эти и подобные вопросы невозможно ответить спекулятивно, они требуют сложных экспериментально-клинических исследований, причем физиолог, генетик и эндокринолог могут объяснять одно и то же явление по-разному, и эти объяснения не обязательно будут взаимоисключающими, так как являются разноуровневыми.

Американский ученый Пол Д. Мак-Лин и его сотрудники в многочисленных исследованиях на обезьянах рода саймири и других животных нашли, что раздражение некоторых отделов головного мозга вызывает определенные сексуальные реакции — в одном случае эрекцию, в другом — эякуляцию, в третьем — мастурбацию [236]. Электрическое стимулирование лобных долей головного мозга у людей также вызывает эротические оргазмоподобные переживания. Интересно, что нервные центры, регулирующие оральные реакции, тесно связаны с центрами, регулирующими генитальные реакции: их низкочастотное раздражение вызывает сначала слюноотделение и жевательные движения, а примерно через минуту — эрекцию полового члена. Недаром у животных и человеческих младенцев эрекция нередко наблюдается во время кормления. Мак-Лин объясняет это закономерностями филогенеза обеих систем: в неокортексе, т. е. в высших, филогенетически позднейших, отделах мозга голова и хвост представлены как противоположные точки тела, но в лимбических долях они сближаются благодаря обонянию (запахи одинаково существенны как для питания, так и для спаривания животных). Обнюхивание или облизывание ано-генитальной области — важная часть ритуала знакомства и приветствия у многих животных. Физиология связывает это с действием феромонов — выделяемых гениталиями пахучих веществ, вызывающих у особи противоположного пола половое возбуждение. Существование феромонов у человека пока остается гипотетическим. Некоторые ученые считают, что у человека в связи с особенностями его анатомии

(прямохождение) роль обонятельных раздражителей в сексуальном поведении значительно меньше, чем у животных, уступая место зрительным ощущениям. Тем не менее некоторые запахи оказывают явное эротизирующее воздействие, а другие предположительно способствуют синхронизации некоторых физиологических реакций пары [261]. Кроме того, даже если роль обонятельных анализаторов в сексуальном поведении человека уменьшилась, то древняя связь соответствующих нервных центров может сохраняться в мозге. Недаром, напоминает Мак-Лин [236], несмотря на все религиозные запреты и эстетические соображения, человеческая сексуальность включает разнообразные формы орально-генитальных (фелляция, куннилингус и т. п.) и анально-генитальных контактов, которые современная сексология вовсе не считает извращениями. Это заставляет вспомнить и фрейдовскую концепцию «оральной» и «анальной» эротики; как бы ни относиться к его теории фаз, отмеченная еще Аристотелем эрогенность орального и анального отверстий и прилегающих к ним частей тела сомнений ни у кого не вызывает. Спазматическое сокращение заднего прохода — такой же всеобщий физиологический спутник оргазма, как учащение пульса и усиленное потоотделение. Более того, мышечные сокращения заднего прохода, сопутствующие мужскому оргазму, имеют особый индивидуальный ритм [112].

Отдельные сексуальные реакции нейрофизиологически связаны не только друг с другом, но и с множеством несексуальных реакций. Алан Фишер [161] ввел в мозг крысы-самца тестостерон, рассчитывая вызвать агрессивное поведение и половое возбуждение. Однако у самца неожиданно проявился материнский инстинкт: вместо спаривания с подсаженной к нему самкой он начал «нянчить» ее. Инъекция тестостерона в соседнюю точку мозга действительно вызвала агрессию и половое возбуждение, а инъекция между этими двумя точками — «смешанное» поведение, когда агрессивность перемежалась с проявлением заботы и материнскими реакциями. Возможно, в этом есть некоторое указание на нейрофизиологические основы амбивалентности сексуальных переживаний, в которых нежность подчас сплетается с агрессией. Однако нельзя не учитывать также целостность нервной системы, в том числе «эмоционального мозга». Раздражение одних и тех же участков головного мозга может вызывать не только реакции, отмеченные Мак-Лином, но и многие другие, которые при всем жела-

нии невозможно «увязать» с сексуальностью. Обоняние служит животным не только ключевым сексуальным анализатором, но и важнейшим средством общей ориентировки, а такие сексуальные автоматизмы, как эрекция, могут быть элементами как сексуального, так и несексуального поведения.

Достижения нейрофизиологии ясно показывают невозможность монокаузального объяснения сексуальности. Самые авторитетные специалисты в этой области, например Уэйлен, настойчиво предостерегают от иллюзии легкого перехода от экспериментального манипулирования отдельными сексуальными реакциями к «управлению» и нейрохирургической коррекции сексуального поведения человека как системного образования. Они указывают на расплывчатость и неясность самого понятия «половые центры, локализованные в мозге», а также полифункциональность многих мозговых механизмов, регулирующих сексуальное поведение, подчеркивая принцип единства и целостности центральной нервной системы.

Этот вопрос имеет не только теоретическое значение. Некоторые нейрохирурги ФРГ в 60-х годах, увлекшись достижениями экспериментальной нейрофизиологии и не вполне отдавая себе отчет в сложности проблемы, стали практиковать операции на гипоталамусе для излечения от сексуальных аномалий, таких, как садизм, педофилия и т. п. Описано 75 таких операций. Результаты оказались плачевными. В одних случаях был нанесен вред психическому здоровью пациентов, а в других операции оказались неэффективными. Например, мужчина-педофил с выраженными садомазохистскими фантазиями подвергся операции на гипоталамусе и через $2^1/_2$ года был освобожден из тюрьмы. Однако стоило ему прекратить прием антиандрогенов, снижающих половое влечение, как он убил 10-летнего мальчика [312]. В конце концов под давлением критики со стороны Немецкого сексологического общества правительство ФРГ приостановило проведение таких операций.

Такой же отказ от монокаузальности наблюдается и в эндокринологии. После того как было доказано [237], что сила полового возбуждения и уровень сексуальной активности как у мужчин, так и у женщин зависят от уровня андрогенов (андрогены часто называют «либидо-гормонами»), многие ученые стали думать, что открылась широкая возможность управления эротическими чувствами и сексуальным поведением людей. Однако вскоре выяснилось, что андрогены воздействуют только на силу полового

влечения, а не на его содержание. Иначе говоря, с помощью соответствующей гормонотерапии можно повысить или понизить половую возбудимость, но нельзя изменить сексуальную ориентацию личности, превратив гомосексуала в гетеросексуала. Затем, как и в исследованиях гормональной регуляции половой дифференцировки, выявились другие ограничения, например разная сенситивность к половым гормонам в зависимости от пола, возраста и некоторых индивидуальных особенностей [97, 99]. В опытах на животных обнаружилось, что одни и те же гормоны не совсем одинаково влияют на разные компоненты сексуального поведения. Например, у приматов сексуальное поведение самки включает 3 компонента: привлекательность — то, что делает ее сексуальным стимулом для самца, процептивность — жесты и другое поведение, которым самка поощряет самца к спариванию, и рецептивность, т. е. готовность самки принять самца. Выяснилось, что эти разные виды поведения вызываются и активизируются разными гормонами: привлекательность стимулируется воздействием эстрогенов на влагалище, процептивность зависит от андрогенов, а природа рецептивных реакций пока не ясна [97]. Как подчеркивает Д. Херберт [203], нужно не только отличать соматическое воздействие гормонов от поведенческого, но и уточнять, какой именно компонент сексуального поведения чувствителен к тому или иному гормону. Неоднозначность нейрофармакологических факторов сексуального поведения касается и моноаминов [Дэвидсон Д. М. и др., 1984]. Хотя эти вещества могут оказывать глубокое положительное или отрицательное влияние на мужскую и, вероятно, на женскую сексуальность, один и тот же препарат может воздействовать на разные компоненты сексуального поведения (например, на эрекцию и семяизвержение) в противоположных направлениях.

Сравнение уровня сексуальной активности (частота половых сношений и т. д.) и эротических интересов нескольких групп молодых мужчин с измеренным уровнем тестостерона в плазме крови не выявило между ними значимых корреляций [117, 290]. Вариации в уровне тестостерона, находящиеся в пределах нормы, не объясняют различий в уровне сексуальной активности и эротических интересов. Сравнение динамики сексуального поведения с изменениями в уровне тестостерона у 11 супружеских пар в течение 3 менструальных циклов, причем сравнивались гормональные характеристики обоих супругов, выявило еще более сложные и тонкие взаимо-

связи [280]. По-видимому, гормональные факторы могут быть решающими для возникновения отдельных сексуальных реакций рефлекторного типа, но их недостаточно для объяснения сексуального поведения как системного целого. По справедливому замечанию Бича [99], рабочая гипотеза о том, что гормоны влияют на поведение, модулируя определенную взаимосвязь стимулов и реакций, уже предполагает устойчивую взаимосвязь, на которую могут воздействовать гормоны, причем формирование этой системы связей обязательно включает индивидуальный опыт и научение. Многочисленные наблюдения за преждевременно созревшими детьми показывают, что наступление гормональной зрелости не сопровождается у них столь же ранним психосексуальным развитием (появлением эротических интересов, ухаживания и т. п.), которое больше зависит от воспитания и собственного сексуального опыта, чем от гормонов. Мужчины, страдающие гипогонадизмом, не реагируют на сексуальные стимулы, хотя и знают их значение, пока не будет искусственно повышен уровень тестостерона в их организме [267]. Иначе говоря, нормальное психосексуальное поведение — результат совместных усилий природы и воспитания. Следовательно, необходимо различать количественную и качественную стороны сексуальности.

Количественная, или энергетическая, сторона сексуальности измеряется силой, длительностью и частотой сексуальных реакций. Ее системное описание и интерпретацию дает Г. С. Васильченко под названием «половая конституция индивида», которую он определяет как «совокупность устойчивых биологических свойств, складывающихся под влиянием наследственных факторов и условий развития в пренатальном периоде и раннем онтогенезе; половая конституция лимитирует диапазон индивидуальных потребностей на определенном уровне половой активности и характеризует индивидуальную сопротивляемость в отношении патогенных факторов, обладающих избирательностью к половой сфере» [62]. Основными векторами ее определения у мужчин являются возраст пробуждения либидо, возраст первой эякуляции, максимальный эксцесс (количество эякуляций в сутки), возраст вхождения в условно-физиологический ритм, т. е. стабильный уровень половой активности, максимально близкий к конституциональным и физиологическим потребностям, а также два генотипических показателя — так называемый трохантерный индекс (отношение роста к длине ноги) и характер оволосения лобка. Разные типы

половой конституции определяются в количественных терминах как «слабая», «средняя» и «сильная».

Понятие половой конституции существенно прежде всего тем, что оно ориентирует на индивидуальный подход вместо того, чтобы попытаться обуть всех людей в обувь одного размера. Однако сила, длительность и частота полового возбуждения еще ничего не говорят нам о характере реального сексуального поведения индивида даже на чисто физиологическом уровне. Мужчина с сильной половой конституцией может или рано жениться и вести интенсивную половую жизнь в браке, или поддерживать экстенсивные связи с разными женщинами, или находить половое удовлетворение в мастурбации, или, как средневековый аскет, вообще отказаться от «плотской жизни» (хотя ему это будет гораздо труднее, чем тому, у кого половые потребности меньше). Это зависит от многих других психофизиологических и социальных факторов, о которых мы, к сожалению, знаем очень мало.

Помимо собственно гормонального баланса существует, по-видимому, устойчивая связь половой конституции с телосложением и темпераментом. Первая линия связи в схеме Г. С. Васильченко представлена трохантерным индексом. В литературе высказывалась также мысль о том, что степень маскулинности/фемининности человеческого поведения, в том числе сексуального, коррелирует с особенностями строения тела. Однако связь между сексуальным поведением и телосложением, скорее всего, опосредуется психологическими факторами, включая самосознание, которые в свою очередь зависят от социальной среды и воспитания. Более серьезны данные о зависимости типа сексуального поведения от темперамента, в котором преломляются особенности нервной системы. Уровень динамичности, подвижности и уравновешенности нервных процессов безусловно влияет на сексуальность; оценка этих факторов занимает важное место в диагностических картах руководимого Г. С. Васильченко Всесоюзного научно-методического центра по вопросам сексопатологии.

Известный английский психолог Ганс-Юрген Айзенк придает решающее значение в биологической детерминации сексуальности свойствам экстраверсии (ориентация преимущественно на внешние впечатления и деятельность) и интроверсии (ориентация на внутренний опыт, мысли о прошлом и будущем и т. п.), измеряемым специальными тестами. Экстраверсия и ее предполагаемые психологические компоненты — общительность и импульсивность —

имеют сложную биосоциальную природу [1]. Поскольку экстраверсия, по Айзенку, связана с меньшей возбудимостью коры головного мозга и, следовательно, с меньшим самоконтролем и эмоциональной сдержанностью, сексуальное поведение экстравертированных лиц обычно более активно и раскованно, чем интровертированных. Сравнение сексуального опыта одно- и двуяйцовых близнецов (153 мужчины и 339 женщин) показало, что по так называемому либидо-фактору (высокая сексуальная активность и половая возбудимость, агрессивность, готовность принять относительно безличные формы половой близости и одновременно низкие показатели по шкалам стыдливости и застенчивости) генетические различия объясняют около 67 % всех вариаций [156, 157]. Если даже сделать скидку на несовершенство методов и биологизаторские пристрастия Айзенка, эти данные заслуживают внимания. Да и странно было бы, если бы тип сексуального поведения не имел существенных генетических детерминант.

Половая конституция, телосложение, темперамент и другие параметры определяют психосексуальные установки и поведение индивида не непосредственно, а через его сексуальный сценарий (термин введен американскими социологами Джоном Ганьоном и Уильямом Саймоном), который формируется под влиянием научения в процессе индивидуального развития личности. Сексуальный сценарий как разновидность поведенческой программы, без которой не обходится никакое социальное поведение, предопределяет возможный и предпочитаемый тип сексуального партнера, эротические стимулы, требования к месту, времени и ситуации полового сближения и способы его обоснования и оправдания. Эти факторы мы подробнее рассмотрим позже, в связи с психологией сексуальности и закономерностями формирования сексуальной ориентации. Однако биология сексуальности не ограничивается эндогенными процессами. Спонтанные сексуальные реакции и тем более целенаправленные действия обычно предполагают взаимодействие двух или нескольких индивидов, причем на каждой стадии копулятивного цикла поведение одного партнера служит стимулом для другого. Бич называет это принципом взаимодополнительности стимула и реакции и прослежи-

---

[1] Айзенка справедливо критикуют за преувеличение генетических факторов в развитии интеллекта и связанные с этим реакционные политические выводы, но мнение о врожденном характере экстраверсии разделяют многие психологи.

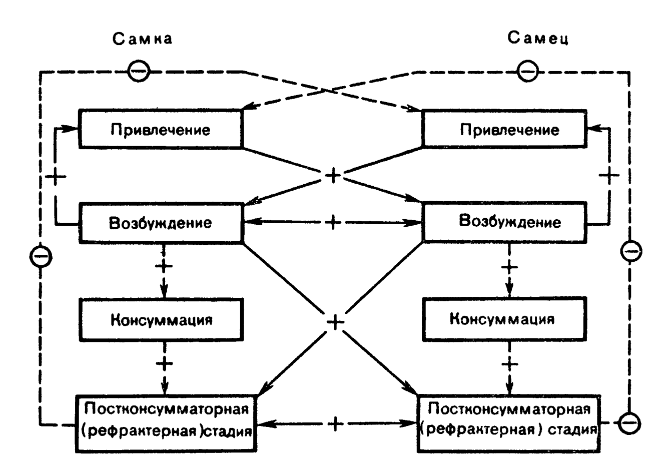

Рис. 2. Последовательные фазы взаимоотношений партнеров в копулятивном цикле (по Ф. Бичу).

вает его действие на 4 стадиях копулятивного цикла [100] (рис. 2).

Стадия **привлечения** характеризуется появлением сексуального интереса как у самца, так и у самки. У животных этот процесс регулируется гормонами, а соответствующий контакт устанавливается благодаря феромонам. У человека факторы сексуальной привлекательности партнера значительно более многообразны; чаще всего это образы или «когнитивные схемы», выработанные в процессе индивидуального развития.

Сексуальная привлекательность партнера вызывает половое **возбуждение**, которое выражается не только в соответствующих физиологических реакциях, но и в специфических для данного вида коммуникативных формах поведения («ухаживание» самца, «дразнящее» поведение или «подставление» самки и т. д.). При этом появляется определенная индивидуальная избирательность и иногда выясняется несовместимость намечавшейся пары. Доказано, что самцы неодинаково реагируют на разных самок (это изучалось на крысах, собаках и шимпанзе). Однако у большинства млекопитающих самцы в этом отношении менее разборчивы, чем самки. Демонстрация поведения, свидетельствующего о половом возбуждении, увеличивает привлекательность данной особи для партнера, вызывает у него встречную сексуальную реакцию, побуждая обоих партнеров переходить к следующей, консумматорной, стадии, т. е. к спариванию.

Стадия **консуммации** включает специфический для данного вида способ копуляции. Ритуал спаривания у большинства млекопитающих, по мнению зоологов, строго единообразен; животные не пытаются индивидуализировать или разнообразить его технику, у них нет эротики в человеческом смысле слова. Межвидовые различия в длительности и частоте копуляции очень велики. Длительность полового акта у животных обычно меньше, чем у человека. У слонов интромиссия продолжается меньше минуты, у быка — около 23 с, зато спаривание может быть очень частым. Ученые подсчитали, что один бык за 6 ч спаривался 77 раз, а пара львов в Дрезденском зоопарке за 8 дней спаривалась 360 раз [157]. Однако индивидуальные вариации в этом отношении очень велики. Следует подчеркнуть, что здесь также налицо взаимодействие: действия самца провоцируют соответствующие реакции самки, которые в свою очередь служат подкреплением самцу, приводя копулятивный акт к благополучному завершению.

Последняя, **постконсумматорная** (или рефрактерная), стадия характеризуется общим расслаблением и временным выпадением реакции на те стимулы, которые первоначально способствовали сексуальной привлекательности партнера. У всех изученных млекопитающих самцы после эякуляции временно становятся «импотентными» (продолжительность рефрактерной стадии зависит от вида, возраста, индивидуальности и особенно числа предшествующих эякуляций), самки же большей частью остаются сексуально рецептивными в течение всего периода течки, значительно превосходя в этом смысле самцов, хотя процептивность самки, ее склонность самой инициировать спаривание после удачной копуляции обычно временно уменьшается. У ряда видов отмечен так называемый эффект Кулиджа [1]: при появлении новой сексуально привлекательной самки потенции самца восстанавливаются значительно быстрее, чем с самкой, с которой он уже спаривался. Какова же психофизиология полового акта у человека?

До 1966 г., когда вышла классическая работа американских ученых гинеколога Уильяма Мастерса и психоло-

---

[1] Название феномена связано с историческим анекдотом. Рассказывают, что при посещении президентом США К. Кулиджем животноводческой фермы его жена обратила внимание на необычайно высокую активность племенного быка. «Ты права, дорогая,— согласился Кулидж.— Но заметила ли ты, что он ни разу не покрыл вторично одну и ту же корову?» [168].

га Вирджинии Джонсон «Человеческая сексуальная реакция» [249], сексологическая клиника, как правило, имела дело только с одиночками. Врачи лечили мужчин «от импотенции», а женщин — «от фригидности», давали консультации по вопросам половой жизни, но сексуальный партнер, супруг или супруга привлекались лишь эпизодически. Как фактически происходит половой акт и каковы психофизиологические реакции партнеров друг на друга на разных стадиях копулятивного цикла, ученые знали лишь по собственному опыту да по рассказам друзей или пациентов. Можно ли объективно судить о том, чего нельзя наблюдать? Особенно загадочной была физиология женского оргазма. Не зная его, можно ли добиться желанной согласованности мужских и женских сексуальных реакций, чтобы оба партнера получали максимальное удовлетворение? О лабораторном исследовании полового акта мечтал уже Кинзи. Правда, самая мысль об этом казалась кощунственной, нарушая вековые нормы стыдливости, но так ли универсальны эти нормы? Этнографическая и медицинская литература знает немало случаев, когда половой акт совершался на глазах у многочисленных зрителей. Так почему не в лаборатории?

Уильямс Мастерс заинтересовался этой проблемой еще на студенческой скамье. Учителя предостерегали его, что за столь рискованное дело можно взяться только при 3 условиях: быть человеком зрелого возраста, не моложе 40 лет; иметь солидную профессиональную репутацию в другой, смежной области знания; пользоваться финансовой и моральной поддержкой крупного университета. Эти условия, кроме первого (ему было 38 лет), Мастерс выполнил к 1954 г., когда совместно с Джонсон приступил к осуществлению «Проекта исследования пола», позже получившего название «Проекта по исследованию репродуктивной биологии» под эгидой медицинского факультета Университета имени Вашингтона в Сент-Луисе. В 1964 г. Мастерс основал в Сент-Луисе на частные средства собственный Исследовательский институт репродуктивной биологии, успешно работающий и сегодня.

Мастерс и Джонсон начали с того, что просили своих друзей и университетских коллег направлять к ним людей, готовых подвергнуться сексологическому исследованию. Пришедших 1273 добровольцев детально опросили об их сексуальной жизни (вопросы были в основном те же, что у Кинзи); кроме того, на них были составлены медицинские карты. Подробные интервью позволили ученым лично познакомиться с обследуемыми, установить

с ними доверительный контакт и тактично отсеять тех, кто по каким-либо причинам не подходил для дальнейших исследований. После заполнения сексуальных «историй» и обсуждения связанных с ними проблем добровольцы прошли медицинское обследование, включая сексологическое. Для эксперимента были отобраны 382 женщины и 312 мужчин (296 супружеских пар, остальные не состоящие в браке) в возрасте от 18 до 78 лет. Им помогли привыкнуть к лабораторной обстановке, познакомили с функциями всех приборов, а затем во время серии половых актов тщательно замеряли физиологические реакции обоих партнеров. Кроме того, проводился ряд экспериментов мастурбационного типа, например женщины мастурбировали с помощью искусственных половых членов разных размеров, а встроенная в эти приборы электроника фиксировала тончайшие физиологические реакции гениталий. В общей сложности ученые наблюдали 7500 законченных женских и 2500 мужских сексуальных циклов. Хотя лабораторные условия сказывались на сексуальных реакциях обследуемых (у мужчин больше, чем у женщин), полученные результаты были исключительно важны.

Впервые были объективно описаны и сформулированы основные фазы копулятивного цикла: 1) возбуждение; 2) «плато», когда половое возбуждение уже не нарастает, но поддерживается на определенном уровне; 3) оргазм и 4) «разрешение», снятие напряжения и особенности этих фаз у мужчин и женщин. Хотя о таких или подобных фазах было известно уже в древности и они не раз описывались в литературе, никто до Мастерса и Джонсон не мог подробно представить копулятивный цикл как систему парного взаимодействия. В связи с этим были опровергнуты или поставлены под сомнение многие традиционные представления. Например, величина полового члена, которую обыденное сознание считает одним из главных показателей маскулинности и условием сексуальной эффективности мужчины, оказалась физиологически не очень существенной. Во-первых, разница в длине полового члена в спокойном состоянии [1] частично нивелируется при эрекции, короткий половой член часто увеличивается больше, чем длинный. Во-вторых, опыты мастурбации женщин с искусственным половым членом разной длины и диаметра показали исключительную

[1] По Г. С. Васильченко, она колеблется в норме от 5 до 12 см, по Мастерсу и Джонсон — от 6 до 14 см при среднем размере 8,5—10,5 см.

пластичность женских гениталий, которые быстро приспосабливаются к размерам полового члена. Уровень и длительность эрекции, а также техника полового сношения влияют на сексуальное удовлетворение женщины гораздо больше, чем размеры полового члена.

Было поколеблено старое фрейдистское представление о двух разных типах женского оргазма — клиторальном и вагинальном, из которых первый, как полагал З. Фрейд, есть признак маскулинности женщины и ее «вагинальной фригидности». Такое определение вызывало большую тревогу у тех женщин, которые чувствовали, что их главные сексуально-эротические ощущения локализованы не во влагалище, а в клиторе. Мастерс и Джонсон пришли к выводу, что отдельного вагинального оргазма физиологически не существует.

Мастерс и Джонсон провели серию экспериментальных исследований, в которых оценивались отдельные физиологические параметры человеческих сексуальных реакций (пульс, артериальное давление, ЭКГ, ЭЭГ и др.). Совершенствование медицинской аппаратуры, появление новых эректометров, миниатюрных приборов для записи физиологических реакций и других приборов позволяют сегодня фиксировать сексуальные реакции, не нарушая их интимности. Исключительное значение имели разработанные Мастерсом и Джонсон принципы так называемой парной секс-терапии, помогающей взаимной адаптации партнерской пары на основе не только психофизиологических, но и социально-психологических методов [227а, 250, 319]. Работы Мастерса и Джонсон сразу же получили научное признание, хотя и не без оговорок. Так, Г. С. Васильченко [62] отмечает недостатки некоторых диагностических методов Мастерса и Джонсон, а также абсолютизацию ими психогенных и недооценку соматических и особенно нейрогуморальных факторов. Социологи отмечали специфичность и ограниченность выборки американских исследователей, указывая, что полученные на ней результаты могут и не подтвердиться в других социальных средах. Большие споры идут вокруг «вагинального оргазма». Вопреки мнению Мастерса и Джонсон, многие видные психиатры и гинекологи, например А. М. Свядощ и З. В. Рожановская [68], Р. Столлер и С. Фишер [162], утверждали, что женщины достаточно определенно различают клиторальный и вагинальный оргазм. Последующие исследования подтвердили их правоту.

Самые серьезные замечания в адрес Мастерса и Джонсон высказывали психологи. «Сексуальные реакции»,

изученные американскими учеными, это биосексуальные психофизиологические реакции, которые можно зафиксировать объективными физиологическими методами. Однако сексуальное поведение человека к ним не сводится. Известный американский психолог Абрахам Маслоу, приветствуя труд Мастерса и Джонсон, одновременно призывал дополнить его исследованиями, где сексуальность рассматривалась бы в контексте эмоциональных, любовных, личностных отношений, а также в связи с трансцендентными, мистическими переживаниями, когда физическая близость воспринимается как священный акт и религиозная церемония. Это, конечно, невозможно в лаборатории.

Тем не менее изучение копулятивного цикла как единого процесса парного взаимодействия имело громадное методологическое значение. В конце 70-х годов на этой основе началось экспериментальное изучение такого важного явления, как синхронизация гормональных и психофизиологических процессов супружеской пары и др. Однако структура сексуального поведения любого животного соотносится с определенной видовой программой, которая отчасти закодирована генетически, а отчасти вырабатывается и усваивается индивидами с помощью научения и в процессе общения с себе подобными. Чтобы понять этот едва ли не самый важный аспект биологии сексуальности, нам придется обратиться к данным эволюционной биологии, этологии и антропологии.

ОТ ЖИВОТНЫХ К ЧЕЛОВЕКУ

Первой попыткой систематического сопоставления сексуального поведения человека и животных явилась книга Форда и Бича, в которой впервые были сведены воедино все известные в то время данные о способах копуляции, сексуальной стимуляции, условиях полового сношения, способах привлечения партнера, самостимуляции, гомосексуальном поведении, половых отношениях между особями разных видов, стадиях полового созревания, циклах фертильности и прочем у разных биологических видов и в разных человеческих обществах [166]. По мере дальнейшего развития эволюционной физиологии, сравнительной психологии и особенно этологии, изучающей поведение животных в естественных условиях, появилось множество специальных исследований, посвященных репродуктивному и сексуальному поведению различных животных [336]. Экспериментальные исследования и

наблюдения в естественных условиях охватывают сегодня самый широкий круг явлений: и сексуальные реакции отдельной особи, и способы взаимодействия самца и самки на разных стадиях копулятивного цикла, и связь всего этого с закономерностями групповой, стадной, жизни животных.

При этом были преодолены 3 главные ошибки ранних исследований. Во-первых, считалось, что сексуальное поведение животных целиком инстинктивно и регулируется программой, однозначно закодированной в организме. В действительности это не так: наряду с генетически заданной программой высшие животные имеют особые механизмы индивидуального научения, при отсутствии которого физиологически нормальное, здоровое животное оказывается неспособным к размножению. Во-вторых, выяснилась ошибочность интерпретации внешних черт и отдельных компонентов поведения животных в «человеческих» терминах, по аналогии с сексуальным поведением человека. В-третьих, выявилась неправомерность рассмотрения сексуальных автоматизмов и реакций исключительно в контексте репродуктивного поведения, без учета других сторон жизни животных.

Понять человеческую сексуальность, минуя данные филогенеза, невозможно. Однако реконструкция филогенеза осложняется не только недостатком данных. Бич, который заслуженно считается в этой области классиком, призывает к осторожности при сопоставлении сексуального поведения животных разных видов [100]. Описательный уровень межвидового сравнения фиксирует лишь некоторые формальные сходства поведения. Как бы ни были увлекательны эти сходства, сами по себе они ничего не объясняют. Например, хотя известно, что некоторые мужчины и самцы норки причиняют своим сексуальным партнерам физические страдания, эти факты, взятые по отдельности, не объясняют друг друга. Точно так же констатация того факта, что у многих млекопитающих половому акту обычно предшествует орально-генитальный контакт, не объясняет человеческих фелляции и куннилингуса. Гомосексуальное поведение у некоторых животных ничего не говорит о причинах гомосексуальности у человека и о том, можно ли считать ее «биологически нормальной». Аналогия — не только не доказательство, но и не объяснение. Теоретические обобщения правомерны лишь на аналитическом уровне, когда устанавливаются причинные связи и адаптивные функции сравниваемых реакций и способов поведения, а это куда как сложно.

В последние годы в изучении филогенеза человеческой сексуальности наметилось плодотворное сотрудничество социобиологии, семиотики и психоанализа. Д. Ранкур-Лаферрьер (1985) убедительно показывает, например, что прямохождение не только изменяет соотношение обонятельных и зрительных стимулов, но и формирует принципиально новую систему сексуальной сигнализации, возможность сознательного подавления сексуальных реакций и т. д. Однако необходимо строго различать, как вырабатываются те или иные поведенческие структуры и почему они возникают (Д. Саймонс, 1979). Многие обобщения, «самоочевидные» для дилетанта, специалист считает неверными или во всяком случае упрощенными. Мелвин Д. Коннер [225] называет 4 таких ошибочных заключения.

1. «Онтогенез повторяет филогенез». Хотя тут есть доля истины, онтогенез повторяет не взрослые фазы предшествующих форм развития, а только — и то лишь до некоторой степени — ранний онтогенез этих форм. Иначе говоря, в поведении детей можно найти нечто общее с поведением детенышей животных, но нелепо искать прообразы детского поведения в поведении взрослых особей этих видов.

2. «Чем „сложнее“ животное, тем медленнее его развитие, тем менее развито оно в момент рождения и тем пластичнее его поведенческий репертуар» — тоже слишком грубое обобщение. Не существует методов, позволяющих расположить все виды животных иерархически. Кроме того, пластичность варьирует даже у близких видов, и это далеко не всегда связано с медленностью развития. Хотя в целом поведенческая пластичность увеличивается с приближением к человеку, отсюда нельзя вывести более конкретных предсказаний. Наконец, уровень развития при рождении — понятие далеко не однозначное. Он зависит не только от общих филогенетических закономерностей, но и от специфических условий существования данного вида, к тому же разные органы и поведенческие системы развиваются в разном темпе.

3. «Если какое-то поведение филогенетически широко распространено, оно является „фиксированным образом действия“ или „инстинктом“ и, следовательно, генетически обусловлено, так что бессмысленно пытаться изменить его». В этом силлогизме все неверно. Во-первых, аналогия — не гомология. Очень разные животные могут в ходе эволюции сталкиваться с близкими проблемами и их решения могут выглядеть сходными и выполнять сходные функции, но с помощью разных механизмов.

Крылья развились у насекомых из туловища, у птиц — из передних конечностей, у летучих мышей — из пальцев. Формирование детских привязанностей очень напоминает импринтинг у птиц, но мы не знаем, идентичны ли их механизмы. Во-вторых, «фиксированные структуры действия», которые раньше называли истинктами, формируются разными путями, в том числе посредством научения. «Универсальное» не всегда значит «генетически заданное». В-третьих, даже генетические свойства при известных условиях поддаются изменению.

4. «Если животные столь различны, нужно обращать больше внимания на тех, что стоят ближе к человеку, так как это более поучительно». В этом тоже есть доля истины, но филогенетическая близость — только один из главных принципов межвидового сравнения, в числе которых также сходства репродуктивного поведения, экологической адаптации и основных сенсорных процессов коммуникации. Всегда надо учитывать, что именно сравнивается. Например, по установлению «парных союзов» и способам обучения потомства львы и лисицы имеют с человеком больше общего, чем наши ближайшие родственники — шимпанзе.

Все это обязывает к большей осторожности в теоретических обобщениях, основанных на изучении филогенеза. Наиболее общая филогенетическая тенденция, существенная для понимания человеческой сексуальности — прогрессивное усложнение, дифференцировка и автономизация сексуальной анатомии, физиологии и поведения. Чем выше уровень биологической организации вида, тем более сложной и многоуровневой становится система его репродуктивных органов и способов ее регуляции на уровне организма. Это связано также с усложнением и автономатизацией самой сексуальной функции.

Эволюция сексуального поведения — самый яркий пример филогенетического восхождения от жестко запрограммированного поведения к гибкому и избирательному [357]. У самцов насекомых центр копулятивного поведения помещается в нервных узлах на животе, а мозг выполняет главным образом функцию торможения. Некоторые насекомые могут спариваться, даже будучи обезглавлены. Характер сексуального поведения позвоночных тесно связан с объемом их головного мозга. У самца лабораторной белой крысы можно удалить до 20 % коры головного мозга, не нарушив его сексуального поведения; пятая часть этих животных может нормально спариваться даже при отсутствии половины коры. У котов с повреж-

дениями лобных долей копуляция уже расстраивается: в присутствии самки в эструсе самец обнаруживает сильное половое возбуждение, но не может достичь необходимой для интромиссии координации движений. Еще чувствительнее к мозговым нарушениям приматы. С увеличением размеров мозга значение социального научения и индивидуального опыта растет, а эффективность гормональной регуляции, наоборот, снижается.

Усложняется и сама структура сексуального поведения. Хотя по своим истокам половые отношения детерминированы необходимостью продолжения рода, ни одно животное не спаривается специально ради размножения. Чтобы понять копулятивное поведение животных, необходимо представить себе, какие положительные стимулы или подкрепления побуждают их к этому. У большинства млекопитающих копулятивный цикл является сезонным и ограничен жесткими временными рамками; спаривание происходит только в период течки, который одновременно является периодом максимальной фертильности самок. Это поведение находится под постоянным гормональным контролем, и соответствующие физиологические реакции наступают в значительной степени автоматически. У приматов и особенно у человека картина меняется. Сексуальная активность постепенно автономизируется от репродуктивной функции. Шимпанзе (во всяком случае в неволе) иногда копулируют с самками вне периода течки, когда они, следовательно, инфертильны. У человека половая жизнь вообще не ограничена сезонно и не связана с женским менструальным циклом. Такое относительное ослабление гормонального и средового (влияния таких внешних факторов, как свет, температура, влажность) контроля за сексуальным поведением физиологически связано с процессом «энцефализации», т. е. развития высших отделов мозга, которые ставят под свой контроль также и непосредственное действие гормонов [298].

Автономизация сексуального поведения от репродуктивной функции неизбежно увеличивает многообразие его форм. Оно становится более избирательным, селективным как в отношении своих объектов, так и в отношении условий и способов осуществления. Отсюда вытекает растущее значение индивидуального научения. Еще в начале 40-х годов Бич исследовал зависимость сексуального поведения крыс от условий их развития. Крысята-самцы отнимались от матери в возрасте 21 дня и часть их выращивалась без общения с самками, а часть — в полной изоляции. В первой группе никаких нарушений не проис-

ходило, самцы из второй группы, достигнув половой зрелости, обнаружили недостаток копулятивных навыков и совершали гораздо больше неправильных наскоков, чем контрольная группа. В последние десятилетия такие эксперименты проводились на животных разных видов.

Например, ленинградские физиологи В. В. Антонов и М. М. Хананашвили [12] экспериментировали со щенками-самцами (всего 21 щенок). Животные первой, контрольной, группы выращивались вместе с матерью и сверстниками, второй — только с матерью, но без щенков, третьей — без матери, но со щенком-самкой, четвертой — в полной изоляции от сверстников, пятой — со взрослым самцом и другим щенком того же пола, а щенки шестой группы — с момента рождения были отданы на воспитание кошке. Щенки, выращенные без матери, без общения со взрослыми собаками или без контактов с самками, в раннем возрасте не обнаружили в копулятивном поведении существенных отличий от контрольной группы. Зато из 6 самцов, воспитанных без общения со сверстниками, только двоим удалось несколько раз достичь интромиссии, причем и они делали много неверных движений и даже после нескольких успешных спариваний их копулятивные навыки существенно не улучшались, так что самки вскоре перестали подпускать их к себе.

Еще больше впечатляют в этом отношении знаменитые опыты Гарри Харлоу и его сотрудников с макаками-резусами [199; 200]. Манипулируя общением новорожденных обезьян, выращивая их без матери, с искусственной матерью, в полной изоляции или без сверстников, ученые установили, что самцы, выращенные в изоляции от сверстников, даже при матери, оказываются не способными к нормальному копулятивному поведению, причем это не поддается коррекции в дальнейшем. Иначе говоря, обезьянам необходима некоторая первичная половая социализация. Ее отсутствие сказывается двояко.

Во-первых, не имея возможности играть со сверстниками и подростками, детеныш не может своевременно овладеть основными приемами копулятивной техники (генитальные игры и имитация полового акта занимают важное место в жизни всех высших животных). Во-вторых, детеныши, выращенные в изоляции, отстают в эмоциональном развитии и не могут выработать у себя необходимых коммуникативных навыков, умения общаться с себе подобными; их поведение напоминает реакции аутистических детей. К потенциальным сексуальным

партнерам такие обезьяны проявляют агрессивность или страх. Общение со сверстниками и соответствующие аффективные переживания, подчеркивает Харлоу, во многом определяют все последующее развитие индивида, особенно его сексуальных реакций и поведения. Таким образом, копулятивное поведение отдельной особи не есть нечто изолированное, оно предполагает усвоение свойственной данному виду социосексуальной матрицы, в которой отдельные сексуальные реакции выполняют не только физиологические, но и знакомые функции.

Как подчеркивает Бич [100], спаривание стадных животных происходит не в социальном вакууме, а в определенной системе отношений с другими членами стада. Например, доминантная самка в собачьей своре может воспрепятствовать самцу спариться с другой самкой. Самец обезьяны, занимающий низкое место в иерархии, не осмеливается приблизиться к самке в период эструса, если рядом находится самец более высокого ранга, но спаривается с нею, как только тот отходит. Возраст, когда животные начинают спариваться, также зависит не только от их полового созревания, но и от социальной организации, свойственной данному виду. Самцы морских свинок или крыс начинают спариваться и производить потомство, как только их семенники начинают производить зрелую сперму. Напротив, молодой павиан вынужден ждать такой возможности еще несколько лет после полового созревания: чтобы получить доступ к рецептивным самкам, он должен не только достичь своего полного роста, но и завоевать определенное положение в стаде.

У некоторых видов спаривание монопольно принадлежит немногим доминантным самцам, которые подавляют проявления агрессивности внутри группы и совместно наказывают нарушителей порядка.

В свете общей логики полового диморфизма генетическая функция самца состоит в том, чтобы оплодотворить как можно больше самок, обеспечив тем самым передачу своих генов потомству. Самка обеспечивает сохранение потомства и унаследованных качеств. Это подкрепляется и данными репродуктивной биологии: самец обладает почти неограниченным запасом семени, тогда как количество яйцеклеток у самки строго ограничено. Кроме того, сексуальная активность самки млекопитающих лимитируется тем, что она должна выносить, выкормить и вынянчить потомство. Видимо, поэтому природа позаботилась о том, чтобы самки большинства млекопитающих

могли спариваться только в период эструса, в другое время они реагируют на приближение самца агрессивно, что накладывает соответствующие сезонные ограничения и на самцов. Однако половая жизнь самцов у большинства видов более экстенсивна; один и тот же самец обычно оплодотворяет многих самок (с этим связан и «эффект Кулиджа»), в «семейной» структуре некоторых видов это закрепляется существованием «гаремов» и т. д.

Следует подчеркнуть, что асимметрия половых ролей и сексуального поведения в животном мире не означает, что самец обязательно господствует над самкой. Самцу принадлежит монополия ухаживания, причем внутриполовой отбор самцов часто определяется состязанием в силе. Однако самка не просто становится добычей победителя, а выбирает его из нескольких возможных претендентов. При этом имеют значение не только физические данные самца, но и то, какими материальными ресурсами он потенциально располагает. Это особенно заметно у птиц. Например, самка крапивника выбирает себе самца не по его внешности или красивому голосу, а по тому, насколько хорошей, богатой территорией он владеет, от чего зависит благополучие потомства [357]. Иначе говоря, это «брак по расчету»: преимущество получает самец, способный не только быть производителем, но и обеспечить наиболее благоприятные условия для выращивания потомства.

Диапазон типов сексуального поведения у животных чрезвычайно широк — от внешне беспорядочного спаривания у одних видов до длительного парного сожительства у других.

Как подчеркивает Бич, формы копулятивного поведения всегда имеют какую-то видовую целесообразность, причем не только с точки зрения продолжения рода, но и с учетом других особенностей видового поведения, зависящих в конце концов от экологии. В частности, переход от полигамии, преобладающей у большинства видов, к «моногамии», т. е. устойчивому брачному союзу самца и самки хотя бы на срок выращивания одного выводка, обусловлен, по мнению Э. Уилсона [357], специфическими условиями, когда одна самка без помощи самца не может вырастить потомство (скудость пищевых ресурсов, необходимость охраны территории от врагов, длительность периода, когда детеныши беспомощны и требуют постоянной материнской опеки и т. п.). Там, где родительские функции выполняет исключительно самка и «отцовства» не существует, отпадает необходимость в длительном

предварительном ухаживании и тем более в тесном и длительном брачном союзе [1] [299].

Однако, как уже отмечалось, сексуальное поведение высших животных связано не только с репродуктивной функцией. Некоторые физиологические сексуальные реакции приобретают у них, как и у людей, условный, знаковый характер, имеющий более общее коммуникативное значение. Так обстоит дело, например, с эрекцией и демонстрацией эрегированного полового члена. Физиологически эрекция полового члена принадлежит к числу непроизвольных и неспецифических реакций. У молодых особей она возникает не только в связи с половым возбуждением, но и в ситуациях, вызывающих страх, агрессию, вообще эмоциональное напряжение. Даже новорожденные самцы приматов, включая человека, делают характерные телодвижения, выпячивая половой член, как при копуляции.

У взрослых самцов эти рефлекторные телодвижения приобретают смысл знака, становятся жестами. Так, у обезьян саймири, которых наблюдали Д. Плоог и П. Мак-Лин [285], демонстрация эрегированного полового члена другому самцу — жест агрессии и вызова. Если самец, которому адресован такой жест, не примет позы подчинения, он тут же подвергнется нападению. В стаде существует жесткая иерархия в отношении того, кто кому может показывать половой член. По мнению ученых, эта иерархия служит более надежным показателем статуса и ранга отдельных животных, чем даже последовательность приема пищи. Сходная система ритуалов и жестов существует у павианов [140], горилл и шимпанзе. Известен и механизм передачи этой знаковой системы: пока детеныш мал, на его эрекции не обращают внимания, но как только он вступает в период полового созревания, взрослые самцы воспринимают эрегированный половой член как жест вызова и жестоко бьют «подростка», так что, вырастая, он уже осведомлен о значении этой физиологической реакции и соответственно контролирует ее. «Отпугивающая» сила полового члена применяется и против внешних врагов. Вольфганг Виклер [355] описал так называемых караульных павианов и зеленых обезьян в Африке: стадо кормится или отдыхает, а такие самцы сидят на видных

[1] Различия между животными в этом отношении огромны. У беспозвоночных из 10 тыс. «полигамных» видов приходится меньше одного «моногамного» вида, тогда как среди птиц сезонная «моногамия» существует приблизительно у 91 % всех видов [357].

местах, расставив ноги и демонстрируя частично эрегированный половой член. Это служит как бы предупреждением чужакам, чтобы они не тревожили стадо. Связь такого поведения с древними фаллическими культами, о которых мы будем говорить позже, достаточно очевидна [158].

К тому же кругу устойчивых филогенетических констант относится ассоциация маскулинной копулятивной позы с доминантным, а фемининной — с подчиненным положением. Этот вопрос тесно связан с феноменом гомосексуальности у животных. Многократно наблюдая попытки спаривания двух самцов (они зафиксированы у многих видов) или двух самок (этот феномен описан у 13 видов, представляющих 5 различных отрядов млекопитающих), ученые обычно интерпретировали такое поведение по аналогии с гомосексуализмом у человека. Однако Бич [100] указывает на искусственность подобных аналогий, не принимающих в расчет, какой именно контакт происходит при этом между однополыми животными и что значит такое поведение у данного вида. Копулятивное поведение любых животных предполагает взаимную реакцию на поведение партнера. При этом фемининное сексуальное поведение — стимул, провоцирующий скорее маскулинную, чем фемининную реакцию, и наоборот. Если бы принцип взаимодополнительности стимула и реакции, действующий независимо от генетического пола индивидов, был единственным регулятором сексуального взаимодействия, то поведение всех животных было бы бисексуальным. Однако этого нет и не может быть, потому что особи разного пола обладают разной восприимчивостью к таким стимулам: гомологические реакции, т. е. реакции, соответствующие биологическому полу, вызываются гораздо легче, чем гетерологические, не соответствующие их биологическому полу. Сталкиваясь с гетерологическим сексуальным поведением, когда самец «подставляется», а самка совершает «наскок», нужно внимательно проанализировать ситуацию, в которой происходят эти действия, и видовые особенности данных животных.

Как пишет американский зоолог Р. Деннистон [138], гомосексуальное поведение имеет мало общего с физиологическими, гормональными аномалиями и большей частью обусловлено поведенческими, ситуативными факторами. Здесь есть несколько типичных случаев.

1. Трудность распознавания истинного пола партнера. Некоторые животные, например лягушки и жабы, вообще

не могут распознать пол партнера на расстоянии. Сексуально активный самец наскакивает на любой движущийся организм своего вида; дальнейшее зависит от реакции объекта: самка поведет себя рецептивно, а самец начнет сопротивляться, заставив «насильника» уйти. Быки и жеребцы в состоянии возбуждения нередко наскакивают даже на неодушевленные предметы. Однако наскок одного самца на другого чаще происходит в отсутствие самки, при появлении которой самец обычно переключает внимание на нее.

2. Ситуация, когда сексуальное поведение выражает иерархические отношения господства — подчинения. Иногда копулятивные позиции только имитируются, иногда имеется реальный сексуальный контакт, в котором доминантный самец или самка выполняет маскулинную роль, а более слабый партнер пассивно подчиняется. Такое поведение зафиксировано у многих животных — овец, горных коз, ящериц, обезьян, дельфинов и т. д.

3. Сексуальный контакт как элемент игровой активности молодых животных, имитирующих копуляцию независимо от пола партнера. Это бывает почти у всех млекопитающих. Известны также факты взаимной мастурбации у однополых животных (например, у слоних).

У обезьян «подставление» — своеобразный жест примирения после ссоры. Молодые самцы, выросшие вместе и связанные узами взаимной привязанности, нередко «подставляются» или наскакивают друг на друга, но, как в детских играх, это чаще всего лишь выражение дружеских чувств, не сопровождающееся реальной интромиссией. То же может происходить в состоянии аффекта. По словам Д. Лавик-Гудолл, «в момент чрезмерного волнения один самец (шимпанзе.— *И. К.*) может прижаться к другому и даже взобраться на него, но эта форма поведения... не имеет ничего общего с гомосексуализмом, а выражает лишь потребность в физическом контакте с сородичем» [230].

Лишь в очень редких случаях можно говорить об исключительно гомосексуальном поведении, обусловленном пренатальной феминизацией самцов или специфическими условиями индивидуального развития, например, когда два однополых щенка растут в изоляции от других животных и все их привязанности сосредоточены друг на друге. В связи с этим ученые, особенно психологи, не склонны видеть в бисексуальном поведении животных прообраз или аналог человеческой гомосексуальности, в основе которой лежит особая эротическая ориентация.

Подводя итоги, можно сказать, что биологическая сексология раскрывает многие фундаментальные предпосылки, детерминанты и компоненты сексуального поведения и мотивации на уровне индивида, пары и популяции. Поскольку сексуальное поведение не сводится к репродуктивной биологии и является полифункциональным и многоуровневым, ни одна биологическая дисциплина в отдельности, ни все они вместе взятые не претендуют на его всестороннее объяснение. Генетические, нейрофизиологические, психогормональные и прочие специально-научные теории и подходы не исключают друг друга, а границы правомерности каждого подхода невозможно установить априорно; они проясняются и изменяются в ходе живого развития науки, на основе сопоставления и критического анализа данных, полученных разными науками. Эндогенные факторы психосексуального развития и поведения нельзя понять отдельно от средовых и ситуативных. Если это верно относительно животных, то подавно невозможно чисто биологическое объяснение человеческой сексуальности, находящейся под социальным и культурным контролем.

ГЛАВА 3

СЕКСУАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРА

В МИРЕ ОБРЯДОВ И СИМВОЛОВ

Социокультурный подход в сексологии охватывает широкий и довольно разнородный круг исследований, в основе которых лежат следующие принципы: 1) сексуальное поведение и мотивация — не биологические, а социокультурные явления; 2) исходная единица исследования — не индивид и не пара, а социальное целое; 3) сексуальное поведение и установки индивидов производны от соционормативной культуры общества, которая в свою очередь зависит от его социальной структуры и образа жизни; 4) отдельные элементы сексуальной культуры — эротический код, нормы сексуального поведения и другие, с одной стороны, коренятся в биологическом наследии человека, а с другой — детерминированы внутренней логикой и последовательностью культуры как системного целого, но сексуальная культура в целом — социальное явление; 5) хотя сексуальная культура разных человеческих обществ имеет общие компоненты, в целом она весьма разнообразна и исторически изменчива; отсюда следует необходимость ее сравнительно-исторического исследования, интегрирующего данные социологии, этнографии, социальной истории, исторической и кросскультурной психологии, этологии и языкознания; 6) разные социальные группы и слои одного и того же общества могут существенно различаться по своим установкам и поведению; отсюда вытекают многообразные половые, возрастные, социопрофессиональные, этнические, конфессиональные, сексуально-ориентационные и прочие сексуальные субкультуры; 7) отдельные элементы сексуальной культуры и вся она в целом неразрывно связаны с более общими социокультурными явлениями и изменяются вместе с ними. Это положение распространяется не только на нормативную культуру, но и на поведение отдельных индивидов, которое может быть понято только в связи с их конкретной социальной принадлежностью, субкультурой, статусно-ролевыми характеристиками и т. д.

В любом из существовавших до сих пор человеческих обществ обнаруживаются какое-то разделение труда между полами, специфические для мужчин и женщин виды деятельности и социальные функции. Социальные нормы, определяющие, чем должны или не должны заниматься мужчины и женщины, называются социальными половыми ролями или, для краткости, просто половыми ролями, а реальное поведение, реализующее эти нормативные ожидания или ориентированное на них,— полоролевым поведением. Автономным аспектом дифференцировки половых ролей являются представления о том, чем отличаются или должны отличаться друг от друга мужчины и женщины по физическим, социальным и психическим качествам — **социально-психологические стереотипы маскулинности и фемининности.** Такие стереотипы существуют как на высших уровнях культуры, в рамках религиозных или философских систем, осмысливающих природу половых различий (половой и сексуальной символизм), так и в повседневном обыденном сознании (стереотипы обыденного сознания). Естественное разделение труда между полами — древнейшая форма разделения труда, причем эта дифференцировка представляется людям вечной и ненарушимой. По словам Ксенофонта, «природу обоих полов с самого рождения... бог приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины — для внешних. Тело и душу мужчины он устроил так, что он более способен переносить холод и жар, путешествия и военные походы, поэтому он назначил ему труды вне дома. А тело женщины бог создал менее способным к этому и потому, мне кажется, назначил ей домашние заботы» («Домострой», VII, с. 22—23). Это подкрепляется также ссылкой на обычай, по которому «женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах» («Домострой», VII, с. 30—31).

Представление об универсальности данной системы, основанной якобы на «естественной взаимодополнительности» полов, господствовало в западной социологии вплоть до середины 60-х годов. Наиболее подробно ее обосновали американские социологи Толкотт Парсонс и Роберт Бейлс [278]. Дифференцировка мужских и женских ролей в семье и общественно-производственной жизни, по их мнению, неустранима, так как основана на естественной взаимодополнительности полов. Мужские роли и мужской стиль жизни являются преимущественно «инструментальными», а женские — «экспрессивными».

Мужчина обычно бывает кормильцем, «добытчиком», а в семье осуществляет общее руководство и несет главную ответственность за дисциплинирование детей, тогда как более эмоциональная по своей природе женщина поддерживает групповую солидарность и обеспечивает необходимое детям эмоциональное тепло. Радикальное изменение этой структуры, по Парсонсу, невозможно. Как бы ни вовлекалась современная женщина в общественно-трудовую жизнь, женская роль «продолжает корениться прежде всего во внутренних делах семьи, где женщина выступает как жена, мать и хозяйка дома, тогда как роль взрослого мужчины коренится прежде всего в профессиональном мире, в его работе, которая обусловливает и его функции в семье — обеспечение ей соответствующего статуса и средств к существованию. Даже если, что вполне возможно, окажется, что средняя замужняя женщина начнет работать, в высшей степени маловероятно, чтобы это относительное равновесие было нарушено, чтобы мужчина и женщина поменялись ролями или чтобы качественная дифференциация ролей в этих отношениях полностью изгладилась» [278].

Теория «взаимодополнительности» мужских и женских ролей подтверждалась тем, что этот тип ролевой дифференцировки («инструментальность» мужских и «экспрессивность» женских ролей) широко распространен в обществах разного типа. Проанализировав под этим углом зрения этнографические описания 56 различных обществ, американский социолог Моррис Зелдич нашел, что материнская роль является экспрессивной в 48, инструментальной — в 3 и смешанной — в 5. Отцовская роль оказалась инструментальной в 35, экспрессивной — в 1 и смешанной — в 19 обществах [278]. Эта теория подкреплялась также данными дифференциальной психологии, согласно которым женщины субъективнее и чувствительнее к человеческим взаимоотношениям и их мотивам, чем мужчины; мужчины больше тяготеют к предметной деятельности, связанной с преодолением физических трудностей или с развитием абстрактных идей, тогда как у женщин сильнее выражены гуманитарные склонности, и т. д. Наконец, особое положение женщины в семье обусловлено ее материнскими функциями, которые детерминированы биологически и не зависят от социальных условий.

Однако проблема не так проста. Прежде всего нормы полового разделения труда совсем не универсальны в разных человеческих обществах. Сравнительный анализ

этнографических данных по 185 обществам [272] показал, что есть весьма существенные вариации, зависящие не от биологии, а от культуры. Кроме того, это фактор исторически изменчивый. В СССР более половины врачей — женщины, тогда как в США врачебная профессия остается в основном монополией мужчин. Ясно, что это объясняется не особенностями психологии советских и американских женщин, а различиями социальных условий.

Характер общественных взаимоотношений между полами зависит не только и не столько от самого полового разделения труда, круга специфических обязанностей мужчин и женщин, сколько от распределения власти, меры общественного признания, престижности мужских и женских занятий. В отличие от древнейших доклассовых обществ в классовых обществах мужские и женские роли организованы иерархически, образуя явление, которое иногда называют половой стратификацией. По ироническому замечанию М. Мид, «мужчины могут стряпать, ткать, одевать кукол или охотиться на колибри, но если такие занятия считаются мужскими, то все общество, и мужчины, и женщины, признают их важными. Если то же самое делают женщины, такие занятия объявляются «менее существенными» [253]. Свести социальные взаимоотношения полов к одной-единственной системе детерминант, будь то биосоциальные константы, как полагали Парсонс и Бейлс, или угнетение женщин мужчинами, как утверждают современные феминистки, явно невозможно. Недаром Ф. Энгельс, рассматривавший половое разделение труда как социально-экономическое (а не природное!) явление и особо подчеркивавший исторический факт «порабощения женского пола мужским» [2, с. 68], вместе с тем отмечал, что «разделение труда между обоими полами обусловливается не положением женщины в обществе, а совсем другими причинами» [2, с. 53].

В отличие от остальных приматов у людей половое разделение труда распространяется не только на уход за детьми и защиту от врагов (первые функции у всех приматов являются главным образом женскими, а вторые — преимущественно мужскими), но и на добывание и приготовление пищи и других средств существования [272]. Этнографы объясняют эти различия, с одной стороны, большей физической силой и энергией мужчины, а с другой — несовместимостью некоторых видов трудовой деятельности с уходом за детьми. Кроме того, указывают на внутреннюю взаимосвязь некоторых видов деятельности (например, мужчины занимаются рыболовством,

поэтому они же делают веревки и сети). Нас интересует, однако, не сама по себе половая стратификация, а ее связь с системой полового символизма. Здесь также есть свои транскультурные константы и универсалии. Символизация мужского и женского начал в древних мифологиях довольно близка к теории В. А. Геодакяна, по которой мужской пол воплощает обновление и изменчивость, а женский — сохранение и устойчивость. Во многих древних мифологиях мужчина выступает как носитель активного, социально-творческого начала, а женщина — как пассивно-природная сила. Например, в древнекитайской мифологии [75, 83, 196] женское начало «инь» и мужское начало «ян» трактуются как полярные космические силы, взаимодействие которых делает возможным бесконечное существование Вселенной. Слово «инь», которое обычно называется первым, символизирует тьму, холод, влажность, мягкость, пассивность, податливость, а «ян» — свет, сухость, твердость, активность и т. д. Соединение мужчины с женщиной — то же, что космический брак Неба с Землей во время грозы.

В большинстве изученных мифологий луна, земля и вода трактуются как женское начало, а солнце, огонь и тепло — как мужское. С мужской точки зрения весьма заманчиво принять эти суждения за отражение «реальных» половых различий. Однако противопоставление мужского и женского начал — лишь одна, причем не самая древняя из длинной серии так называемых бинарных (двоичных) оппозиций, с помощью которых мифологическое сознание пыталось упорядочить свой жизненный мир, разделив его свойства на положительные и отрицательные. Оппозиция мужское — женское стоит в том же ряду, что жизнь — смерть, чет — нечет, правый — левый, небо — земля, день — ночь, солнце — луна, земля — вода, свой — чужой и др. [36, 37]. Ассоциация мужского начала с правой стороной, жизнью, четными числами, днем, солнцем объясняется не тем, что мужчинам эти качества объективно ближе, чем женщинам, а тем, что они принадлежат к одному и тому же классификационному ряду. Другое дело, что такие ассоциации, превратившись из условных знаков в нормативные ориентиры мышления, воздействуют на поведение и психику людей. Уже в первобытном искусстве одним из способов символического изображения женского начала был знак левой руки. Представления о женском начале как пассивном и тем более производные отсюда символы не совсем универсальны. Например, в тантризме мужское начало описывается как недифференциро-

ванный абсолют, который должен быть разбужен женской энергией; активной, творческой силой считается здесь женщина [32]. Мужское и женское начала трактуются в древнейших религиях то как взаимодополнительные, то как конфликтные, то как иерархически соподчиненные. Интересно, что даже библейская история сотворения человека существует в двух разных версиях. Первая — всем известная история создания Евы из Адамова ребра (Бытие, 2, 21—23); вторая — об одновременном сотворении: «И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Бытие, 1, 27).

Не чужда мифологическому сознанию и идея андрогинии, совмещения в одном лице мужского и женского начал [76, 98]. Многие божества считались обладающими и мужской, и женской силой. В древнегреческом пантеоне это сын Гермеса и Афродиты Гермафродит, в древнеиндийском — Адити, корова-бык, мать и отец других богов, в древнеегипетском — Ра, совокупившийся сам с собой («упало семя в мой собственный рот») и т. д. Такие божества иногда изображались с двойным набором гениталий и других половых признаков (например, Шива в Индии или бородатая Афродита). В некоторых мифологиях двуполыми считались и предки первых людей, причем речь идет не просто о двойном наборе гениталий, а о символе единства и цельности. Библейская формула о сотворении человека «мужчиной и женщиной» также нередко трактуется как утверждение первоначальной цельности, двуполости Адама, из тела которого позже извлекается Ева. Тесно связан с этим и распространенный образ первоначальной бесполости или двуполости младенца, который Юнг считал одним из главных архетипов культуры.

Происхождение и смысл подобных представлений вызывают научные споры. Современные ученые, в частности американский философ М. Элиаде [153], полагают, что идея андрогинии — сравнительно позднего происхождения и что в Австралию она была принесена из Меланезии и Индонезии. Каково бы ни было происхождение этих представлений, тема андрогинии или перемены пола играет важную роль во многих обрядах [153]. Так, у австралийцев инициация (обряд посвящения) мальчика включает его временное ритуальное превращение в женщину. У многих африканских народов (масаи, нанди, нуба и др.) инициируемых мальчиков переодевают в женскую одежду, а у южноафриканской народности суто одевают в мужское платье инициируемых девочек. Условное ритуальное прев-

ращение юношей и женщин зафиксировано у папуасов Новой Гвинеи, у островитян пролива Торрес и т. д. Широко распространенный обычай ритуальной наготы инициируемых мальчиков в течение периода их сегрегации от женщин также интерпретируется как знак асексуальности посвящаемого, который, прежде чем обрести определенный пол, проходит фазу обладания свойствами обоих полов. Символическая инверсия, переодевания мужчин в женскую одежду и обратно, характерна и для многих древних праздников, от Сатурналий и Гибристики [1] до средневекового карнавала [5].

Наивно-натуралистическое мышление склонно усматривать в двуполых божествах и ритуальном трансвестизме, к которому мы еще вернемся, простое отражение индивидуальной патологии (гермафродитизм, транссексуализм и т. п.). Однако почему такие случаи возводятся в культ? В наиболее развитых и сложных мифологиях оппозиция мужского и женского начал вообще не сводится к эмпирическим различиям между индивидами. Древнекитайская мифология утверждает, что всякое человеческое тело содержит в себе и мужское, и женское начало, хотя в женщине больше представлено «инь», а в мужчине — «ян»; на разделении органов по этому принципу покоится вся китайская народная медицина [118]. На необходимости гармонического сочетания мужского и женского начал в одном лице настаивает и тантризм [118]. Из этих представлений исходил и К. Юнг, утверждая, что в коллективном бессознательном каждого индивида присутствуют два разных архетипа: «душа» (анима), персонифицирующая женское начало — смутные чувства и настроения, пророческие предчувствия, восприимчивость к иррациональному, способность любить, чувство природы и т. п., и «дух» (анимус), персонифицирующий физическую силу, инициативу, организованное действие, духовную глубину и рациональность. Только сочетание души и духа обеспечивает гормоническое развитие индивида.

Религиозно-философский половой символизм оперирует глобальными, космическими образами, претендующими на вневременное и внепространственное бытие. Стереотипы маскулинности и фемининности обыденного сознания гораздо конкретнее, в них яснее прослеживается связь с социальными реалиями. Существует глубокая асимметрия в принципах описания и критериях оценки мужчин

---

[1] Древнегреческий (аргосский) праздник с выраженной полоролевой инверсией.

и женщин: мужчина трактуется обычно как активное, культурное начало, а женщина — как пассивная, природная сила [361, 276]. Мужчины воспринимаются и оцениваются главным образом по своему общественному положению, роду занятий, социальным достижениям, а женщины — в системе семейно-родственных отношений как сестры, жены и матери; в описаниях женщин подчеркиваются такие черты, как плодовитость, сексуальность, материнство, свойства темперамента, характера, внешности. Кроме того, как персонификация природного начала женщина часто изображается нарушительницей социального порядка, воплощением беспорядочности, хаоса. Свойства, приписываемые женщинам или мужчинам, зависят также от их конкретной социальной роли. Теснее всего такие стереотипы связаны с семейно-родственными отношениями — относится ли данное лицо к категории матерей (отцов), жен (мужей) или дочерей (сыновей). Запрет инцеста (кровосмешания) делает совмещение этих ролей невозможным. В обществах, где происхождение определяется по отцовской линии (так называемая патрилинейность), а в известной степени и в остальных обществах разные категории мужчин и женщин воспринимают и оценивают друг друга по-разному, в зависимости от отношений родства [178]. С одной стороны, мужчина видит в женщине сексуальный объект, жену. Поскольку жена происходит из чужого рода или общины, ей приписывается в лучшем случае сомнительная верность, а то и прямая враждебность. Женщины описываются как чуждые, опасные существа, нередко даже как колдуньи. Например, папуасы энга на Новой Гвинее прямо говорят, что они «женятся на своих врагах»; жена из чужого рода всегда остается чужим человеком, носителем угрозы. Мальчиков энга с детства учат избегать общества женщин, бояться половых контактов и т. д. [254]. Вместе с тем, мужчина видит в женщине, мать, сестру или дочь; не будучи сексуальными объектами, эти женщины представляются дружественными, своими, близкими. Сводный, усредненный стереотип женщины будет производным от обеих этих ролевых систем и поэтому неизбежно противоречивым.

Еще сложнее обстоит дело у женщин. Они также категоризируют мужчин по принципу возможности или невозможности сексуальных отношений с ними. Мужчины, с которыми женщина может иметь сексуальную связь, ее реальные или потенциальные мужья, выступают в ее глазах как опасная, чуждая сила, которой нужно хитро управлять, используя свои права в приготовлении и распре-

делении пищи, а иногда — и свои сексуальные возможности. Напротив, мужчины, с которыми половая связь невозможна,— сыновья, отец, братья, мыслятся как дружественное начало, возможные источники поддержки и помощи. Однако «сексуальный» принцип классификации мужчин женщинами не совпадает с категоризацией по принципу семейно-групповой принадлежности. Двойственность категоризации затрудняет женщинам формирование таких устойчивых и поляризованных стереотипов мужа и отца, как мужские стереотипы жены и матери. Короче говоря, вместо абстрактных споров о соотношении «биологических» и «социальных» факторов половой дифференцировки требуется серьезное сравнительно-историческое изучение участия мужчин и женщин в разных сферах общественной деятельности (материальное производство, воспитание детей, социальное управление, духовная жизнь), возможности принимать в них ответственные решения и пользоваться соответствующим социальным престижем, причем такое исследование должно охватывать народы, стоящие на разных уровнях социально-экономического развития и принадлежащие к разным типам культуры. Пока это не сделано, любые обобщения можно считать гипотетическими.

Сказанное относится и к изучению сексуальных свойств и символов, где половые различия выступают наиболее резко и отчетливо. С точки зрения социологии сексуальное поведение — лишь определенный аспект социального поведения человека. Однако сексуальность обладает известной автономией от прочих полоролевых свойств. В ней резче всего проявляются черты полового диморфизма, не зависящие от изменений культуры. Кроме того, сексуальные свойства, соматические или поведенческие,— важнейшие и универсальные знаки половой принадлежности как на уровне культуры, так и на уровне обыденного сознания. Пол и сексуальность составляют неотъемлемую часть символической культуры человечества. Не говоря уже о непосредственных изображениях гениталий, они представлены в самых разнообразных религиозных и иных мифопоэтических символах. Например, крест во многих культурно-исторических традициях воплощает плодородие, активное мужское начало и непосредственно соотносится с фаллосом. Такова, например, древнеегипетская эмблема рождения и жизни «анх». Сочетание креста с кругом обозначает соединение мужского и женского начал. Свастика, в которой концы креста развернуты влево, обозначала женское, а вправо — мужское начало. Треугольник вер-

шиной вниз обозначает женское, а вершиной вверх — мужское начало и т. д. [80, 82].

Еще разнообразнее вербальные обозначения и символы. П. Гиро [197] насчитал во французском языке более 1500 слов и словосочетаний, обозначающих половой акт, около 600 — обозначающих половой член и почти столько же — влагалище. Их семиотический анализ показывает, что наряду с культурно-специфическими в них представлены некоторые универсальные значения, общие для всех народов и языков. Отчасти это объясняется анатомически: половой член и мужское начало вообще обозначаются удлиненными, твердыми предметами, а влагалище и женское начало — круглыми, овальными или вогнутыми. Однако соответствующие символы имеют более емкий, не только физиологический, смысл. Половой акт — синоним и прообраз всякой деятельности, значение которой передается глаголом «делать» и который предполагает наличие таких элементов, как активность, воля, могущество, власть, склонность, желание, удовольствие, инстинкт. Греческое слово «эрос» обозначало не только любовь, но и универсальную космогоническую силу, соединяющую первоначальные элементы мира. Такое отождествление космической энергии с актом оплодотворения универсально. Семиотика мужских и женских гениталий строго соотносится с разделением функций в половом акте. Слова и метафоры, обозначающие половой член, подразумевают активное, субъектное начало, а также инструмент, средство деятельности (орудия труда, музыкальные инструменты, оружие). Напротив, влагалище чаще описывается как пассивное начало, пустота, впадина: сосуд, вместилище, естественное отверстие (дыра, яма) или какая-то ограниченная часть пространства (комната, крепость). С этими образами связаны и древние архетипы мужского и женского начал вообще.

Мужские гениталии, особенно половой член, чаще всего символизируют силу, могущество, власть, общее одухотворяющее, но не обязательно детородное, начало. Семя считается воплощением и источником жизненной силы; как гласит Каббала, в яичках «собрано все масло, достоинство и сила мужчины со всего тела» [275]. В древнеиндийской мифологии семя часто отождествляется с абсолютным идеальным началом, Атманом, лежащим в основе мироздания. «Поистине, этот (Атман) сначала становится зародышем в человеке. Это семя — силу, собранную из всех членов тела,— (человек) носит в себе как Атмана» (Айтарея Упанишада, II, 1). В семени содержится сущность

человека (Брихадараньяка Упанишада, VI, 4, 1), а акт оплодотворения священен (Бхагавадгита, XIV, 3—4). У многих народов кастраты считались социально неполноценными. По Ветхому Завету, «у кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне» (Второзаконие, 23, 1). Оскопить мужчину значило лишить его символа власти и жизни. Половой член поверженного врага часто считался почетным воинским трофеем, как скальп у индейцев. Например, один египетский фараон XIX династии, рассказывая о поражении, нанесенном им ливийцам, называет в числе трофеев 6359 необрезанных половых членов ливийских воинов, а также половые члены сыновей и братьев вождей и жрецов. Библейский Давид преподнес своему царю крайнюю плоть 200 убитых филистимлян (Первая книга Царств, 18, 27).

Особое значение придавалось эрегированному половому члену, вид которого, согласно верованиям многих народов, должен внушать окружающим страх и почтение. С этим, возможно, отчасти связан и обычай прикрывать наготу. Хотя возникновение одежды обычно объясняют появлением чувства стыда, стыд — явление сравнительно позднее. Кроме того, при некоторых священных обрядах гениталии нарочно обнажались. У австралийских аборигенов, описанных супругами Берндт [105], мужчины при встрече в знак приветствия дотрагивались до полового члена друг друга. В древнем Израиле мужчина, принося клятву, должен был положить руку на свои гениталии или гениталии того, кому он клялся. Старый Авраам, требуя клятвы от своего управляющего, говорит ему: «... положи руку твою под стегно мое» (Бытие, 24, 2). «Стегно» (бедро) явно замещает здесь гениталии; позже они замещаются другими частями тела, например коленями (обычай целовать колени или становиться на колени).

Поскольку уже у высших животных эрекция приобретает значение социального знака агрессии или вызова, будучи в то же время неконтролируемой, Мак-Лин [236] высказывает предположение, что фиговые листки и набедренные повязки позволяли избежать связанного с этим социального напряжения. Особое значение придавалось головке полового члена. Древние греки и римляне иногда завязывали крайнюю плоть или применяли специальный зажим — fibula (отсюда слово «инфибуляция», которое обозначает операцию на гениталиях, создающую препятствие для полового сношения). У античных скульптур, изображающих обнаженных мужчин, головка полового члена, даже если он эрегирован, обычно прикрыта [148]. В По-

линезии до обрезания мальчик может ходить обнаженным, но после этой процедуры его половой член, как выражаются жители острова Мангаиа, «не имеет шляпы» и должен быть чем-то прикрыт [246]. Даже закрывая гениталии, мужчины часто стараются подчеркнуть их размеры; это проявляется и в одежде (вспомним хотя бы знаменитый гульфик Панурга), и в разговорах на эту тему. В наскальных изображениях каменного века мужчины более высокого социального ранга имеют более длинный половой член [159, 342]. Подобно своим животным предкам, древний человек наделял эрегированный половой член особой охранительной и отпугивающей силой. Почти у всех народов был широко распространен фаллический культ. Фалл (фаллос, древнеиндийское «линга») — это эрегированный половой член, рассматриваемый как религиозный символ; характерно, что древние греки не употребляли это слово для обозначения анатомического органа. В Древней Греции перед храмами и домами стояли так называемые гермы — квадратные колонны с мужской головой и эрегированным половым членом, но без рук и ног, служившие предметом поклонения. В древнем Риме, по свидетельству Плиния («Естественная история», XXVIII, 7, 39), маленькие дети носили на шее фаллические амулеты как средство защиты от зла. Античное божество производительных сил природы Приап, заимствованное, по-видимому, из Малой Азии, также изображался в виде фаллоса; позже его имя стало поэтическим эвфемизмом для обозначения полового члена (отсюда и медицинский термин «приапизм»).

В странах Скандинавии фаллические статуи ставили рядом с христианскими церквами вплоть до XII века [342]. Множество фаллических изображений можно видеть в Центральной Азии.

Женские гениталии (в литературе иногда используется в качестве их обобщенного названия слово «cunnus» или древнеиндийское «йони», что буквально значит «источник») обычно описываются в мифологиях как таинственное и темное начало, таящее в себе опасность и угрозу смерти. В ритуалах мужских инициаций широко варьируется тема возвращения юноши в материнское лоно, символизирующее смерть, за которой следует возрождение. Другой образ, часто возникающий в этой связи,— «vagina dentata» — «зубастое лоно», сквозь которое должен пройти инициируемый; иногда его заменяет какое-то ужасное чудовище. Индейцы кайяпа, живущие в Эквадоре, образно говорят, что в половом акте влагалище «съедает» половой член [208]. Эти представления и обряды явно отражают

мужскую точку зрения: материнское лоно как теплое, надежное убежище, источник жизни и одновременно женские гениталии как сексуальный объект, проникновение в который сопряжено с преодолением трудностей и опасностью.

Изучение полового символизма убедительно показывает его полисемантичность, причем сексуальные явления часто интерпретируются в иносказательном, расширительном смысле. В древних шумерских текстах для обозначения мужчины и женщины использовали упрощенные изображения соответствующих гениталий, а женатый человек описывался знаком, в котором мужские и женские гениталии совмещались [118]. В этом не было ничего эротического: гениталии как самый характерный признак пола становятся социальным знаком, элементом культуры. Отсюда следуют возможность и даже необходимость двоякой интерпретации культурного символизма. С одной стороны, в нем видят отражение и преломление универсальных физических отправлений, с другой — сами телесные отправления, будь то демонстрация полового члена или половой акт, могут символизировать разнообразные социальные отношения и потребности, понять которые можно только в конкретной системе культуры.

Не все первобытные народы считали половой акт причиной зачатия. Австралийские аборигены верили, что беременность у женщин вызывается не мужским семенем, а психическими силами мужчины, его сновидениями, которые заставляют уже готовый дух ребенка вселиться в тело женщины, где он и растет до момента рождения. Сходные представления бытовали в прошлом у жителей островов Тробриан (Папуа — Новая Гвинея) [243]. Правда, этнографы сомневаются, принимать ли эти верования буквально или как нечто заведомо условное [136]. Зато идея взаимосвязи и обратимости оплодотворения, жизни и смерти универсальна. У многих земледельческих народов купание или ритуальное оголение считалось средством вызывания дождя. В некоторых областях Южной и Западной России с этой целью прихожане валили на землю священника и прямо в рясе обливали его водой. У пшавов и хевсуров (этнографические группы грузин) известен ритуал «вспашки дождя»: девушки впрягаются в плуг и тащат его в реку, пока вода не дойдет им до пояса. В одном районе Трансильвании и в некоторых частях Индии ритуальную вспашку производили ночью нагие женщины [170]. На одном из Молуккских островов, когда ожидается плохой урожай гвоздики, обнаженные мужчины ночью идут на

плантацию и с криками «Больше гвоздики!» пытаются «оплодотворить» деревья [170]. Широко был распространен обычай ритуального совокупления на полях в период посева или как его замена перекатывание парами по засеянному полю (на Украине кое-где это делали еще в XIX веке) [170]. У австралийских аборигенов диери ритуальное совокупление четырех пар мужчин и женщин считается средством повысить плодовитость эму [105] и т. д. Однако сексуальный символизм не сводится к таким простым и наглядным ассоциациям.

Этнографы и литературоведы, изучавшие так называемую смеховую культуру (В. Я. Пропп, О. М. Фрейденберг, М. М. Бахтин и др.), обратили внимание на то, что и в фольклоре, и в древних ритуалах существует тесная связь между смехом и сексуальностью. Смех выступает как жизнедатель, очистительное, животворящее начало, противоположное смерти. Как писал В. Я. Пропп [65], обобщая большой этнографический и фольклорный материал, «... божество смеясь создает мир или смех божества создает мир... При вступлении в мир смеется богиня родов, смеется мать или беременная, смеется юноша, символически возрождающийся к миру, смеется божество, создающее мир». Напротив, юноши, проходящие в процессе инициации стадию символической смерти, ни в коем случае не должны смеяться, так как смех — прерогатива живых.

Порождение новой жизни — прообраз всякого иного творчества, но акт творчества должен быть спонтанным, праздничным, свободным от ограничений. Не случайно первобытные праздники содержали многочисленные оргиастические элементы, нарушение всех и всяческих, в том числе сексуальных, табу. Как считает О. М. Фрейденберг [85], ассоциативная связь между оплодотворением, сексуальностью, праздником и смехом распространяется затем и на сами гениталии, а также на «срамные» слова и действия. Что смешного в детородном органе или заменяющих его символах (например, кукише)? Тем не менее их показ обычно вызывает смех. В древности существовал ряд праздников, участники которых, чтобы вызвать смех, показывали друг другу «срамные» вещи и говорили скабрезности. В средние века во время пасхальной церковной службы священник специально смешил прихожан непристойностями, вызывая у них очистительный «пасхальный» смех. Оргиастические элементы были свойственны и средневековому карнавалу.

С точки зрения психологии и нейрофизиологии такое

объяснение вряд ли достаточно. Смех может быть не только проявлением радости и веселья, но и способом разрядки эмоционального напряжения, тревоги, страха. Непроизвольный смех при виде обнаженных гениталий может быть следствием возбуждения, вызванного внезапной интенсивной стимуляцией или появлением стимулов, которые не вписываются в привычные представления и схемы. Кстати, такая реакция возможна только там, где гениталии обычно закрывают. «Смеховая культура», о которой говорят фольклористы, подразумевает не столько спонтанные реакции, сколько особый «сексуальный» юмор, а также связь сексуальности с праздничными, игровыми элементами общественной жизни. Тем не менее сделанные ими наблюдения весьма существенны.

Интересен вопрос о связи сексуальности с едой [81, 85, 238]. Мифологическое сознание связывает эти действия столь тесно, что во многих языках (в частности, африканских) понятия «вкушать» и «совокупляться» передаются одним и тем же словом. Если давать этому факту психофизиологическое объяснение, то придется вспомнить сказанное выше о взаимосвязи оральных и сексуальных ощущений, но здесь будет полезнее ассоциация еды с поддержанием жизни. Съеденная пища становится как бы частью человека. «Еда в представлении первобытного общества сливается с актами рождения и смерти... В свою очередь акты еды — смерти — производительности неразрывными узами связаны с окружающей природой» [85]. Когда все это приобретает сакральное (священное) значение (например, съедение тела предка или божества), возникают и специальные обряды совместной еды и питья как средства установления особенно близких отношений: с кем разделили пищу, тому нельзя причинить вред (древние обычаи гостеприимства, побратимства и т. д.). Если такая связь воспринимается как родственная, то во избежание инцеста ее дополняет существующая у многих народов пищевая экзогамия — правило несовместимости пищевого общения с сексуальным: с кем вместе едят, на тех не женятся, а на ком женятся, с теми вместе не едят, во всяком случае не должны это делать публично.

Человечество унаследовало от своих животных предков не только фаллическую символику, но и отождествление фемининной сексуальной позы с подчиненным, а маскулинной — с господствующим положением. Это проявляется прежде всего в отношениях между мужчинами и весьма существенно для понимания семантики гомосексуальных контактов. Сталкиваясь с фактами терпимого и даже поло-

жительного отношения некоторых обществ, например античной Греции, к гомосексуальности, ученые прошлого видели в этом лишь способ институционализации определенного типа эротики. Однако древние греки строго различали сексуально-ролевые характеристики таких отношений, причем рецептивная, «женская» роль считалась знаком подчиненного, зависимого статуса. Когда ее выполнял мальчик или юноша, это не роняло его достоинства; предполагалось, что, став взрослым, он будет вести обычную гетеросексуальную жизнь и в отношениях с мальчиками ему также будет принадлежать активная, «мужская» роль. Напротив, выполнение «женской» роли взрослым мужчиной за деньги или по принуждению приравнивалось к потере вирильности и покрывало такого человека несмываемым позором.

Сходные нормы существовали и во многих других обществах, где сексуальное обладание другим мужчиной считалось достижением, а подчинение ему — позором [118, 218]. Одно из самых бранных слов в древнем норвежском языке, часто употребляемое в сагах,— «argr» — обозначает мужчину, который допустил, чтобы его сексуально использовали как женщину [342]. Символизм этого типа хорошо известен в исламском мире, где осквернителей гаремов иногда наказывали, подвергая сексуальному насилию, у народов Дальнего Востока и среди американских индейцев. Такие представления четко выражены и в некоторых современных гомосексуальных субкультурах, там, где сильна идеология мужского верховенства («machismo») — в Мексике, Турции, Греции, в уголовном мире США: тот, кто выполняет в таком контакте «женскую» роль, пользуется меньшим уважением, чем его партнер. В более образованных слоях, где действует принцип равенства, этот стереотип утратил свое значение [124].

Для изучения семантики полового символизма большой интерес представляет инвективная лексика — язык ругательств. Встречающиеся в нем многочисленные сексуальные намеки распадаются на несколько крупных блоков.

1. Упоминание женских гениталий и отправление ругаемого в зону рождающих, производительных органов, в телесную могилу (или в телесную преисподнюю). Как показал М. М. Бахтин [14], это не что иное, как пожелание смерти (женское лоно — символ смерти).

2. Намек на то, что имярек обладал матерью ругаемого. Интересна интерпретация этих «матерных» выражений, встречающихся в русском, венгерском, румынском, новогреческом, китайском, суахили и многих других языках.

Принято думать, что подразумеваемым субъектом действия является сам говорящий, который как бы утверждает: «я твой отец» или «я мог бы быть твоим отцом», зачисляя ругаемого в низшую социально-возрастную категорию. Одно такое китайское ругательство буквально значит: «ты — мой сын». Однако в русском языке первое лицо единственного числа в этом контексте употребляется крайне редко; кроме того, «матерные» обороты используются не только для описания прошлого события, но и в повелительном наклонении и в инфинитиве. В связи с этим вместо значения «я обладал твоей матерью» А. В. Исаченко [212] предложил объяснение, данное в XVI веке бароном С. Герберштейном, согласно которому субъектом «срамного» действия является пес. Ругательство связывается, таким образом, с распространенными во многих языках выражениями типа «сукин сын» (польское «пся крев» и т. п.); поскольку собака в XVI веке считалась нечистым животным, оскорбление было очень сильным.

3. Обвинение в кровосмешении, широко представленное в английских ругательствах.

4. Обороты речи с упоминанием мужских гениталий (типа «пошел на ...») означают помещение ругаемого в женскую сексуальную позицию, обвинение его в том, что он argr.

Точный смысл таких выражений, как правило, не осознается говорящими и подавно не имеет никакой эротической окраски. Сексуальные символы обозначают в этих случаях главным образом статусно-иерархические отношения или притязания. Отголоски этого можно встретить и в обычной повседневной речи. Выражения типа «начальство сделало ему втык» не вызывают никаких сексуальных ассоциаций. Однако если проследить их происхождение, то восстановится целая цепочка: 1) ситуация, в которой мужчина является более или менее пассивным объектом каких-то неприятных и унизительных для его достоинства действий; 2) интерпретация такой ситуации в сексуальных терминах (что нередко делается в арго); 3) древняя система полового символизма, где женская роль представляется подчиненной; 4) филогенетические истоки этой системы, прослеживаемые в поведении животных [1].

[1] Вообще вопрос «почему мы так говорим» применительно к ругательствам в связи с их древностью важнее, чем представляется обыденному сознанию. Существует, например, гипотеза, что матерная брань в современном русском языке — пережиток некогда существовавшей языческой магической формулы обращения к богине-матери с просьбой оплодотворить землю [57]. Так же истолковываются и некоторые буддийские формулы [32].

Инвективная лексика неодинакова у разных народов, но подчинена некоторым общим транскультурным закономерностям. Поскольку сила инвективы определяется не ее буквальным содержанием, а прежде всего ее эмоциональностью, тяжесть оскорбления «находится в прямой пропорциональной зависимости от силы табу, нарушаемого с помощью инвективного словоупотребления. В национальных культурах, где особенно высок статус родственных отношений по материнской линии, большую роль могут играть сексуальные оскорбления матери («мат»); в культурах, особенное внимание обращающих на сексуальную жизнь общества, место наиболее грубых инвектив принадлежит сочетаниям с коитальным смыслом, не обязательно обращенных на мать или других родственников оскорбляемого; таковы, например, англоязычные культуры. Итальянская, испанская, многие другие католические культуры для достижения сходного эффекта прибегают к оскорблению наиболее почитаемой святыни — Мадонны. Очень грубо звучат бранные слова, включающие нарушение табу, связанные с чистоплотностью, если именно это человеческое качество особенно ценится в данной национальной культуре, например японской или немецкоязычной» [30]. У народов, не имевших особых запретов на сексуальность и отправление естественных потребностей, не табуировались и названия соответствующих частей тела, зато всеобщее презрение вызывал человек, пасующий перед обыденными трудностями. Так, одно из самых сильных оскорблений у чукчей и эскимосов в буквальном переводе значит: «Ты — неумеха». Многое зависит и от того, какие именно объекты и отношения считаются священными. Например, в Северной Австралии (полуостров Арнемленд), на островах Новая Ирландия и Тробриан (Папуа — Новая Гвинея) намек на инцест с матерью не является серьезным оскорблением, поскольку такое обвинение не принимается всерьез. Напротив, упоминание в этом контексте сестры всегда влечет за собой тяжелые последствия [6].

Система категорий архаического сознания располагается как бы между двумя полюсами: святого, наделенного божественной благодатью, которое со временем начинает восприниматься как нечто священное, особо чтимое, дорогое, и демонического, нечистого, которое в дальнейшем трактуется также в переносном смысле: «грязное»-низкое-низменное-непристойное. «К обеим этим крайностям в определенном смысле вырабатывается сходное отношение: предпочтительнее держаться подальше как

от первого, так и от второго (=табу)» [30]. Подобно смеховой культуре, инвективная лексика не только нарушает эти табу, но и «переворачивает», меняет местами полюсы запретного (символическая инверсия). В результате создается своеобразная зона свободы, эмоциональной разрядки и очищения (катарсиса). Недаром запретные слова чаще всего произносятся в экстремальных ситуациях и их трудно искоренить, не заменив какими-то эвфемизмами (вроде «елки-палки!»). «Можно не сомневаться,—пишет В. И. Жельвис,—что если бы из современного языка исчезли все табуированные слова, не оставив адекватной замены, произошло бы немедленное „очернение", „загрязнение" слов, которыми в настоящее время пользуются врачи и ученые для обозначения табуированных понятий» [30]. Таким образом, в этом, как и в других отношениях, сексуальность не представляет собой чего-то исключительного, а символизируется в полном соответствии с общей логикой развития языка культуры, бинарных оппозиций и т. п.

Один из традиционных сюжетов этнографии — обряды и ритуалы, посредством которых общество оформляет наступление половой и социальной зрелости подростков и которые часто включают какие-то хирургические операции на гениталиях, особенно у мальчиков. По данным «Этнографического атласа» Мердока, такие операции практикуются в 10% всех обследованных обществ, чаще всего у народов Африки, Австралии и Океании. У одних народов мальчиков подвергают обрезанию (круговое иссечение крайней плоти — циркумцизия), у других — субинцизии (подрезание — вскрытие задней стенки губчатой части уретры, в результате чего мужчины уже не могут мочиться стоя, а делают это сидя, как женщины), у третьих (в Полинезии) — суперинцизии (надрезание передней части крайней плоти без ее удаления). Каков смысл этих операций? Медицински ориентированный житейский здравый смысл объясняет их гигиеническими соображениями (смегма, собираясь под крайней плотью, часто вызывает воспаление и т. п.).

В США в 70-х годах обрезанию подвергалось около 80% новорожденных мальчиков. Это мотивировалось тем, что смегма, скапливающаяся под крайней плотью, способствует развитию воспалительных заболеваний кожи головки полового члена и крайней плоти, а также обладает канцерогенными свойствами. Однако большинство новейших исследований не подтверждает этого мнения. По-видимому, решающее значение имеет не само обрезание, а ги-

гиенические навыки, соответствующие культурные установки и материальные возможности для поддержания чистоты, достаточно надежно защищающей от возможного отрицательного влияния смегмы и без обрезания [72]. Однако такое объяснение неприменимо к субинцизии. Психологически ориентированный здравый смысл утверждает, что мучительные испытания, которые мальчик должен вынести с достоинством, проверяют и укрепляют его мужество. В этом тоже есть доля истины, но почему эти операции проводятся именно на гениталиях? Понять это вне системы культуры невозможно.

Самый общий ответ на этот вопрос, пожалуй, ясен: посвящение во взрослое состояние означает, что мальчик становится мужчиной, отсюда следует повышенное внимание к его мужскому естеству. Однако дальше начинаются споры. Одни ученые связывают генитальные операции с психическим развитием индивида. Например, З. Фрейд считал обрезание символической заменой кастрации, направленной на предотвращение инцеста и сохранение сексуальных прав отца [176]. Мид видит в обрезании средство психологического высвобождения мальчика из-под влияния матери, символический водораздел между детством, когда ребенок находится во власти женщин, и взрослостью, когда он вступает в мир мужчин [253]. Другие этнографы объясняют мужские инициации необходимостью утверждения особого мужского статуса и поддержания групповой солидарности мужчин в противовес женскому началу. Недаром эти ритуалы наиболее развиты в патрилинейных обществах, где происхождение определяется по отцовской линии и где обычно существуют замкнутые мужские союзы и тайные общества. Третья группа ученых пытается синтезировать психо- и социогенетический подход, связав ритуальное обрезание с процессом половой идентификации мальчика. Половая идентификация — одновременно социальный (усвоение мужской социальной роли и связанных с нею прав и обязанностей) и психологический процесс (осознание своей половой и психосексуальной идентичности), формы которого зависят от ряда конкретных условий [270].

Там, где ребенок больше зависит от матери и теснее эмоционально связан с нею, в частности спит с матерью в одной хижине, а его отцу это запрещено и он должен ночевать в другом месте (об этом можно судить по длительности послеродовых табу, запрещающих половую близость в течение определенного срока после родов), мать невольно воспринимается детьми как главный распорядитель

благ и ресурсов, а женская роль кажется им наиболее привлекательной. Суровые обряды инициации мальчиков-подростков служат своего рода противовесом детской идентификации с противоположным полом. Удаляя крайнюю плоть, которая символически рассматривается как женский рудимент (подобно тому, как клитор у девочек считается мужским элементом), взрослые мужчины «спасают» мальчика от половой неопределенности и в этом смысле именно они, а не мать, делают его мужчиной, давая ему соответствующую половую и сексуальную идентичность — отныне он принадлежит к обществу мужчин.

У некоторых народов, например в Судане, ритуал посвящения девочек также включает в себя некоторые довольно жестокие генитальные операции: выскабливание влагалища до появления крови, хирургическое расширение вагинального отверстия или, наоборот, зашивание его, чтобы снова открыть перед вступлением в брак; ритуальное рассечение девственной плевы; удаление (эксцизия) клитора или его части [136]. Однако с девочками такие операции проделываются значительно реже, чем с мальчиками. Почему? Однозначного ответа опять-таки нет. Может быть, это следствие того, что формирование мужчины требует больших усилий не только со стороны природы, но и со стороны общества? Жестокий обряд инициации призван подчеркнуть символическое отделение мальчика-подростка от матери, в чем девочка не нуждается, но у некоторых народов (например, у евреев) обрезание не связано с инициацией и делается задолго до полового созревания.

Подобные операции на гениталиях нужно рассматривать не изолированно, а в контексте целостного обряда, а обряд — в контексте социальной структуры и символического мира изучаемого общества. Помимо больших региональных вариаций, наличие инициаций тесно связано с уровнем социально-экономического развития: чем примитивнее общество, тем вероятнее наличие в нем подростковых инициаций, главная функция которых, по мнению Алисы Шлегель и Герберта Барри, состоит в том, чтобы подчеркнуть социокультурное значение половых различий. Генитальные операции сами по себе играют при этом подчиненную роль и не так уж часты. Однако критерии социальной зрелости, четко выраженные в инициациях, неодинаковы для юношей и девушек. Мужские инициации подчеркивают прежде всего социальную ответственность, дальше идут фертильность и сексуальность, а также му-

жество и мудрость. У девочек на первом месте стоит фертильность, затем ответственность и, наконец, сексуальность. Кроме того, мужские обряды подчеркивают и стремятся укрепить чувство мужской солидарности, тесной связи инициируемого с другими мужчинами вне семьи. Этот мотив, проявляющийся в групповом характере инициации, недопущении участия в ней лиц другого пола, подготовке подростков к инициации вне семьи и тому подобном, выражен в 37% мужских и только в 7% женских церемоний. В более сложных обществах, где половые роли уже не исчерпывают социальной идентичности индивида, половая сегрегация, естественно, ослабевает, но различия в содержании и способах социализации мальчиков и девочек сохраняются везде и всюду. Изучение всего этого выходит далеко за рамки нашей темы, но эти данные проливают свет на те социальные механизмы, с помощью которых культура воспроизводит, освящает, закрепляет, а возможно и производит половые различия. Это весьма существенно и для понимания сексуального поведения.

ЗАПРЕТЫ И ПРЕДПИСАНИЯ

Вопреки традиционным представлениям об изначальном «зоологическом индивидуализме» и бесконечных драках самцов из-за самок, уже у стадных животных существует, как мы видели, некая видовая «социосексуальная матрица», регулирующая их поведение. В человеческом обществе она превращается в «сексуальную культуру», вариативные возможности которой ограничены, с одной стороны, биологической природой человека, а с другой — внутренней последовательностью и логикой культуры как целого. Ядро этой нормативной культуры составляют, естественно, запреты; посредством их общество унифицирует поведение своих членов. Кроме ограничений и запретов, в ней содержатся положительные предписания, указывающие, как можно и должно себя вести, соблюдение которых обеспечивается не столько санкциями извне, сколько внутренними психологическими установками, включая чувства стыда, вины, эстетические чувства и т. п. Трудности изучения «сексуальной культуры», как показал французский философ Мишель Фуко [167], усугубляются тем, что ее предписания всегда неоднородны и неоднозначны. Изучая сексуальные (как и любые другие) нормы и запреты, необходимо учитывать, кем, кому, что, с кем, насколько и почему запрещено.

Запреты, касающиеся мужчин, могут не распростра-

няться на женщин и наоборот. Многие общества, осуждая мастурбацию взрослых, считают ее нормальной для детей и подростков; сплошь и рядом различны нормативные предписания для разных классов одного и того же общества. Запрещение каких-то поступков далеко не всегда совпадает с запрещением говорить о них. Бывают принципиально неназываемые, невербализуемые отношения; их существование общеизвестно, но о них не принято говорить (табу слов) или можно говорить только намеками, посредством эвфемизмов. В то же время есть вещи, о которых можно говорить, но которых нельзя делать. Поведенческие и вербальные запреты всегда соотносятся с определенным контекстом. Так, в современном обществе не принято, чтобы дети и родители (и шире — подростки и взрослые) открыто обсуждали друг с другом свои сексуальные проблемы, со сверстниками же это вполне допустимо.

Различна и строгость запретов: если инцест запрещен категорически, то отношение буржуазной морали к внебрачным связям амбивалентно. Соответствующие нормы не только различны для мужчин и женщин (двойной стандарт), но и противоречивы: официально иметь любовниц запрещено, неофициально это считалось лишним подтверждением вирильности. Иначе говоря, данный запрет распространялся только на официальную сторону жизни.

В древних обществах таких нормативных градаций (не только в сексуальной сфере) было, по-видимому, еще больше. Этнографическая литература, посвященная табу слов и обычаям избегания, рисует чрезвычайно сложную картину. Одни вещи и отношения запрещено называть; другие полностью изгоняются из сознания, объявляются несуществующими, даже самое их существование категорически отрицается; третьи вытесняются в подчиненные, «низшие» слои культуры, проецируются на низшие слои общества или обсуждаются в «сниженной», фривольной, форме; четвертые просто предписывается хранить в тайне и т. д. Санкции за нарушение табу также варьируют от смерти до легкого осуждения или осмеяния.

Хотя сексуальные нормы обычно преподносятся как универсальные, выражающие волю богов, законы природы или интересы общества как целого, за ними всегда скрываются отношения власти: класс или социальная группа, накладывающая те или иные ограничения, получает возможность манипулировать поведением других людей, причем последние зачастую даже не сознают того, что ими манипулируют. Интересно, что в классово-антагонистическом

обществе к угнетенным иногда предъявляются более жесткие требования, чем те, на которые ориентируется господствующий класс. Угнетенные видят это, говорят о «развращенности» верхов и тем не менее продолжают ориентироваться на внушаемые заведомо фиктивные нормы.

Самый общий принцип классификации культур по типу их половой морали, принятый в этнографической литературе,—деление на антисексуальные и просексуальные или репрессивные (строгие) и пермиссивные (терпимые). Яркий пример репрессивной антисексуальной морали — средневековое христианство, отождествлявшее сексуальность с грехом. Там, где такая установка реализуется наиболее жестко (кроме средневекового христианства, можно сослаться на этнографическое описание маленькой современной ирландской крестьянской общины Инишбег [256]), половая жизнь в принципе ограничивается браком. Браки здесь заключаются старшими, без учета личных предпочтений жениха и невесты. Ухаживание отсутствует. Существует жесткая сегрегация мужчин и женщин в общественной жизни и в быту. Всякие разговоры на эротические темы, включая сексуальный юмор, запрещены или осуждаются. Даже в браке половые отношения ограничиваются.

Другой пример антисексуальной культуры — микронезийцы, населяющие острова Яп (в западной части Каролинских островов). Эти люди не считали секс грехом, но верили, что половая жизнь делает мужчин слабыми и восприимчивыми к опасным заболеваниям. Женщинам предписывалось избегать сношений не только во время беременности, но в течение нескольких лет после рождения ребенка. Этнографы объясняют жесткость этих антисексуальных норм печальным опытом контактов местного населения с европейцами, в частности распространением венерических болезней. Однако «терапевтическое» воздержание лишь обострило проблему, приведя население острова Яп на грань вымирания [136]. Отрицательное отношение к сексуальности характерно и для традиционной культуры папуасов племени манус (острова Адмиралтейства), которые считали половую близость даже между супругами позорной и унизительной. У женщин этого народа половая жизнь вызывала отвращение, они терпели ее только ради продолжения рода. Высокая половая возбудимость мужчин считалась проявлением их животности и грубости, а внебрачные связи — преступлением и грехом [253].

Противоположный полюс (крайняя пермиссивность) представляют народы Полинезии. Сексуальность и эротизм

здесь открыто поощряются и в мужчинах, и в женщинах. Полинезийский идеал красоты откровенно эротичен. Половые проблемы свободно обсуждаются, выражаются в песнях и танцах. Проявление сексуальности у подростков и юношей считается нормальным и здоровым. Большое значение придается сексуальному удовлетворению в браке, внебрачные связи также допускаются [135, 136, 246].

Большинство человеческих обществ расположено, естественно, между этими полюсами, причем отношение к сексуальности зависит от общих свойств образа жизни и культуры. Поскольку сексуальность тесно связана с продолжением рода, которое регулируется специальными институтами брака и семьи, внимание этнографов также было приковано к брачно-семейным отношениям, хотя сексуальность не сводится к деторождению и круг культурных явлений, от которых она зависит, весьма широк. Общее отношение людей к сексуальности в значительной степени производно от их отношения к телу и эмоциям. Человек переживает и осознает свое тело, с одной стороны, как «вместилище» и границу «Я», а с другой — как экспрессивное начало, средство самовыражения. Повышенная озабоченность «закрытостью», соблюдением телесных границ сочетается с эмоциональной скованностью, избыточным самоконтролем. Это проявляется и в культуре. Древнейшее мифологическое сознание не стыдится естественных телесных отправлений, оно открыто кладет их в основу своих универсальных символов. Не составляют исключения и половые органы, которые весьма натуралистически и детально изображаются в наскальных рисунках, статуэтках и т. п. Напротив, табуирование сексуальности почти всегда сочетается с настороженным отношением к наготе и всему телесному низу.

Не менее тесно связана сексуальность с эволюцией игровых, праздничных компонентов культуры. Просексуальные, терпимые общества обычно придают высокую ценность групповому веселью, игре и праздничным ритуалам, в которые вовлекается все население. Характерное для первобытного праздника всеобщее веселье сплачивает людей. Как писал о средневековом карнавале, сохранившем некоторые черты такого праздника, М. М. Бахтин, «даже сама теснота, самый физический контакт тел получает некоторое значение. Индивид ощущает себя неотрывной частью коллектива, членом массового народного тела» [14]. Напротив, антисексуальные установки христианства сочетаются с осуждением веселья и «разгульного» смеха; в христианских текстах смеется только дьявол, а Христос

никогда не смеялся. Чем жестче аскетизм, тем строже запреты, налагаемые на смех и игровые элементы жизни. Существует, например, определенная связь между аскетизмом русского православия и особенностями древнерусской смеховой культуры [53, 55].

С этим связана и разная степень самоотдачи игровому веселью. В западноевропейском карнавале нет разделения на исполнителей и зрителей. «В карнавале все активные участники, все причащаются карнавальному действу. Карнавал не совершают и, строго говоря, даже не разыгрывают, а живут в нем, живут по его законам, пока эти законы действуют» [14]. На Руси знатные лица сами не участвовали в плясках и играх скоморохов, относясь к ним просто как к смешному зрелищу. Та же сдержанность наблюдается и в изобразительном искусстве: православие никогда не допускало такого телесного обнажения, как католицизм со времен Ренессанса.

Культура не просто запрещает или разрешает те или иные проявления сексуальности, она определяет их социальную, этическую и эстетическую ценность. Дифференцировка сексуальных переживаний и способов их символизации — продукт длительного исторического развития. Древнейшие мифологии еще не знают идеи индивидуальной любви, человеческий организм выступает в них как часть природы, а сексуальность — как всеобщая оплодотворяющая сила. В дальнейшем, по мере становления личности, происходят постепенная индивидуализация и сентиментализация сексуальных переживаний; они включаются в круг наиболее значимых личностных отношений и окружаются ореолом возвышенности. Однако и развитые, высшие культуры трактуют сексуальность далеко не одинаково. Одни культуры подчеркивают преимущественно ее инструментальные аспекты, видя в сексуальности главным образом средство продолжения рода или удовлетворения иных потребностей, другие усматривают в ней самоценное аффективное начало, выражение чувств и эмоций. В обществах первого типа сексуальность обычно подвергается более жесткому социальному контролю и регламентации, чем во вторых. Однако и аффективная сторона сексуальности трактуется по-разному. Большинству восточных цивилизаций чуждо типичное для христианства противопоставление духовного начала материальному, включая антитезу «чистой» духовной любви и «грязной» чувственности. Согласно древнейшим индийским верованиям, представленным в Ригведе (X, 129, 4), «желание» было первичной космогонической силой, создавшей мир. Брихадараньяка

Упанишада (VI—III века до н. э.) уподобляет человека, постигающего высшее духовное начало, мужу, пребывающему в объятиях любимой жены (IV, 3, 21). Индийская Камасутра и древнекитайские трактаты, посвященные «искусству спальни» («фан чжун») дают подробные наставления, как получить наибольшее эротическое наслаждение. «Из мириад вещей, созданных Небом, самое драгоценное — человек,— говорится в одном таком китайском трактате.— Из всех вещей, дарующих человеку благоденствие, ни одна не сравнится с интимной близостью. В ней он следует Небу и копирует Землю, упорядочивает инь и управляет ян. Те, кто постигает ее значение, смогут напитать свою природу и продлить свою жизнь; те, кто упустит подлинное ее значение, нанесут себе вред и умрут прежде времени» [75].

Однако наивно видеть в древней эротологии простой прообраз современных пособий по «технике брака», построенных по типу поваренной книги. Какой бы изощренной ни была эротическая техника древних религий, она не самодовлела, но всегда оказывалась связанной с общими религиозно-философскими ценностями. В ведических, тантристских и индуистских текстах чувственность рассматривается главным образом как средство духовного самораскрытия и освобождения человека. В Китае акцентируются скорее рациональные, инструментальные соображения — удовлетворение любовной страсти полезно для здоровья, получения здорового потомства, достижения душевного равновесия, а также укрепления семьи. Как и прочие элементы китайской культуры, здесь все регламентировано: и коитальные позиции, и количество сношений, и условия зачатия. Принятие чувственности не означает отказа от контроля и самоконтроля. Как гласит один старокитайский текст, «искусство спальни образует вершину человеческих чувств, оно указывает высший путь — дао. Поэтому совершенномудрые правители древности выработали детальные правила половых сношений, чтобы регулировать внешние наслаждения человека и тем самым умерять его внутренние страсти... Тот, кто управляет своими сексуальными наслаждениями, будет жить в мире и достигнет старости. Если же он отдастся во власть этих наслаждений, пренебрегая изложенными правилами, он заболеет и повредит собственной жизни» [196].

Культура не только регламентирует, но и различает низшие, светские, и высшие, священные аспекты сексуальности. Я уже упоминал, что древние греки никогда не смешивали словесные обозначения священного фаллоса

и соответствующего анатомического органа. Разграничения такого рода, за которыми стоят сложные этико-эстетические критерии, существуют и в современном языке (достаточно сравнить понятия «нагое» и «голое»). Даже «просексуальные» религии, признающие ценность половой близости как средства духовного освобождения, отличают ее от экстатических состояний, достигаемых путем самососредоточения, медитации (индийское «самадхи») и т. п. Короче говоря, в сложных культурах физическая сексуальность никогда не рассматривается как самодовлеющая, а только в связи со всей системой общественных отношений и духовных ценностей.

Эти представления отражаются и в эволюции понятия любви. Индивидуальное страстное влечение к другому существу, которого не может заменить никто, существовало, видимо, всегда. Однако каковы бы ни были вариации индивидуальных чувств, архаическое общество не считало любовь необходимой предпосылкой брака или условием счастья. В некоторых языках (например, папуасского племени манус) отсутствует даже слово для обозначения этого понятия. Кое-где любовная страсть считается душевным заболеванием. Некоторые ученые (Питирим Сорокин, Джон Анвин и др.) объясняли отсутствие индивидуальной избирательности свободой нравов, отсутствием запретов на добрачные связи и вообще либеральным отношением к сексуальности.

Однако дело не столько в системе запретов, сколько в уровне развития личности, да и сам культурный канон любви противоречив и неоднозначен. Уже древние греки различали чувственное, телесное влечение и потребность в душевной, психической близости, а также страстную любовь, жажду обладания любимым существом («эрос») и нежную любовь, где преобладает потребность в самоотдаче, желание раствориться в любимом («агапе»). «Эрос» и «агапе» не были синонимами чувственных и духовных элементов любви, которые античная культура признает одинаково правомерными, хотя и ставит духовную близость выше телесной. Кроме того, нельзя забывать, что платоновский идеал любви, определяемый как «жажда целостности и стремление к ней» («Пир», 193а), строится на гомоэротической основе. Объектом чувственной любви, восходящей к «Афродите всенародной» (Пандемос), считает Платон, могут одинаково быть и юноши, и женщины. Эрот «Афродиты небесной» (Урания) восходит к богине, причастной только мужскому началу, поэтому «одержимые такой любовью обращаются к мужскому полу,

отдавая предпочтение тому, что сильней от природы и наделено бо́льшим умом» («Пир», 181b—d). В дальнейшем идея «платонической любви» отделилась от первоначальной гомоэротической основы, зато приобрела болезненный антисексуальный оттенок (принижение или полное отрицание чувственности). Весьма неоднозначны по своему содержанию и такие культурные явления, как «христианская любовь» или «романтическая любовь». Это требует большой осторожности в обобщениях и выводах.

Регулируя мотивационно-ценностные аспекты сексуального влечения, культура и подавно не может игнорировать его социальные формы. Соотношение брачных, добрачных и внебрачных связей — одна из главных проблем сравнительно-исторической социологии сексуального поведения. Поскольку на эту тему имеется большая научная литература [70; 87], я не буду специально обсуждать здесь этот вопрос. Подчеркну лишь, что как ни многообразны формы брака и семьи, все человеческие общества как-то регулировали половые отношения, причем способы этой регуляции зависят от совокупности социально-экономических факторов. Абсолютный промискуитет (полная неупорядоченность половых отношений) учеными нигде не зафиксирован. Правда, оргиастические праздники, когда допускается полная свобода половых отношений, существуют у многих народов мира, но они заведомо временные, да и само это нарушение правил, вплоть до инверсии половых и сексуальных ролей, имеет определенный символический культурный смысл.

Самый древний и универсальный запрет, налагаемый культурой на сексуальность,— правило экзогамии, запрещение браков и вообще половых связей между членами одного и того же рода. Хотя происхождению экзогамии посвящена огромная специальная литература, вопрос до сих пор остается спорным [84, 110]. Одни авторы подчеркивают значение генетических факторов, вред близкородственных браков для потомства. Другие выдвигают на первый план социальные факторы: неупорядоченность половых отношений и сексуальное соперничество самцов делали невозможными стабильную социальную организацию, подрывали единство человеческого стада. Третьи придерживаются психологического объяснения, согласно которому у людей, живущих в тесной близости с раннего детства, не возникает сексуальный интерес друг к другу. Это мнение, высказанное еще Э. Вестермарком, подкрепляется наблюдениями в израильских кибуцах, в которых мальчики и девочки воспитываются совместно и даже спят

в общей спальне. Когда они вступают в период полового созревания, их сексуальные интересы направляются на подростков из других групп, а браки внутри собственного коллектива крайне редки. В принципе первая и вторая гипотезы, как справедливо замечает Ю. И. Семенов [70], скорее взаимодополнительны, чем противоположны. Однако вызывает сомнение господство «зоологического индивидуализма» среди пралюдей — ведь определенная социальная организация сексуального поведения существует уже у приматов. Если совместное воспитание в детстве устраняет половое влечение, то строгие культурные запреты на сей счет были бы излишни. Между тем инцест между братьями и сестрами — явление не столь уж редкое не только в мифологии, несмотря на все запреты.

Помимо общих норм экзогамии, всюду, где существует институт брака, проводится какое-то социальное и психологическое различие между брачной, добрачной и внебрачной половой жизнью, причем соответствующие нормы тесно связаны с особенностями социальной системы и культуры. Например, нормы добрачного сексуального поведения статистически связаны с правилами, регулирующими определение происхождения и местожительства; особенностями экономики общества; уровнем его производительных сил; размерами общины; религиозными верованиями; наличием или отсутствием какого-то обмена имуществом при заключении брака; дифференцированной оценкой мальчиков и девочек; участием женщины в производстве средств существования; классовой структурой; степенью строгости половой социализации и с отношением культуры к материнству и деторождению. Сравнительно простые общества обычно склонны к большей терпимости, а более сложные — к нормативному ограничению добрачных связей [116].

Усложнение сексуальных запретов отражает процесс индивидуализации и персонализации соответствующих отношений. В известном смысле его можно считать продолжением биологической эволюции. Как пишет Ю. М. Лотман, «простейшая форма биологического размножения — деление одноклеточных организмов. В этом случае каждая отдельная клетка полностью независима и не нуждается в другой. Следующий этап — разделение биологического вида на два половых класса, причем для продолжения рода необходимо и достаточно любого одного элемента из первого и любого одного элемента из второго класса. Появление зоосемиотических систем заставляет рассматривать индивидуальные различия между особями как значимые и вносит элемент избирательности в брачные отно-

шения высших животных. Культура возникает как система дополнительных запретов, накладываемых на физически возможные действия. Сочетание сложных систем брачных запретов и структурно-значимых их нарушений превращает адресата и адресанта брачной коммуникации в личности. Данное Природой: «мужчина и женщина» — сменяется данным Культурой: «только этот и только эта». При этом именно вхождение отдельных человеческих единиц в сложные образования Культуры делает их одновременно и частями целого, и неповторимыми индивидуальностями, различие между которыми является носителем определенных социальных значений» [54].

Древние культурные запреты дифференцировали права и обязанности разных социальных категорий людей, не придавая значения их индивидуальности, которая осознавалась и проявлялась через нарушение этих правил и этой категоризации. Следовательно, нормативную культуру любого общества нужно изучать конкретно.

Свобода добрачных связей, существовавшая во многих обществах, как правило, предполагалась для людей определенной возрастной категории и в определенной системе родственных отношений. Простые количественные показатели (такой-то процент обществ допускает до- и внебрачные связи, а такой-то их запрещает) не имеют смысла, если они не соотнесены с системой производственных, брачно-семейных и родственных отношений данного общества. Даже в пределах одной и той же культуры обычно существуют разные нормы сексуального поведения для разных категорий людей.

Самое распространенное из таких различий — двойной стандарт, т. е. разные нормы сексуального поведения для мужчин и женщин. В той или иной степени это явление наблюдается почти везде, но одно дело — сексуальные роли, позиции в половом акте, другое — приписываемая мужчинам и женщинам мотивация, третье — право выбирать сексуального партнера и определять характер взаимоотношений с ним. В большинстве первобытных обществ право инициативы, ухаживания, выбора партнера и определения ритма половой жизни в браке принадлежит мужчине. В отношении добрачных и внебрачных связей половая мораль, как правило, снисходительнее к мужчинам. Женщинам добрачные связи разрешали от двух пятых до половины обследованных этнографами бесписьменных обществ, а если считать «терпимыми» общества, которые публично осуждают, но втайне терпят такие отношения, то показатель составит около 70% [182].

Мужчинам добрачные связи разрешаются практически во всех «терпимых» обществах, а в остальных на них смотрят сквозь пальцы. Внебрачные связи в той или иной форме допускаются для женщин приблизительно в двух или трех пятых бесписьменных обществ, а для мужчин — почти везде [116; 182].

На первый взгляд кажется, что это лишь продолжение общебиологической закономерности, но такое впечатление ошибочно. Человеческий брак — не природный, а социальный институт, в развитии которого, согласно теории марксизма-ленинизма, решающую роль играли материально-экономические факторы (частная собственность, право наследования и т. д.). Порабощение женщин, в том числе сексуальное,— реальный исторический факт. В мире животных сексуальное насилие редко, в большинстве случаев самка имеет право выбора. В древнем человеческом браке, где женщин насильственно похищают или покупают, держат взаперти, такой свободы выбора нет. Двойная мораль в отношении супружеской верности, зафиксированная бесчисленными древними кодексами, начиная с законов Ману или Хаммурапи,— плоть от плоти тех же самых социальных условий.

Практически во всех человеческих обществах существует культ мужской сексуальности. Мужские божества и герои наделяются не только внушительными гениталиями, но и исключительными детородными способностями. Индийский бог Кришна имел, согласно традиции, 16 108 жен, каждая из которых родила ему по 10 сыновей и по 1 дочери [118]. Один из персонажей «Тысячи и одной ночи» за одну ночь овладел 40 женщинами, каждой по 30 раз [118]. В культурах, прославляющих сексуальную сдержанность, подобных подвигов, естественно, нет, зато ярко описываются трудности умерщвления плоти и связанные с этим соблазны. Женская сексуальность описывается в целом гораздо сдержаннее. В антисексуальных и антифеминистских культурах, например в средневековом христианстве, существуют два главных женских образа: положительный наделяется чистотой, понимаемой как асексуальность, равнодушие и даже отвращение к половой жизни, а отрицательный персонифицирует гипертрофированный, агрессивный секс, «похоть» и соблазн.

Мифологическое сознание не могло не задаваться и вопросом о специфике мужской и женской сексуальности. В древнегреческой и древнеиндийской мифологии есть сходный миф о мужчине, который по воле богов дважды менял пол. В греческом варианте, сохраненном Овидием

(«Метаморфозы» III, 315—338), это предсказатель Тирезий, а в индийском (Махабхарата, XIII) — могущественный царь Бхангасвана. Оценивая свои сексуальные переживания в обеих ипостасях, оба отдают предпочтение женской. По словам Тирезия, женщина наслаждается любовью в 9 раз больше, чем мужчина. Это, естественно, отражает мужскую точку зрения. Поскольку семя, как уже говорилось, наделяется магическими свойствами, первобытное сознание весьма чувствительно к его возможной потере. Это мотивируется, с одной стороны, страхом утраты жизненной силы, а с другой — боязнью колдовства: если в семени содержится весь человек, то враг, овладевший семенем, может заколдовать его. Этим объясняется распространенность табуирования мастурбации. Особенно суровы запреты на сей счет в иудаизме. Общеизвестна библейская (Бытие, 38, 8—10) история об Онане, умерщвленном богом за то, что он изливал семя свое на землю. Хотя преступление Онана заключалось не в растрате семени, а в том, что он ослушался бога — не женился на вдове своего брата, слово «онанизм» стало синонимом самостимуляции. Позже Талмуд вообще запрещает евреям касаться руками полового члена даже при мочеиспускании [118]. Запреты мастурбации в большей или меньшей степени характерны также для христианства, ислама и конфуцианства. Однако и здесь есть вариации. Многие культуры неодинаково оценивают мастурбацию детей и взрослых. Например, мангайцы (острова Кука в Полинезии) считают мастурбацию вполне нормальной для мальчиков и девочек младше 10 лет; подростки старше этого возраста уже начинают гетеросексуальную жизнь, их мастурбация рассматривается как пережиток детства [246]. Сходные установки существуют в Меланезии: мастурбация поощряется у маленьких мальчиков, допускается у подростков и осуждается у взрослых мужчин [135]. Принципиальное различие между детской и взрослой мастурбацией проводило и средневековое христианство [164, 165]. Античная Греция вообще не знала подобных запретов, а тантризм даже поощрял мастурбацию женщин.

Следует еще раз подчеркнуть, что принятые у разных народов нормы сексуального поведения, включая его эротический код и технику, не могут быть поняты из самих себя или общих закономерностей репродуктивного поведения. Они всегда соотносятся со свойствами культуры и конкретного образа жизни. У всех народов мира существуют многочисленные хозяйственные и сезонные за-

преты, связанные с определенными фазами общественной жизни племени или индивидуального жизненного цикла. Таковы, например, охотничьи табу, запрещавшие половые сношения в период подготовки и проведения охоты, известные у многих народов Америки, Европы, Океании, Африки и Азии [70]. Подобные же запреты существовали и в связи с другими видами общественной деятельности — скотоводством, земледелием, ремеслом, путешествиями, войной и т. д. На первый взгляд кажется, что все это — следствие осознания реального биологического факта: сексуальная активность ослабляет мужчину в ситуациях, требующих максимального напряжения физических или духовных сил, что вынуждает его к временному воздержанию. Однако вопрос куда сложнее. Возьмем, например, так называемые репродуктивные табу, регулирующие отношения полов и поведение женщин в период менструаций, беременности и после родов. Запреты эти, сочетающиеся с ограничениями социальной активности женщин, весьма распространены. По подсчетам супругов Пейдж [277], 63% обследованных ими обществ запрещают половые сношения в период беременности, 73% — в период менструаций, 93% — в послеродовой период. Поскольку такие запреты, иногда весьма длительные, адресованы мужчинам и мотивируются опасностью их сексуального «осквернения», «загрязнения», их обычно считают «антифеминистскими». Если вдуматься, данные табу, особенно послеродовые, охраняют здоровье женщины и ребенка. В трудных условиях первобытного общества кормление ребенка грудью продолжалось очень долго — 2—3 года, а то и дольше. Новая беременность в это время социально нежелательна. Бушмены даже практикуют инфантицид, убивая новорожденного, если предыдущий ребенок не начал ходить. Табуирование женщины, в каких бы терминах оно ни формулировалось, объективно служит средством регулирования рождаемости и сохранения потомства. Культура стремится с помощью запретов восполнить утраченные человеком сезонные биологические регуляторы (эструс и т. п.) сексуальной активности не по эротическим, а по репродуктивным мотивам. Что касается мотива «осквернения», то запрет обращен к мужчинам.

Как и в других случаях, культурно-символические, естественно-биологические и социально-экономические аспекты здесь тесно переплетаются. Фрэзер объяснял религиозные запреты контактов с менструирующей женщиной (мужчинам иногда запрещается не только иметь с ней

половую связь, но и есть приготовленную ею пищу, находится с нею с одном помещении и т. д.) прежде всего страхом первобытного человека перед всяким пролитием крови [170]. В последние годы представление о том, что половой акт и вообще телесный контакт с менструирующей женщиной подрывает шансы мужчин на удачу в охоте и в порядке экстраполяции — в рыбной ловле и войне, как будто получает и «натуралистическое» объяснение. Как известно, самые строгие запреты такого рода существуют у племен, живущих преимущественно охотой и собирательством. Запах крови отпугивает травоядных животных, на которых чаще всего охотятся люди, и, напротив, привлекает хищников. Кроме того, существует мнение, что женские запахи, связанные с вагинальными выделениями, менструацией и молокоотделением, значительнее устойчивее, чем запахи мужского тела, так что, возможно, именно этим, а не разницей в физической силе объясняется исключение женщин из охотничьей деятельности. Типичный недостаток межкультурного изучения менструальных обычаев, как и большинства репродуктивных табу,— все они проводились до сих пор с мужской точки зрения, женские переживания и ценности во внимание не принимались. Между тем некоторые запреты могли быть средствами женской самозащиты, позволяя женщинам в определенные периоды уклоняться от выполнения тех или иных обязанностей, например приготовления пищи.

Сравнение этнографических данных о мужских «сексуальных страхах» и распределении власти в ряде первобытных обществ показало, что женская сексуальность тщательнее регламентируется в обществах, в которых жена пользуется бо́льшим авторитетом в семье и женщины выполняют более важные социально-экономические функции. Там, где господствуют мужчины, значительно больше внимания уделяется мужским сексуальным символам и обрядам (операции на гениталиях, пищевые ограничения после полового акта, табу растраты семени и т. д.). Это соответствует общей логике древнего, да и не только древнего сознания, согласно которой поведение людей более высокого социального ранга подвергается более тщательному учету и регулированию. Отношения полов всегда взаимодополнительны и в чем-то соревновательны. Пока власть женщин невелика, мужчины меньше боятся женской сексуальности; по мере роста женского влияния их озабоченность возрастает. Ведь и в современном обществе именно эмансипация женщин, в том числе

сексуальная, вызывает у мужчин, воспитанных в духе традиционной идеологии «мужского верховенства» («machismo»), неуверенность в собственной вирильности, чувство демаскулинизации, что нередко служит причиной психической импотенции.

Сложные социокультурные явления, как правило, обусловлены не одной, а многими причинами, поэтому и объясняющие их теории большей частью взаимодополнительны. Например, для объяснения страха мужчин перед женской сексуальностью этнографы выдвинули 4 различные гипотезы: 1) мужчины боятся женщин потому, что их жены происходят из враждебных деревень; 2) страх перед «осквернением» объективно способствует снижению рождаемости в обществах, испытывающих дефицит жизненных ресурсов; 3) мужские страхи обусловлены преувеличенным эдиповым комплексом, бессознательным отождествлением «матери» с «сексуальной партнершей»; 4) эти страхи объясняются трудностями мужской половой идентификации, враждебность к женщинам — средство утверждения мужского начала [154]. Все это, конечно, только гипотезы. Но характерно, что наука идет от примитивных монокаузальных теорий, объясняющих сложный феномен одной (экономической, бытовой или психологической) причиной, к комплексным построениям, в самой природе которых заложена возможность вариаций и разных типов развития.

Культура формирует эротический код, ритуал ухаживания и сексуальную технику. Хотя эрогенные зоны у человека детерминированы физиологически, разные народы придают им неодинаковую ценность. Например, у большинства европейских и африканских народов женская грудь считается важным эротическим объектом, а полинезийцы-мангаиа к ней равнодушны, полагая, что она может интересовать только голодного младенца [246]. Весьма различны нормы половой стыдливости, причем не только количественно (одни народы закрывают тело больше, чем другие), но и качественно (что именно скрывается или, наоборот, подчеркивается). В европейской культуре нового времени эротические интересы у детей считались «нездоровыми» и всячески табуировались. У многих других народов они считаются нормальными элементами половой социализации. Например, у детей австралийских аборигенов йолнгу (Северная Австралия) имеется игра «ниги-ниги», имитирующая половой акт, и взрослые не видят в ней ничего страшного [265]. Генитальные игры считаются нормальными у народов бала в Конго, полине-

зийцев Маркизских островов, жителей острова Пасхи, маори, лесу и многих других. Отношение к детской сексуальности обычно коррелирует с общей сексуальной терпимостью.

Чрезвычайно сильно варьируют ритуалы ухаживания и техника полового акта. Нормальное для европейцев половое сношение в положении «лицом к лицу» некоторым неевропейским народам казалось в высшей степени неудобным и неприличным, у них принята вагинальная интромиссия сзади. Европейцы XIX века, верившие в асексуальность женщины, требовали, чтобы она была неподвижна, оставляя всю активность мужчине; напротив, по представлениям мангаиа, женщина должна все время двигаться [246]. В некоторых культурах мужчина обычно приступает к половому акту сразу, без предварительных эротических игр и не заботясь об удовольствии женщины (что не означает отсутствия индивидуального влечения к ней). Это хорошо описывает папуасский писатель Винсент Эри в повести «Крокодил» [1]. Напротив, у мангаиа мужчина и женщина обязаны дать друг другу сексуальное удовлетворение, полноценный оргазм, которому придается большое значение, хотя особой психологической близости это не предполагает. В обществах с просексуальными установками с течением времени вырабатывается рафинированная сексуально-эротическая техника, иногда (Индия, Китай) возводимая в ранг религиозного культа. Составитель Камасутры Ватсьяяна описывает 84 различные коитальные позиции; его позднейшие комментаторы довели число вариаций до 729 [118].

Большинство дошедших до нас древних эротологий написано с мужской точки зрения, в них рассматривают женщину лишь в качестве партнера, а чаще — объекта мужского желания и активности. Исключение представляют некоторые тантристские секты, где женщина выступает как активное начало. Однако и в мужской эротологии существует немало вариаций. Кое-где мужчины стараются уменьшить сексуальную возбудимость женщины путем ритуальной эксцизии (удаления) клитора. Камасутра ориентирует на совместность и взаимность мужских и женских сексуальных реакций. Особенно любопытна в этом плане древнекитайская эротология, которая ставит перед мужчиной задачу довести женщину до оргазма, самому избежав эякуляции. Смысл этого, по даосским верованиям, в том, чтобы мужчина усвоил женское начало

[1] Эри В. Крокодил.— Новый мир, 1978, № 10.

инь и в то же время сохранил собственное жизнетворческое ян. Чем больше инь получит мужчина, не давая взамен ян, тем сильнее он станет. Обучали специальной технике coitus reservatus (разновидность прерванного полового акта), чтобы на 10 интромиссий приходилось не больше 2—3 эякуляций [196].

Варьирует в разных обществах и эмоциональная окрашенность половых отношений. Они могут быть как любовно-нежными, так и агрессивно-враждебными. Последнее характерно, например, для папуасов добу и манус, поскольку женщин они похищают из враждебных племен, мужчинам приходится все время бояться собственных жен и это окрашивает их сексуальность в агрессивные тона [254]. Другой пример — гусии в юго-западной Кении [232]. Половой акт, даже между супругами, мыслится здесь как насильственное действие, в ходе которого мужчина должен преодолеть яростное сопротивление женщины, причиняя ей при этом физическую боль и унижение. Женщин поощряют сексуально раздражать и дразнить мужчин, а последние получают максимум удовлетворения, когда женщины протестуют и плачут. Такой садистский тип сексуальности формируется в детстве, когда у девочек всякие проявления сексуальности последовательно наказываются, а у мальчиков — то поощряются, то наказываются. Когда мальчики-подростки после обрезания находятся в уединенном месте, туда приводят девочек-подростков, которые обнаженными танцуют эротические танцы, вызывающие у мальчиков эрекции и сильную боль в травмированных половых членах, и одновременно насмехаются над их страданиями. Неудивительно, что брак у этого народа напоминает узаконенное изнасилование.

Неодинаково оценивают разные культуры девственность. По этнографическим данным, простые и примитивные общества не придают ей особого значения. С повышением социального статуса женщин и усложнением иерархической системы общества девственность приобретает высокую социокультурную ценность, но с европейской точки зрения это выглядит довольно своеобразно. Например, в Полинезии, несмотря на весьма свободные сексуальные нравы, девственность дочерей, особенно дочерей вождей, тщательно охраняют. Дефлорация девушки рассматривается молодыми мужчинами как подвиг, «сексуальная кража», которая повышает не только сексуальную репутацию юноши, но и его социальный статус. Девственность — «дар», присвоение которого, даже путем

обмана или насилия, дает мужчине определенные привилегии, позволяет жениться на представительнице более знатного рода и тем самым повысить собственный статус [276]. Сходные представления о «бесчестье», которое можно смыть кровью или «прикрыть» браком, существовали и у многих христианских и мусульманских народов.

Христианство придает девственности мистическую ценность. В образе богоматери Мать и Дева сливаются воедино, разобщая тем самым символ материнства и символ сексуальности. Девственницы, особенно по монашескому обету, считались в Средние века христовыми невестами. Обыденное сознание также приписывает девственности особую ценность. Недаром «право первой ночи» европейские историки считали не только социальной, но и сексуальной привилегией сеньора.

Однако дефлорация — довольно сложная и не всегда приятная процедура. Многие народы считают ее тягостной как для женщины, так и для мужчины. Более того, она считается опасной для мужчины, так как вместе с кровью в него может проникнуть злой дух. В некоторых обществах ее заменяют специальной хирургической операцией. У многих народов — тибетцев, японцев, уйгуров, жителей Кампучии, Филиппин и др.— существовал обычай ритуальной дефлорации девушек жрецами (отнюдь не только буддийскими, но и даосскими, мусульманскими и др.). Это должно было совершаться обязательно в определенном возрасте и предшествовать вступлению девушки в брак, иначе она и ее родители считались опозоренными [32]. У других народов, прежде чем муж осуществит свои супружеские права, это публично делают все остальные мужчины деревни. Такой обычай этнографы считают своеобразной формой выкупа, который жених платит своим товарищам по мужскому союзу, но его можно рассматривать и как частный случай целого класса древних обрядов, связанных с освоением чего-то нового: желая избежать связанной с новым опасности, люди пропускают вперед кого-то, кто считается менее ценным (например, в новый дом сначала пускают кошку) или кто имеет больше возможностей избежать влияния злых духов (например, колдун).

Один и тот же обряд может иметь неодинаковое значение на разных стадиях общественного развития и в разных социальных контекстах. Ритуальная дефлорация невесты может быть и средством помощи жениху, «спасения» его от грозящей опасности, и сексуальной при-

вилегией мужского братства, к которому принадлежит жених [1].

В архаических обрядах и мифах, равно как и в позднейшей карнавальной, «смеховой», культуре, широко представлена девиантная сексуальность: инцест, транссексуализм, трансвестизм, гомосексуализм и др. Однако одни и те же по своей биологической и поведенческой природе явления совершенно по-разному оцениваются и символизируются не только в разных культурах, но и в одной и той же. Культура строжайше запрещает и осуждает инцест, вместе с тем известны ритуальные, символические формы инцеста, его то и дело совершают боги, а для героев некоторых культур инцест прямо-таки обязателен как знак их «избранничества» [50, 59]. Культура строго различает мужские и женские роли и модели поведения и запрещает нарушать эти границы, например в одежде, но всюду есть какие-то узаконенные, освященные традицией формы трансвестизма и т. п. Чем объясняются такое противоречие и амбивалентность?

Есть два подхода к проблеме: первый снизу, от индивида к культуре, предполагающий, что культура лишь оформляет, структурирует и регламентирует импульсы, возникающие в индивидуальном сознании. С этой точки зрения распространенность инцестуальных мотивов в культуре — свидетельство непреодолимости таких влечений (эдипов комплекс), а противоречивость культурных норм — отражение амбивалентности нашего либидо. Второй подход сверху, от культуры к индивиду: культура не только отражает индивидуальные вариации либидо, но и в достаточно широких пределах формирует его направленность; иначе говоря, сексуальность рассматривается как социальное явление. В первом случае важен поведенческий акт, поступок как выражение внутренних импульсов индивида, во втором — значение, придаваемое этому поступку культурой, которая и формирует соответствующий стиль поведения.

Эти подходы не столько взаимоисключающие, сколько встречные. С точки зрения культурологии второй подход плодотворнее, он пытается нащупать закономерности формирования тех социокультурных нормативов, с которыми соотносятся и которыми во многом определяются

[1] Пережиток подобных явлений в русских народных обычаях: перед свадьбой все молодые люди деревни, товарищи жениха, посещали и целовали невесту. Другой древний славянский обычай — перед свадьбой невеста оставалась в бане наедине с мужчиной-колдуном, который должен был ее тщательно вымыть [34].

индивидуальные «сценарии» сексуального поведения. «Очеловечение» полового инстинкта, о чем много писали в конце XIX — начале XX века, означает не что иное, как его подчинение определенным социальным нормам. Культура всегда понимается как упорядоченная система правил в противоположность хаосу и анархии, хотя эта оппозиция так же относительна, как оппозиция культура — природа.

Регламентируя наиболее важные аспекты сексуального поведения, культура всегда оставляет место для индивидуальных или ситуативных вариаций. Одни поступки регламентируются, оцениваются как «хорошие» или «плохие», «правильные» или «неправильные», другие целиком предоставляются индивидуальному усмотрению, причем размер и содержание таких «допусков» существенно варьируют в разных обществах и сферах бытия.

Более того, формулируя то или иное предписание, культура почти всегда предусматривает какие-то возможности его нарушения. Чаще всего эти исключения смягчаются тем, что относятся либо к другому времени (например, к «мифологическому» времени в отличие от реального), либо к особым персонажам — богам или героям, подражать которым рядовой человек не может, так что общая норма не теряет своей силы и обязательности. Однако существуют и такие ситуации, в которых нарушение и «перевертывание» установленных норм и правил являются обязательным правилом, законом.

Применительно к сексуальности узаконенное нарушение правил благопристойности, включая демаркацию половых и сексуальных ролей, ярче всего проявляется в первобытном празднике и карнавальной, «смеховой», культуре. Поскольку в таких праздниках сильно выражены сексуальные элементы — неограниченная свобода полового общения, инверсия сексуальных ролей, переодевание в одежду противоположного пола, оголение, насилование женщин мужчинами и наоборот [5, 70], в этом часто видят пережиточную форму промискуитета или средство эмоциональной разрядки после вынужденного воздержания. Действительно, оргиастические празднества часто следовали непосредственно за периодами интенсивной хозяйственной деятельности, когда половая жизнь была строго запрещена. Ю. И. Семенов [70] приводит примеры народностей меитхеев и нага индийских штатов Ассам и Манипур, индейцев Перу и пипилей Центральной Америки, а также указывает на связь христианского великого поста, когда веселье и половые отношения запрещались,

с преисполненной всевозможных излишеств пасхальной неделей. Однако оргиастические праздники и их позднейшие пережитки «раскрепощают» не только сексуальность. Праздник, как и «смеховой мир» в целом, выворачивает наизнанку весь существующий и прежде всего нормативный мир культуры, выявляя тем самым его условность и противоречивость. «Символическая инверсия» — не просто всплеск подавленных эмоций, а скорее «акт экспрессивного поведения, который перевертывает, противоречит, отменяет или некоторым образом представляет альтернативу общепринятым культурным кодам, ценностям и нормам, все равно, являются ли они языковыми, литературно-художественными, религиозными или социально-политическими» [92].

В основе этой культурной инверсии лежат те же психологические механизмы, которые еще в 20-х годах выявил К. И. Чуковский, изучая детские «перевертыши», «лепые нелепицы» [1]. «Перевертыши», писал Чуковский, не только помогают ребенку укрепиться в своем знании нормы, но и привлекают его внимание к потенциальным вариативным возможностям бытия. Не случайно взаимообращение, выворачивание наизнанку, переворачивание вверх ногами предметов и их свойств (К. И. Чуковский не совсем удачно, особенно в контексте данной книги, называет их «перверзиями») неизменно присутствуют и во взрослом фольклоре («ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают ворота» и т. д.). В символической культуре «обращению», перевертыванию подвергаются в сущности все бинарные оппозиции: верх и вниз, боги и демоны, день и ночь, люди и животные и, конечно же, половые роли, различия и признаки, начиная с одежды и кончая сексуальными позициями.

«Почему кажется естественным надевать на похороны цилиндр, а на день рождения или Новый год — накладной длинный нос? — спрашивал известный английский антрополог Эдмунд Лич.— Потому что подчеркнутая или, напротив, перевернутая либо отброшенная формальность одежды и (или) роли выделяет, маркирует исключительные случаи, тем самым структурируя бесформенное время». «Секс,— добавляет Э. Геллнер,— это ролевая инверсия, данная нам природой. Он привносит собственную прерывность и интенсивность, которые усиливают и иногда подрывают санкционированные обществом отношения.

[1] Чуковский К. И. От двух до пяти.— М.: Советская Россия, 1958, гл. 4.

Дело выглядит так, как если бы в лице сексуальности природа подарила человечеству нечто вроде проторитуала, который культура легко превращает в ритуал в буквальном смысле слова» [184].

Отдельно взятый поведенческий акт значит в культуре еще меньше, чем в биологии. Никому не придет в голову зачислять в одну и ту же категорию шуточное карнавальное переодевание в одежду другого пола; театральное амплуа травести (сейчас актрисы играют мальчиков, а в античном и средневековом театре мужчины играли женские роли); временный ритуальный трансвестизм, связанный с участием в определенных обрядах, например инициациях; постоянную смену половой роли/идентичности ради выполнения определенной сакральной функции, требующей такого перевоплощения; трансвестизм как индивидуальную сексуальную девиацию.

Разумеется, все эти явления имеют нечто общее. С точки зрения семиотики и культурологии трансвестизм, как и другие карнавальные обряды, является «одним из случаев ритуальной нейтрализации семиотически значимых оппозиций, в данном случае оппозиции мужской — женский» [35]. Равновесие бинарных (двоичных) противоположностей достигается в ритуале и мифе благодаря особым посредникам или путем объединения обоих полюсов в едином целом. Недаром двуполые существа, андрогины, всюду считались богами или «сверхлюдьми». Тем не менее рассматривать все перечисленные выше явления как разные формы или степени «одного и того же» по меньшей мере бесперспективно. Ни для культурологии, ни для сексологии не безразлично, является ли данный случай инверсии половой роли/идентичности следствием выполнения индивидом определенных предписаний культуры или выражением его собственных непреодолимых склонностей даже вопреки культурным запретам.

Весьма поучительно в этом смысле исследование институционализированного трансвестизма, особенно бердачей[1], т. е. людей, изменяющих свою половую идентичность и статус и принимающих одежду, занятия и поведение противоположного пола [121; 353]. Этот институт широко распространен среди американских индейцев (в Северной Америке он зафиксирован у 113 племен), а также у народов Севера (чукчи, алеуты и т. д.), Даль-

---

[1] Berdach или bardash, предположительно от испанского bardajo или bardaja, что означает «мальчик на содержании», проститутка мужского пола [118].

него Востока (индонезийские даяки) и Африки (баконго). Бердачей (чаще ими бывают мужчины) считают двуполыми или смешанными в половом отношении («мужчина-женщина», «полумужчина-полуженщина» и т. п.) и нередко приписывают им особую магическую силу, благодаря которой они часто (но не обязательно) бывают шаманами. Чем объясняется этот феномен?

Некоторые американские этнографы склонны выводить «бердачизм» из индивидуально-психологических особенностей, считая его особой формой институционализированной гомосексуальности [139]. Однако многие бердачи ведут гетеросексуальный образ жизни, да и вообще в описании их роли акценты делаются главным образом на социальных характеристиках (род занятий, одежда, выполнение ритуальных функций и т. д.). Не нашла подтверждения и гипотеза о врожденной интерсексуальности бердачей. Другие исследователи считают институционализированный трансвестизм формой санкционированного культурой убежища для мальчиков, чувствующих себя неспособными выполнять трудные мужские роли (например, воинские). Как быть с женщинами-бердачами? Ныне индивидуально-психологические теории уступают место культурно-социологическим. Кросскультурное исследование 47 различных обществ показало, что институционализированный мужской трансвестизм тесно связан с уровнем полоролевой дихотомизации: он встречается главным образом там, где противоположность мужских и женских социальных функций выражена менее резко [271]. Кроме того, он связан с религиозными верованиями, в которых андрогинное начало выступает воплощением изначальной целостности и духовной силы. Древнекитайское наименование шамана-жреца или гадателя «инь-ян» подчеркивает слитность, соединение в одном лице мужского и женского начал. При отсутствии этих условий индивидуальные отклонения от полоролевых стереотипов, встречающиеся в любом обществе, остаются на бытовом уровне, не становясь предметом особого культа, и не институционализируются.

Не менее важен социокультурный контекст при изучении гомосексуальности. Здесь возникает ряд автономных вопросов: 1) насколько распространено такое поведение? 2) каково отношение (установки) к нему в различных обществах? 3) какое значение ему приписывается? Ответить на эти вопросы не так просто. Если статистические обобщения о добрачных и внебрачных связях оперируют выборками в 100 и более обществ, то существующие

шкалы отношения к гомосексуальности учитывают максимум 52 общества, а шкалы ее распространенности — 70 обществ. Эти данные сопоставляются с сексуальной терпимостью, структурой семьи, степенью сегрегации полов в воспитании и другими социокультурными факторами. Однако статистически достоверных результатов мало. Выяснено лишь (данные по 45 обществам), что отношение к гомосексуальности значимо коррелирует с характерным для данной культуры общим уровнем сексуальной тревожности, т. е. чем больше страха и тревоги вызывает у людей сексуальность как таковая, тем враждебнее они относятся к гомосексуальности [116]. Однако это зависит также от ряда конкретных социально-экономических и идеологических факторов. В отличие от греко-римской цивилизации христианство, как и иудаизм, всегда осуждало гомосексуальность. Ветхий завет называет мужеложство «мерзостью», которая должна караться смертью (Левит, 18:22; 20:13). Однако в Библии и в раннем христианстве этой теме уделяется мало внимания; так же сурово караются многие другие грехи, например, прелюбодеяние или ростовщичество. Даже библейская история разрушения Содома и Гоморры (Бытие, 19), откуда происходит понятие «содомии» или «содомского греха», допускает разные интерпретации причин божественной кары: 1) их общая испорченность, для расследования которой бог послал туда ангелов; 2) горожане пытались изнасиловать ангелов; 3) попытка гомосексуальной связи с ангелами, 4) нерадушный прием посланцев бога [114]. Хотя первые законодательные акты против гомосексуализма восходят к кодексу Юстиниана и визиготскому закону (VII в), в раннем Средневековье они не имели большого практического значения. Так же обстояло дело и в каноническом праве. В пенитенциарии папы Григория III (VIII век) покаяние за лесбианство устанавливалось в 160 дней, за мужеложство — в один год, а за участие священника в охоте — в 3 года [114]. Тревоги и репрессии по этому поводу резко усиливаются во второй половине XII века и особенно в XIII—XIV веках, параллельно росту общей религиозной и прочей нетерпимости, связанной с развитием городской культуры и ослаблением идеологической монополии церкви. «Содомия» все чаще отождествляется с ересью, приписывается иноверцам и другим народам, а обвинение в ней используется для дискредитации политических противников (вспомним процесс тамплиеров).

Помимо количественной стороны (степень принятия

или неприятия гомосексуальности), весьма существенна качественная сторона дела — как гомосексуальность символизируется. «Неприятие» гомосексуальности означает, что она считается девиацией, отклонением от нормального порядка вещей. Однако далеко не одно и то же, считать ли это отклонение пороком, грехом, ересью, преступлением, болезнью или безвредной индивидуальной аберрацией. Каждому из этих определений соответствует особая культурная ориентация и стратегия социального действия. Так же многообразны и формы ее «принятия». В одних обществах гомосексуальные контакты допускаются для определенных категорий людей или ситуаций как нечто временное, вынужденное или несущественное; в других они предписываются в рамках некоторого ритуала, например инициации; третьи считают их необходимым аспектом какого-то более или менее продолжительного социального процесса, например социализации подростков; в-четвертых, гомосексуализм символизируется как специфический стиль жизни, которому соответствует особая социальная роль/идентичность. Соответственно варьирует и индивидуальная мотивация.

Постоянный, институционализированный гомосексуальный стиль жизни в архаических обществах обычно выступает как один из аспектов общей, социально-бытовой и символической инверсии половой роли/идентичности («бердачизм»), причем он не определяет соответствующий социальный статус.

Самая распространенная форма ритуализированных гомосексуальных контактов между взрослым мужчиной и мальчиком-подростком наблюдается при церемонии инициаций. Однократный или повторяющийся несколько раз орально-генитальный (фелляция) или анально-генитальный контакт, в котором взрослый обязательно выполняет маскулинную роль, символизирует передачу мальчику физических и психических (мужество, смелость, ум и т. п.) свойств взрослого мужчины. Он предполагает, во-первых, строгую половую сегрегацию во время социализации, во-вторых, веру в магическую силу семени, передача которого якобы способствует формированию мужского начала или является его необходимой предпосылкой. Такие верования распространены у многих народов, особенно в Океании [204]. Идея одухотворения путем оплодотворения придавала ритуалу сакральное значение. Однако вопрос об инициальных компонентах древнегреческой педерастии является спорным [148]. Гомосексуальный контакт при инициации — явление разовое, однократное, но в некото-

рых обществах такие отношения считаются нормальными и даже обязательными на протяжении всего переходного возраста. Вот как это выглядит (по сей день) у папуасов самбия (Новая Гвинея), описанных Д. Хердтом [204]. Когда мальчики этого маленького воинственного племени достигают 7—8 лет, их отбирают у матерей и они живут в замкнутом мужском мире. Самбия верят, что необходимым условием роста и развития мальчика является регулярное питье семени. До начала полового созревания мальчики должны осуществлять фелляцию со старшими подростками и юношами, а затем их самих начинают обслуживать новички. Юноши и молодые мужчины брачного возраста (16—25 лет) в течение некоторого времени обычно ведут бисексуальную жизнь. Став отцом, мужчина прекращает гомосексуальные контакты, полностью переключаясь на женщин. Символической основой этой своеобразной социализации является желание «возвысить» и «очистить» маскулинное начало жизни, «освободив» мальчиков от фемининных элементов. Соответствующие обряды хранятся в строгой тайне от женщин и возводятся к образцу мифического прародителя Намбулью, цементируя тем самым мужскую солидарность. Первоначальная сексуальная социализация мальчиков принудительная, партнер не выбирается, а назначается старшими. Позже на первый план выступают индивидуальные эмоционально-эротические предпочтения, но отношения всегда остаются иерархическими: старший не может осуществлять фелляцию с младшим, а между близкими друзьями фелляция вообще не принята.

Этот социализационный контекст важен и для понимания древнегреческой педерастии, тесно связанной с идеей однополой дружбы [148]. Как известно, греки допускали и даже одобряли гомосексуальные отношения, но только при условии, что это отношения между свободными людьми и, кроме того, между взрослым мужчиной и мальчиком-подростком, для которого взрослый является воспитателем и наставником. Древнейшие формы таких отношений связаны с воинским обучением: мальчик был для взрослого мужчины-воина не просто эротическим объектом, но учеником, за которого он нес полную ответственность перед обществом. На древнем Крите и в Коринфе в VII веке до н. э. существовал обычай похищения мальчика взрослым мужчиной, который вводил подростка в свой мужской союз; сексуальная инициация сочеталась с воинским обучением, после чего мальчик, снабженный оружием, возвращался домой. Эта связь не только не скры-

валась, но считалась почетной. В Спарте каждый мальчик между 12-м и 16-м годом должен был иметь такого покровителя, воинская слава которого распространялась и на мальчика. Такой союз рассматривался как брачный и продолжался, пока у юноши не вырастали борода и волосы на теле. Если юноша проявлял трусость на поле боя, за это наказывали его любовника. В Фивах был особый «священный отряд», составленный из любовников и считавшийся непобедимым, ибо, как писал Ксенофонт, «нет сильнее фаланги, чем та, которая состоит из любящих друг друга воинов» (Ксенофонт. «Киропедия», VII, 1, 30).

Позже в Афинах классического периода, когда традиции древних мужских союзов и воинского братства были уже подорваны, на первый план выступают другие ценности, особенно эмоциональная близость, частью которой может быть сексуальный контакт. Почему потребность в интимности реализуется как гомоэротическая — вопрос особый. Историки связывают это с гипертрофией мужского начала в греческой культуре, с зависимым положением женщины и с особенностями греческой семьи. Идеал однополой дружбы-любви у Сократа и Платона неразрывно связан с идеей воспитания и передачи мальчику жизненного опыта старшего мужчины. Именно этот «педагогический эрос» придавал нравственный смысл гомосексуальным отношениям, позволяя античным философам ставить их выше гетеросексуальной любви. Как только эта мотивация ослабевает или выясняется ее иллюзорность, гомосексуальность утрачивает свое привилегированное положение и начинает рассматриваться просто как одна из форм эротизма или как девиация.

Я обсуждаю эти специальные вопросы этнографии и религиоведения потому, что без них невозможно понять всю сложность культурной детерминации пола и сексуального поведения. На первый взгляд все это — только разные формы символизации «одной и той же» сексуальной девиации. На самом деле тут и культурологически, и сексологически все разное. В основе античного канона человека лежит идея универсальной бесексуальности индивидов, поведение которых варьирует в зависимости как от ритуальных предписаний, так и от личных эротических наклонностей. Бердачи сексологически являются транссексуалами или трансвеститами. Культура оформляет индивидуальные различия, создавая специальные социальные роли, в которых такие индивиды могут чувствовать себя на месте. Однако коль скоро такая роль уже создана,

идут целенаправленный поиск и воспитание тех, кто может ее выполнять,— ищут феминизированных мальчиков, культивируют шаманские способности и т. д. Иными словами, биолого-психологический (от индивида к культуре) и социокультурный (от культуры к индивиду) подходы каждый по-своему правомерны и должны учитывать друг друга. Историко-этнографический анализ человеческой сексуальности показывает, что здесь есть определенные константы, но нет жесткого единообразия. Мир культуры всегда многоцветен, а сексуальность никогда и нигде не является самодовлеющей силой. Чем сложнее культура, общество и личность, тем богаче диалектика их взаимоотношений.

Эти факты важны и для сексопатологии. Знание культурной вариабельности норм сексуального поведения предохраняет врача от их биологизации и универсализации. Оно высвечивает научную несостоятельность некоторых психиатрических концепций, например, что «активный» и «пассивный» стиль сексуального поведения позволяет различить «врожденный» гомосексуализм от «приобретенного». Наконец, культурологические данные показывают, что феноменологию сексуальной мотивации и поведения нельзя понять без учета традиционной сексуальной культуры населения, с которой должны соотноситься также и терапевтические методы, иначе они могут оказаться неприемлемыми или неэффективными. Для такой многонациональной страны, как СССР, это особенно важно.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Происходящие в наши дни сдвиги в половой морали и поведении часто называют броским, но не слишком определенным термином «сексуальная революция». Действительно ли это резкая трансформация, «взрыв» традиционных норм или же просто ускоренное продолжение эволюционного процесса, идущего уже несколько столетий? Затрагивают ли эти сдвиги только ценностные ориентации людей или их реальное поведение? Как связаны эти процессы с изменениями в системе половых ролей, положении женщин, структуре и методах социализации детей и подростков? В изучении процессов 30—40-летней давности решающее слово принадлежит, разумеется, социологии, но эмпирические исследования и опросы (типа опросов Кинзи) бессильны определить долгосрочные исторические тенденции. Какой исторический период брать в качестве точки отсчета — эпоху Возрождения, XVII или

XVIII век? Знаменовало ли начало буржуазной эпохи постепенную либерализацию половой морали и «эротизацию» культуры, как полагает философ Фуко [167], или, напротив, усиление антисексуальных репрессий, как думает французский историк Жан-Луи Фландрен [164]?

Отношение средневековой культуры к сексуальности было, как известно, амбивалентным. Официальная христианская мораль была аскетической и антисексуальной, осуждая не только «похоть», но и индивидуальную любовь, так как она мешает выполнению обязанностей благочестия. Единственным оправданием половой жизни считалось продолжение рода в рамках церковного брака, но и здесь она подвергалась тщательной регламентации (запрещение сношений по постам и многочисленным праздникам, табуирование наготы, эротической техники и т. п.).

Однако наряду с официальным аскетизмом в феодальном обществе вполне легально существует блестяще описанная М. М. Бахтиным карнавальная культура. Продолжая традиции древних оргиастических праздников, средневековый карнавал допускал и демонстрацию обнаженного тела, и переодевание мужчин в женскую одежду и наоборот, и открытое выражение эротики. Аскеза и карнавал выступали не только как противоположности, символизирующие соответственно духовный «верх» и телесный «низ», но и как чередующиеся и взаимодополнительные элементы определенного цикла по принципу «всему свое время». Более того, церковь сама инкорпорирует в свои обряды некоторые элементы карнавального действия. Повседневный быт, по-видимому, представлял собой своеобразную смесь этих двух миров. Средневековые люди не отличались особой стыдливостью, «факты жизни» свободно обсуждались и в крестьянской, и в рыцарской среде, широко обыгрывались в народном художественном творчестве. По мере развития индивидуальности в средневековой культуре появляется попытка синтеза «духовной» и «физической» любви — куртуазная любовь трубадуров. При всей своей условности и манерности лирика трубадуров возводит любовную страсть в ранг высшего человеческого переживания. Как ни идеален образ Прекрасной дамы, рыцарь смотрит на нее преимущественно «телесными очами» [28, 86]. Хотя куртуазная поэзия оказала громадное влияние на формирование позднейшего европейского идеала любви, она была достоянием очень узкой феодальной элиты и имела мало общего с реальным бытовым поведением.

Буржуазная культура нового времени разрушила

биполярную структуру, где наверху была аскеза, а внизу — карнавал. Гуманисты эпохи Возрождения подвергли сокрушительной критике монашеский аскетизм и мораль воздержания. Гуманистический идеал всесторонне развитой гармоничной личности не признает антагонизма между духовным «верхом» и телесным «низом». Именно гуманистическая реабилитация плоти обычно рассматривается историками как начало эротизации культуры. Однако ренессансный дух свободы и раскованности торжествовал недолго. Те же самые силы, которые подорвали власть аскезы, разрушили и ее антипод — карнавальную культуру. Хотя буржуазное общество выступало против феодализма под флагом свободы развития личности, уже в XVI—XVII веках человек начинает трактоваться преимущественно как homo economicus (человек экономический), который реализует себя прежде всего, а то и исключительно, в труде и деловом преуспеянии. Гипертрофированное чувство времени и потребности в достижении (взаимосвязь этих явлений установлена психологами) влечет за собой также изменение соотношения труда и игры, которой отводится теперь подчиненное, ограниченное место (делу время, потехе час). Между тем здоровая человеческая сексуальность органически связана с игрой, праздником, смехом, и подавление любого из этих начал, как правило, сопровождается подавлением других.

Возрождение и не думало подавлять смех, тело, игру и чувственность. Наоборот, оно легализовало их, открыв доступ в «высокую» культуру, но официальная культура в отличие от карнавала всегда регламентирована и подчинена каким-то общим принципам. Когда на смену христианскому аскетизму приходит буржуазная мораль самоограничения, телесно-эмоциональная сторона бытия, включая сексуальность, снова подвергается гонениям. Это хорошо видно на примере эволюции отношения к телу. Средневековая культура была в этом аспекте амбивалентна. На одном полюсе — совершенно бестелесный иконописный лик, на другом — карнавальное, гротескное тело, в облике которого предпочтение отдается «низу» и плотоядно смакуются все его физиологические отправления.

Эпоха Возрождения выработала новый телесный канон, предполагающий «совершенно готовое, завершенное, строго отграниченное, замкнутое, показанное извне, несмешанное и индивидуально-выразительное тело» [14]. Этот образ резко отличается и от иконописного лика с его бестелесностью, и от гротескного тела — открытого, незамкнутого, лишенного жесткой очерченности, слитого с

природой. Новый телесный канон был одним из аспектов исторического процесса индивидуализации человека, но содержал в себе определенное противоречие. С одной стороны, тело реабилитировано, его все свободнее изображают в живописи, отдают должное телесным переживаниям, в том числе эротическим. Некоторые классики Возрождения изображают даже вовсе запретные сюжеты («Леда и лебедь» Рафаэля, гравюры Джулио Романо и т. д.). С другой стороны, тело мыслится как подчиненное рационально-духовной сущности человека, поэтому телесный «низ» и все с ним связанное начинают казаться вульгарными. Традиционное изображение тела в деиндивидуализированном, природно-физиологическом ключе вызывает моральное и эстетическое осуждение. Люди начинают стыдиться своего тела. В XVI—XVIII веках нагота запрещается сначала в общественных местах, а затем становится «неприличной» даже наедине с собой [1] (свидетельство тому появление в XVIII веке различных видов ночной одежды — шлафроков, пижам и т. д.). Параллельно табуированию телесных отправлений усиливается цензура над речью. В Средние века и в эпоху Возрождения телесные переживания вербализировались и обсуждались достаточно свободно. Новый канон речевой пристойности начинает искоренять эти слова. «В чем повинен перед людьми половой акт — столь естественный, столь насущный и столь оправданный,— что все как один не решаются говорить о нем без краски стыда на лице и не позволяют себе затрагивать эту тему в серьезной и благопристойной беседе? Мы не боимся произносить: убить, ограбить, предать,— но это запретное слово застревает у нас на зубах. Нельзя ли отсюда вывести, что чем меньше мы упоминаем его в наших речах, тем больше останавливаем на нем наши мысли?» — спрашивал Мишель Монтень [2].

Языковая цензура неотделима от цензуры над телом. Телесный «жир», который раньше считался признаком здоровья, благополучия и богатства, так что «жирные» ингредиенты составляли важный элемент всех народных праздников (французское выражение — les jours gras), теперь оценивается отрицательно, как и обжорство и прочие излишества. Правила хорошего тона запрещают держать локти на столе, чавкать, рыгать, сморкаться и т. д.

---

[1] Хотя средневековая культура в целом считала наготу унизительной и стыдной, обнаженное тело нередко фигурировало в публичных церемониях, да и в быту; люди не только купались, но и спали голыми, по нескольку человек в одной постели и т. п.

[2] Монтень М. Опыты. Кн. 3.— М.— Л.: Наука, 1960, с. 84.

Короче говоря, взят жесткий курс на дисциплинирование и языка, и тела. Сексуальность — лишь один из его объектов.

Особенно сильно новые веяния заграгивают педагогику. Средневековый образ ребенка был неоднозначен, амбивалентен. С одной стороны, ребенок считался воплощением чистоты и невинности. С другой стороны, повседневное участие детей в жизни взрослых и весь деревенский уклад быта не позволяли уберечь их от сексуальных впечатлений, да никто, за исключением монахов, и не пытался это сделать. К проявлениям сексуальности у мальчиков относились в общем снисходительно. Мастурбация считалась типичным «детским грехом», а юность — возрастом, когда человек физически не может подавлять своих сексуальных желаний; это даже служило доводом в пользу ранних браков.

В новое время усиливается забота о сохранении «невинности» ребенка, как физической, так и психологической, в смысле «блаженного неведения». Уже в начале XV века доминиканский монах Джованни Доминичи учил, что ребенок вообще не должен различать мужчин и женщин иначе, как по одежде и волосам, обязан спать в длинной рубашке, родители должны всемерно воспитывать в нем стыдливость и т. д. [137].

В XV—XVI веках такие пожелания редко осуществляли. Как свидетельствуют записки личного врача Людовика XIII, в начале XVII века родители и другие взрослые не только свободно обсуждали при детях вопросы пола, но и не видели ничего худого в том, чтобы «поиграть» с гениталиями мальчика, вызвать у него эрекцию и т. п. Однако постепенно нравы менялись. В дворянских семьях детей отделяют от взрослых, доверяя заботам специально приставленных воспитателей. Усиливаются сегрегация мальчиков и девочек, а также запреты на наготу и всякого рода телесное экспериментирование. Янсенистская школа Пор-Рояля (ясенизм — течение во французском и нидерландском католицизме), оказавшая сильное влияние на педагогику нового времени, провозглашает принцип строжайшего контроля за поведением и чувствами ребенка. Ребенок должен быть всегда спокойным, сдержанным, никак не выражать своих чувств. Даже спать он должен так, чтобы тот, кто подойдет к постели, не мог разглядеть форму его тела [137]. Такой же строгий контроль учреждается за чувствами и мыслями подростков.

Если средневековая церковь считала, что юношеские сексуальные желания не могут быть подавлены, то педа-

гогика XVII—XVIII веков настаивает на таком подавлении. В XVII—XVIII веках резко усиливается религиозное осуждение мастурбации, в которой теологи видят уже не простительное детское прегрешение, а один из самых страшных пороков. В XVIII веке к богословским аргументам прибавляются псевдомедицинские. В XVI веке знаменитый итальянский анатом Габриэль Фаллопий (он описал маточные трубы) даже рекомендовал мастурбацию как средство увеличения полового члена у мальчика [137]. В XVIII веке утверждается мнение, что онанизм — опасная болезнь, порождающая безумие и моральную деградацию. Люди были настолько запуганы этим, что применяли для борьбы с онанизмом даже кастрацию. В 1850—1880 гг. чтобы отучить детей от этого «порока», применялись хирургические операции (обрезание, инфибуляция и т. д.), в конце XIX века в моду вошли приборы, напоминавшие средневековые «пояса добродетели», и т. д.

Впрочем, осуждается не только мастурбация. Половое воздержание, которое раньше считалось религиозной добродетелью, необязательной для мирян, в начале XIX века возводится в медико-биологический императив. В биологической ценности «сперматической экономии» никто не сомневается, а приводимые в ее пользу аргументы слово в слово воспроизводят доводы буржуазных экономистов о полезности накопления и сбережения [93]. Расходование семени постоянно сравнивается с тратой денег. Интересно, что вплоть до конца XIX века главным обиходным выражением, обозначавшим в английском языке эякуляцию, был глагол «to spend» (тратить) [244].

Репрессивная половая мораль и антисексуальная агитация не мешали тому, что в XVII—XVIII веках в Европе значительно увеличивается количество внебрачных рождений и добрачных зачатий. По подсчетам английского историка и демографа Питера Ласлетта, по крайней мере одна пятая, а скорее даже две пятых всех зачатий в Англии между 1750 и 1800 г. осуществлялись вне брака и вообще женихи и невесты обладали гораздо бо́льшим сексуальным опытом, чем принято думать [229]. В американских колониях, где нравы были более строгими, процент беременных невест увеличился с 3,3 в 1680 г. до 16,7 в последней трети XVIII века (данные основаны на подсчете рождений через 6 мес после свадьбы) [1].

---

[1] Одни историки [320] видят в этих цифрах признак начинающейся сексуальной революции, другие утверждают, что статистика добрачных беременностей на Западе обнаруживает определенную цикличность:

Содержательная оценка этих тенденций далеко не однозначна. Эдуард Шортер [320] видит в увеличении числа добрачных связей и беременностей доказательство либерализации половой морали и того, что сексуальные потребности стали играть бо́льшую роль в повседневной жизни. Фландрен, напротив, объясняет это усилением антисексуальных репрессий, а также рядом социально-исторических обстоятельств [164].

В XVII—XVIII веках ослабевает, а затем и вовсе отменяется ответственность мужчины за соблазнение девственницы (в Средние века это довольно строго наказывалось). Одновременно повышается средний брачный возраст и увеличивается число холостяков. Средний возраст вступления в брак в Раннем средневековье точно не известен, но с XV по XVIII век он заметно повысился [164]. Например, во Франции средний возраст вступления женщины в брак повысился с 20 лет в XVI веке до 24—25 лет в XVIII веке. Это значит, что девушки должны были воздерживаться от половой жизни на 5 лет дольше. Брачный возраст мужчины всегда был выше, зато от них не требовали сохранения девственности. В средневековых городах существовали многочисленные, причем дешевые, публичные дома; повседневным бытовым явлением были групповые изнасилования; определенный выход юношеской сексуальности давали и формально признаваемые «королевства шутов», «веселые аббатства» и т. д. Централизация государственной власти и новая половая мораль существенно подорвали эти «вольности». В XVI—XVII веках во Франции постепенно закрываются муниципальные бордели, почти полностью прекращаются уличные насилия, ограничиваются права юношеских организаций. Это подрывает традиционные способы удовлетворения сексуальных потребностей. В то же время индустриализация резко увеличивает приток в города ищущих работы бедных

в США ее минимальный уровень (около 10% всех первых рождений) приходится на XVII век и середину XIX века, максимальный — на вторую половину XVIII века (около 30%) и современность (20—25%). Эти историки полагают, что половая сдержанность до брака характерна для периодов, когда отношения между поколениями строго регламентированы, семейный контроль за поведением молодежи подкрепляется внесемейными институтами и основная масса населения придерживается более или менее единой системы ценностей. Напротив, рост добрачных связей типичен для периодов, когда отношения детей и родителей двусмысленны и неопределенны, социальные устои моральных норм ослаблены или эти нормы не соответствуют новым условиям повзросления и значительная часть населения не разделяет норм господствующей культуры.

девушек из деревни; они-то и становятся главными жертвами «соблазнителей», причем не в силу собственных сексуальных потребностей, а вынужденно, ради денег, крова или работы, из-за изолированности и социальной беспомощности.

Серьезные споры вызывает и эволюция принятых в народной, прежде всего крестьянской, среде обычаев ухаживания. Шортер [320] считает описанные бытописателями XIX века сравнительно свободные нравы деревенских «посиделок», где юноши и девушки имели довольно широкие возможности для сексуальных контактов (объятия, поцелуи, иногда интимные ласки), за исключением половых сношений, продуктом нового времени. На самом деле, как справедливо замечает Фландрен, такие обычаи, известные не только во Франции, но и в Испании, Германии, Северной Италии, Скандинавских и славянских странах, являются весьма старинными. Почти во всех архаических обществах существовали какие-то формы более или менее свободных добрачных сексуальных контактов между юношами и девушками на групповой основе или в виде пробного брака. По мере христианизации такие обычаи не столько исчезают, сколько камуфлируются, создавая разрыв между официальной и бытовой культурой.

Много примеров такого рода дает русская этнография. Хотя официальная религиозная мораль всячески пеклась о сохранении девственности, народные обычаи были отнюдь не так строги. Повсеместно принятые формы группового общения молодежи («посиделки», «поседки», «вечерки» и т. д.) не только допускали, но даже требовали некоторой вольности в обращении, так что девушка, чересчур усердно сопротивлявшаяся ухаживанию и шуткам, могла быть исключена из собрания [17]. В некоторых русских и украинских деревнях существовал обычай «подночевывания», или «ночевки», когда парень (иногда даже двое — трое парней) оставался с девушкой до утра. Хотя считалось, что они при этом сохраняли целомудрие, в XIX веке этому мало кто верил [34]. В некоторых календарных и свадебных обрядах сохранялись откровенные пережитки и элементы оргиастических праздников. Например, на русском Севере в конце XIX— начале XX века сохранялись «яровуха» и «скакания», которые Стоглавый собор уже в середине XVI века именовал «бесовскими». «Скакания» происходили накануне венчания в доме жениха, куда молодежь, исключая невесту, ходила «вина пить», после чего все становились в круг, обхватив друг друга за плечи, и скакали, высоко вскидывая ноги, задирая подолы и

распевая песни откровенно эротического содержания. Заканчивалось это сном вповалку. «Яровуха» (от языческого божества плодородия Ярилы) состояла в том, что после вечеринки в доме невесты вся молодежь оставалась спать вповалку, причем допускалась большая свобода отношений, хотя ею редко кто пользовался [17]. Это явный пережиток «свального греха», одно из бесчисленных проявлений язычества в православии.

Неоднозначно и народное отношение к девственности. С одной стороны, ее высоко ценят; в русской свадебной обрядности был широко распространен обычай «посада»: невеста должна сесть на особое священное место, но не смеет сделать этого, если она уже потеряла целомудрие. Интересно, что такое же требование сохранения девственности предъявлялось и к парню. Если в первую брачную ночь невеста оказывалась нецеломудренной, то ей (в некоторых местах — ее родителям или свахе) надевали на шею хомут, который символизировал женские гениталии и одновременно как бы относил согрешившую к миру животных, не знающих культурных запретов (вспомним сказанное выше о сексуальных запретах как водоразделе между культурой и природой).

Однако в Поморье, «по сведениям конца XIX— начала XX века, на добрачные половые связи молодежи родители и село смотрели сквозь пальцы. Случаи публичного оповещения о «нечестности» молодухи на следующий день после свадьбы были редки... Более того, даже на Поморском и Зимнем берегах, находившихся под сильным влиянием старообрядчества, довольно часты были добрачные («сколотные») дети, причем и они в редких случаях являлись препятствием к браку» [17]. Как соотносятся тут региональные и исторические различия — вопрос особый, но то, что древние крестьянские обычаи стали в новое время проблематичными, их начали отрицать, осуждать или стыдиться,— свидетельство не либерализации, а ужесточения половой морали.

Различие между половой моралью буржуазного и феодального общества не столько в степени репрессивности или терпимости, сколько в самом отношении к сексуальности и изменении способов социального котроля над ней: место «внешних» ограничений и запретов постепенно занимают «внутренние» нормы, что связано с интимизацией сексуальности и включением ее в круг важнейших личных переживаний.

Развитие человека как личности означало также секуляризацию и обогащение его эмоционального мира [46].

Во французском языке в XVII веке впервые появляется слово «интимность». Слово «sensuel» в XV веке обозначало просто нечто относящееся к чувствам, в XVII веке у него появляется значение «ищущий чувственных удовольствий». Тогда же появляется и слово «tendresse» (нежность). Слово «любовь» («amour») в языке XVI веке имело преимущественно «духовный» смысл; в сексуальном контексте оно обозначало скорее то, что люди делали (заниматься любовью — «faire l'amour»), чем то, что они чувствовали. Затем его значение начинает меняться. В XVII—XVIII веках, как некогда в античности, возникают напряженные споры о природе любви, соотношении любви и дружбы, чувственного влечения и нежной духовной привязанности.

Сдвиги происходят не только на уровне идеологических представлений, но и в реальном, повседневном поведении людей. В традиционной патриархальной семье отношения супругов были, как правило, лишены не только психологической интимности, но и сколько-нибудь индивидуальной эротической вовлеченности. Выполняя «супружеский долг», люди не особенно разнообразили свои наслаждения (церковь осуждала утонченный эротизм) и уж подавно мужья не заботились о сексуальных переживаниях жен. Ритм супружеской жизни подчинялся репродуктивной функции и строго регламентировался церковными правилами.

Новое время секуляризирует сексуальность и все более отделяет ее аффективную сторону от репродуктивной. Косвенным показателем этого процесса служит выработанный демографией «индекс сезонности» зачатий, т. е. среднее стандартное отклонение от месячной сезонной нормы зачатий (месяц зачатия высчитывается по датам рождения). Оказалось, что и брачная, и внебрачная сексуальная активность в прошлом имела значительно бóльшие сезонные колебания, чем ныне. В 60-х годах индекс сезонности внебрачных зачатий в США и ФРГ составлял всего лишь 4,6—4,9 между тем во Франции и Бельгии в XVIII веке он колебался от 14—15 до 25 [320]. Наибольшее число зачатий приходилось тогда на конец весны и начало лета, что совпадало с наибольшим количеством праздников (я не касаюсь сейчас биологических ритмов жизни). Иначе говоря, ритм сексуальной жизни человека, во всяком случае вне брака, задавался ритмом праздничных дней. Меньшая сезонность сексуальной активности человека означает не только более равномерное распределение ее по месяцам, но и потенциально

ее бóльшую индивидуализацию. То, что на нормативном уровне представляется ужесточением «антисексуальных репрессий», психологически означает «интериоризацию страсти» (Фландрен) и «эротизацию культуры» (Фуко). Это разные стороны одной медали. Хотя буржуазная культура табуирует сексуальность и ее открытую символизацию, в XVIII веке наблюдается «настоящий взрыв разговоров о сексе» [167]. Протесты против «замалчивания», «цензуры» — не только реакция на усиление репрессий, но и выражение роста интереса к проблемам пола, причем сами эти интересы и связанные с ними каналы коммуникации стали гораздо более разнообразными.

Средневековье рассматривало половую жизнь главным образом в религиозно-этическом плане. Теперь у нее появляется множество новых ракурсов. В связи с возникновением социально-экономической проблемы народонаселения репродуктивное поведение и рождаемость становятся предметом озабоченности экономистов и демографов. Отделение детей от взрослых и организация более или менее централизованной системы воспитания детей актуализируют проблему полового воспитания, занимающую одно из центральных мест в педагогике XVIII—XIX веков, которая «просвещает» детей и одновременно старается «уберечь» их от сексуальности. С развитием медицины сексуальность становится предметом особого внимания врачей; развитие права побуждает юристов заняться сексологическими проблемами и т. д. Дифференцировка контекстов, в которых обсуждается сексуальное поведение (политико-экономический, педагогический, медицинский, юридический, этический, психологический), помогает осознанию его многомерности.

Средневековая мысль строго различала только «дозволенное» и «недозволенное» поведение; «остальное» выглядело довольно расплывчато. Например, в средневековых текстах, осуждающих «содомию», часто нельзя понять, идет ли речь о гомосексуализме или об анально-генитальном контакте мужчины и женщины. Психологизация сексуальности была большим завоеванием культуры, но она сделала границы между нормой и патологией более расплывчатыми, что вызвало к жизни новые страхи.

В новое время сексуальность становится более гетерогенной, а следовательно — проблематичной. Каждая отрасль знания рассматривает ее со своей специфической точки зрения, т. е. заведомо односторонне. «Педагогизация детской сексуальности» (выражение Фуко) на долгие годы свела ее к проблеме мастурбации; «психиатризация

сексуальных наслаждений» подчиняет их псевдобиологическим представлениям о «норме» и «патологии» и т. д. Короче говоря, налицо не столько «подавление» или «замалчивание» половой жизни, сколько формирование иного типа сексуальности. Если Средневековье подчиняло сексуальное поведение индивида задаче укрепления его социальных связей, семейных, родственных и иных, то буржуазная эпоха интериоризирует сексуальность, выдвигая на первый план ценности аффективно-психологического порядка. Это сталкивает ее с проблемой соотношения генитально-эротических и эмоционально-коммуникативных компонентов сексуальности. В XVIII—XIX веках они постепенно превращаются в самостоятельные, противоположные начала, не имеющие между собой ничего общего.

В произведениях сентименталистов и романтиков образ «высокой» любви в значительной степени десексуализируется, ее описывают исключительно в нравственно-психологических терминах уважения, нежности, религиозного экстаза. В этом духе переосмысливается и прошлое. Например, из «куртуазной любви» трубадуров тщательно изымается свойственная ей эротика и она подается как пример исключительно платонического чувства, в основе которого лежат поклонение Мадонне или нормы вассальной верности. Даже классики английского сентиментализма Генри Филдинг и Лоренс Стерн обвинялись в XVIII веке в непристойности; по словам английского критика и публициста Сэмюэля Джонсона, ему не встречалось более развратной книги, чем «Том Джонс», а Т. Д. Смолетт, вняв протестам читателей, убрал около 80 страниц из «Приключений Перигрина Пикля» [339].

Дело здесь не просто в ханжестве, а в формировании особой культурной ориентации, стремившейся перечеркнуть генитальную сексуальность и поднять чувственность до «обнаружения Бога», как писал немецкий философ Фридрих Шлейермахер. Романтический культ любви и любимых пронизан мистическими настроениями. «В романтической любви соединяется учение романтиков о сущности жизни и о долге, мистическая онтология и этика. Любовь для романтика есть мистическое познание сущности жизни; любовь открывает любящему бесконечную душу любимого. В любви сливается земное и небесное, чувственное одухотворено, духовное находит воплощение; любовь есть самая сладкая земная радость, она же — молитва и небесное поклонение» [31]. Однако экзальтированная «святая любовь» не оставляла места для обычной человеческой чувственности. Вытесненная эроти-

ка в свою очередь обособляется, обретая собственную подпольную субкультуру, представителями которой были французские «либертины» XVIII века — маркиз де Сад. «Сексуальное подполье», имеющее свои клубы и центры распространения, культивирует все то, что осуждает официальная культура.

Внешне между этими двумя «сексуальными культурами» не было ничего общего, а по сути дела они дополняли друг друга и в каждой были заложены свои «неврозы». Подпольный порнограф и его читатели не в состоянии связать эротические переживания с другими сторонами своей жизни, их сексуальность расчленена на отдельные физиологические элементы. Джентльмен и мистик, наоборот, боятся физической стороны секса. Именно эта ситуация навела З. Фрейда на мысль о том, что «чувственное» и «нежное» влечения по природе своей автономны и что в основе всех неврозов лежит подавленная сексуальность.

Десексуализация культуры не была изолированным явлением. Она означала курс на подавление всякой эмоциональности, спонтанности и безыскусственности, на максимально возможное искоренение праздничного, игрового начала бытия. Идеализация института брака сочеталась с крайним антифеминизмом, завуалированным под высокое уважение к женщине. В литературе XIX века женщина рисуется воплощением ангельской чистоты, но чистота понимается прежде всего как асексуальность. Казалось бы, что худого в том, что мальчикам-подросткам бесконечно напоминают, чтобы они видели в женщинах матерей и сестер и относились к ним почтительно и с уважением, но как примирить такое воспитание с необходимостью половой связи? Один английский пастор в старости вспоминал, что когда однажды мальчиком он подумал, что чистая юная девушка станет его женой, он испытал не вожделение, а чувство жалости по поводу ее унижения [209].

Представление о том, что «порядочная женщина» вообще лишена сексуальных желаний, вошедшее во многие медицинские книги XIX века, весьма способствовало, с одной стороны, распространению фригидности у женщин, а с другой — психической импотенции у мужчин. Как писал З. Фрейд, «в своем сексуальном самоутверждении мужчина чувствует себя стесненным уважением к женщине и вполне развертывается в этом отношении только когда имеет дело с приниженным сексуальным объектом» [172]. Сын своей эпохи, З. Фрейд объяснял это тем, что в сексуаль-

ные цели мужчины «входят компоненты извращенности, которые он не позволяет себе удовлетворить с уважаемой женщиной» [172]. В действительности «извращены» культурные нормы, на которые ориентирован индивид. Естественный результат этого — рост сексуального подполья и «индустрии порока».

Неудивительно, что на протяжении XIX и XX веков прогрессивные силы общества вели борьбу против этой репрессивной морали. Эта борьба включала и критику буржуазного института брака, и требование эмансипации женщин, и разоблачение лицемерия официальной морали, и отстаивание художниками права изображать человеческое тело, и борьбу ученых за право исследовать человеческую сексуальность.

Особенно велика была в этой борьбе роль искусства. Лев Толстой и Гюстав Флобер — вовсе не «эротические» писатели, но они всей силой своего таланта становятся на защиту женщины, преступной в свете буржуазной морали. А. И. Куприн, пренебрегая общественным скандалом, рисует жестокие будни, исковерканный и тем не менее человечный мир обитательниц публичного дома. Ги де Мопассан, отбрасывая пошлое морализирование, предпринимает художественное исследование адюльтера как нормального, повседневного явления буржуазного быта. Художники и скульпторы разбивают цензурные запреты и предрассудки, мешавшие изображать обнаженное тело.

Развертываясь на фоне грандиозных социальных сдвигов XX века, эта борьба не могла не изменить общественное мнение. Как говорил В. И. Ленин в известной беседе с Кларой Цеткин, «в эпоху, когда рушатся могущественные государства, когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия и наслаждения легко приобретает безудержную силу. Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции» [368].

Во второй половине XX века это предвидение оправдалось, но процессы, о которых идет речь, сложны, противоречивы и никоим образом не сводятся к сдвигам в сфере половой морали. Кроме того, они неодинаково проявляются в разных социальных системах и странах. В их оценке и интерпретации много спорного и проблематичного.

Наиболее важная общая тенденция, от которой зависят

сдвиги в сексуальном поведении современных людей,— радикальная ломка традиционной системы половой стратификации. Налицо резкое ослабление поляризации мужских и женских социальных ролей. Половое разделение труда потеряло былую жесткость и нормативность, количество исключительно мужских и исключительно женских занятий заметно уменьшилось, большинство социальных ролей вообще не дифференцируются по половому признаку. Общая трудовая деятельность и совместное обучение в значительной мере нивелируют традиционные различия в нормах поведения и психологии мужчин и женщин. Разумеется, эта тенденция не абсолютна. Все еще существуют преимущественно мужские и преимущественно женские профессии, сохраняется различие мужских и женских ролей в семье и т. д. Однако полоролевые различия все чаще воспринимаются не как «естественный закон», а как эмпирический факт или следствие индивидуальных различий, не обязательно связанных с полом. Как бы ни различались социальные функции мужчин и женщин, их взаимоотношения становятся не иерархически соподчиненными, а равноправными. Особенно сильно выражена эта тенденция в социалистических странах.

Общие перспективы полового разделения труда вызывают сейчас острые споры. Многие западные ученые предсказывают, что вместе с половой стратификацией, в которой мужчине принадлежит главенствующая роль, отомрет всякая дифференцировка половых ролей. Однако из того, что реальные возможности обоих полов гораздо пластичнее и шире, чем думали раньше, еще не вытекает, что половое разделение труда лишено всяких природных оснований, особенно в воспроизводстве рода и воспитании детей. Главная тенденция современной культуры — установка на развитие индивидуальности безотносительно к какому бы то ни было заранее заданному стандарту.

Ломка традиционной системы половой стратификации вызывает перемены и в культурных стереотипах маскулинности/фемининности. Прежде всего они становятся менее жесткими и полярными. Как и социальные роли, далеко не все человеческие качества дифференцируются по полу. Кроме того, идеалы маскулинности и фемининности сегодня, как никогда, противоречивы. Во-первых, традиционные черты в них переплетаются с современными. Во-вторых, они значительно полнее, чем раньше, учитывают многообразие индивидуальных вариаций. В-третьих, и это особенно важно, они отражают не только мужскую, но и женскую точку зрения.

Идеал «вечной женственности» буржуазной морали XIX века был, как мы видели, довольно прост: женщина должна быть нежной, красивой, мягкой, ласковой, но в то же время пассивной и зависимой, позволяя мужчине чувствовать себя по отношению к ней сильным, энергичным и преуспевающим. Эти фемининные качества и сегодня высоко ценятся, составляя ядро мужского понимания женственности, но в женском самосознании появились также новые черты. Чтобы стать с мужчиной на равных, женщина должна быть умной, энергичной, предприимчивой, т. е. обладать свойствами, которые раньше считались монополией мужчин. Иметь дело с такой женщиной мужчине гораздо интереснее, но одновременно и труднее. В разных ролях она выглядит и чувствует себя по-разному, требуя дифференцированного к себе отношения. Это создает определенные социально-психологические трудности. Если образ идеального мужчины оба пола рисуют практически одинаково, то в описаниях идеальной женщины они существенно расходятся: женщины приписывают своему идеалу почти все положительные маскулинные качества, тогда как мужчины смотрят на женственность более традиционно [1].

Стереотип маскулинности также не остается прежним [169, 284]. «Традиционная» маскулинность выдвигала на первый план такие качества, как физическая сила, подавление нежности, функциональное отношение к женщине и одновременно несдержанность в выражении «сильных» чувств (гнева, страсти и т. п.). «Современная» маскулинность ставит интеллект выше физической силы, допускает и даже требует проявления нежности и душевной тонкости, а также обуздания «грубых» чувств и порывов и т. д. Однако эти нормативные ожидания противоречивы, а их соотношение неодинаково в разных социальных средах (у менее образованных людей представления о маскулинности более традиционны) и на разных этапах жизненного пути. Для подростка, который только еще утверждается в своей мужской роли, важнейшими признаками маскулин-

[1] Ленинградский социолог В. С. Семенов [69] подверг количественному анализу описания брака и любви в двух массовых молодежных журналах: «Юность» и «Сельская молодежь». Оказалось, что авторы, среди которых мужчин в 5 раз больше, чем женщин, значительно чаще (в 2,2 раза) делают главным героем мужчину, причем сведения о профессии персонажей-мужчин отсутствуют только в 8,6% случаев, а женщин — в 48,2%. Получается, что для мужчины профессия обязательна, а для женщины — нет.

ности по-прежнему служат высокий рост, физическая сила и сильный характер.

Ослабление поляризации и внутренняя противоречивость образов маскулинности/фемининности заставляют общество терпимее относиться к индивидуальным вариациям в этом вопросе. Во все времена было немало мужчин и женщин, индивидуальности которых не укладывались в жесткие рамки половых стереотипов. В патриархальном обществе таких людей безжалостно травят. Женщину, ставящую профессиональные интересы выше кухни, пренебрежительно именуют «синим чулком», а мечтательный юноша, не участвующий в шумных силовых играх сверстников, вынужден сомневаться в своей маскулинности. Однако между полом и характером нет однозначной связи. Ослабление стереотипизации людей по полу чрезвычайно расширяет возможности их индивидуального самовыражения, в результате чего выигрывают и общество, и личность. Вместе с тем этот процесс создает некоторую нормативную неопределенность, вызывая у многих людей чувства раздражения и тревоги; это ярко проявляется в спорах о «феминизации» мужчин или «маскулинизации» женщин.

Второй ряд социальных сдвигов касается брачно-семейных отношений. Перемены в этой области огромны. Во-первых, это изменение состава семьи, уменьшение ее численности в результате снижения рождаемости и сведение ее к супружеской паре и ее потомству («нуклеарная семья»). Современная городская семья чаще бывает малодетной (1—2 ребенка), причем такой сдвиг в репродуктивном поведении и соответствующих социально-психологических установках является, по-видимому, устойчивым и закономерным.

Во-вторых, изменилась ролевая структура семьи в смысле большей симметричности функций мужа и жены, повышения авторитета и влияния женщины-матери, изменения представлений о «главе семьи», ослабления авторитарных методов воспитания и т. д. В-третьих, изменились функции семьи в сторону ее психологизации и интимизации. По мере того как некоторые старые экономические и социальные функции семьи (семья как производственная единица, как ячейка потребления и как институт первичной социализации детей) отмирают или приобретают подчиненное значение, все большая ценность придается экспрессивным функциям, психологической близости, интимности между членами семьи, будь то супруги или родители и дети.

Интимизация внутрисемейных отношений повышает

автономию и значимость каждого отдельного члена семьи и идет параллельно повышению индивидуальной избирательности брака. Переход от брака по расчету или обязанности к браку по любви — громадное достижение человечества, но это предполагает также возможность расторжения брака по психологическим мотивам, делает институт брака значительно менее устойчивым. Помимо неодинаковой длительности любовных чувств у разных людей, на статистику разводов влияют увеличение общей продолжительности жизни (раньше было меньше разводов, но многие семьи разрушались вследствие смерти одного из супругов и по другим причинам), а также уменьшение численности семьи: прожить вдвоем, не надоев друг другу, 50 лет гораздо труднее, чем прожить 15—20 лет в большом семейном коллективе.

Все это вместе взятое способствует появлению социально-психологической установки на возможную временность брачного союза. Американские социологи называют этот тип отношений «серийной моногамией», имея в виду, что индивид одновременно живет только с одной женой (мужем), но на протяжении жизненного пути может быть несколько таких союзов. Ироническим или циничным отголоском такой установки служит распространившееся в последние годы среди нашей городской молодежи выражение «сбегать замуж».

Обращает на себя внимание также рост числа одиночек — людей, по тем или иным причинам не вступающих в зарегистрированный брак. В СССР число мужчин 25—29 лет, не вступивших в зарегистрированный брак, увеличилось в 1970 г. по сравнению с 1959 г. на 14%, а 30—39 лет — на 45% [73]. Это может объясняться разными причинами. В традиционном обществе женитьба была фактически, а то и юридически обязательным условием получения статуса взрослого. В дореволюционной русской деревне холостяк независимо от возраста — не «мужик», а «малый». Он не имел решающего голоса ни в семье («не думает семейную думу»), ни на деревенском сходе. «Холостой, что бешеный», «холостой — полчеловека»,— гласят народные пословицы. Отсюда следовало раннее и почти всеобщее вступление в брак [60]. Сегодня дело обстоит иначе. Одни не вступают в брак, так как не приспособлены к нему психологически или физиологически. Другие просто избегают связанной с браком ответственности, предпочитая удовлетворять свои сексуальные потребности в случайных связях (раньше это было труднее). Третьи (их довольно много) состоят в фактическом браке, но не

регистрируют его. Эти типы социально и психологически различны, но их распространенность — симптом достаточно серьезный.

Главная тенденция, лежащая в основе всех этих процессов,— изменение ценностных ориентаций, в центре которых ныне стоит не семейная группа, а индивид. Такая переориентация, затрагивающая не только брачно-семейные, но и трудовые отношения и свободное общение,— результат длительного исторического развития, уходящего корнями в раннебуржуазную эпоху. В патриархальном обществе прошлого отдельный индивид был немыслим и не воспринимал себя вне своей социально-групповой принадлежности. Однако иерархия этих принадлежностей меняется в ходе истории. Сначала это община, затем большая семья. Позже эмансипируются и выделяются отдельные супружеские пары.

Расширение сферы личного усмотрения по принципу: счастье индивида — высшая цель брачного союза, равно как и повышение общего динамизма жизни, открывает перед людьми новые возможности и создает новые проблемы. Уменьшение устойчивости брака остро ставит вопрос об ответственности родителей за воспитание детей; краткосрочный союз далеко не всегда обеспечивает необходимую психологическую интимность, которая предполагает, кроме эмоциональной привязанности, чувство надежности, прочности своего семейного положения и т. д.

Глубокие перемены происходят и в культуре. Прежде всего налицо крах антисексуальных установок иудейско-христианской культуры и их псевдонаучного обоснования. Интеллигенция, а вслед за ней и другие слои общества перестают видеть в сексуальности нечто постыдное и низменное. Реабилитированный эротизм находит разнообразное преломление как в массовой, так и в «высокой» культуре, будь то литература, кино или изобразительное искусство. Здесь действует подмеченная Д. С. Лихачевым общая закономерность художественного прогресса, а именно — сужение сферы запретного. Художественное освоение глубинных пластов сексуальности не меньше, чем распространение научных сексологических знаний, способствует формированию более здоровых, светских установок на этот счет в массовом сознании.

Расширение диапазона сексуальных переживаний, символизируемых в культуре,— часть процесса перестройки телесного канона и канона речевой пристойности, утвердившихся в начале нового времени. Современная культура сохраняет идею индивидуального «закрытого» тела,

равно как и принцип самоконтроля, но постепенно отказывается от некоторых табу и запретов. Так, значительно ослабели культурные запреты наготы — достаточно вспомнить эволюцию купальных костюмов и других видов одежды. Расширились границы речевой пристойности: многие слова, еще недавно считавшиеся нецензурными, теперь вошли в широкий оборот. В этом можно усмотреть знак падения нравов, но возможность называть и обсуждать ранее неназываемое означает, что люди перестали бояться данных явлений, стали свободнее относиться к ним.

Изменение отношения к телу связано с общим изменением отношения к эмоциям. В противовес викторианской установке на подавление эмоций современная культура, включая научную психологию, подчеркивает ценность эмоционального самораскрытия и пользу эмоциональной чувствительности. «Воспитание чувств» в сегодняшнем понимании означает не только контролировать и подчинять чувства разуму, но и выражать свои чувства, слушаться веления сердца и т. д. Этому учат и художественная литература, и педагогика, и специальные методы «тренировки сенситивности».

Сдвиги в брачно-семейных отношениях и половом символизме закрепляются и передаются следующим поколениям благодаря системе половой социализации детей и молодежи. Научно-техническая революция властно вторгается и в этот процесс. Расширение диапазона контактов и содержания совместной деятельности мальчиков и девочек (совместное обучение, труд, досуг) способствует выравниванию многих традиционных полоролевых особенностей, а ослабление внешнего социального контроля (со стороны родителей или юношеской субкультуры) за их поведением дает молодежи неслыханную прежде свободу принятия решений, включая вопросы половой жизни.

Важную роль играет при этом акцелерация: более раннее половое созревание означает, естественно, и более раннее пробуждение сексуальных интересов — задолго до наступления социальной гражданской зрелости. По данным В. Г. Властовского [22], средний возраст менархе у девочек-москвичек за 35 лет снизился с 15,1 до 13 лет. Аналогичные процессы происходят всюду. Те же тенденции характерны и для мальчиков. Это заставляет взрослых, хотят они того или нет, создавать систему полового воспитания и просвещения, причем не столько с целью возможно дольше удержать молодежь от половой жизни (типичная установка педагогики прошлого), сколько с целью научить молодых людей разумно управлять собст-

венной сексуальностью. Поскольку официальная педагогика нередко отстает от жизни и недостаточно эффективна, важную роль в деле психосексуальной ориентации играет молодежная субкультура, которая сегодня гораздо более автономна от старших.

Половая жизнь современного человека тесно связана со способностью регулировать деторождение. Этому содействуют эффективные контрацептивы, в частности гормональные, и умение пользоваться ими, что освобождает людей от страха перед нежелательной беременностью, особенно женщин. Пилюли в отличие от мужских презервативов означают, что фактическое право предотвращать беременность переходит от мужчины к женщине. Это увеличивает как ее свободу, так и ответственность. К сожалению, с этим также не все благополучно (табл. 1).

Таблица 1

Способы контроля над рождаемостью по ответам 250 супружеских пар (опрос 1981 г., в процентах к общему числу ответов) [26]

Способ	Жены	Мужья
Полное или длительное воздержание	2,3	5,0
Календарный метод	40,7	42,0
Прерванное сношение	20,8	22,2
Химические средства	13,6	7,3
Механические средства (презервативы и пр.)	18,1	38,8
Внутриматочные приспособления	8,6	9,6
Гормональные средства (пилюли, таблетки)	3,6	4,6
Аборт	33,9	19,3

Примечание. Опрошенные могли отметить все 8 способов. Рассогласованность мужских и женских ответов вполне объяснима психологическими особенностями пола.

У опрошенных в 1976 г. москвичек наиболее распространенными методами были календарный ритм (31,5%) и механические средства (30%). Доля современных гормональных препаратов колеблется от 4,3% у женщин с неполным средним до 10,9% у женщин с высшим образованием. На вопрос о наличии в аптеках эффективных и удобных контрацептивов положительно ответили 20%, отрицательно — 30%, половина женщин вообще затруднялись ответить [29, 10]. Несмотря на высокий образовательный уровень данной выборки, очень многие респонденты вообще не могли оценить ассортимент и качество доступных противозачаточных средств. При опросе 1978 г. выяснилось, что контрацепцию применяют 90,5% женщин:

на первом месте стоят механические средства (26,3—32,1%), на втором — календарный метод (25,2—30,6%), на третьем — прерванное сношение (19,1—23,2%). Это «свидетельствует о низкой контрацептивной культуре населения, что в значительной мере обусловлено малой возможностью пользования современными противозачаточными средствами» [29]. Низкая сексуальная и контрацептивная культура населения имеет неблагоприятные последствия. В отличие от большинства развитых капиталистических и европейских социалистических стран в СССР аборт все еще остается ведущим способом регулирования деторождения. На ряде территорий РСФСР в 1979 г. соотношение числа родов и числа абортов составляло 1:3. Широко были распространены внебольничные аборты, сопровождавшиеся наиболее тяжелыми осложнениями и последствиями [64а].

Как влияют эти социально-культурные сдвиги на сексуальное поведение, ритм сексуальной активности, ее интенсивность и социальные формы? Однозначного ответа на этот вопрос, разумеется, быть не может вследствие социально-экономических, классовых, национальных, религиозно-культурных и многих других различий. Тем не менее можно указать ряд общих статистических тенденций, которые, хотя и в разной степени, проявляются во всех индустриально развитых странах.

Первая и безусловно всеобщая статистическая тенденция состоит в том, что и фактические нормы сексуального поведения, и соответствующие моральные установки быстро изменяются; между старшими и младшими возрастами в этом отношении есть существенные когортные (межпоколенные) различия. Молодежь чувствует и ведет себя не совсем так, как это делали ее отцы и деды, поэтому нормативные представления, основанные на опыте прошлых поколений, часто оказываются под вопросом. Молодежь не только раньше созревает, но и раньше начинает половую жизнь. Например, по данным Зигуша и Шмидта [323], изменения в сексуальном поведении немецкой молодежи (ФРГ) между 1965 и 1970 г. заметнее, чем за предыдущие 35 лет. Сравнение 16—17-летних юношей и девушек 1945—1946 гг. и 1953—1954 гг. рождения показало, что современные юноши и девушки раньше приобретают сексуальный опыт; у людей с более высоким образовательным цензом возраст первого полового сношения снизился за 10 лет в среднем на 3—4 года. Заметно уменьшились за 10 лет различия в половом поведении и установках между юношами и девушками, а также

в зависимости от образовательного ценза. В общем и целом 16—17-летние в ФРГ в 1970 г. по своему половому поведению напоминают 19—20-летних в 1960 г. Сдвиг охватывает весь цикл психосексуального развития. Опрос, проведенный 4 года спустя Шлегелем и др. [308], подтверждает эту тенденцию. Особенно значительны сдвиги у 12—14-летних школьников (каждый возраст здесь опрашивался отдельно, а не по воспоминаниям 16-летних). За исключением коитального опыта, который у этих 16-летних мальчиков ниже, чем у опрошенных Зигушем и Шмидтом (22% против 35%), все прочие формы половой активности они начинают раньше: раньше влюбляются, раньше начинают целоваться (у Зигуша и Шмидта целовались 12% 12-летних мальчиков и 14% девочек, здесь соответственно 70 и 77%) и т. д.

Снижение возраста начала половой жизни и повышение ее интенсивности, хотя и разной степени, констатируют и ученые Канады, Японии, Дании, Польши, Венгрии, ГДР и других стран. По данным нескольких опросов больших выборок, доля лиц, имеющих коитальный опыт, за 10 лет (1968—1978) выросла среди канадских студентов-мужчин с 40 до 62%, а среди женщин — с 32 до 58% [95]. По данным Центрального института молодежных исследований ГДР, в начале 70-х годов средний возраст начала половой жизни у рабочей молодежи ГДР составлял 17,5 года, а у студентов — 18,3 года. На сегодня он снизился до 16,9 года [330].

Анализ 35 исследований, проведенных в США между 1903 и 1980 г. [134], показал, что 40-е — начало 50-х годов были еще эрой традиционного «двойного стандарта», когда половая жизнь разрешалась мужчинам и запрещалась женщинам. В начале 50-х годов возобладал принцип «терпимость при наличии чувства» — добрачные связи стали допустимыми для обоих полов при наличии любви и надежды на будущее вступление в брак. В 70-х годах исчезло и это ограничение, сексуальные связи стали восприниматься как нормальные даже при отсутствии любви, лишь бы не было социальной или эмоциональной эксплуатации партнера. Аналогичные сдвиги произошли и в реальном поведении молодежи: резко выросло количество добрачных связей и почти исчезла разница в этом отношении между мужчинами и женщинами.

Особенно велики сдвиги в сексуальном поведении и установках женщин. Когортный анализ сексуального опыта 15—19-летних незамужних городских женщин США показывает значительный рост добрачных связей у каждой

следующей когорты (рождения 1920—1929, 1930—1939, 1940—1949, 1950—1959 гг.), причем особенно велика разница между двумя последними когортами. В 70-х годах эта тенденция резко усилилась. В 1971 г. сексуальные связи имели 30%, а в 1979 г.— 50% 15—19-летних американок, а в некоторых подгруппах даже больше. Если до 1970 г. опыт добрачных связей у мужчин был вдвое выше, чем у женщин, то после 1979 г. они почти сравнялись, разница в ту или другую сторону составляет около 10% [366, 367].

Эти данные не уникальны. Школьницы ФРГ рождения 1958—1959 гг. уже в 15 лет опередили своих сверстников-мальчиков по всем видам половой активности; в 16 лет коитальный опыт имеют 40% девочек против 22% мальчиков; это составляет опережение на целый год [308]. В 1966 г. студенты ФРГ начинали половую жизнь на полгода раньше своих ровесниц; в 1981 г. они отстали от них почти на год. Сильно уменьшились и другие половые различия — частота коитуса, число партнеров и т. д. [127]. То же самое обнаружено у шведских старшеклассников. Отчетливую тенденцию к выравниванию статистических норм сексуального поведения юношей и девушек констатируют ученые ГДР. Разумеется, определенные национальные и этнокультурные различия сексуального поведения по полу остаются [227], но они быстро уменьшаются. Все это ясно говорит об ослаблении и отчасти об отмирании «двойного стандарта».

Параллельно сдвигам в поведении меняются и социально-нравственные установки молодежи, прежде всего — отношение к добрачным связям. Традиционная мораль их официально осуждала, хотя не всегда последовательно и эффективно, когда дело касалось мужчин. Центральное положение института брака подчеркивалось также тем, что любые формы общения молодежи брачного возраста, будь то деревенские посиделки или домашнее общение, рассматривались прежде всего с точки зрения подготовки к браку. Постепенно (хронология этого процесса варьирует в разных странах и средах от нескольких десятилетий до полутора — двух столетий) положение изменилось.

Сначала от сватовства эмансипировалось ухаживание: эпизодические свидания, встречи юношей и девушек стали рассматриваться как форма досуга, вовсе не обязательно ведущая к браку. Затем было легализировано длительное совместное времяпрепровождение молодой пары, «дружба» или «гуляние» (going steady), предполагающее довольно тесную и устойчивую близость, часто и сексуальную, но

без совместного проживания и ведения хозяйства. В 60—70-х годах на Западе, начиная со Швеции, постепенно стали считать нормальным внебрачное сожительство, когда пара ведет общее хозяйство и живет совместно, не вступая, однако, в юридический брак, пока не решит обзавестись потомством. По американской статистике, число совместно живущих не состоящих в браке пар с 1970 по 1980 г. утроилось, причем особенно большое — двойное — увеличение приходится на 1975—1980 гг. В 1983 г. насчитывалось 1,9 млн. таких пар [111, 365]. Чисто статистически добрачное сожительство, а оно составляет чуть меньше половины общего числа сожительств в США, не ведет к отсрочке брака; норвежские мужчины и часть женщин с подобным опытом в среднем вступают в брак раньше других. Однако, если иметь в виду конкретные пары, добрачное сожительство чаще завершается расставанием, чем браком, особенно среди студентов и лиц, принадлежащих к каким-то девиантным группам. Иными словами, молодые люди, состоявшие в таком союзе, в дальнейшем вступят в брак, но не со своим сожителем, а с кем-то другим. Это создает ряд моральных и социально-психологических проблем.

Более терпимое, чем раньше, отношение к добрачным связям,— при опросе молодежи ГДР такую практику признали «нормальной», «естественной», 98% мужчин и 97% женщин [330] — не означает всетерпимости. Моральная оценка конкретной связи зависит от многих обстоятельств; общая тенденция состоит лишь в том, что такое решение признается личным делом каждого, в отличие от внебрачных связей, к которым большинство людей во всех странах, даже признавая их как факт, относятся с более или менее выраженным моральным осуждением, как к нарушению верности и взятых на себя обязательств.

Существенные сдвиги претерпевает и сексуальное поведение в браке. Улучшившееся питание способствует повышению сексуальной активности, а кризис традиционных религиозных запретов и появление эффективных контрацептивов — большему, чем прежде, отделению сексуально-эротических отношений от репродуктивной функции. Современный человек ведет более интенсивную сексуальную жизнь, чем его предки. Я уже говорил об уменьшении ее сезонных колебаний. Сравнение данных Кинзи (40-е годы) и Ханта (70-е годы) (табл. 2) позволяет конкретизировать эту картину (правда, нужно учитывать нерепрезентативность выборки Ханта).

Таблица 2

Количество сношений в неделю у супружеских пар в США в 1938—1949 и 1972 гг. (по данным Кинзи и Ханта) [210]

1938—1949 (Кинзи)		1972 (Хант)	
возраст, годы	средняя частота	возраст, годы	средняя частота
16—25	2,45	18—24	3,25
26—35	1,95	25—34	2,55
36—45	1,40	35—44	2,00
46—55	0,85	45—54	1,00
56—60	0,50	55 и старше	1,00

Средняя частота половых сношений у опрошенных английских мужчин составила 2,5 в неделю; это больше, чем было у респондентов Кинзи [291].

По данным опроса 4603 американских женщин в возрасте от 15 до 44 лет в 1965 г. и 5432 — в 1970 г., среднее число сношений в течение 4 нед перед интервью выросло с 6,8 до 8,2 [347]. Даже если не учитывать пары, пользующиеся противозачаточными методами, которых не было в 1965 г., прирост составит 14%. Половой акт стал не только чаще, но длительнее (в среднем 2 мин, по данным Кинзи, 10 мин, по данным Ханта) [210]. С ослаблением религиозных запретов обогатилась и усложнилась эротическая техника. Доля мужей с университетским образованием, с которыми их жены практиковали фелляцию, выросла с 43%, по данным Кинзи, до 61%, по данным Ханта, а мужей со средним образованием — с 15 до 54%. Такой же прирост имеет куннилингус [210]. В 50-х годах только треть супружеских пар экспериментировали с позицией «женщина сверху»; в 70-х годах эту позицию применяли три четверти пар; вагинальную интромиссию сзади практиковали 10% выборки Кинзи и 40% — Ханта. Анальная интромиссия у респондентов Кинзи почти не встречалась; среди более молодых (младше 34 лет) пар, опрошенных Хантом, этот способ практиковали четверть [210]. Разумеется, американские данные нельзя экстраполировать на другие страны. Однако сходные тенденции отмечаются и в Европе. Например, французский опрос Пьера Симона также показывает рост сексуального экспериментирования в браке: половина опрошенных пар часто практикуют позицию «женщина сверху», у пятой части муж часто совершает вагинальную интромиссию сзади (но анальная интромиссия здесь редкость). Существуют четкие возрастные различия: орально-генитальные

ласки практикуют 72% 20-летних мужчин, 62% 30—40-летних, 47% 50-летних и более старшего возраста [324].

По данным К. Штарке и В. Фридриха, куннилингус практиковали 83%, фелляцию — 75% молодых мужчин и женщин ГДР, имеющих сексуальный опыт [330]. При обоюдном желании супружеские пары охотно разнообразят сексуальные позиции, не испытывая по этому поводу моральных или эстетических сомнений. Это зависит от личных вкусов, возраста и социальной среды.

За возрастными градациями стоят различия сексуального стиля и ценностных ориентаций разных поколений: старшие руководствуются более или менее жесткими нормами, усвоенными в детстве, младшие равняются на свои собственные вкусы, считая, что мораль на брачном ложе — третий лишний; хорошо все то, что приятно обоим участникам. В этом же духе выдержаны и основные современные пособия по технике брака.

Резко выросли в последние десятилетия сексуальная активность женщин и их требования к половой жизни. Выше уже отмечалось определенное выравнивание нормативных установок и поведения юношей и девушек в том, что касается возраста начала половой жизни. Более эгалитарными становятся и сами половые отношения. Западные исследователи отмечают повсеместное уменьшение роли проституток в сексуальной инициации юношей: среди мужчин, опрошенных Кинзи, начали половую жизнь с проститутками 22%, ныне их только около 3%. Большинство юношей начинают половую жизнь со своими подругами-сверстницами. У 62% юношей-студентов ГДР и 52% девушек первыми сексуальными партнерами были сверстники (у 36% девушек партнер старше, а у 31% юношей партнерша младше на 2—4 года) [329]. Женщины значительно энергичнее мужчин отклоняют принцип «двойного стандарта», считая его дискриминационным. Уменьшается число женщин с фригидностью или аноргазмией. Обследование 1779 замужних чехословацких женщин от 20 до 40 лет в 5 возрастных когортах по годам рождения (с 1911—1920 гг. до 1951—1958 гг.) показало, что средний возраст первого полового акта снизился за это время с 20,75 до неполных 18 лет, доля женщин, испытывающих оргазм, выросла с 31 до 79%, а высокая сексуальная активность в браке — с 40 до 86% [288]. Сходные тенденции выявились и в других странах. Если в 20-е годы почти две трети американок жаловались на чрезмерную сексуальную активность своих мужей, то теперь хотели бы реже иметь половые сношения только 5%. Заме-

чено, что именно женщины теперь часто инициируют генитальную игру. Вместе с тем многие женщины во всех странах мира жалуются на психологическую нечуткость и сексуальную некомпетентность мужчин, которые озабочены лишь собственными переживаниями и уделяют мало внимания сексуальному удовлетворению и чувствам женщины [205].

Перечисленные выше тенденции кажутся более или менее общими для всех индустриально развитых стран, но, конечно, эта общность относительна. Во-первых, имеются громадные национальные, социально-классовые, культурные и иные различия в их выраженности. Например, хотя в Японии, как и на Западе, раньше начинают половую жизнь, увеличивается число абортов и добрачных связей (в 1980 г. их имели 17% японок моложе 19 лет по сравнению с 6,6% в 1973 г.), соответствующие статистические показатели здесь в несколько раз ниже, чем в США, и общественное мнение относится к этим явлениям далеко не столь терпимо [49]. Иностранные данные необходимы для оценки масштаба и распространенности изучаемых процессов, но их нельзя считать статистически типичными для другой этнической или социальной среды. Во-вторых, не следует недооценивать стабильность и историческую преемственность социокультурных установок и поведения. В зарубежной публицистике, посвященной «сексуальной революции», долгосрочные, глубинные процессы часто смешиваются с временными тенденциями, которые принципиально обратимы или имеют достаточно четкие границы. Однако самое главное — какие качественные сдвиги стоят за этими статистическими тенденциями? Что значит и куда ведет новая «сексуальная свобода»? Означает ли она прогрессивную индивидуализацию этой важной сферы общественной и личной жизни или, напротив, рост сексуального отчуждения и деиндивидуализации человеческих отношений? Ответ на этот вопрос зависит от социального контекста и прежде всего — от образа жизни, в которой развертываются эти процессы.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Как всякое сложное социальное явление, «сексуальная революция» вызывает на Западе острую идеологическую полемику. На одном полюсе стоят защитники традиционной половой морали, которым кажется, что всякое отступление от нее означает регресс и даже гибель культуры. Такие люди часто объединяются под флагом борьбы с

порнографией, трактуемой ими весьма расширительно, включая и научную сексологию, и половое просвещение в школах. Как правило, эти люди крайне правых политических взглядов. Например, в США одним из главных борцов против полового просвещения в школах является основатель антикоммунистического «Общества Джона Берча» Роберт Уэлч, провозгласивший половое просвещение следствием «коммунистического заговора» для растления американской молодежи. Опросив группу лидеров «антипорнографических» ассоциаций, американские социологи Л. Зурхер и Д. Киркпатрик [370] нашли, что 87% из них уверены в связи порнографии с организованной преступностью, а 61% — с «коммунистическим заговором». Участников этих кампаний отличает ряд особенностей демографического и социально-психологического порядка: среди них больше женщин и людей старшего возраста; они теснее связаны с догматическими религиями и религиозно более активны; многие из них выросли в маленьких городах; они реже имеют сложные профессии и у них ниже образовательный уровень; они больше ориентированы на семью и имеют больше детей; политически они более консервативны и авторитарны, а их взгляды на семью и сексуальность более традиционны; они догматичны, отличаются меньшей политической терпимостью и более благосклонны к цензуре; они охотно ассоциируют порнографию с социальной и индивидуальной патологией; мало кто из них получил сексуальное просвещение; они чаще других считают общество морально деградирующим и находящимся под угрозой заговора.

Связь традиционной половой морали с политическим консерватизмом не случайна. Поскольку половая мораль относится к числу самых консервативных и устойчивых элементов культуры, защита статус кво всегда является и защитой этой морали. Кроме того, лозунги защиты семьи и нравственности всегда находят живой отклик в консервативных слоях населения. Играя на сексуальных страхах и предрассудках, легче всего скомпрометировать политического противника. Этот метод был известен уже в Византии в XI веке, где, по выражению английского историка Эдуарда Гиббона, педерастия стала преступлением тех, кого нельзя было обвинить ни в каком другом преступлении. Хорошо вписывается в этот стереотип идея «иностранного заговора». Один английский епископ в 1798 г. красноречиво предупреждал британскую Палату лордов по поводу гастролей французского балета: «Отчаявшись повлиять на нас силой оружия, французские пра-

вители теперь предприняли более тонкую и опасную атаку.., пытаясь осквернить и подорвать мораль нашей молодежи. Они послали к нам группу танцовщиц, которые с помощью самых непристойных поз и развратных театральных жестов вполне преуспели в том, чтобы ослабить и развратить нравы народа» [339]. Сколько еще политиков и писателей в следующие столетия повторяли слова почтенного епископа, не подозревая о его приоритете!

Между прочим, здесь тоже имеется социально-психологическая проблема. Некоторые исследователи американского «сексологического маккартизма» объясняли воинственную нетерпимость его адептов преимущественно их личными качествами: авторитарным характером, неудачной или заторможенной сексуальной жизнью, а также фрустрацией, связанной с неустойчивым социальным статусом. Однако 5-летнее социологическое обследование 7493 таких индивидов показало, что их личные и социально-демографические характеристики значат гораздо меньше, чем образовательный уровень и особенно условия, в которых эти люди провели детство и юность [362]. Однажды усвоенные жизненные установки вообще трудно изменяются, особенно если эти установки принципиально консервативны. Так обстоит дело не только в сексуальной, но и во всякой другой идеологии; классовое положение определяет убеждения людей не непосредственно, а через многочисленные опосредования.

На другом полюсе стоят апологеты «сексуальной революции», в большинстве случаев представители ультралевых, «неомарксистских» или анархистских групп, видящие в «сексуальной свободе» залог всеобщего освобождения человечества.

Репрессивная половая мораль, внушенная человеку с раннего детства, доказывают они, лишает его внутренней свободы и мешает ему развернуть свои творческие потенции не только в сексуальной, но и во всякой иной сфере деятельности. Журналы этих групп — «Konkret» (ФРГ), «It» (Англия), «Evergeen» (США) — пестрят заголовками вроде «Сексуальность, политика и подсознание», «Сексуальность и классовая борьба», «Сексуальная революция» и т. п. В этих статьях доказывается, что «сексуальное подавление» играет решающую роль в «поддержании существующего общества», что «борьба против хозяев общества невозможна без сексуального освобождения» и т. п.

При всей полярности своих взглядов крайне правые и ультралевые сходятся в том, что гипертрофируют значе-

ние сексуальности, рассматривая ее как нечто однозначное. «Секс» и «культура» выступают как равноправные стороны противоречия и вопрос сводится к тому, какой из них отдать предпочтение.

Такая постановка вопроса характерна и для фрейдизма. Поскольку З. Фрейд больше всего способствовал выработке светски терпимого отношения к сексуальности, невежественный обыватель часто считает его апостолом половой распущенности. В действительности его позиция в этом вопросе была охранительно-моралистической. Конфликт между сексуальностью и цивилизацией, по З. Фрейду, принципиально неразрешим. Инстинктивная жизнь человека направлена на эгоистическое самоудовлетворение, поэтому культура может существовать лишь ценой подавления инстинктов. Подавление либидо вызывает неврозы, но его раскрепощение означало бы всеобщую анархию и гибель культуры. Либидо, по З. Фрейду,— единственный источник психической энергии. Подавление сексуальности позволяет переключить эту энергию на другие виды деятельности — труд, художественное творчество и т. д. (З. Фдейд называет это переключение сублимацией). «Освобождение» либидо привело бы к тому, что люди перестали бы трудиться, сексуальность поглотила бы все их физические и психические силы. Кроме того, слишком легкое удовлетворение сексуальных потребностей (эрос) привело бы в конце концов к их обесценению, усилив другой фундаментальный импульс человеческой психики — инстинкт смерти и разрушения (Танатос), что означало бы упадок культуры. «Это верно как для отдельных индивидов, так и для народов. Во времена, когда не существовало препятствий сексуальному удовлетворению, и, вероятно, в период упадка древних цивилизаций любовь обесценивалась, жизнь становилась пустой и нужны были сильные реактивные образования, чтобы необходимая эмоциональная ценность любви могла снова возродиться. В этой связи можно заметить, что аскетическая тенденция христианства имела своим следствием такое повышение психической ценности любви, какого никогда не могла достичь языческая античность» [172]. З. Фрейд, таким образом, решительно против «сексуальной свободы», считая ее опасной и вредной утопией.

Основная слабость культурологической концепции З. Фрейда (к психологическим аспектам теории сублимации мы вернемся позже) в ее неисторичности. Либидо выступаст в ней как постоянный инстинктивный соблазн, а труд — как постоянная внешняя необходимость, между

которыми всегда существует конфликт. Однако и труд, и секс бывают разными.

Отчужденный, подневольный труд действительно заставляет человека искать эмоциональное удовлетворение в каких-то иных сферах бытия. Однако и секс бывает отчужденным, функциональным, лишенным индивидуальной эмоциональной окрашенности. Хотя репрессивная половая мораль действительно порождает неврозы, нет никаких доказательств того, что она благоприятствует половой любви. Это видно из истории того христианского аскетизма, на который ссылается З. Фрейд.

Точно так же отсутствует прямая зависимость между прогрессом культуры и строгостью половой морали. Нельзя обсуждать природу сексуальных табу без учета того, кто, кому, что, когда, с кем и насколько запрещает. Такой же конкретный подход нужен и к «сексуальной свободе». Критикуя лозунг «свободной любви», В. И. Ленин отмечал его опасную неопределенность. Терпимость — к чему? Свобода — от чего и для чего? Одно дело — освобождение интимных отношений от материального расчета, родительских запретов, социального неравенства полов. Другое дело — освобождение индивида от ответственности за свое поведение, моральная анархия, свобода от серьезности и даже от самой любви.

Прогрессивная тенденция к индивидуализации сексуальных чувств и отношений осуществляется на Западе на фоне и в рамках индивидуалистического образа жизни. Это порождает ряд противоречий. Прежде всего наблюдается гипертрофия рекреативной функции сексуальности, противопоставляемой другим ее функциям, а также абсолютизация генитальной сексуальности в ущерб целостности человеческой личности.

То, что именно эти моменты оказались в центре общественного внимания, вполне понятно, так как они подвергались наибольшим запретам в недавнем прошлом. За перестановкой акцентов стоят глубокие социальные сдвиги, прежде всего — перемещение личных идеалов из сферы труда и производства в сферу досуга и потребления. Система ценностей раннего капитализма ставила во главу угла успех, обладание, накопление, призывая ради этого ограничивать личное потребление и сами потребности: делу время, потехе час. Сексуальность тоже была разрублена на две части «дело» — это прокреативный секс, составляющий долг, обязанность и осуществляемый в рамках законного брака, а «потеха» — это уж как получится.

С ростом общественного богатства и увеличением свободного времени ценностные ориентации буржуазного общества, прежде всего его обеспеченных слоев, меняются: на первый план выходит потребление, по отношению к которому труд является лишь средством. Если бы речь шла только о том, что мотив потребления стал перевешивать мотив обладания, этот сдвиг можно было бы приветствовать. Что может быть нелепее, чем жить ради производства и накопления вещей? Не разумнее ли, потребляя их, жить в свое удовольствие? Но тут-то и сказывается ограниченность буржуазного образа мышления.

Жить только для себя — значит жить сегодняшним днем, причем растущая неустойчивость социального бытия побуждает индивидов гнаться за новыми и новыми удовольствиями. Применительно к нашей теме это значит, что секс становится в первую очередь развлечением, которое полемически противопоставляется серьезности, ответственности, долгу. Общество, где человек является прежде всего средством производства, неизбежно порождает репрессивную половую мораль. «Потребительское общество» подрывает репрессию, но одновременно низводит сексуальность до уровня развлечения. В результате секс рассматривается то как важнейшая сфера индивидуального самоутверждения, то как последнее убежище человека в обезличенном, стандартном мире, то как развлечение, спорт, игра. Эти мотивы своеобразно переплетаются в общественном и индивидуальном сознании.

Как справедливо заметил американский социолог Дэвид Рисмен, для многих молодых людей секс стал своего рода «последней границей», на которой они надеются утвердить свою индивидуальность. Секс стал играть более заметную роль в жизни людей, потому что в ней отсутствует многое другое. Старые узы семьи, соседства, церкви и профессии уже не так сильны и не дают удовлетворения, поэтому секс как значимая связь с другим становится средством открытия и поддержания чувства собственного Я. Многим молодым американцам половая жизнь кажется последним прибежищем индивидуальности, единственной сферой, где преодолевается общая апатия: «Я хорошо зарабатываю, но мой бизнес меня не вдохновляет. Работать больше — значит только зарабатывать лишние деньги для правительства. У нас нет ни новых миров, ждущих завоевания, ни девственных земель, которые нужно изучать; разве что Космос, но ведь не все мы — космонавты. Вы знаете, многие буквально сходят с ума, изобретая себе

увлекательные хобби, вроде собирания марок или копания в саду, и убеждают себя в том, что они счастливы. Но все это — самообман. Я предпочитаю черпать вдохновение в сексе, который гораздо больше, чем хобби. Это подстегивает, интересует и возбуждает меня. И это никогда не дает мне забыть, что я жив» [269].

Если для одних секс стал своего рода спортом, то другие видят в нем форму протеста против общественного конформизма и возможность практически продемонстрировать свое «непринятие» существующего общества и его морали. Вот признание одной американской студентки: «Я не хочу быть похожей на всех остальных. Все так и ждут, чтобы втиснуть тебя в готовую форму. Выйди замуж за инженера, живи в стандартном доме в приличном предместье, имей двух — трех детей, плати свои налоги и дважды в неделю спаривайся со своим законным супругом. Вставай каждое утро и заводи себя ключиком, втыкая его себе в зад, как японская механическая игрушка. Иди по жизни без мысли и чувства или делай все сама, просто отдавшись на волю волн. Нет, спасибо, это не по мне, ни за что!» [269].

Однако «овеществленный секс» так же функционален, как и все остальные. Девушка ищет поклонников не ради собственного удовольствия, а ради социального престижа. Юноша сближается с девушкой не потому, что ему этого хочется, а потому, что «так принято». Эскалация эротизма, сопровождающаяся его инфляцией, происходит и на уровне культуры. Я имею в виду коммерческий эротизм и порнографию. Многие западные ученые, психологи и медики считают, что порнография вовсе не оказывает такого губительного влияния на сексуальное поведение людей, которое ей часто приписывается; позже мы еще вернемся к их аргументации. Эта проблема не столько медико-сексологическая, сколько социальная и эстетическая.

«Секс-индустрия» давно уже стала одной из самых доходных отраслей производства. По весьма скромным подсчетам Комиссии по расследованию непристойности и порнографии в США, уже в конце 60-х годов годовой доход от «секс-индустрии» составлял до 574 млн. долл., другие авторы называли цифру 2,5 млрд. долл. [129]. Уже в начале 70-х годов более 85% американских юношей и 70% девушек приобщались к порнографии до 18 лет; более половины мальчиков знакомились с порнографией еще до 15 лет, а треть — до 12 лет [359].

Однако в потоке порнографии и низменной эротики чрезвычайно мало каких бы то ни было подлинных эмо-

ций. Чувственность, оторванная от чувства, производит впечатление искусственной, холодной и вымученной, лишенной не только духовного, но и телесного обаяния. Смакуются физиологические подробности половых отношений, обильно освещается сексуальная патология. Однако той полнокровной телесной радости, какую испытывали, скажем, герои Рабле, нет и в помине. Подобные произведения имеют коммерческий успех по разным причинам. Одним любопытно видеть на экране подробности интимных отношений, о которых еще недавно можно было говорить только шепотом, к тому же здесь можно кое-чему научиться. Подражать ковбою, скачущему на диком мустанге, не так-то просто, а в постели может экспериментировать каждый. Другие находят в них спасение от скуки и духовной бедности. Конечно, не все изображаемое в романе или на сцене тут же переносится в быт: покажи убийство — молодежь сразу же кинется убивать, покажи адюльтер — рухнут устои семьи. За такой наивной идеалистической философией скрывается весьма низкая оценка человеческой природы: если столетия «божественных» проповедей и жития святых не сделали человека ангелом, а отрицательный пример сразу же совращает его, то это можно объяснить только природной испорченностью, первородным грехом, с которым уже ничего не поделать. Согласно материалистическому пониманию истории, литература и искусство отражают общественное бытие, а экспериментальные исследования показывают, что люди усваивают из книг, фильмов и телевизионных передач не все подряд, а то, что отвечает их внутренним запросам, ценностным ориентациям, предшествующему опыту и т. д.

Тем не менее вакханалия эротизма в массовой культуре далеко не безобидна, так как этим задаются образцы поведения для будущих поколений. Одно дело — понимать сложность и многообразие сексуального поведения и уметь терпимо и деликатно относиться к чужим переживаниям, другое — слышать со всех сторон, что между нормой и патологией вообще нет разницы, что быть «современным» — значит легко менять партнеров, ни о чем не задумываться и т. д. Это психологическое принуждение нисколько не лучше старой «репрессивной» морали. Если прежде рано созревший подросток втайне мучился своей «порочностью», то теперь молодые люди нередко стыдятся собственного целомудрия, якобы «не соответствующего норме».

Кроме того, всякая массовая продукция обесценивается, приедается. Зрительный эротизм выполняет функцию

своеобразной компенсации за скудость реальной жизни и неудовлетворенность ею, включая собственные сексуальные отношения. Однако он действует подобно наркотику: сначала обостряет ощущения, а затем притупляет их, вплоть до полной атрофии. Привыкая жить отраженным светом, человек теряет остатки непосредственности, и волшебная иллюзия «полного сексуального удовлетворения» заканчивается разочарованием. Недаром наряду с темой эротизации культуры в западной публицистике широко дебатируется проблема «десексуализации» человека, которая делает общественную и личную жизнь нейтральной, бесполой и скучной. Хотя многие из таких жалоб не выдерживают критической проверки, их распространенность довольно симптоматична.

Либерализация половой морали отнюдь не означает, что молодежь Запада отказывается от романтического идеала высокоиндивидуализированной любви. Однако реализация этого идеала предполагает также развитое чувство социальной и моральной ответственности, которое противоречит гедонистически-индивидуалистическим установкам «общества потребления». Как пишет известный американский социолог Айра Рисс [293], «новая сексуальность» предлагает небывалое разнообразие форм сексуального самовыражения и индивидуализирует их выбор, что отвечает интересам личности и ее психического здоровья. Старая половая мораль была прокрустовым ложем. Если индивид не соответствовал ему, то общество не предлагало альтернатив, а старалось подогнать человека под заданный размер. Главное преимущество «новой сексуальности» — увеличившаяся возможность выбора, право личности самой выбирать наиболее подходящий ей стиль сексуального поведения. Чем меньше внешних запретов, тем важнее индивидуальный самоконтроль и тем выше ответственность личности за свои решения. Человек должен гораздо лучше узнать себя, свои чувства и вероятные последствия своих поступков, уметь жертвовать преходящими, временными интересами во имя более важных, т. е. повышается значение морального выбора. Хотя решение индивид принимает сам, оно непосредственно затрагивает как минимум еще одного человека, а зачастую и многих. Критикуя мелкобуржуазную теорию «сексуальной свободы», уподоблявшую удовлетворение полового влечения утолению жажды, В. И. Ленин подчеркивал в беседе с К. Цеткин [368], что питье воды — дело индивидуальное, в любви же участвуют двое и возникает третья, новая жизнь. Рассмотрение сексуальной жизни вне связи с проб-

лемой деторождения и воспитания детей неизбежно будет узким и односторонним: ведь именно дети придают устойчивость супружеским отношениям и наполняют их новым содержанием. Индивидуализация полового чувства и его проявлений приходит в противоречие с индивидуализмом, когда личность рассматривает другого человека только как средство удовлетворения своих потребностей. Необходимой предпосылкой гармонизации сексуального стиля будет гармонизация образа жизни.

В 1884 г. Ф. Энгельс писал: «Таким образом, то, что мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства, носит по преимуществу негативный характер, ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устранено. Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности,— и точка» [2, с. 85]. Для советского общества это сегодняшняя реальность. Однако как и всюду, где скрещиваются личные и общественные интересы, проблема далеко не проста и не однозначна. Исходный пункт коммунистической этики в этом вопросе — принцип всестороннего развития личности, которое предполагает и полноту любовных чувств и переживаний. Первый критерий нравственной оценки интимной близости мужчины и женщины — это наличие или отсутствие любви. Однако сила, длительность и устойчивость любовных чувств у разных людей не одинаковы и не поддаются внешнему контролю. Вместе с тем близкие отношения неизбежно порождают взаимные обязательства, а следовательно, и нравственные обязанности. Поскольку при этом возникает третья, новая, жизнь, появляется и необходимость в их общественной охране, т. е. институт брака. Однако ребенок сам не может о себе позаботиться, поэтому социалистическое общество берет на себя охрану интересов семьи как целого. Конституция СССР подчеркивает, что семья находится под защитой государства

(ст. 53), а граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества (ст. 66). Об укреплении семьи много говорилось и на XXVII съезде КПСС.

Между идеей всестороннего развития личности, предполагающей свободу любви, и интересами укрепления брака и семьи в принципе нет противоречия, но на разных стадиях жизненного пути влюбленность и привязанность к семье как целому имеют неодинаковое значение. Отсюда следует ряд социально-нравственных коллизий. По имеющимся данным, современные советские юноши и девушки начинают половую жизнь раньше, чем прошлые поколения. Вот как выглядят возрастные показатели этого процесса у ленинградских студентов по данным опросов С. И. Голода (табл. 3).

Таблица 3

Возраст первой интимной связи ленинградских студентов, по данным С. И. Голода (по годам опроса, в процентах)

	Мужчины	Женщины
До 16 лет		
1957	7,0	1,0
1964	10,3	1,7
1971	11,7	3,7
16—18 лет		
1957	22,0	8,0
1964	42,2	12,8
1971	37,8	20,9
19—21 год		
1957	30,0	40,0
1964	32,8	50,4
1971	38,8	54,5
22—24 года		
1957	31,0	34,0
1964	13,1	27,3
1971	11,7	19,0
Старше 24 лет		
1957	10,0	17,0
1964	1,6	7,8
1971	—	1,9

Данные 1957 г. (250 человек), 1964 г. (500 человек) и 1971 г. (500 человек) относятся к ленинградскому студенчеству; цифры 1957 г. ретроспективные, основаны на опросе научно-технической интеллигенции в 1964—1966 гг.; в 1957 г. эти люди были студентами. Как видно из табл. 3, как и в других странах, происходит определенное сниже-

ние возраста начала половой жизни, особенно заметное у женщин; хотя юноши в этом отношении опережают девушек, разница между ними уменьшается. Сходную картину дает и опрос 500 молодых рабочих, проживающих в общежитиях Ленинграда, проведенный С. И. Голодом [88]. Чем раньше начинается половая жизнь, тем вероятнее, что она не связана с браком. То, что интимная близость часто предшествует браку, подтверждается и статистикой добрачных зачатий. М. С. Тольц, высчитав время зачатия всех детей, рожденных в Перми в 1966 г., нашел, что у матерей 15—19 лет доля добрачных зачатий составляет 67,9% (в старших возрастах этот процент уменьшается), т. е. регистрация брака следует за фактическим сближением, хотя доля внебрачных детей у матерей этого возраста довольно велика, составляя 24,1% [77]. Сходную работу провел С. И. Голод по архивным материалам Ленинградского дворца торжественной регистрации новорожденных. Взяв данные о супружеских парах, зарегистрировавших рождение первенцев в декабре 1963, 1968, 1973 и 1978 гг., он высчитал удельный вес добрачных зачатий (в среднем за 3 мес до регистрации брака) и его динамику за 15 лет. Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Добрачные зачатия первенцев у ленинградских супружеских пар (по данным С. И. Голода)

Время, декабрь	Общее число пар	Добрачные зачатия
1963 г.	287	69 (24%)
1968 г.	852	196 (23%)
1973 г.	851	240 (28%)
1978 г.	643	243 (38%)

Среднее число внебрачных рождений около 7%. Увеличение терпимости к добрачным связям отмечают и при изучении ценностных ориентаций молодежи. Вот как выглядит это по данным С. И. Голода [88] (табл. 5).

Как видно из этих данных, советские молодые люди относятся к возможности вступить в половую близость несколько строже, чем зарубежные сверстники. Однако основной принцип моральной оценки отношений усматривается не в том, связаны ли они с браком, а в наличии или отсутствии любви. С. И. Голод предлагал группе ленинградских рабочих и служащих (126 человек) выразить свое отношение к возможности добрачных связей с люби-

Таблица 5.

Оценка добрачных сексуальных отношений по данным опроса С. И. Голода (1964—1966 гг., в процентах)

Суждения	Студенты, 500 человек		Научные сотрудники, 120 человек	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Оправдываю	53	38	62	55
Осуждаю	16	27	14	7
Безразлично	31	35	24	38

мой (-мым) и просто со знакомой (-мым). Разница оказалась существенной: вступить в связь с любимым человеком считают возможным для себя 91% мужчин и 81% женщин, а со знакомым — 60% мужчин и только 14% женщин [88].

Вообще мотивация ухаживания, кульминацией которого является интимная близость, сегодня в значительной мере автономна и даже независима от матримониальных планов. В рамках крупного обследования студенческой молодежи (3721 студент из 18 вузов страны) был задан вопрос: «Как вы думаете, с какой целью юноши и девушки вступают сегодня в интимные отношения?» Из 9 предложенных ответов нужно было выбрать только один. Основные мотивы (в процентах к общему числу респондентов) распределились так [26]: взаимная любовь — 36,6, приятное времяпрепровождение — 15,4, стремление получить удовольствие — 14,2, желание эмоционального взаимодействия — 9,8, предполагается вступление в брак — 7,0, любопытство — 5,5.

Разумеется, конкретные цифры варьируют в зависимости от ряда обстоятельств, но общий порядок, ранг, этих мотивов оказался не зависящим ни от половозрастного состава респондентов, ни от величины города, где находится вуз, ни от национальной принадлежности (в выборке представлены не только русские, но и украинцы, белорусы, туркмены, лезгины, аварцы), ни от места жительства студента до поступления в вуз, ни от его социального происхождения, ни от наличия (или отсутствия) сексуального опыта.

Такое поведение и мотивация явно противоречат требованию, чтобы половая жизнь начиналась только в браке, но сегодня это требование мало где соблюдается [227]. Да и в прошлом, как мы видели, ухаживание,

сексуальность и брак были связаны далеко не так тесно, как представляется некоторым ревнителям старины.

Ориентация на любовь устойчиво занимает у советских юношей и девушек первое место, опережая гедонистические мотивы. Это доказывает, что молодежь отнюдь небезразлична к вопросам морали, но насколько серьезно и глубоко молодые люди взвешивают свои чувства и основанные на них решения?

Если интимная близость предваряет брак, то это личное дело любящей пары. Однако 7% первенцев, рожденных вне брака,— уже социально-нравственная проблема, на которую нельзя закрывать глаза.

Либерализация половой морали в сочетании с низкой сексуальной культурой и отсутствием полового просвещения порождает ряд серьезных последствий. Во-первых, рост числа нежелательных беременностей и как следствие этого абортов. По данным М. С. Тольца и соавт. [79], в 1981 г. на каждую 1000 беременностей у ранее не рожавших пермских женщин пришлось 272 аборта, 140 рождений вне брака (матери-одиночки), 271 рождение в первые месяцы брака (так называемые вынужденные браки); только 317 новорожденных были зачаты в браке. Большинство абортов было, естественно, у незамужних. Во-вторых, сексуальная неразборчивость, частая смена партнеров способствуют распространению венерических заболеваний и других инфекций, передаваемых половым путем (например, СПИД). В-третьих, рост количества разводов: их число в СССР выросло с 67 000 в 1950 и 270 000 в 1960 г. до 930 000 в 1980 г.; число разводов на 100 браков составляло соответственно 3, 10 и 34 [64]. Ориентация на любовь занимает у молодежи ведущее место среди мотивов не только ухаживания, но и заключения брака. Между тем брак — не просто эмоциональный союз, а сложный социальный организм, функции и ценности которого меняются в ходе его собственного развития. Судя по данным некоторых социологических опросов, браки по любви далеко не всегда оказываются самыми счастливыми и прочными; иногда они уступают в этом отношении бракам, заключенным «по стереотипу« или «по расчету», т. е. на основе каких-то рациональных соображений. Это побуждает советских социологов и демографов пересматривать тезис о любви как единственной основе брака. Как ни велика нравственно-психологическая ценность страстной любви, удовлетворенность браком, а следовательно, и семейное благополучие в гораздо большей степени зависят от ориентации супругов на основные

цели семейного союза, включая хозяйственно-бытовые функции и особенно воспитание детей. Взаимоотношения супругов всегда были, есть и будут отношениями ответственной зависимости и должны с самого начала осознаваться как таковые. Именно этого не понимают многие молодые люди.

Абстрактная установка «на любовь» может быть хороша в начале жизненного пути, но, не сочетаясь с чувством ответственности за себя и особенно за другого, она легко перерастает в откровенный эгоизм, чреватый тяжкими личными и социальными последствиями. «Свобода» от серьезности и ответственности в любовных отношениях неизбежно приводит к крушению самой любви. Мы видели, как это происходит на Западе. Социалистическое общество не может пойти по тому же пути. Однако социально-нравственные принципы социалистического образа жизни не реализуются автоматически, сами собой. Их эффективность определяется тем, как они преломляются в сознании и самосознании конкретных индивидов, поэтому от социокультурных проблем пола и сексуальности мы переходим к их психологии.

ГЛАВА 4

ПСИХОЛОГИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ

ПОВЕДЕНИЕ И ВООБРАЖЕНИЕ

До сих пор речь шла преимущественно о социальных нормативах и эталонах сексуального поведения. Однако как эти эталоны преломляются в нашем сознании? Что лежит в основе сексуальной мотивации индивида? Традиционная «психогидравлическая» теория либидо отвечала на этот вопрос просто: половое влечение — природный инстинкт, удовлетворение которого сводится к разрядке спонтанно возникающего в организме психофизиологического напряжения. «Нервная система,— писал З. Фрейд,— это аппарат, функцией которого является избавление от достигающих его стимулов или сведе́ние их к минимальному возможному уровню, так, чтобы, если бы это было возможно, она сохраняла бы себя в совершенно невозмутимом состоянии» [173].

Как справедливо замечает Г. Шмидт, эта концепция покоится на двух неверных предпосылках [310]. Первая — «гипотеза аккумуляции стимула», согласно которой сексуальная мотивация питается постоянно и спонтанно накапливающимся внутренним беспокойством, основанным на неудовлетворенной физиологической потребности, требующей периодического удовлетворения, подобно голоду или жажде. Вторая — «гипотеза редукции стимула», согласно которой удовлетворение сексуального желания тождественно разрядке или угасанию напряжения и установлению равновесия в организме по аналогии с механизмом гомеостаза. Однако даже удовлетворение голода и жажды — не просто биологический процесс. Что же касается высших человеческих потребностей (потребность в творчестве, познании, любви, самоактуализации), то они вообще не являются адаптивными и направлены не на то, чтобы «успокоить» человека, а на то, чтобы пробуждать его творческую активность, заставлять стремиться вперед и выше. Изучение этой неадаптивной, «сверхситуативной» активности занимает сейчас центральное место в советской

(да, пожалуй, и в мировой) психологии, и это полностью применимо к психологии сексуальности.

Критика инстинктивистской модели либидо не означает отрицания биологических детерминант сексуальности. Еще в середине 60-х годов Ричард Уэйлен [348] предложил заменить абстрактное понятие «силы влечения» более конкретным понятием сексуальной возбудимости, т. е. готовности сексуально-эротически реагировать на сексуальную ситуацию. Сексуальная возбудимость имеет большие индивидуальные вариации, детерминируемые как физиологическим состоянием организма (гормональный баланс и т. п.), так и жизненным (сексуальным, эмоциональным и коммуникативным) опытом субъекта и его несексуальными мотивами. Половое возбуждение, т. е. текущее, временное психофизиологическое состояние, есть, по Уэйлену, функция устойчивой возбудимости субъекта и конкретной данной внешней и внутренней ситуации. В современной психологической литературе сексуальная мотивация описывается и в терминах теории потребностей, и в терминах теории эмоций, и в терминах когнитивной психологии. Однако наиболее плодотворной с точки зрения возможностей интеграции психологических и социологических данных представляется теория «сексуального сценария», предложенная Уильямом Саймоном и Джоном Ганьоном [181]. Понятие «сценария», близкое к понятиям «плана», «схемы» или «поведенческой программы», обозначает достаточно широкую когнитивную структуру, соединяющую многообразные символические и невербальные элементы в организованный и хронологически последовательный поведенческий ряд, на основе которой люди могут одновременно предвосхищать свое поведение и оценивать его в данный момент. Нормативные компоненты сексуального сценария — кто, что, с кем, где, когда, как и почему должен, может или не должен и не может делать в сексуальном плане — в общих чертах задаются соответствующей культурой. Однако это не исключает больших индивидуальных различий и вариаций количественного и качественного порядка.

Как всякая сложная диспозиционная система, предрасполагающая индивида к определенного рода поведению, сексуальный сценарий включает в себя когнитивные компоненты разного уровня — представления, понятия, оценочные суждения и т. д. Индивид имеет обычно не один, а несколько сценариев [180]. Во-первых, это сексуальные фантазии, которые субъект никогда не пытается, не может или даже не хочет реализовать,

во-вторых, планы реального поведения, которые субъект более или менее последовательно осуществляет, в-третьих, промежуточные ориентиры, используемые в процессе сексуального взаимодействия («если он сделает так, я сделаю это»), в-четвертых, это как бы хранилища памяти, организующие прошлый сексуальный опыт в более или менее последовательное целое.

Сексуальные сценарии можно изучать и классифицировать по ряду измерений. 1. По их сложности, т. е. по количеству и разнообразию их компонентов и соотношению воображаемого и реализуемого: какой круг мотивов, партнеров, мест и времен действия представлен в сценарии; чем отличается когнитивная программа от реального исполнения; насколько тесно связаны друг с другом различные элементы сценария и т. д. 2. По их ригидности, жесткости и рутинизации: насколько велика допускаемая сценарием рассогласованность плана и реальности; насколько жестко и единообразно запрограммированы содержание и последовательность действия субъекта и как он отнесется к нарушению принятого порядка. 3. По их обыденности, конвенциональности: насколько данный сценарий или его компоненты соответствуют принятым в обществе нормам поведения. 4. По их удовлетворительности для субъекта: доволен ли он своими эротическими фантазиями или стыдится их, в какой мере ему удается их реализовать и т. п. Хотя понятие сценария теоретически слабо разработано, оно имеет большую эвристическую ценность для изучения когнитивных аспектов сексуального поведения и мотивации, включая эротическое воображение. Пуританская мораль прошлого считала любые эротические образы и фантазии безнравственными и вредными, но без фантазии и творческого воображения, обгоняющего реальность, не обходится никакая человеческая деятельность. Не представляет исключения и сексуальность.

Как показывают специальные исследования [94, 119, 132, 157, 163], эротические сны, мечты, фантазии — неотъемлемый аспект нашей половой жизни. Они не только замещают практическую половую жизнь или восполняют ее дефицит, как думал Э. Фрейд, но и постоянно сопутствуют ей. Люди, ведущие более активную половую жизнь, отличаются и более интенсивным эротическим воображением, которое подкрепляет, стимулирует и разнообразит их реальный опыт [157]. Для людей, воспитанных в викторианском духе, слова «эротика» и «эротизм» звучат как бранные выражения, обозначаю-

щие нечто «животное» и низменное. На самом деле животные как раз не знают эротики. Способность не только реагировать на эротические знаки и образы, но и создавать их, воплощая свою фантазию, — исключительное свойство человека, присущее ему, как свидетельствует история искусства, с древнейших времен.

Эротические образы выполняют 4 главные функции [119]. Во-первых, они суть средства познания, отражая и фиксируя сексуально значимые свойства и переживания. Во-вторых, они служат своего рода психологическими стимуляторами полового возбуждения. В-третьих, они расширяют рамки и возможности сексуального удовлетворения, обогащая репертуар сексуального поведения и дополняя его новыми нюансами. В-четвертых, эротическое воображение позволяет индивиду преодолевать границы реальности, иногда весьма жесткие, и испытывать переживания, которые ему физически недоступны.

Эротическое воображение индивида почти никогда не совпадает полностью с его реальным сексуальным поведением, в нём всегда есть элементы, которые личность по разным причинам не может или не пытается реализовать. Как правило, они более противоречивы и амбивалентны, чем поведение. Когда речь идет о стигматизируемом, девиантном поведении, такое рассогласование обычно воспринимается как знак скрытой патологии. Однако это вовсе не обязательно. Очень часто эротические предпочтения индивида не осуждаются культурой и кажутся странными только из-за их нетипичности (например, потребности в каком-то необычном эротическом стимулировании). В общепсихологическом плане несовпадение эротических фантазий и поведения — просто частный случай рассогласованности установки и деятельности, что наблюдается во всех сферах жизнедеятельности и далеко не всегда имеет отрицательные последствия. Есть ли здесь какие-то элементы сексопатологии, можно решить, только исходя из содержания эротических фантазий, оценивая их источник, силу воздействия и многие другие конкретные условия. Традиционная «индивидуалистическая» психология обычно выводит содержание эротических образов и объективирующего их поведения из имманентных и внутренних, в конечном счете психофизиологических, потребностей индивида. Тут есть известная доля истины. Например, гормональные сдвиги периода полового созревания, по-видимому, стимулируют эротическое воображение подростка, как бы его ни воспитывать. Однако вследствие

того что сексуальное поведение человека является социально-знаковым, уже само разграничение «эротических» и «неэротических» стимулов правомерно лишь в рамках определенной знаковой системы и конкретной ситуации. Разговор о тычинках и пестиках будоражит эротическое воображение подростка, поскольку он находится в фазе созревания, но только если подросток знает суть полового размножения.

Неправомерность глобальных рассуждений о соотношении «сексуальных» и «несексуальных» моментов бытия ясно видна на примере такой идеологически острой проблемы, как секс и агрессия [241]. На уровне психофизиологии связь этих явлений известна давно. З. Фрейд [171] писал, что сексуальность большинства мужчин содержит в себе примесь агрессии, желания подчинять, так что садизм — просто обособление и гипертрофия агрессивного компонента, свойственного нормальной сексуальности. Хотя в позднейших работах З. Фрейд разграничивает либидо и агрессивность, оба они принадлежат к системе «Оно» и являются бессознательными. Позже связь секса и агрессии подтвердилась и экспериментально. Эндокринологи констатировали, что агрессивное поведение самцов и их сексуальная активность обусловлены влиянием одних и тех же андрогенов, а психологи — что выраженные компоненты агрессивности присутствуют в эротических фантазиях, а отчасти и в сексуальном поведении мужчин. Как должна реагировать на подобные вещи культура? Если секс и агрессия — разные инстинктивные влечения (Эрос и Танатос, по З. Фрейду), то подавление либидо должно вызывать фрустрацию и как средство ее снятия — усиление агрессивных импульсов. По этой логике порнография (какой бы она ни была разнузданной), которая «разряжает» это напряжение, не только не способствует росту насилия в обществе, но является чуть ли не средством психотерапии. Напротив, если сама сексуальность содержит в себе агрессию, то любая либерализация половой морали будет вызывать рост насилия в обществе. С этой точки зрения порнография — едва ли не главная причина роста на Западе преступности, насильственных действий и т. п. Как всегда в глобальных теориях, для подтверждения обеих точек зрения использовались одни и те же факты.

В действительности неверна уже сама постановка вопроса, поскольку ни секс, ни агрессия не являются однозначными и монолитными. Понятие «агрессии» имеет

смысл лишь в контексте определенного взаимодействия, агрессия всегда направлена против кого-то и характеризует не столько личность, сколько межличностное отношение. Так называемое агрессивное поведение включает в себя два совершенно разных класса действий: условную, инструментальную, агрессию, связанную с самоутверждением (assertive aggression), например в мальчишеской возне, и враждебную агрессию (hostile aggression), направленную на уничтожение или причинение вреда противнику [241]. Условная агрессия и половое возбуждение, по-видимому, взаимодействуют у людей, как и у некоторых животных, синергически, взаимно усиливая, а иногда даже переходя одно в другое, тогда как враждебная агрессия и половое возбуждение большей частью антагонистичны: один импульс вызывает торможение другого. Например, у мальчиков-подростков эрекция часто возникает во время возни, силовой борьбы, но никогда — в настоящей драке.

Эта закономерность существует и в восприятии людьми эротики. Сцены сексуального насилия вызывают у большинства людей половое возбуждение, причем мужчины чаще идентифицируются с насильниками, а женщины — с жертвами [1]; половая сексуальная роль оказывается сильнее сознательных моральных принципов. Однако при этом обычно предполагается (и производители порнографии это учитывают), что насилие — только средство сексуального контакта, в результате которого жертва в конечном итоге испытывает удовольствие, т. е. насилие выглядит условным, а насильник — «соблазнителем». Если материал подан так, что жертва испытывает только страдание, то и зрители, как правило, испытывают в конечном итоге отрицательные эмоции. Что касается влияния эротики на агрессивность (в эксперименте людям показывали эротические материалы разной силы и содержания, после чего испытуемые должны были давать кому-то электрошок), то оно оказалось неоднозначным, зависящим как от содержания стимула, так и от свойств испытуемых.

Вопрос о взаимосвязи сексуальности и агрессии выводит нас на гораздо более общую проблему — значение так называемых когнитивных (познавательных) компонентов

---

[1] На это обстоятельство обратил внимание еще Л. Толстой: «Когда мальчик шестнадцати лет читает сцену насильствования героини романа, это не возбуждает в нем чувства негодования, он не ставит себя на место несчастной, но невольно переносится в роль соблазнителя и наслаждается чувством сладострастия» (Толстой Л. Н. Дневники.— Собр. соч. в 20 томах. М., 1965, т. 19, с. 59).

эмоций. И половое возбуждение, и слепая ярость, толкающая на убийство, кажутся совершенно импульсивными, безотчетными. Однако эмоциональная реакция возникает на какой-то стимул, и расшифровка этого стимула — когнитивный, познавательный процесс, хотя сам человек может этого не сознавать. Даже такой, казалось бы, чисто физиологический процесс, как половое возбуждение, включает серию познавательных операций: восприятие каких-то внутренних и внешних стимулов, ассоциирующихся с возбуждением; оценка их как эротических; определение источника возбуждения; направление своих эротических реакций в соответствии с их силой и оценкой ситуации; оценка своих возможностей; та или иная реакция на ожидания других людей и т. д. [296].

У подростка могут быть выраженные эрекции, но они не имеют для него эротического значения, пока ему кто-либо это не объяснит или он сам не догадается, глядя на других, а знание — необходимая предпосылка сознательного управления и самоконтроля. Взрослому человеку многое кажется простым и самоочевидным; он не ломает голову над тем, какое прикосновение или взгляд имеет эротическое значение, а какое — нет. Однако это — результат опыта и научения, в ходе которого индивид усваивает общий для всех людей физиологический сексуальный код, например расположение и способы стимуляции эрогенных зон, эротический код, специфический для его культуры (язык жестов, ритуал ухаживания и т. п.), вырабатывая на этой основе собственный язык эротической коммуникации (слова, взгляды, жесты, прикосновения) с учетом индивидуальных особенностей своих и партнера. Каждая пара и каждый индивид чем-то отличаются в этом отношении от всех остальных. Тем не менее здесь действуют общие законы социальной психологии, на основе которых, хотя и не осознавая их, люди знакомятся, составляют мнение друг о друге, сближаются, привязываются и адаптируются друг к другу или, напротив, расходятся.

Для психологии сексуальности чрезвычайно важно, что наука разрушила барьеры между эмоциональными и когнитивными процессами. Согласно теории американского психолога Стэнли Шахтера [305], всякое эмоциональное переживание предполагает: а) необычное внутреннее состояние, физиологическое возбуждение; б) какое-то объяснение, атрибуцию этого состояния. Это значит, что различие эротических и неэротических переживаний также зависит от контекста, в котором они воспринимаются.

В эксперименте С. Вэлинса [341] испытуемые-мужчины рассматривали фотографии обнаженных женщин и при этом слышали усиленный приборами стук сердца, выдаваемый за их собственный. Снимки, при предъявлении которых фальшивый пульс сильно изменялся, учащался или урежался, нравились испытуемым больше, чем остальные, тогда как контрольная группа оценивала их привлекательность приблизительно одинаково. Как и в опытах Шахтера, испытуемые пытались объяснить себе сдвиг в своем физиологическом состоянии и, поскольку единственной возможной причиной изменения пульса казалась предъявленная фотография, им приходилось верить, что данный снимок их возбуждает и, следовательно, данный женский образ привлекательнее других.

Конечно, когнитивная атрибуция, т. е. объяснение эмоциональных состояний, не определяет полностью их содержания. Теория дифференциальных эмоций (Сильван Томкинс, Кэррол Изард и др.) подчеркивает, что первичные, фундаментальные эмоции, как и влечения, обладают определенной психофизиологической автономией от когнитивных процессов, в которых они осознаются; недаром ими можно манипулировать с помощью гормональных препаратов. Из того, что человек объясняет свои эмоциональные состояния в рациональных терминах, вовсе не вытекает, что эти состояния всегда контролируются и определяются мыслью. Эмоциональные предпочтения не нуждаются в логическом выведении, а аффективные суждения могут предшествовать когнитивным и часто оказываются важнее последних [337].

Эти уточнения, направленные против чересчур рассудочной модели человека, весьма существенны для психологии сексуальности. Как в свое время когнитивизм помог понять ошибочность инстинктивистской трактовки либидо в качестве самодовлеющего начала бытия, так сегодняшняя критика атрибутивной теории эмоций в известном смысле восстанавливает в правах его спонтанность и автономию от других побуждений. Полифункциональность сексуальных автоматизмов, о которой говорилось во второй главе, не отменяет их физиологической репродуктивной специфики. Может ли быть иначе на уровне мотивации? Речь идет не о том, чтобы реабилитировать слепое и всесильное фрейдовское «Оно». Хотя отдельно взятый аффект или побуждение не всегда понятны и послушны разуму, они функционируют в определенной системе. По выражению С. Томкинса, в некоторых отношениях аффект напоминает букву алфавита в языке: она автономна и

вместе с тем может изменять свое значение в зависимости от того, как она сочетается с другими буквами, образуя разные слова и предложения. Да и система как целое имеет не один, а несколько «выходов». Эмоции проявляются не только во внешнем «поведении», наблюдаемых моторных актах, но и во внутренних реакциях, «чувствах». В сфере сексуальности мы имеем дело не только с поведением, но и с чувствами, причем они не всегда совпадают. Нужно изучать не отдельные поведенческие акты и мотивационные синдромы сами по себе, а жизненный мир личности как целое и не только в его постоянстве и устойчивости, но и в связи с конкретными жизненными ситуациями, в которых находится личность и от которых зависят содержание и смысл ее деятельности в данный момент.

Как справедливо отмечал А. Н. Леонтьев [52], всякое человеческое действие имеет не только объективное значение, но и субъективный личностный смысл, т. е. отношение мотива действия к его цели. Чтение книги ради формальной подготовки к экзамену или из желания усвоить ее содержание, или ради удовольствия, доставляемого самим процессом чтения,— психологически совершенно разные действия. Сексуальное поведение также радикально меняется в зависимости от своего смысла, от того, какие именно потребности оно удовлетворяет. «Одна и та же» интимная близость может быть: 1. Средством релаксации, разрядки полового напряжения. Это элементарная форма сексуального удовлетворения, когда акцент делается на физиологических потребностях субъекта, а качества партнера почти безразличны (можно обойтись даже мастурбацией).

2. Средством прокреации, деторождения, когда важен не столько процесс, сколько его конечный результат. В чистом виде этот тип мотивации выступает в династическом браке монарха, нуждающегося в наследнике, или в поведении одинокой женщины, которая сознательно использует мужчину, чтобы приобрести ребенка. Эротические соображения играют здесь ничтожную роль, зато очень важны социальные или природные качества «производителя».

3. Средством рекреации, чувственного наслаждения, выступающего как самоцель. Рекреативная мотивация оттеняет игровые аспекты секса; наибольшее значение придается при этом новизне и разнообразию эротической техники. Психологическая интимность при этом не обязательна, сексуальное удовлетворение партнера входит в

«правила игры» лишь как средство увеличить собственное удовольствие.

4. Средством познания, удовлетворением полового любопытства. В каком-то смысле половая близость — всегда познание. Недаром в Библии и многих других древних текстах выражение «познать женщину» означает иметь с ней половую связь. Однако этот мотив может быть и самостоятельно доминирующим. Он особенно характерен для начинающих половую жизнь подростков, обуреваемых вопросом: «А как это вообще бывает?» У взрослых вопрос конкретизируется — «что представляет собой данный человек в сексуальном плане?», но в любом случае партнер выступает прежде всего как объект познания.

5. Средством коммуникации, когда половая близость выступает как момент психологической личностной интимности, выхода из одиночества, слияния двоих в единое целое. Это самый сложный вид отношений, куда перечисленные выше мотивы входят как подчиненные компоненты. Коммуникативная сексуальность предполагает высочайшую степень индивидуальной избирательности. Именно она обычно подразумевается, когда говорят о половой любви.

6. Средством сексуального самоутверждения, когда на первый план выступает потребность индивида проверить или доказать самому себе и другим, что он может привлекать, нравиться, сексуально удовлетворять. Этот мотив исключительно важен для подростков, у взрослых его гипертрофия обычно связана с чувством тревоги и неуверенности в себе.

7. Средством достижения каких-то внесексуальных целей, например материальных выгод (брак по расчету) или повышения своего социально-психологического статуса и престижа в глазах окружающих. Так, близость с красивой женщиной увеличивает престиж мужчины, а наличие поклонников повышает статус женщины. В любом случае здесь преобладает ориентация на какие-то безличные социальные ценности и мнение окружающих.

8. Средством поддержания определенного ритуала или привычки. Например, супружеские поцелуи часто не имеют эротического смысла, но подчеркивают устойчивость, стабильность существующих отношений.

9. Средством компенсации, замены каких-то других, недостающих, форм деятельности или способов эмоционального удовлетворения. Навязчивая мастурбация у подростков или донжуанизм у взрослых часто служит компен-

сацией бедности эмоциональной жизни. Типичная черта компенсаторной сексуальности — ее вынужденный, компульсивный характер и постоянная неудовлетворенность субъекта ее результатами. Как и при изучении прочих форм компенсаторного поведения, главное — понять, что именно индивид старается компенсировать сознательно или бессознательно: восполнить дефицит эмоционального тепла, заглушить какие-то агрессивные импульсы и т. п.

Множественность мотивационных схем сексуального поведения подчеркивает его сложность. Понять личностный смысл того или иного действия только на основе поведенческих индикаторов, например оценить семейное благополучие по количеству поцелуев, которыми обмениваются супруги (так делали в 40-х годах некоторые американские социологи), невозможно. Каждый из этих мотивационных синдромов относительно автономен, а в зависимости от него меняется даже последовательность психосексуальных реакций. Например, релаксационная модель предполагает, что физиологическое половое возбуждение предшествует эротическому воображению, а рекреационная модель — обратную последовательность, но фактически разные мотивы большей частью переплетаются, затрудняя определение их доминанты. Кроме того, в ходе развития психосексуального контакта (и тем более длительного межличностного отношения), один мотив может перерастать в другой, изменяя тем самым природу этого отношения как целого (например, флирт перерастает в серьезное увлечение). Наконец, эти мотивы зачастую не осознаются, а полностью не осознаются вообще никогда. Недаром в психологии сексуальности особенно широко применяются теория защитных механизмов З. Фрейда и ее различные современные модификации.

Связь индивидуального «сексуального сценария» с ценностными ориентациями культуры и ее отношением к сексуальности яснее всего проявляется в таких механизмах морального контроля, как чувства стыда и вины. Хотя психологическое и культурологическое содержание этих понятий и их соотношение достаточно проблематичны, они всегда присутствуют в сексуальной сфере. Стыд ограничивает внешние проявления сексуальности, которые могут быть осуждены окружающими, вина распространяется и на самые интимные, внутренние переживания. Развитость сексуального стыда и вины зависит прежде всего от характера культуры: чем настороженнее ее отношение к сексуальности, тем сильнее будут у членов общества чувства, тормозящие ее проявления. Однако здесь есть зна-

чительные индивидуальные вариации. Как показывают специальные исследования, развитое чувство «сексуальной вины» затрудняет вербализацию эротических переживаний, иногда снижает половое возбуждение, сильно влияет на восприятие эротических материалов. Никаких статистических норм и нормативов тут нет, но избыток «сексуальной вины», обычно коррелирующий с общей эмоциональной скованностью, отрицательно влияет на сексуальность и может полностью парализовать ее. Напротив, отсутствие такого контрольного механизма нередко ведет к распущенности и деиндивидуализации половых отношений, так что здесь, как и всюду, желательно какое-то равновесие.

Эротическое воображение — нормальный и необходимый аспект человеческой сексуальности, но его содержание не является этически нейтральным. В капиталистических странах, которые все глубже увязают в трясине «порночумы», как назвал ее американский журнал «Тайм», этот вопрос стоит крайне остро. Рассмотрим его по существу. Сторонники терпимого отношения к порнографии, среди которых немало крупных ученых, ссылаются прежде всего на неэффективность запретов, лишь усиливающих притягательность эротических материалов и повышающих их рыночную цену. Трудности представляет уже определение «порнографии» и «непристойности». Существует довольно приблизительное определение, согласно которому порнографией называется то, что рассчитано на стимулирование полового возбуждения. Возникает вопрос: оцениваем мы намерения автора или эффект, вызываемый произведением? Объективная, тем более юридическая оценка намерений крайне затруднительна, а эффект зависит от особенностей восприятия. Двенадцатилетнего подростка даже рассказ о тычинках и пестиках вгоняет в краску. Нормы пристойности тесно связаны с характерным для культуры «телесным каноном». Что безнравственнее — изображение обнаженного тела или фиговые листки, наклеенные на античные статуи? Как отличить порнографию от эротического искусства?

Проблема эротического искусства весьма сложна и «лобовые» приемы здесь «не работают». В изобразительном искусстве и литературе уровень эротизма еще можно кое-как определить предметно, по содержанию изображения, хотя это весьма условно,— в искусстве важно не что, а как изображается. Как определить эротизм в музыке? 7% мужчин и от 23 до 29% женщин из «очищенной» выборки Кинзи признали, что музыка вызывает у них по-

ловое возбуждение [183], причем мужчин с более высоким культурным уровнем (окончивших колледж) и женщин независимо от образования гораздо сильнее возбуждает классическая, а менее образованных мужчин — популярная музыка. В то же время значительная часть опрошенных (19% женщин, 22,5% мужчин, окончивших колледж, и 40% мужчин, не учившихся в колледже) сказали, что на них действует не содержание и тип музыки, а только ее ритм [183]. Таким образом, эротическое восприятие музыки зависит от эстетической культуры личности и ряда других факторов. Оценивая связь полового возбуждения с музыкальным ритмом, следует вспомнить, что многих мужчин (48% в «очищенной» выборке Кинзи [183]) возбуждает уже само по себе быстрое движение, например езда в машине или на лошади.

Кроме того, музыка воздействует не прямо на сексуальность, а скорее на общий эмоциональный настрой. Именно этим, возможно, объясняется то, что женщины с их более диффузным эротизмом сильнее мужчин реагируют на музыку вообще и классическую в особенности. Люди эмоционально заторможенные, с гипертрофированным самоконтролем, опасающиеся собственной сексуальности, боятся отдаться во власть экспрессивной музыки, пробуждающей у них в душе непривычные и неприемлемые чувства. Для них психологически и морально приемлема лишь музыка, которая тут же «разряжается» в соответствующих заранее обусловленных действиях: марш, строевая песня, религиозная музыка, сопутствующая молитве. Уже Моцарт или Бетховен кажутся им опасными: вызывая эмоциональное возбуждение и, следовательно, напряжение, эта музыка не указывает конкретных способов его разрядки. Лев Толстой с «клинической» точностью описал такой тип личности и его переживания в «Крейцеровой сонате». Другие люди, наоборот, ценят музыку как средство эмоционального подъема и раскрепощения независимо от того, вызывает ли она у них эротические переживания. Хотя вопрос об эмоциональном эквиваленте определенных музыкальных тональностей давно уже волнует музыковедов (по мнению немецкого публициста и поэта XVIII века Кристиана Фридриха Даниеля Шубарта, a-moll выражает «робкую женственность характера», b-dur — «страстную любовь», c-moll — объяснение в любви и одновременно жалобу на несчастную любовь и т. д.), психологов и психотерапевтов (в связи с развитием так называемой музыкотерапии), теоретической ясности в проблеме нет.

Каковы сексологические последствия свободы распространения «откровенной сексуальной информации»? Некоторые сексологи, например Мани [261], считают, что порнография, каково бы ни было ее содержание, просто подготавливает людей к принятию сексуальности. При этом обычно ссылаются на результаты массовых опросов и социологических исследований, которые не обнаружили реального вредного влияния порнографии на поведение и психику людей и нашли, что отрицательные высказывания на этот счет очень редко подкрепляются личным опытом опрошенных [129, 359]. Опрашивая большую группу американцев о влиянии порнографии на поведение и психику людей, социологи затем уточняли, встречались ли сами эти люди с подобными случаями. Разрыв между предвзятой установкой и непосредственным опытом оказался весьма значительным. Например, 47% опрошенных мужчин и 51% женщин считают, что порнография побуждает людей совершать акты насилия; на собственном опыте или опыте своих знакомых это смогли подтвердить лишь 10% мужчин и 8% женщин. В том, что порнография подрывает моральные устои, уверены 55% мужчин и 57% женщин, но конкретными фактами такого рода располагают соответственно 15 и 12% опрошенных. Следовательно, заключают исследователи, представления о вредном воздействии порнографии бездоказательны [359].

В многочисленных экспериментальных исследованиях, в ходе которых испытуемым демонстрировали разные эротические материалы, порнографические фильмы, а затем фиксировали их физиологические и эмоциональные реакции, выяснилось, что, хотя порнография действительно вызывает половое возбуждение и стимулирует воображение, лишь немногие люди пытаются или хотели бы сами воспроизвести и пережить увиденное, особенно если изображаемые сцены имели садомазохистскую направленность. Кроме того, интерес к порнографии быстро угасает.

На вопрос: «Встречались ли в вашей профессиональной практике случаи, когда порнография была причиной антисоциального поведения?» отрицательно ответили 80% американских психиатров и медицинских психологов (опрошено 3423 специалиста); 7% уверены, что знают такие случаи, а 9% опрошенных предполагают такую связь [129]. Вряд ли кто-нибудь рискнет утверждать, что все эти люди подкуплены магнатами «секс-индустрии». Не похожи они и на безответственных «ультралевых» мальчиков, рассуждающих по принципу: чем дальше от традиционного, установившегося, тем лучше. И все-таки эти работы

требуют критического отношения. Главный вывод социально-психологических экспериментов начала 70-х годов состоял в том, что порнография оказывает сравнительно слабое и краткосрочное влияние на последующее сексуальное поведение испытуемых. Этот вывод был ударом как для противников порнографии, так и для сторонников «сексуального освобождения», которые ожидали крутой ломки стиля сексуального поведения, первые — в худшую, а вторые — в лучшую сторону. Однако иначе и не могло быть. «Сценарий» сексуального поведения индивида формируется не сразу, в его развитии есть какие-то, возможно, не известные нам критические периоды, после чего внешние воздействия уже не могут радикально изменить его. В противном случае пришлось бы признать, что человеческая личность как устойчивая целостность вообще не существует или что сексуальность с ней не связана.

Но как быть, если подобному эротическому воздействию, и не кратковременному, а длительному, подвергается не сложившаяся личность, а ребенок или подросток? Порнография — отнюдь не синоним полового просвещения, она изображает не сексуальность вообще, а ее отчужденные, дегуманизированные, социально или морально осуждаемые формы. Изображая нормальное сексуальное поведение, порнограф всегда помещает его в какой-то необычный, запретный контекст (обстановка, мотивы и т. д.); если обычен контекст, то девиантным должно быть поведение. Какие основания считать эту «порночуму» безвредной? Ровно никаких. Разве что признать, что никакие примеры не заразительны и любое воспитание и пропаганда абсолютно бесплодны. Хотя наши установки достаточно устойчивы, они тем не менее поддаются воздействию и изменению. Следовательно, общество вправе и даже обязано защищать своих членов, особенно детей и подростков, от потенциально вредных или опасных воздействий.

Известный американский психолог Донн Бирн [119] описывает трехступенчатую модель такого изменения психосексуальных ориентаций и поведения личности под влиянием порнографии: 1) сначала благодаря ознакомлению и снижению эмоциональной чувствительности отрицательная установка превращается в нейтральную или слегка положительную; 2) затем этот ранее неприемлемый образ действий проигрывается в воображении и 3) образ претворяется в поступки, сначала экспериментальные, а потом и привычные.

Разумеется, такое развитие не фатально — и сами люди, и условия их жизни остаются разными. Однако

можно ли рисковать, если речь идет о садизме, изнасиловании или педерастии? В атмосфере относительной сексуальной сдержанности люди сами контролируют и подавляют свои морально или социально неприемлемые импульсы. Если «все дозволено», они уже не будут этого делать. Большинство людей, вероятно, от этого не изменится, но как быть с теми, у кого есть подобные импульсы? Прирост садизма даже на 5% был бы для общества катастрофой.

Исследования последних лет показывают, что так оно и есть [239, 240]. Группе американских студентов, предварительно классифицированных по их отношению к сексуальному насилию, зачитывали описание разных сексуальных сцен, включая изнасилова́ние. Сексуальные реакции испытуемых фиксировались, а затем они должны были изложить свои собственные эротические фантазии. Оказалось, что уровень полового возбуждения испытуемых (кстати, довольно высокий) мало зависит от их эротических предпочтений и от содержания предлагаемого стимула. Однако эротические фантазии тех испытуемых, которым была предъявлена сцена изнасилования, содержали гораздо больше «насильственных» мотивов, чем у тех, кому был показан половой акт по обоюдному согласию. Особенно сильная агрессивная реакция была у тех мужчин, которые и раньше положительно воспринимали этот тип сексуальности. Следовательно, такие материалы могут способствовать росту антисоциальных установок и поведения, так что даже лабораторные эксперименты такого рода едва ли допустимы, а социальные запреты на распространение порнографии так же правомерны, как запрещение пропаганды войны или расовой ненависти.

Во всех социалистических странах распространение порнографии запрещено законом, а половое просвещение, в необходимости которого никто уже не сомневается, строится на основе общих принципов коммунистической морали как один из аспектов подготовки молодежи к семейной жизни.

Подведем итоги. Главный методологический недостаток психологических исследований сексуальной мотивации состоит в том, что они оторваны от общепсихологических теорий. Сексуальное поведение — сложное образование, его нельзя свести ни к физиологическим потребностям, ни к эмоциональным реакциям, ни к ситуативным воздействиям. «Сексуальный сценарий» надо рассматривать не только в единстве его собственных компонентов, но и в системе общих регуляторных механизмов личности.

ПСИХОСЕКСУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Поскольку сексуальное поведение и мотивация тесно связаны с возрастом и физическим и социальным развитием индивида, авторы большей части научной и едва ли не всей популярной литературы по сексологии придерживаются возрастного принципа: «Детская и юношеская сексуальность», «Сексуальность до 30», «От мальчика к мужчине», «Сексуальность в зрелом и пожилом возрасте» и т. д. Несмотря на обилие эмпирических данных, мы знаем о развитии сексуальности не так уж много. Даже периодизация этого процесса проблематична.

Первая трудность — многомерность происходящих изменений. Психосексуальное развитие — один из аспектов онтогенеза, тесно связанный с общим биологическим развитием организма, особенно с половым созреванием и дальнейшим изменением половой функции. В этой связи внимание исследователей привлекают такие естественные рубежи, как стадии пубертата, возраст и особенности менархе у девочек и первой эякуляции у мальчиков, возрастная динамика гормональных процессов и сексуальной активности взрослых, факторы, связанные с деторождением, менопауза, ослабление половой функции с возрастом и т. д. Понять эти явления можно только в системе жизненного цикла организма. Вместе с тем психосексуальное развитие — результат половой социализации, в ходе которой индивид усваивает определенную половую роль и правила сексуального поведения. Решающее значение здесь имеют социальные факторы: структура деятельности индивида, его взаимоотношения со значимыми другими, нормы половой морали, возраст и типичные формы раннего сексуального экспериментирования, нормативное определение супружеских ролей и т. д. Психосексуальное развитие индивида, его сексуальное поведение и мотивация зависят от обоих этих факторов, но периодизация, основанная на стадиях развития организма, не может совпадать с периодизацией жизненного пути личности.

Вторая трудность — широкая вариативность, множественность типов психосексуального развития. Мужская модель развития существенно отличается от женской; сроки и последовательность фаз, характерные для одного поколения, могут оказаться непригодными для другого поколения и т. д.

Третья трудность — крайняя неравномерность распределения научных данных о психосексуальных особен-

ностях разных этапов жизненного пути. Больше всего информации (биологической, социальной и психологической) имеется о подростковой и юношеской сексуальности. О детстве вследствие особой деликатности этого сюжета и методических трудностей его изучения известно гораздо меньше. Более или менее систематическое изучение сексуальности пожилых и старых людей началось лишь в конце 60-х годов, когда стала быстро развиваться социальная геронтология. Еще хуже, как это ни парадоксально, обстоит дело с изучением цикла взрослости: хотя эмпирических данных о сексуальном поведении взрослых довольно много, они почти всегда рассматриваются статически, без учета целостного развития личности. Не имея целостной концепции развития личности, трудно оценить и значение отдельных его этапов. З. Фрейд и его последователи считали, что почти все психосексуальные проблемы и трудности взрослого человека детерминированы «травматическими переживаниями» его раннего детства. Как выразился английский писатель Хью Уолпол (1884—1941), трагедия детства заключается в том, что его катастрофы вечны. Представители других течений психологии считают такой фатализм преувеличенным. Для того чтобы научно вести спор, нужны не эпизодические, отрывочные данные, а специальные лонгитюдные исследования, охватывающие весь жизненный путь человека, от рождения до смерти. Пока таких исследований нет, наши представления о закономерностях психосексуального развития приходится считать гипотетическими. Впрочем, это касается и прочих разделов психологии развития [44, 46].

Как ни фрагментарны научные данные, не подлежит сомнению, что психосексуальное развитие человека, если оставить пренатальный период, о котором говорилось выше, начинается с формирования половой идентичности младенца, причем решающую роль в этом процессе играют взрослые. Определив паспортный пол младенца, родители и другие взрослые начинают обучать ребенка его половой роли, внушая ему, что значит быть мальчиком или девочкой. Хотя разница в характере социализации мальчиков и девочек не всегда осознанна, она весьма существенна. В какой мере эти различия обусловлены целями воспитания, а в какой естественными различиями в поведении мальчиков и девочек (например, тем, что мальчики всегда более активны и агрессивны) — вопрос открытый, но эти различия существуют всюду и так или иначе преломляются в сознании ребенка.

Первичная половая идентичность, т. е. сознание своей половой принадлежности, формируется у ребенка уже к $1^1/_2$ годам, составляя наиболее устойчивый, стержневой, элемент его самосознания. С возрастом объем и содержание этой идентичности меняются, включая широкий набор маскулинных и фемининных свойств.

Двухлетний ребенок знает свой пол, но еще не умеет обосновать эту атрибуцию. В 3—4 года ребенок уже осознанно различает пол окружающих людей (интуитивно уже грудные дети по-разному реагируют на мужчин и женщин), но часто ассоциирует его с чисто внешними признаками (например, с одеждой) и допускает принципиальную обратимость, возможность изменения пола (в действительности изменение паспортного пола ребенка в этом возрасте психологически уже весьма сложно). Так, 4-летний мальчик говорит матери: «Вот когда я выросту большой, я стану папой. Понятно. Ну, а когда же я буду женщиной?». В 6—7 лет ребенок окончательно осознает необратимость половой принадлежности, причем это совпадает с бурным усилением половой дифференцировки поведения и установок; мальчики и девочки по собственной инициативе выбирают разные игры и партнеров в них, проявляют разные интересы, стиль поведения и т. д.; такая стихийная половая сегрегация (однополые компании) способствует кристаллизации и осознанию половых различий.

По каким признакам дети определяют свою и чужую половую принадлежность, до конца не ясно. Уже в 3—4 года половая принадлежность ассоциируется с определенными соматическими (образ тела, включая гениталии) и поведенческими свойствами, но приписываемое им значение и соотношение таких признаков могут быть различными. Важно подчеркнуть, что осознание ребенком своей половой роли/идентичности предполагает и определенное отношение к ней. Во-первых, это полоролевая ориентация, представление индивида о том, насколько его качества соответствуют ожиданиям и требованиям мужской или женской роли. Во-вторых, это полоролевые предпочтения, то, какую половую роль/идентичность индивид предпочитает; это выясняется вопросами типа: «Кем бы ты предпочел быть — мальчиком или девочкой?» и экспериментами, в которых ребенок вынужден выбирать между мужским и женским образцом или ролью. Особенно остро стоит эта проблема у детей с нарушениями биологического пола, например с эндокринной патологией. Несовпадение полоролевых предпочтений и

половой идентичности обычно так или иначе проявляется в поведении ребенка и становится предметом обсуждения и оценки со стороны взрослых и сверстников (оценка полоролевой адекватности).

Психологические механизмы половой социализации и формирования половой идентичности изучены слабо. Здесь существуют 3 альтернативные теории [42, 235, 259].

Теория идентификации, уходящая корнями в психоанализ, подчеркивает роль эмоций и подражания, полагая, что ребенок бессознательно имитирует поведение взрослых представителей своего пола, прежде всего родителей, место которых он хочет занять. Теория половой типизации, опирающаяся на теорию социального научения, придает решающее значение механизмам психического подкрепления: родители и другие люди поощряют мальчиков за маскулинное поведение и осуждают их, когда они ведут себя «женственно»; девочки получают положительное подкрепление за фемининное поведение и осуждаются за маскулинное. Как пишет Уолтер Мишел, «половая типизация — это процесс, посредством которого индивид усваивает полодиморфические образцы поведения; сначала он научается различать дифференцируемые по полу образцы поведения, затем распространять этот частный опыт на новые ситуации и, наконец, выполнять соответствующие правила» [259]. Теория самокатегоризации, опирающаяся на когнитивно-генетическую теорию, подчеркивает познавательную сторону этого процесса и особенно значение самосознания: ребенок сначала усваивает представление о половой идентичности, о том, что значит быть мужчиной или женщиной, затем определяет себя как мальчика или девочку и после этого старается сообразовать свое поведение с тем, что кажется ему соответствующим такому определению. В свете теории половой типизации ребенок мог бы сказать: «Я люблю получать поощрения; меня поощряют, когда я делаю «мальчиковые» вещи; поэтому я хочу быть мальчиком», а в свете теории самокатегоризации: «Я мальчик, поэтому я хочу делать «мальчиковые» вещи и такое поведение доставляет мне удовольствие» [223]. Каждая из этих теорий содержит какую-то долю истины, но ни одна не объясняет всех известных фактов.

Главное возражение против теории идентификации — неопределенность ее основного понятия, которое обозначает и уподобление себя другому, и подражание, и отож-

действление с другими. Защитная идентификация мальчика с отцом из страха перед ним (фрейдовский эдипов комплекс) имеет мало общего с подражанием, основанным на любви. Подражание свойствам отца как личности нередко смешивают с усвоением его социальной роли (отец как властная фигура). Фактически образцом, идеалом для мальчика часто служит не отец, а какой-то другой мужчина (реальный человек, литературный или зрелищный персонаж). Кроме того, поведение детей не всегда основано на подражании поведению взрослых; например, однополые мальчишеские компании возникают явно не оттого, что мальчики видят, как их отцы избегают женского общества [1].

Теорию половой типизации упрекают в механистичности. Ребенок в ней скорее объект, чем субъект социализации. С этих позиций трудно объяснить появление многочисленных и не зависящих от воспитания индивидуальных вариаций и отклонений от половых стереотипов; кроме того, многие стереотипные маскулинные и фемининные реакции складываются стихийно, независимо от обучения и поощрения и даже вопреки им.

Теория самокатегоризации в известной мере синтезирует оба подхода, предполагая, что представления ребенка о нормативном для его пола поведении зависят как от его собственных наблюдений за фактическим поведением мужчин и женщин, служащих ему образцами, так и от одобрения или неодобрения, которое такие его поступки вызывают у окружающих. Однако уязвимое звено этой теории в том, что полоролевая дифференцировка поведения начинается у детей гораздо раньше, чем у них складывается устойчивое сознание своей половой идентичности.

Возможно, эти теории нужно считать не столько альтернативными, сколько взаимодополнительными. Они описывают процесс половой социализации с разных точек зрения: теория половой типизации — с точки зрения воспитателей, теория самокатегоризации — с точки зрения ребенка. Кроме того, в центре внимания когнитивно-генетической теории стоят процессы категоризации, теория половой типизации анализирует процессы обучения и тренировки, а теория идентификации — эмоциональные связи и отношения. Как предполагает Пол

[1] По наблюдениям А. И. Белкина над пациентами при смене пола, идентификации с одним образом сопутствует и даже предшествует дистинкция, отмежевание от другой полоролевой модели [16].

Массен [273], соотношение этих процессов может быть не совсем одинаково на разных этапах развития ребенка. В последние годы наметились и другие подходы к изучению психологии усвоения ребенком половых ролей. Например, предлагается рассматривать этот процесс как аналогичный усвоению языка или любой другой системы правил (половая роль не что иное, как некое правило) [130].

Помимо родителей, исключительно важным, универсальным агентом половой социализации является общество сверстников как своего, так и противоположного пола. Оценивая телосложение и поведение ребенка в свете своих, гораздо более жестких, чем у взрослых, критериев маскулинности/фемининности, сверстники тем самым подтверждают, укрепляют или, наоборот, ставят под вопрос его половую идентичность и полоролевые ориентации. Особенно велика роль сверстников для мальчиков, у которых полоролевые нормативы и представления (каким должен быть настоящий мужчина) обычно более жестки и завышены, чем у девочек. Объясняется ли это тем, что маскулинные черты традиционно ценятся выше фемининных, или общебиологической закономерностью, по которой на всех уровнях половой дифференцировки формирование мужского начала требует больших усилий, чем женского, и природа делает здесь больше ошибок [261] — вопрос открытый. Сверстники также являются главным посредником в приобщении ребенка к принятой в обществе, но скрываемой от детей системе сексуального символизма. Нарушение полоролевого поведения ребенка сильно сказывается на отношении к нему сверстников: фемининные мальчики отвергаются мальчиками, зато их охотно принимают девочки, а маскулинных девочек легче принимают мальчики, нежели девочки. Однако есть одно важное различие: хотя девочки предпочитают дружить с фемининными сверстницами, их отношение к маскулинным девочкам остается положительным; напротив, мальчишеские оценки фемининных мальчиков резко отрицательны [Зуккер К., 1984]. Отсутствие общения со сверстниками, особенно в предподростковом и подростковом возрасте, может существенно затормозить психосексуальное развитие ребенка, оставив его неподготовленным к сложным переживаниям пубертата.

До сих пор мы говорили об усвоении половой роли и выработке ребенком половой идентичности. Формирование сексуальной роли/идентичности и соответствующих

психосексуальных ориентаций и предпочтений — автономная сторона этого процесса. К сожалению, мы и сегодня очень мало знаем о детской сексуальности и даже самый термин этот остается неясным. В этой области имеются две типичные ошибки. Первая — объяснение любого детского поведения, так или иначе связанного с гениталиями, по аналогии с поведением взрослых и теми же терминами. Если ребенок показывает собственные гениталии, это называют эксгибиционизмом; игры, связанные с ощупыванием гениталий ребенка того же пола, именуют гомосексуальными и т. д. Хотя специалисты понимают условность таких наименований, у широкой публики они вызывают совершенно неуместные в данной связи страхи и мысли о сексуальной патологии, поэтому таких терминов лучше избегать.

Вторую ошибку совершают люди, отрицающие всякую возможность эротических переживаний до начала полового созревания. Хотя никто не считает эрекции у новорожденных мальчиков показателями полового возбуждения, уже очень маленькие дети обоего пола могут испытывать оргазмоподобные переживания; по наблюдениям Кинзи [221], на это способны более половины 3—4-летних мальчиков и почти все мальчики, не достигшие пубертата (для девочек данных нет) [1]. Раздражение и стимуляция гениталий вызывают у детей приятные ощущения и повышенный интерес к этим частям тела, поэтому педиатры рекомендуют родителям избегать таких прикосновений, выбирать для ребенка свободную одежду и т. п. Наиболее распространенные проявления «сексуальных интересов» у дошкольников — вопросы на эту тему и рассматривание чужих или показ собственных гениталий [38, 39]. Широко распространены среди дошкольников так называемые социосексуальные игры (в «папу-маму», в «доктора»), в которых дети иногда демонстрируют друг другу свои гениталии, ощупывают друг друга или даже имитируют половой акт. Игры, включающие показ или ощупывание гениталий, со сверстниками противоположного пола в своем детском (допубертатном) опыте ретроспективно признали половина мужчин и около трети женщин из «очищенной» выборки Кинзи, со сверстниками собственного пола — 54,4% мужчин и 34,8% женщин [183]. При непосредственном

---

[1] Выводы основаны на данных непосредственного наблюдения за поведением 317 мальчиков разного возраста, но эти данные нерепрезентативны, их нельзя принимать за статистическую норму.

опросе допубертатных мальчиков (212 человек) цифры повышаются до 70% в первом и до 60% во втором варианте [221]. Коитальные попытки и орально- или анально-генитальные контакты встречаются у детей значительно реже; тем не менее коитальные попытки в детском возрасте признали от 13 до 21% опрошенных Кинзи белых мужчин и около 5% женщин [183].

Разумеется, распространенность детских генитальных игр и их техника могут быть существенно разными в разных социальных, культурных и этнических средах; у Кинзи эти показатели значимо коррелируют с образовательным уровнем респондентов. Сами термины «коитальная игра», «гомосексуальная игра» условны и неточны, так как они описывают поведение, не раскрывая его сути. Мотивы участия в таких играх могут быть самыми разными. Очень часто в них нет ничего эротического, это просто «исследовательская деятельность» или обычная ролевая игра, в ходе которой ребенок осваивается с определенными социальными ролями и ситуациями.

Тем не менее широкая распространенность таких игр даже в условиях жесткого контроля свидетельствует об их психологической закономерности, особенно если вспомнить приведенные выше этнографические данные и сведения о «половой социализации» у приматов. Ужас взрослых при столкновении с подобными случаями преувеличен и может травмировать ребенка. Кроме того, из этих данных вытекает ошибочность мнения З. Фрейда о существовании «латентной фазы» психосексуального развития, когда ребенок якобы вообще не интересуется проблемами пола. Просто 7—10-летний ребенок уже знает основные правила приличия и его поведение качественно отличается от поведения 3—5-летнего. Интерес к половой жизни, как и некоторые формы сексуального экспериментирования, не исчезает, а только видоизменяется. Отсюда следует невозможность априорной, годной на все случаи жизни, интерпретации поступков и вопросов ребенка. Большей частью, как справедливо писал А. С. Макаренко, так называемое детское половое любопытство — обычная исследовательская деятельность или ролевая игра, в которой ребенок «примеряет» и проигрывает незнакомые ему ситуации. Если маленький ребенок настойчиво вторгается в запретную область или нарушает принятые в ней правила (например, показывает гениталии или говорит «неприличные» слова), то в большинстве случаев это не сексуальный, а социальный эксперимент — нарушение правила как способ его про-

верки и познания; здесь действует та же логика, что и в детских игровых «перевертышах», исследованных К. И. Чуковским. Однако в такой игре могут быть и эротические моменты. Особенно усиливаются они в период полового созревания.

Гормональные сдвиги действительно вызывают изменения в строении тела и новые сексуальные переживания, а неравномерность физического и психосоциального развития побуждает подростка заново осмысливать и оценивать свою половую и сексуальную идентичность во всех ее соматических, психических и поведенческих проявлениях. Пубертат качественно меняет структуру полового самосознания, потому что теперь впервые обнаруживается и закрепляется уже не только половая, но и сексуальная идентичность субъекта, включая его сексуальные ориентации.

Распространенные в переходном возрасте тревоги по поводу своего телесного облика, нередко принимающие форму синдрома дисморфофобии, часто связаны именно с половыми признаками или несоответствием своего тела стереотипному и завышенному образу маскулинности/фемининности. Таковы беспокойства по поводу полноты, недостаточного роста, гинекомастии у мальчиков, гирсутизма у девочек, якобы короткого полового члена (помимо больших природных вариаций в длине полового члена, сказывается оптическая иллюзия: собственный половой член мальчик видит сверху, а чужой — сбоку, поэтому он может казаться длиннее) и т. п. Хотя течение пубертата зависит от половой конституции индивида и даже служит ее индикатором, гормональные процессы, эротические переживания и поведение (мастурбация, сексуальное экспериментирование) и эмоциональные привязанности и влюбленности развиваются в значительной мере автономно, гетерохронно. Их соотношение у разных людей различно, а содержание сексуальных интересов и эротических фантазий подростка в значительной мере определяется его детскими переживаниями, а также культурными нормативами.

Поскольку о подростковой и юношеской сексуальности существует огромная литература [38, 39, 44, 72, 125 и др.), я остановлюсь только на некоторых, наиболее важных, вопросах.

Прежде всего это проблема так называемой подростковой гиперсексуальности, т. е. повышенной половой возбудимости, проявляющейся у мальчиков в частных и длительных эрекциях, необузданных эротических фан-

тазиях, мастурбации и т. д. Физиологической основой этого считается резкое усиление секреции андрогенов, уровень которых у 18-летнего юноши в 8 раз выше, чем у 10-летнего мальчика. По наблюдениям Каракана и др. [217], у детей и взрослых мужчин, вплоть до глубокой старости, эрекции возникают 3—4 раза за ночь и длятся в общей сложности от 2 до 3 ч. В пубертатном периоде число таких эпизодов колеблется от 3 до 11 (в среднем 7), а общая продолжительность эрекции составляет в среднем $3^1/_2$ ч. Частые непроизвольные эрекции происходят и днем. Мальчикам кажется, что все это замечают, и они нередко смущаются. Повышенная половая возбудимость способствует появлению эротических интересов, мастурбации и т. д. По данным Кинзи и некоторых других авторов, рано созревающие мальчики раньше других начинают половую жизнь. Сходные тенденции существуют и у девочек. Однако переоценивать роль гормональных факторов не следует.

В медицинской литературе пубертат часто рассматривают чисто биологически и вдобавок нормативистски: в таком-то возрасте происходит то-то. На самом деле это не только фаза биологического созревания, но и определенный социальный переход (недаром больше половины архаических обществ, обследованных супругами Пэйдж, оформляют менархе особыми ритуалами), причем и биологические, и социальные процессы, охватываемые понятием пубертата, крайне неравномерны, гетерохронны, имеют подвижные границы и многочисленные индивидуальные вариации [188]. Выше уже говорилось об изменении возраста менархе. Однако начало менструаций, как и их продолжение, зависит от ряда конкретных условий, например изменения массы тела. У девочек-гимнасток и балерин, поддерживающих стабильную массу тела, менархе наступает на год и даже на несколько лет позже, чем у остальных. Больше того, пубертатный статус может как бы регрессировать. Девочки-подростки и юные девушки, страдающие нервно-психической анорексией, потеряв более 15% массы тела, перестают менструировать, а их гормональная секреция по ряду компонентов возвращается к препубертатному типу. В том же направлении независимо от похудания может действовать психический стресс. Например, у многих английских школьниц в период экзаменов менструальные циклы становились нерегулярными [115].

Еще более изменчивы социальные аспекты пубертата: когортная (поколенная) динамика темпов полового созре-

вания, их совпадение по времени с теми или иными социальными переходами и жизненными событиями.

Наконец, субъективная, психологическая сторона дела — как сам подросток воспринимает, переживает и оценивает пубертатные изменения и события (менархе, ночные поллюции, изменение телесного облика), подготовлен ли он к ним, вызывают они испуг или радость и т. д. Это зависит как от социальных условий развития, включая половое просвещение, так и от индивидуальных особенностей подростка. К сожалению, эти факторы очень плохо изучены, особенно у мальчиков. Между тем развитие самосознания — центральный психологический процесс переходного возраста, без учета которого объективные данные о физическом развитии и сексуальном поведении подростков практически лишены психологического смысла и часто интерпретируются произвольно.

Немецкие (ФРГ) исследователи Юрген Шлегель и др. [308], разделив обследованных ими 13-летних школьников на до- и постпубертатных (постменархеальные девочки и постойгархеальные мальчики), сопоставили уровни социосексуальной активности обеих групп (влюбленность, поцелуи, объятия, петтинг, половое сношение). Оказалось, что постпубертатные мальчики по всем показателям опережают допубертатных, т. е. половое созревание стимулирует их сексуальную активность. У девочек такой зависимости не обнаружилось, если не считать того, что постменархеальные девочки чаще влюбляются. Видимо, дело не только в физиологии, но и в системе половых ролей.

Однако эмпирические данные на сей счет противоречивы. По данным З. В. Рожановской (опрос 600 взрослых женщин в Ленинграде), более раннее половое созревание у девушек сопровождается и более ранним пробуждением полового влечения, чему сопутствует более раннее начало половой жизни. При пробуждении либидо до 15 лет З. В. Рожановская отметила раннее начало половой жизни в 16% случаев, а при более позднем его пробуждении — лишь в 3% случаев [67].

Однако данные ретроспективного опроса психологически не особенно надежны. Лонгитюдных исследований, прослеживающих зависимость сексуальной активности от полового созревания, пока нет. В любом случае сексуальное поведение подростка не является простым выражением его внутренних потребностей. Американские исследователи [144] на основе данных репрезентативного обследования 12—17-летних подростков (7514 человек)

путем детального врачебного осмотра и интервьюирования нашли, что возраст, когда подростки начинают ухаживать (назначать свидания), значимо коррелирует с их индивидуальным половым созреванием, но его зависимость от хронологического возраста значительно больше. Иными словами, подростки начинают ухаживать не столько в зависимости от собственной половой зрелости, сколько в соответствии с культурными нормами их возрастной группы, школьного класса и т. д. У детей с преждевременным половым созреванием физиологическая зрелость в большинстве случаев не сопровождается ранней половой активностью, их сексуальные интересы больше соответствуют их психическому, нежели гормональному, возрасту [267].

Сексуальное поведение подростков связано с очень широким кругом социальных и психологических факторов. Простая поведенческая статистика — когда, с кем и как начинается половая жизнь — этого не улавливает. В недавней работе Майкла Ньюкома с соавт. [274а], обследовавших 376 12—18-летних американских подростков 1962, 1965 и 1968 гг. рождения, сопоставлены 8 автономных параметров биологического, внутриличностного, межличностного и социокультурного аспектов развития: 1) вовлеченность в свидания и сексуальную активность; 2) принятие себя, самоуважение; 3) феминисткие полоролевые установки; 4) девиантная среда общения; 5) значение свиданий и сексуальной жизни, какие субъективные потребности они удовлетворяют; 6) коммуникативные трудности разнополого общения, недостаток сексуальной компетентности; 7) напряженные жизненные события и ситуации; 8) сексуально-активная среда общения. Оказалось, что сексуальное поведение подростка (фактор 1) непосредственно зависит только от того, насколько важное и какое именно субъективное значение ей придается (фактор 5). Высокое самоуважение и напряженные жизненные события повышают, а недостаток опыта разнополого общения снижает значение этой стороны жизни. Коммуникативная некомпетентность в свою очередь связана с пониженным самоуважением, которое отчасти зависит от напряженных жизненных ситуаций. Высокая сексуальная активность подростка позволяет предсказать его вовлеченность в девиантную социальную среду и в сексуально-активное окружение, причем обе эти среды взаимосвязаны.

Это исследование ставит серьезные вопросы. Некоторые социологи полагают, что рост сексуальной активности

подростков — следствие прежде всего либерализации половой морали и специфической юношеской субкультуры. Майкл Ньюком и соавт., напротив, нашли, что принадлежность подростка к девиантной и сексуально-активной среде не позволяет предсказать его сексуальное поведение, тогда как последнее позволяет предсказать его групповую и субкультурную принадлежность. Иными словами, подростки выбирают такую среду общения, которая соответствует избранному ими стилю поведения и подкрепляет его. Напряженные жизненные ситуации стимулируют поиск девиантной и сексуально-активной среды прежде всего путем практического вовлечения в такие отношения, что в свою очередь отражает влияние нормативных ориентаций более общей социальной среды.

Эти представления соответствуют общей логике современной психологии развития, которая требует учитывать взаимодействие макросоциальных, средовых, индивидуально-типологических и прочих факторов [44, 46].

Психологические факторы имеют решающее значение и при оценке такого типичного явления подростковой и юношеской сексуальности, как мастурбация. Как справедливо замечает Г. С. Васильченко [62], старый спор о вреде или пользе мастурбации в значительной мере объясняется неверной постановкой вопроса. Существует не один, а несколько типов мастурбации, имеющих между собой весьма мало общего: детская генитальная игра, не связанная с семяизвержением и оргазмом; мастурбация периода юношеской гиперсексуальности; мастурбация как временная замена нормальной половой жизни у взрослых; вынужденная, навязчивая мастурбация, вытесняющая прочие формы половой жизни, и т. д.

Подростковая и юношеская мастурбация статистически самая массовая; по данным разных исследователей, ей отдают дань 70—90% мужчин и 30—60% женщин. По данным Кинзи [222], ею занимались 93% мужчин и 62% женщин, причем «пик» приходится у мужчин на подростковый и юношеский возраст. По данным П. Хертофта, между 12-м и 18-м годом в Дании мастурбируют 93% мальчиков. По данным Ф. Зигуша, Г. Шмидта [323], к 17 годам мастурбировали 94% юношей и 53% девушек ФРГ; «пик» приходится на 13—15 лет, после чего мастурбаторная активность снижается, уступая место другим формам полового удовлетворения. По данным Штарке и Фридриха [330], средний возраст начала мастурбации у мальчиков — 14,4, у девочек — 15,6 года; интенсивнее всего мастурбируют 14—15-летние мальчики.

Возраст начала и прекращения активной мастурбации тесно связан с возрастом начала половой жизни. И то, и другое сегодня происходит раньше. По данным опроса студентов ФРГ, в 1966 г. в 12 лет опыт мастурбации имели 32% мальчиков и 18% девочек; в 1981 г.— соответственно 42 и 31%. К 20 годам такой опыт имеют 92% мужчин (в 1966 г. 87%) и 73% женщин (в 1966 г. 46%) [127]. Связь между мастурбацией и началом половой жизни (половой акт или петтинг с оргазмом) хорошо видна в данных табл. 6.

Таблица 6.

Возраст первой мастурбации в связи с возрастом первого гетеросексуального опыта (половой акт или петтинг с оргазмом) у студентов ФРГ в 1966 и 1981 гг. (в процентах) [127]

	Мужчины		Женщины	
	1966 2835 человек	1981 г., 1106 человек	1966 г., 831 человек	1981 г., 816 человек
Ни мастурбации, ни гетеросексуального опыта	2	1	18	2
Мастурбация без гетеросексуального опыта	21	9	12	3
Первая мастурбация предшествует гетеросексуальному опыту	67	81	32	63
Первая мастурбация позже первого гетеросексуального опыта	2	1	5	9
Гетеросексуальный опыт без мастурбации	5	4	28	16
Первая мастурбация и первый гетеросексуальный опыт приблизительно в том же возрасте	3	3	4	6

Подростковая мастурбация служит средством разрядки полового напряжения, вызываемого физиологическими причинами (переполнение семенных пузырьков, механическое раздражение гениталий и т. д.). В то же время она стимулируется психическими факторами: примером сверстников, желанием проверить свою половую потенцию, получить физическое удовольствие и т. д. У многих мальчиков мастурбация вызывает первую эякуляцию, причем чем раньше созревает подросток, тем вероятнее, что он мастурбирует. Интенсивность и частота мастурбации индивидуально варьируют, но у мужчин они значительно выше, чем у женщин. Из числа занимавшихся мастурбацией 16—17-летних школьников ФРГ в течение послед-

него (перед опросом) года 1 раз в месяц и реже мастурбировали 13% мальчиков и 53% девочек, дважды — 14 и 11%, 3—5 раз — 24 и 16%; 6—10 раз — 31 и 8%; 11—15 раз — 12 и 7% [323].

Представление о том, что онанизм вызывает безумие (смягченный вариант — ухудшение памяти и умственных способностей), сложившееся в конце XVIII — начале XIX века, основывалось на наблюдениях в психиатрических больницах, где пациенты часто мастурбируют на глазах у персонала. Однако у психически больных отсутствуют моральные запреты, нет других способов полового удовлетворения, да и эмоциональная жизнь их очень бедна. Навязчивая интенсивная мастурбация является в этих случаях не причиной, а следствием психического и социального одиночества.

Не подтверждается и тезис о том, что юношеская мастурбация снижает половую потенцию взрослого. Гигиенические рекомендации избегать факторов, способствующих половому возбуждению подростков, вполне обоснованы, но преувеличивать эти опасности не следует. Как пишет А. М. Свядощ, «умеренная мастурбация в юношеском возрасте обычно носит характер саморегуляции половой функции. Она способствует снижению повышенной половой возбудимости и является безвредной» [68].

По данным Г. С. Васильченко [62], больше всего мастурбантов среди сексуально здоровых и, наоборот, больше всего никогда не мастурбировавших — среди мужчин с наиболее тяжелыми расстройствами потенции. По данным Кинзи [222] и А. М. Свядоща [68], у женщин, занимавшихся мастурбацией до начала половой жизни, аноргазмия встречается втрое реже, чем у никогда не мастурбировавших. Некоторые сексопатологи даже рекомендуют мастурбацию как одно из средств лечения женской фригидности и аноргазмии. Разумеется, тут нет причинной связи. Страх перед мастурбацией часто связан с общим негативным отношением к сексуальности и подавленностью эмоциональных реакций, что отрицательно сказывается на половой жизни индивида. Здесь также существуют проблемы психологического порядка.

Оргазм, достигаемый при мастурбации, неполноценен в том смысле, что половое удовлетворение замыкается на самого субъекта; тут нет коммуникативного начала — важного компонента взрослой сексуальности. Механическая мастурбация закрепляет в сознании подростка представление о «сексе» как о чем-то грязном и низмен-

ном, а доступность этого способа удовлетворения может тормозить вступление в более сложные и проблематичные гетеросексуальные отношения. Мастурбация обычно сопровождается яркими эротическими образами и фантазиями, в которых подросток может выбирать себе любых партнеров и любые ситуации; только 11% мальчиков и 7% девочек из числа мастурбирующих 13—19-летних американцев сказали, что никогда не фантазируют во время мастурбации [325]. Условнорефлекторное закрепление мастурбаторных фантазий может создать у подростка нереалистичный эталон, по сравнению с которым его реальный сексуальный опыт, на первых порах почти всегда сопряженный с известными трудностями, может показаться разочаровывающим [1].

Наконец, древние табу и представления о порочности и опасности мастурбации глубоко сидят в сознании подростка, поэтому мастурбация оставляет у многих подростков чувство вины и страха перед последствиями. Пытаясь бороться с «дурной привычкой» (самое мягкое выражение, употребляемое взрослыми), подросток обычно, как миллионы людей до него (но он-то этого не знает), терпит поражение. Это вызывает у него сомнение в ценности собственной личности, особенно волевых качеств, снижает самоуважение, побуждает воспринимать трудности и неудачи в учебе и общении как следствия своего «порока». Это не только доставляет неприятные переживания, но иногда способствует развитию невротических реакций. Многие мужчины склонны считать подростковую мастурбацию причиной своих взрослых сексуальных трудностей, а у женщин она часто связана с пониженным самоуважением. Фактически же при нормальном развитии, после начала стабильной половой жизни мастурбация либо прекращается, либо резко снижается, оставаясь одним из возможных дополнительных способов сексуального удовлетворения.

Применительно к подросткам и юношам тревожить должны не сам факт мастурбации (так как это массовое явление) и даже не ее интенсивность (так как индивидуальная «норма» связана с половой конституцией), а превращение мастурбации в навязчивость, вредно влияющую на самочувствие и поведение старшеклассника. Однако и в этих случаях мастурбация большей частью служит не столько причиной плохой социальной адапта-

[1] Для женщин может представлять опасность также «нефизиологичный« способ мастурбации (со сдвинутыми ногами).

ции, сколько ее симптомом и следствием. Этот вопрос имеет принципиальное значение для педагогики. Раньше, когда мастурбация считалась причиной необщительности, замкнутости подростка, все силы направляли на то, чтобы отучить его от этой привычки. Результаты были, как правило, ничтожны и даже отрицательны. Сейчас поступают иначе. Вместо того чтобы втолковывать подростку, как плохо быть онанистом (что только увеличивает его тревогу), пытаются тактично улучшить его коммуникативные качества, помочь занять приемлемое положение в обществе сверстников, увлечь интересной коллективной игрой. Как показывает опыт, эта «позитивная» педагогика гораздо эффективнее.

Обсуждая проблемы подростковой и юношеской сексуальности, нужно всегда помнить два обстоятельства: экспериментальный характер их сексуального поведения и то, что эротические потребности и интересы подростков часто опережают развитие их эмоционально-коммуникативных свойств и навыков, от которых в конечном счете зависит возможность сочетания физической близости с психологической интимностью и взаимопониманием. Оба эти обстоятельства неспецифичны для сексуальности. Как известно, даже «нормы» психического здоровья у подростков несколько иные, чем у взрослых. Подростковое сексуальное экспериментирование, если рассматривать его вне психологического контекста, также нередко выглядит патологическим. Например, 22,4% белых мужчин из «очищенной» выборки Кинзи признали в своем прошлом опыте какие-то сексуальные контакты с животными (женщин — только 5%). Чаще всего это мастурбация животных, но бывают и коитальные попытки; пик такой активности приходится на 12—15 лет [183] [1]. Однако это не устойчивая зоофилия, а лишь временный способ сексуального удовлетворения из-за отсутствия других возможностей или просто из любопытства.

Значительно чаще, чем принято думать, происходят и сексуальные контакты между сибсами (т. е. между братьями и сестрами) [2]. При опросе студентов американских колледжей (около 800 человек), имеющих братьев и сестер, такие контакты от сравнительно невинных гени-

---

[1] В некоторых случаях культура даже одобряет такие контакты, например в одном районе Колумбии индейским мальчикам-подросткам рекомендуется использовать для этой цели ослов [261].

[2] Эта тема широко представлена как в мифологии, так и в художественной литературе. Достаточно вспомнить «Избранника» Т. Манна; «Испорченных детей» Ж. Кокто или «Все люди враги» Р. Олдингтона.

тальных игр до полового акта признали 15% девушек и 10% юнюшей [160]. В 74% случаев это были гетеросексуальные, а в 26% — гомосексуальные контакты (16% между братьями и 10% между сестрами). 40% респондентов были в момент события младше 8 лет, но в 73% случаев по крайней мере один из партнеров был старше 8 лет, а в 35% случаев респондент был старше 12 лет. У трети опрошенных такой опыт был однократным и никогда не повторялся, у других подобные контакты повторялись; 27% опрошенных продолжали их в течение года. Влияние этого опыта на дальнейшее психосексуальное развитие, видимо, неоднозначно: одна треть опрошенных восприняла его положительно, вторая — отрицательно, треться — безразлично. Однако старшие братья и сестры, чаще всего подростки, нередко (четверть всех случаев) применяют к младшим насилие. Это усиливает возможную психическую травму, тем более что, как правило, дети никому об этом не рассказывают. По другим американским данным [Мартинсон Ф., 1984], сексуальные игры и иные сексуальные контакты между братьями и сестрами были в 10% случаев; у мальчиков 57% этих контактов гетеро- и 43% — гомосексуальные, у девочек соответственно 73 и 27%.

Особенно сложную проблему подростковой сексуальности представляют гомоэротические чувства и контакты, о которых пойдет речь в последней главе этой книги. Однако стабилизация сексуальной ориентации — не единственная задача психосексуального развития в переходном возрасте. Не менее сложной задачей является формирование способности любить, предполагающей соединение чувственности и нежности. Еще З. Фрейд отмечал, что в сознании мальчика-подростка чувственно-эротическое влечение и потребность в психологической близости и тепле сначала разобщены, так что грубые, лишенные всякой духовности, эротические фантазии нередко сосуществуют с мечтой о нежной и возвышенной любви, в которой нет ничего сексуального.

Писатель В. Вересаев, вспоминая о своей гимназической влюбленности одновременно в трех сестер, писал: «Поражает меня в этой любви вот что. Любовь была чистая и целомудренная, с нежным, застенчивым запахом, какой утром бывает от луговых цветов в тихой лощинке, обросшей вокруг орешником. Ни одной сколько-нибудь чувственной мысли не шевелилось во мне, когда я думал о Конопацких. Эти три девушки были для меня светлыми, бесплотными образами редкой красоты, которыми можно

было только любоваться. А в гимназии, среди многих товарищей, шли циничные разговоры, грубо сводившие всякую любовь к половому акту». Хотя будущий писатель не говорил в таком тоне о своих чувствах, он тем не менее «внимательно вслушивался в анекдоты и похабные песни». «Я развращен был в душе, с вожделением смотрел на красивых женщин, которых встречал на улицах, с замиранием сердца думал,— какое бы это было невыразимое наслаждение обнимать их, жадно и бесстыдно ласкать. Но весь этот мутный поток несся мимо образов трех любимых девушек, и ни одна брызга не попадала на них из этого потока. И чем грязнее я себя чувствовал в душе, тем чище и возвышеннее было мое чувство к ним» [1].

Такая раздвоенность чувств, обусловленная, с одной стороны, противоречивостью культурных норм («чистая любовь» в противоположность «грязному сексу»), а с другой — трудностями психосексуального развития, характерна и для современных подростков и юношей. Отличной иллюстрацией может служить рассказ Юрия Власова «Белый омут». Его герой, курсант военного училища, мечтает о большой, всеобъемлющей любви и в то же время страдает от своей чувственности и влюбчивости: «Я человек без воли. У меня нет твердости в характере. Женщины — это позорная слабость. Настоящий мужчина должен знать свое дело, служить ему. Женщины не способны отвлечь его. Это у слабых, дряблых людей все интересы в женщинах. И вообще, что значит женщина? Это развратно, гадко говорить сразу о многих женщинах. Должно быть имя, которое я стану боготворить. Я встречу одну, полюблю одну и никогда не увижу никого, кроме нее. А я? Я?.. Мысль о том, что я смею думать о поцелуях, огорчает. Почему я так испорчен? Почему прикосновения к Наденьке были столь желанны? Почему брежу ими?..» [1]

Извечные темы школьних диспутов — как отличить любовь от увлечения, можно ли любить одновременно троих и т. п.— на самом деле вовсе не смешны. Они волнуют не только юношей, но и девушек. Передо мной дневник ленинградской школьницы (сейчас уже взрослой). Его центральная тема — безответная, тянущаяся с 6 класса любовь к однокласснику. В 8 классе рядом с этим

---

[1] Вересаев В. В. Воспоминания.— Собр. соч. в 5 томах. М., 1961, т. 5, с. 182—184.

[1] Власов Ю. Белый омут.— В кн.: Первая любовь. Повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1976, с. 297, 306.

чувством на короткий срок возникает совсем иное: «Витька — самый сильный мальчишка из нашего класса и самый лучший физкультурник. И вот у меня появилось теперь вдруг сильное желание обнять его, прислониться к нему... Такого чувства я к Сашке не испытывала. Мне хотелось быть с ним всегда рядом, но не это. Конечно, я много мечтала о ласках, но я всегда мечтала об этом, когда была одна. Когда я была с ним рядом, я совершенно забывала об этом. С Витькой — наоборот. Это чувство возникает тогда, когда мы садимся близко друг к другу или когда я прикасаюсь к его руке. Дома я о нем никогда не думаю. Сегодня, кажется, в первый раз... Что делать? Ведь это просто гадость, когда чувствуешь такое к человеку, которого нисколько не любишь».

Педагогика традиционно заботилась о подавлении в подростках чувственности путем табуирования телесных переживаний, «грязных разговоров» и т. п. Однако обсуждение запретных тем со сверстниками не только помогает подростку получить информацию, в которой ему отказывают взрослые, но и осознать естественность своих переживаний и отчасти разрядить их напряженность, ослабить страх смехом. Как ни отвратительна подростковая похабщина, в известном смысле она выполняет те же функции, что и «смеховая сексуальность» взрослой культуры. Мальчики-подростки, которых неудержимо тянет говорить на эти темы, вовсе не обязательно вырастают эмоционально ущербными. Трудности психосексуального порядка, пожалуй, чаще встречаются у тех, кто стоит в стороне, чьи эротические переживания не находят вербализации и поэтому уходят вглубь и закрепляются.

Не в силах принять собственную формирующуюся сексуальность такие подростки бессознательно стараются отгородиться, спрятаться от «фактов жизни» с помощью психологических защитных механизмов. Один из них, детально описанный Анной Фрейд,— аскетизм, подчеркнуто презрительное и враждебное отношение ко всякой чувственности, которая кажется такому подростку низменной и грязной. Его идеалом становится не просто контроль над своими чувствами, а полное их подавление. Другая типичная подростковая защитная установка — интеллектуализм. Если «аскет» хочет избавиться от чувственности, так как она «грязна», то «интеллектуал» находит ее «неинтересной». Хотя требования моральной чистоты и самодисциплины сами по себе вполне положительны, их гипертрофия влечет за собой искусственную самоизоля-

цию от окружащих, высокомерие и нетерпимость, за которыми кроется страх перед жизнью.

Ни один морально ответственный взрослый не станет специально дразнить и разжигать подростковую сексуальность, но и слишком жестко табуировать ее естественные проявления не следует. Это может вызвать обратный эффект — тайную и в силу этого болезненную одержимость запретным «сексом» либо иррациональный страх, который отрицательно скажется на половой жизни взрослого. Очень многие психосексуальные нарушения коренятся именно в ошибках полового воспитания.

Однако здоровая сексуальность предполагает не только принятие собственной чувственности и телесного Я, но и выработку целой системы нравственно-коммуникативных качеств и навыков, которые можно приобрести только в практическом общении с другими людьми. А. С. Макаренко был глубоко прав, когда писал, что человеческая любовь «не может быть выращена просто из недр простого зоологического полового влечения. Силы "любовной" любви могут быть найдены только в опыте неполовой человеческой симпатии. Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей. И чем шире область этой неполовой любви, тем благороднее будет и любовь половая» [56].

По данным К. Штарке и В. Фридриха [330], сексуальная удовлетворенность и психическое благополучие взрослого человека во многом зависят от морально-психологической атмосферы, в которой протекало его детство. Доверительные отношения с родителями, особенно с матерью, общая эмоциональная раскованность и открытость семейных отношений, терпимое, светское отношение родителей к телу и наготе, отсутствие жестких вербальных запретов, готовность родителей откровенно обсуждать с детьми волнующие их деликатные проблемы — все эти факторы облегчают ребенку формирование здорового отношения к сексуальности. Однако они в свою очередь зависят от множества социокультурных условий: образовательного уровня родителей, моральных принципов, усвоенных ими в детстве, и их собственного сексуального опыта, а также от общих ценностных ориентаций культуры, на которые осознанно или неосознанно равняются индивидуальные семейно-бытовые отношения, вербальные запреты, телесный канон и т. п. Игнорировать эти исторические, прежде всего национальные, различия и пытаться насильственно ломать их — бессмысленно и опасно.

Помимо семейных условий, важным фактором психосексуального развития человека является опыт разностороннего, с раннего детства, общения между мальчиками и девочками. И эксперименты с животными, и многочисленные наблюдения за детьми показывают, что коммуникативные свойства личности, ее способность к эмоциональному сопереживанию и душевной открытости во многом зависят от дружеских отношений с лицами противоположного пола в детстве. Не нужно бояться детских и подростковых влюбленностей. Хотя они подчас представляют взрослым много хлопот, в долгосрочной перспективе отсутствие таких контактов гораздо опаснее.

Несмотря на всю демократизацию взаимоотношений между юношами и девушками, психологически они совсем не так элементарны, как подчас кажется взрослым. Современный ритуал ухаживания проще традиционного, зато он нигде не кодифицирован, что создает нормативную неопределенность. Характерно, что бóльшая часть вопросов, задаваемых подростками и юношами, касается не столько психофизиологии половой жизни, всей сложности которой они еще не осознают, сколько ее нормативной стороны: как надо себя вести в ситуации ухаживания, например во время свидания, когда можно (и нужно) целоваться и т. д.

Озабоченность ритуальной стороной дела иногда настолько сильна, что молодые люди остаются глухи к переживаниям друг друга, даже собственные чувства отступают перед вопросом, «правильно» ли они поступают с точки зрения норм своей половозрастной группы. Ухаживание — это игра по правилам, которые, с одной стороны, весьма жестки, а с другой — довольно неопределенны. Не заботиться об этих правилах может лишь тот, кто уже овладел ими или кто целиком поглощен любовью. Первое дается опытом, второе — глубиной и зрелостью чувства.

Это касается не только ритуала знакомств, свиданий, поцелуев, но и самой интимной близости. Хронологическое расстояние от знакомства и влюбленности до половой близости у современной молодежи значительно короче, чем раньше. Например, среди немецких (ГДР) юношей и девушек, опрошенных К. Штарке, одновременное начало любовных и сексуальных отношений с будущим супругом зафиксировано у 5%, с интервалом в 1 мес — у 13%, до четверти года — у 29%, до полугода — у 22%, до года — у 19%, более года — у 12% [329]. У 40% опрошенных К. Штарке молодых людей уже первая любовь завершилась интимной близостью (у 50% первая любовь оста-

лась целомудренной, а 10% начало половую жизнь еще до настоящей влюбленности) [329].

Однако независимо от мотивации и нравственной стороны дела сексуальная инициация, т. е. первая половая близость, часто напоминает экзамен. Хотя это событие предвосхищается в мечтах и ему, как правило, предшествует определенная подготовка (петтинг и т. п.), оно нередко сопряжено с психологическими трудностями. Неопытный юноша иногда боится неудачи (отсутствия эрекции или преждевременной эякуляции), девушка не уверена в своей сексуальной привлекательности, обоих могут шокировать непривычные телесные запахи, семенная жидкость и увлажнение влагалища иногда воспринимаются как «грязь» и т. п. Обилие незнакомых ощущений и сама ситуация «проверки», «испытания» заставляют молодых людей прислушиваться больше к своим собственным переживаниям, чем к чувствам партнера, что отнюдь не способствует самозабвению.

Согласно традиционным нормам, ведущая роль в сексуальной инициации принадлежит мужчине, который «учит» женщину сексу, заставляя женское тело «звучать». В прошлом веке, когда мужчины, во всяком случае из господствующих классов, приобретали первый сексуальный опыт в публичных домах или со старшими женщинами, а затем передавали его своим молодым и несведущим женам, большей частью так оно и было. Сегодня сексуальная инициация чаще происходит среди сверстников, которые одинаково неопытны. В дальнейшем юноши стараются преувеличивать, а девушки — скрывать свою искушенность. Однако опыт мастурбации или краткосрочный сексуальный контакт еще не делает мальчика мужчиной. Не зная особенностей женской психофизиологии, он ждет реакций, похожих на его собственные. В таком же положении находится и девушка, которая должна в придачу скрывать свои желания, чтобы не поставить партнера в обидное для его мужского достоинства положение «ученика». Отсюда следует бóльшая, чем в прошлом, необходимость систематической, в том числе сексологической, подготовки молодежи к браку.

Переживание первого полового акта, как и все прочие человеческие переживания, в высшей степени индивидуально, обобщать их весьма рискованно. Например, многие убеждены, что дефлорация всегда очень болезненна; у некоторых девушек ожидание боли вызывает панический страх. Между тем опрос 130 американских студенток [346] показал, что сильную боль при первом сношении

испытали 32,3%, умеренную — 40, никакой боли не ощутили 27,7%. У одних (39,2%) боль длилась несколько минут, у других (13,1%) — меньше часа, у третьих (10%) — несколько дней. При этом, вопреки распространенному мнению, эти болевые ощущения гораздо меньше зависят от возраста, сексуальной искушённости и нежности мужчины, нежели от собственных психологических установок и, возможно, анатомо-физиологических особенностей женщины. Для каких-либо практических выводов этих данных недостаточно; ожидание боли в одних случаях может усиливать, а в других — уменьшать боль, но сама проблема заслуживает серьезного внимания гинекологов.

Очень различны и субъективные оценки первого коитального опыта. По данным Штарке и Фридриха, 81% мужчин и 51% женщин оценили свой первый половой акт вполне положительно, 11% мужчин и 18% женщин нашли его не особенно удачным, а треть женщин — даже неприятным [330]. Это может объясняться как устойчивыми личностными, так и случайными ситуативными причинами — уровнем ожиданий, эмоциональным настроем, характером отношений и поведением партнера, морально-эстетической оценкой происходящего, внешней обстановкой и т. д.

Поскольку подростковая и юношеская сексуальность доставляет родителям и учителям много забот, раннее (по каким нормам — обычно не уточняется) начало половой жизни ассоциируется в обыденном сознании с различными отрицательными явлениями — плохой успеваемостью, преступностью, алкоголизмом, нервно-психическими расстройствами и т. д. Такая связь действительно существует. Например, по данным А. Венера и К. Стюарта, общий уровень сексуальной активности у американских подростков статистически значимо коррелирует с такими действиями, как кражи, угон автомашин, вандализм и насилие, а в меньшей степени — также с употреблением слабых наркотиков, курением, употреблением алкоголя и сильных наркотиков (девиантные действия называются в порядке тесноты их связи с сексуальной активностью) [343]. Связь между коитальным опытом подростков и их участием в делинквентных действиях обнаружили также П. Миллер и У. Саймон [258]. Ранняя половая жизнь и добрачное сожительство значимо коррелируют у американской молодежи с употреблением наркотиков, в частности марихуаны [365]. Однако универсальны ли такие зависимости и какова их причинно-следственная связь?

Высокая сексуальная активность сама по себе не является причиной антисоциального поведения. За указанными выше корреляциями прослеживаются прежде всего контуры определенной молодежной субкультуры, где ранняя или экстенсивная половая жизнь, курение, выпивка и наркотики служат своего рода знаками самостоятельности и взрослости и противопоставляются родительским влияниям. Недаром, по данным П. Миллер и У. Саймона, сексуальный опыт юношей (у девушек картина неопределенная) положительно коррелирует с вовлеченностью в групповую активность сверстников и с отчуждением от родителей.

Там, где юношеская сексуальность как таковая особо не табуируется, ее связь с девиантным поведением ослабевает и даже вовсе исчезает. Начало половой жизни везде означает рост автономии молодых людей от старших, особенно от родителей, иначе и не может быть, так как это — один из универсальных признаков взрослости. Однако начало половой жизни не обязательно имеет отрицательные социальные последствия. Например, в ГДР сексуальная активность юношей и девушек положительно коррелирует с трудовой и общественной активностью, спортивными достижениями, культурными и эстетическими интересами [330]. Вот как выглядит эта зависимость в сфере общения (табл. 7).

Таблица 7

Сравнение сексуальной активности и социальной контактности молодежи ГДР (в процентах) [330]

	Социальная контактность		
	очень активны	активны	малоактивны или пассивны
В сексуальной области:			
очень активны	47	46	7
активны	33	58	9
малоактивны	25	58	17
пассивны	19	57	24

Хотя прямой зависимости между разными сферами общественного и личного бытия нет, тем более нет и обратной их зависимости. Особенно поучительно приведенное немецкими учеными сравнение сроков начала половой жизни со школьной успеваемостью подростков. Здесь выявились следующие тенденции [330].

1. Юноши, начинающие половую жизнь между 17-м и 18-м годом, имеют в среднем лучшую успеваемость, чем те, кто делает это раньше или позже.

2. Девушки, начинающие половую жизнь до 16 лет, учатся хуже тех, кто делает это между 17-м и 19-м годом.

3. Студенты, окончившие школу на «отлично» и «очень хорошо», начинают половую жизнь в среднем в 17,6 года, окончившие на «хорошо» — в 17,3 года и на «удовлетворительно» — в 16,9 года. У студенток такой статистической связи не обнаружено.

4. Юноши и девушки, часто меняющие сексуальных партнеров, учатся в среднем несколько хуже тех, чьи сексуальные отношения стабильны.

Это значит, что социально неблагоприятным (с точки зрения учебной успеваемости) фактором для юношей является слишком раннее или слишком позднее (по сравнению со статистической нормой для данного поколения и субкультуры), для девушек — слишком раннее начало половой жизни и для обоих полов — экстенсивные и поверхностные сексуальные контакты. Что же касается более старших юношей и молодых взрослых, то для них половая жизнь, если она принимает социально и культурно приемлемые формы, имеет положительное значение; считать ее несовместимой с общественно-трудовой, культурной и прочей социальной активностью нет никаких оснований. О взаимосвязи сексуального поведения и типа личности речь пойдет позже. Однако уже у подростков эта связь неоднозначна.

Распространенная трудность подросткового и юношеского возраста, сильно влияющая на сексуальное поведение,— застенчивость, тесно связанная с интроверсией, а у мужчин нередко также и с невротизмом [282]. Знакомство и сближение с лицами противоположного пола даются застенчивым людям гораздо труднее. Сравнение 100 застенчивых и 100 незастенчивых студентов американских колледжей показало, что первые обладают значительно меньшим сексуальным опытом, причем чем больше сексуальная интимность, тем рельефнее разница между группами. Первый половой акт (его пережили 37% застенчивых и 62% незастенчивых) у застенчивых людей чаще вызывает отрицательные эмоции, чувство стыда или вины. Это имеет двойственные психологические последствия. С одной стороны, застенчивые чаще стремятся к более интимным, нежным, индивидуализированным любовным отношениям. С другой стороны, некоторые мужчины этого типа ищут выхода из психологических труд-

ностей в обезличенных, анонимных связях, которые не требуют от них подлинного самораскрытия, но и не дают психологического удовлетворения.

Либерализация половой морали ставит таких людей, особенно юношей, в трудное положение. Застенчивый интроверт (Вертер) никогда не считался маскулинным характером. Однако культура, ориентированная на романтический идеал любви, давала ему определенную компенсацию. Теперь положение изменилось. Юноша (отчасти это верно и для девушек), который по свойствам своего характера не может или не хочет воспользоваться либерализацией норм сексуального поведения, подчас чувствует себя белой вороной среди сверстников.

Это особенно заметно в молодежной субкультуре США, где девиантным состоянием стали считать не добрачные связи, а сохранение девственности. Как показало углубленное психологическое исследование группы американских студентов-старшекурсников [224], либерализация половой морали вовсе не избавляет молодых людей от трудностей. Многих юношей (32%) смущает потенциальное интеллектуальное соперничество с девушкой. По признанию одного из них, он никогда не ухаживает за однокурсницей, которая учится лучше, чем он сам. Страх вызывает и возможная бо́льшая сексуальная опытность женщины. («Заниматься любовью с кем-то более опытным, чем я, для меня — ужас... Я хочу жениться на девственнице не потому, что она чиста, а потому, что она имеет меньше опыта»).

Особенно сложно положение девственников (таковых оказалось 26% выборки). Почти все они чувствуют себя весьма неуютно, а их образ Я значительно менее благоприятен, чем у сексуально искушенных мужчин. Они гораздо более тревожны, склонны к самокритике, менее уверены в себе, считают себя слабыми и неудачливыми. Желание скрыть свою девственность вносит настороженность и в их отношения с друзьями собственного пола. Подростки и младшие юноши свободнее и полнее раскрываются перед друзьями своего пола, чем перед женщинами, которых они еще стесняются. У молодых мужчин (около 20 лет) главным «конфидентом» (доверенным лицом) уже становится женщина, чему благоприятствует и сексуальная близость. Поскольку у девственников этого канала коммуникации нет, у них самый низкий уровень самораскрытия.

Снова я должен призвать читателя к осторожности. Психологи, социологи и психиатры невольно следуют

стилю мышления и ценностным ориентациям своей эпохи. В начале XIX века много писали об опасностях и отрицательных последствиях раннего начала и экстенсивных форм половой жизни и мало кто обращал внимание на явно невротические черты так называемой романтической личности с ее экзальтацией, мистицизмом и неспособностью к простым человеческим отношениям, включая сексуальные. Во второй половине XX века, наоборот, подчеркиваются патогенные аспекты некоммуникабельности, сексуальной заторможенности и т. д. На самом деле плохи любые крайности. В то же время нельзя — это и жестоко, и бессмысленно — подгонять всех людей под один ранжир. «Величайшая возможная ошибка в этой области...— представление, что все остальные люди в точности такие же, как мы, а если нет, то они должны стать такими... Никакие сексуальные правила, законы или идеалы не охватывают в равной степени интроверта и экстраверта, невротика и устойчивого индивида; пища одного человека может быть ядом для другого. С понимания этого начинается психическое здоровье» [157]. Индивидуальные вариации и типы человеческой сексуальности тесно связаны с половыми различиями. Что же мы знаем об этом предмете?

МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Стать взрослым — значит стать мужчиной или женщиной, но что это, собственно, значит? Общая логика психологии половых различий как особого раздела дифференциальной психологии принципиально та же, что и в биологических, и общественных науках. Психологические половые различия (иногда их называют половым дипсихизмом) признаются существенными, но вместе с тем относительными, зависящими от конкретного содержания деятельности и социальных половых ролей [42, 235]. С изменением системы половых ролей многие традиционные психологические различия между полами, на которых основывались стереотипы маскулинности и фемининности, исчезают или резко уменьшаются, а сами эти образы становятся менее полярными и однозначными, чем раньше, тем не менее определенные существенные различия в характере деятельности, направленности интересов и протекании психических процессов у мужчин и женщин сохраняются.

Соответственно изменяется и содержание категорий маскулинности (М) и фемининности (Ф) в теоретической

психологии. Раньше они считались строго дихотомическими, взаимоисключающими, причем всякое отступление от норматива воспринималось как патология или шаг в направлении к ней (ученая женщина — «синий чулок» и т. п.). Затем жесткий нормативизм уступил место идее континуума маскулинно-фемининных свойств. На этой основе западные психологи в 30—60-х годах сконструировали несколько специальных шкал для измерения М/Ф умственных способностей, эмоций, интересов и т. д. (тест Термана-Майлс, шкала М/Ф MMPI, шкала маскулинности Гилфорда и др.). Все эти шкалы предполагают, что индивиды могут в пределах какой-то нормы различаться по степени М и Ф. Однако сами свойства М/Ф представлялись все же альтернативными, взаимоисключающими: высокая М должна коррелировать с низкой Ф и обратно, причем для мужчины нормативна, желательна высокая М, а для женщин — Ф. Вскоре, однако, выяснилось, что далеко не все психические качества поляризуются на «мужские» и «женские». Кроме того, разные шкалы (интеллекта, эмоций, интересов и т. д.) в принципе не совпадают друг с другом: индивид, высокомаскулинный по одним показателям, может быть весьма фемининным по другим.

Например, соревновательные виды спорта издавна считались мужскими. Женщины-спортсменки обычно обнаруживали низкие показатели по традиционным измерениям Ф, так что ученые были склонны считать их характер скорее маскулинным. В ряде случаев это подтверждалось и эндокринологически. Однако недавнее исследование группы канадских теннисисток и гандболисток и сравнение их со спортсменами-мужчинами показали, что эти девушки сочетают в себе ряд «маскулинных» качеств (соревновательность, упорство, бескомпромиссность в борьбе и т. п.) с высоким уровнем Ф [274]. В другом исследовании сравнение группы студенток — членов университетских сборных команд и контрольной группы студенток того же университета показало, что спортсменки менее фемининны, но не более маскулинны, чем неспортсменки, независимо от вида спорта [128].

Новые, более совершенные, тесты [103, 327] рассматривают М и Ф уже не как альтернативы, полюсы одного и того же континуума, а как независимые измерения. Сравнение показателей одного и того же индивида по шкалам М и Ф позволяет вычислить степень его психологической андрогинии; андрогинными считаются индивиды, имеющие высокие показатели и по Ф, и по М,

что позволяет им менее жестко придерживаться полоролевых норм, свободнее переходить от традиционно женских занятий к мужским и т. д.

Понятие психологической андрогинии касается не соматических качеств, а только поведения и установок; речь идет о независимости, заботливости и способности выполнять специфические мужские, специфические женские и не дифференцируемые по полу функции. В результате вместо простой дихотомии «мужского» и «женского» появилось 4 психологических типа: маскулинные мужчины (высокие показатели по маскулинным и низкие — по фемининным чертам); фемининные мужчины (много фемининных и мало маскулинных черт); андрогинные мужчины (высокие показатели по обеим шкалам); психологически недифференцированные мужчины (низкие показатели по обеим шкалам) и такие же 4 категории женщин.

Сравнение этих типов показало, что максимальное соответствие индивида полоролевому стереотипу, т. е. высокая М у мужчин и высокая Ф у женщин, отнюдь не гарантия психического и социального благополучия [354]. Фемининные женщины часто отличаются повышенной тревожностью и пониженным самоуважением; эти черты даже входят в набор Ф. Маскулинные мальчики-подростки чувствовали бóльшую уверенность в себе и удовлетворенность своим положением среди сверстников, но после 30 лет эти мужчины оказались более тревожными, менее уверенными в себе и менее способными к лидерству. Фемининные женщины и маскулинные мужчины хуже справляются с деятельностью, не совпадающей с традиционными нормами полоролевой дифференцировки. Дети, поведение которых более всего соответствует требованиям их половой роли, часто отличаются более низким интеллектом и меньшими творческими способностями. Напротив, индивиды, относительно свободные от жесткой половой типизации, обладают более богатым поведенческим репертуаром и психологически более благополучны. Андрогинные мужчины и женщины лучше и свободнее чувствуют себя в сексуальной сфере и т. д.

Эти данные, конечно, не следует абсолютизировать. Не говоря уже о неудачности понятия «андрогиния», невольно ассоциирующегося с сексуальной патологией или отсутствием всякой половой дифференцировки, сами шкалы М/Ф неоднозначны. Одни исследователи измеряют интересы, другие — эмоциональные реакции, третьи — отношение к тем или иным аспектам мужских

или женских социальных ролей. Проблематичны и их критерии. Шкалы М и Ф соотносятся, с одной стороны, с индивидуальными свойствами, а с другой — с социальными определениями пола и полоролевыми предписаниями, принятыми в определенной социальной среде. Однако это совершенно разные явления. Между тем расхождения в определении набора маскулинных и фемининных черт или их желательности (нормативности) в значительной мере предопределяют результаты экспериментов.

Похоже на то, что и тест Сандры Бем, и «Вопросник личностных свойств» Джанет Спенс и Роберта Хельмрайха удовлетворительно измеряют и предсказывают такие аспекты М и Ф, как инструментальность и экспрессивность, но неясно, как эти свойства сочетаются с другими чертами маскулинного и фемининного поведения. Серьезные споры возникают и при интерпретации данных. Жесткость, ригидность полоролевых установок и поведения может быть как индивидуально-типологическим свойством (в этом случае она будет коррелировать с общей ригидностью установок и поведения), так и функцией системы полоролевых предписаний (в этом случае она будет более жесткой в тех ситуациях и видах деятельности, где половые роли сильнее поляризованы, независимо от индивидуальных свойств).

Многое зависит и от системы половой стратификации. Ряд исследований показывает, что женщины предпочитают андрогинные свойства фемининным, мужчины же ориентируются на более традиционные нормы полоролевой дифференцировки. Например, сопоставление самооценок и самоуважения двух групп американских студентов с их полоролевыми ориентациями выявило, что андрогинные установки более желательны и благоприятны только для женщин, но не для мужчин. Это явно связано с социальными факторами, дающими мужской роли определенные преимущества перед женской. Кроме того, ориентация на андрогинию, т. е. выход за пределы жесткой половой дихотомизации, чаще встречается среди более старших людей, в конце юности или у взрослых, тогда как подростки ориентируются преимущественно на полярные образы «мужского» и «женского». В связи с этим, считают Д. Спенс и Р. Хельмрайх, поиск глобальных измерений М и Ф или полоролевой идентичности — задача явно иллюзорная. «Классы психологических свойств и поведенческих структур, различающих мужчин и женщин в данное время и в данной культуре,

не только множественны, но и могут иметь разные корни и относительно независимо варьировать у разных индивидов» [327].

Какое отношение все это имеет к нашей теме? Не только обыватели, но и многие профессиональные психологи привыкли считать «половые особенности» однозначными, намертво связанными с половой принадлежностью индивида. Если женщина пассивна и нежна, то она должна быть таковой в любых ситуациях. Однако это совсем не обязательно, и не только из-за индивидуальных различий. Мужчины и женщины взаимодействуют друг с другом не в вакууме, а в конкретных социальных ролях, и характер этого взаимодействия в одной сфере деятельности (например, в труде) не обязательно такой же, как в другой (например, в семье, воспитании детей).

Из множества свойств, различающих мужчин и женщин, для сексологии важнее всего коммуникативные и эмоциональные качества. При всех индивидуальных и культурно-исторических вариациях мужской стиль жизни большей частью бывает предметно-инструментальным, а женский — эмоционально-экспрессивным. Не будем гадать, является ли это следствием изначальной разницы в физической силе и энергетическом балансе мужского и женского организмов, особых биологических функций женщины-матери и законов полового диморфизма или результатом тысячелетнего исторического опыта, когда мужчина занимался общественно-трудовой деятельностью, а женщина вела хозяйство и воспитывала детей, что также могло выработать у обоих полов устойчивые предрасположения, облегчающие усвоение соответствующих навыков, или тем и другим вместе. Достаточно того, что эти различия в большей или меньшей степени характерны и для современных людей.

При всем выравнивании социальных половых различий у большинства мужчин на первом плане стоит профессионально-трудовая деятельность, у женщин — семья. Выбирая род занятий, мужчина интересуется прежде всего предметным содержанием деятельности и возможностью продвижения в ней, а женщина придает большее значение эмоциональному климату, межличностным отношениям. У мальчиков выше интерес к точным наукам и технике, у девочек — к искусству и гуманитарным предметам. Мужской стиль общения с самого раннего детства выглядит более активным и предметным, но одновременно — более соревновательным и конфликтным, чем женский, причем для мальчика содержание совместной деятель-

ности важнее, чем индивидуальная симпатия к партнерам (у девочек наоборот). Мальчики более склонны к экстенсивному групповому общению, а девочки — к образованию закрытых микрогрупп. Мужское общение отличается большей эмоциональной сдержанностью, женщины свободнее и полнее (в том числе вербально) выражают свои чувства и эмоции, у них раньше возникает потребность делиться с кем-то своими переживаниями, а также способность к сопереживанию (эмпатия). В нашем исследовании юношеской дружбы А. В. Мудрик просил московских школьников с 1-го по 10-й класс объяснить, что значит «понимать другого человека». Оказалось, что мальчики подчеркивают преимущественно момент объективного знания («понимать человека — значит хорошо его знать») или интеллектуального сходства («думать, как он, иметь общие интересы»), у девочек же определеннее звучит мотив сочувствия, сопереживания [41].

Разумеется, это только общие тенденции, за которыми стоят многообразные возрастные, социальные и индивидуальные вариации. Наивно считать, что все мужчины — суровы и грубы, а все женщины — мягки и нежны. Оставляя в стороне громадные индивидуальные различия, нельзя не отметить, что мужчины проявляют больше явной агрессии, а у женщин чаще встречается скрытая враждебность и т. д. Тем не менее различия по оси «интрументальность — экспрессивность» существенны и распространяются также на сексуальное поведение. Какие бы культурные среды мы ни взяли, мужская сексуальность выглядит более агрессивной, напористой, инструментальной, экстенсивной, возбудимой и несдержанной. Как писал Овидий («Наука любви», 1, 275—276),

«...Тайная радость Венеры мила
и юнцу и девице,
Только скромнее — она,
и откровеннее — он».

Дело тут не только в «двойном стандарте». Многоженство встречается в истории человечества гораздо чаще, чем многомужество,— из 185 обществ, данные о которых учтены Фордом и Бичем [166], многоженство в той или иной форме допускают 84%, а многомужество — только два общества (тода в Индии и полинезийцы Маркизских островов). Это вряд ли объяснимо только экономическими факторами.

Сейчас, когда и нормативные установки, и реальные различия в сексуальном поведении мужчин и женщин значительно уменьшились, разница тем не менее остается

весьма внушительной. Половая жизнь большинства мужчин более экстенсивна, чем женская. У них гораздо больше фактическое число и выше сменяемость сексуальных партнеров. Бо́льшая экстенсивность мужской половой жизни означает меньшую эмоциональную вовлеченность и психологическую интимность. Перечисляя возможные и реальные мотивы вступления в связь, мужчины значительно чаще называют безличные, не связанные с конкретным лицом, «половые потребности». При обследовании большой (1177 человек) группы американских студентов выяснилось, что почти половина (46%) мужчин воспринимали девушку, с которой они пережили свою первую интимную близость, главным образом как объект; среди женщин отсутствие эмоциональной вовлеченности продемонстрировали лишь 5% [258].

Типичная для советской молодежи ориентация на любовь и моральные ценности общения до некоторой степени уменьшает эту разницу. Тем не менее половые различия идут в том же направлении. Достаточно вспомнить приведенные выше ответы ленинградских мужчин и женщин относительно возможности вступления в связь с любимым или просто знакомым человеком [88]. Такая же разница чувствуется в ответах на вопрос, что их удерживает от вступления в добрачную связь: женщины поставили на первое место (34,5%) моральные соображения, на второе (34,1%) — отсутствие половой потребности, на третьем (11,6%) — страх перед последствиями; у мужчин на первом месте (48,5%) стоит отсутствие случая, на втором (24,4%) — моральные соображения, на третьем (8,1%) — боязнь заражения венерической болезнью [88].

Мужчины и женщины существенно различаются по восприятию эротических материалов и содержанию собственных эротических фантазий. Экспериментальные исследования опровергли представление, будто женщины вообще не реагируют на эротические изображения и другие визуальные стимулы. Правда, женская реакция слабее мужской: вид обнаженного человека противоположного пола вызывает, по их самоотчетам, половое возбуждение у 84% американских студентов-мужчин и лишь у 24% женщин [258]. Однако более тщательные эксперименты показывают, что эта разница не столь велика и является скорее качественной, нежели количественной: половое возбуждение у женщин отчасти зависит от наличия у них сексуального опыта, а также от характера самих эротических материалов; грубая, примитивная порнография вызывает у многих женщин нравственный и эстетический протест [163].

8 Зак. 138

Эротические сны и фантазии мужчин и женщин отражают фундаментальные различия их сексуальных позиций. Уже автору «Камасутры» было известно, что «мужчины и женщины играют разные роли. Можно даже сказать, что их понятия о наслаждении различны. В половом акте мужчина является агрессивной силой, а женщина — рецептивной, что соответствует общему положению мужского и женского начала в природе» (ч. 2, гл. 1). Это проявляется и в их эротическом воображении. По данным Шнабля [314], эротические сны видят три пятых мужчин и около половины женщин. Из 500 женщин, опрошенных З. В. Рожановской, эротические сновидения были у 240, причем у 111 они сопровождались оргазмом [67].

Как и мужчины, женщины имеют эротические фантазии, в том числе во время мастурбации и полового акта, но содержание мужских и женских фантазий различно. В описаниях студентов-мужчин Мичиганского университета, которым было предложено письменно рассказать о своих сексуальных фантазиях, преобладали грубые эротические сцены с чрезвычайно сексуальными, но не эмоциональными персонажами; женские фантазии более разнообразны и эмоционально окрашены. Особенно интересно в этом плане содержание не ограниченных внешними условиями мастурбационных фантазий. По данным Ханта [210], общая мечта обоих полов — близость с любимым человеком; в остальном мужские и женские фантазии различаются. Мужчины чаще воображают половое сношение с посторонними лицами, групповой секс или принуждение кого-то к половой связи; женщины чаще воображают сексуальные поступки, которых они никогда не осуществили бы в действительности, ситуации, где они являются жертвами насилия.

Очень похожи на это данные Миллер и Саймона: у опрошенных ими студентов на первом месте (87% мужчин и 79% женщин) стоят сцены ласк и полового акта с любимым или близким человеком. На втором месте у мужчин (75%) — половая близость с кем-то незнакомым, когда эротика никак не связана с психологической интимностью. Женщины чаще (74%) грезят о несексуальной нежности с любимым человеком (у мужчин этот мотив представлен лишь в 48% ответов). Мотив сексуального насилия фигурирует у 24% мужчин и только у 6% женщин. Напротив, мазохистские фантазии (быть объектом насилия) чаще встречаются у женщин (21% против 11% мужчин). Фантазию вуайеристского типа (наблюдать сексуальные действия других) признали 35% мужчин и 25% женщин [258, 132].

Взятые по отдельности, эти данные могут казаться случайными и несущественными, но их повторяемость свидетельствует о существовании определенных устойчивых констант, различающих мужскую и женскую сексуальность. По мнению Айзенка, главное различие между полами заключается в том, что мужчины имеют больше либидо, чем женщины, причем мужские эротические запросы, а следовательно, и значение для них этой сферы жизни не уменьшаются с возрастом, по мере снижения фактической интенсивности половой жизни, а, возможно, даже растут, тогда как женское либидо по мере свертывания реальной половой активности убывает. Напротив, сексуальная удовлетворенность женщин несколько выше, чем мужчин [156]. С этим связаны и различия сексуальной терпимости, расторможенности, восприятия эротики и т. д.

Очень сложный вопрос — связь женской сексуальности с менструальным циклом [255]. С 30-х годов гинекологи и эндокринологи интенсивно изучают предменструальный синдром (предменструальное напряжение), при котором во второй половине менструального цикла у части женщин возникают вегетососудистые нарушения (головная боль, тошнота, сердцебиение), плохое настроение, раздражительность, плаксивость, депрессивные состояния и др. Предполагалось, что это влияет и на сексуальную жизнь. Но хотя гормональная природа предменструального синдрома сомнений не вызывает, новейшие исследования показывают, что его поведенческие следствия сильно преувеличены. Во-первых, колебание настроения совпадает у женщин с менструальным циклом только в половине случаев, ретроспективные самоотчеты преувеличивают эту связь по чисто субъективным причинам. Во-вторых, масштаб таких колебаний зависит не только от биологического (менструальный цикл), но и от социального (соотношение рабочих и выходных дней) ритма: «неблагоприятная» фаза менструального цикла значительно легче переживается, если приходится на выходные дни, когда отрицательные эмоции, связанные с предменструальным напряжением, уравновешиваются, компенсируются положительными [300]. В-третьих, сопоставление колебаний настроения у 24 супружеских пар в течение определенного времени показало, что мужское настроение так же изменчиво, как женское [263]. Так что выводить сложные психологические и поведенческие характеристики личности непосредственно из гормональных процессов рискованно.

То же нужно сказать и о менархе. Поскольку этот процесс нередко бывает болезненным, за ним установи-

лась дурная слава. З. Фрейд даже называл менархе «психической травмой», а Шарлотта Бюлер — «негативной фазой развития». Современные исследования не отрицают этих трудностей, но подчеркивают, что психологическое состояние девочек этого возраста не вытекает непосредственно из физиологических сдвигов, а зависит от их восприятия и осмысления. При своевременной психологической подготовке к данному событию менархе рассматривается просто как неизбежная неприятность, компенсируемая удовлетворением от вступления в новый возраст. Если же говорить о собственно психологических процессах, то они выглядят скорее позитивными и интегративными: постменархеальные девочки лучше осознают и принимают свою половую индентичность [294].

Сказанное проясняет и некоторые психофизиологические особенности женского организма. Как уже говорилось, в XIX веке фригидность, безразличие и пониженная сексуальная активность женщин считались биологически нормальными. Современная сексология не разделяет этого мнения. Доля женщин, более или менее регулярно испытывающих оргазм, увеличивается с каждым следующим поколением. Например, в ЧССР доля таких женщин выросла с 31% у родившихся в 1911—1920 гг. до 79% у родившихся в 1950—1958 гг. [288]. Значительное увеличение числа женщин, регулярно испытывающих оргазм, демонстрируют данные опроса, проведенного Фридрихом и Штарке (1981), по сравнению с данными Шнабля, относящимся к 60-м годам [330] (табл. 8).

Таблица 8

Частота оргазмических переживаний у женщин, по данным Шнабля и Фридриха — Штарке (в процентах) [330]

	Почти всегда	Большей частью, часто	Очень редко, иногда	Никогда
По Шнаблю	26	29	36	9
По Фридриху — Штарке	42	43	8	7

То, что многие женщины начинают испытывать оргазм не сразу, при первом же половом сношении, а по прошествии некоторого, иногда довольно длительного, времени, объясняется не имманентно более поздним созреванием женских эротических реакций, как считали раньше, а необходимостью приобрести какой-то сексуальный опыт,

овладеть тайнами собственного тела, узнать свои эрогенные зоны, а также освободиться от мыслей о греховности или постыдности плотских отношений и т. д. Недаром рост оргазмической активности женщин по поколениям зависит значительно больше от возраста начала половой жизни, чем от сроков полового созревания, т. е. возраста менархе [289].

Тем не менее женский оргазм и физиологически, и психологически сложнее мужского, и не все женщины испытывают оргазм. Из опрошенных З. В. Рожановской 600 здоровых женщин оргазм испытывают всегда 24,4%, часто — 33,2%, иногда — 19%, крайне редко — 7%, никогда не испытывают 16,4% [67]. В какой мере это зависит от конституциональных особенностей, а в какой — от условий воспитания и индивидуального опыта (некоторые женщины не испытывают оргазма при половом акте, но переживают его при мастурбации), не вполне ясно.

В общем современные представления о специфике женского оргазма можно свести к следующему [33, 68, 104, 113, 162, 249, 322]. Процесс полового возбуждения и его разрядки у женщин разнообразнее и индивидуальнее, чем у мужчин [360]. В половом акте мужчина в среднем достигает оргазма быстрее, чем женщина, но в других ситуациях (например, при мастурбации) это правило не действует. Считается, что женский оргазм в среднем продолжительнее мужского, но субъективные самоотчеты и лабораторные данные в этом вопросе сильно расходятся. Например, в работе Р. Левина и Г. Вагнера (Дания) [233] объективно измеренная средняя продолжительность оргазма у 26 женщин составила 19,9 с ($\pm$12 с), а субъективная оценка его продолжительности у 14 женщин оказалась значительно меньшей — 12,2 с ($\pm$9,8 с). Вообще сила и частота мышечных сокращений при оргазме и интенсивность испытываемых при этом чувств у женщин, как и у мужчин, по-видимому, не совпадают.

Сказать, кто получает большее эротическое наслаждение — мужчина или женщина — невозможно. Сущность оргазмических переживаний мужчины и женщины описывают практически одинаково. Когда группе из 70 экспертов (медиков и психологов) было предложено разграничить мужские и женские описания оргазма, из которых были предварительно удалены все явные указания на пол испытуемого, эксперты не смогли этого сделать [287]. Сходный результат получен при анализе описаний оргазмических переживаний группы студентов (44 женщины и 38 мужчин) методом семантического дифференциала (широко приме-

няемый во всем мире, включая СССР, психологический тест, основанный на ассоциациях, вызываемых определенными словосочетаниями типа сладкий — горький, чистый — грязный, тяжелый — легкий и т. д.); хотя описания оргазма по этой методике четко отличаются от описаний всех остальных эмоциональных переживаний, они не позволяют отграничить мужской оргазм от женского; по-видимому, субъективно эти переживания очень похожи [356].

Эмоциональные реакции и психофизиологическая локализация эротических ощущений у женщин разнообразнее. Мужская сексуальность является, так сказать, фаллоцентрической, ее кульминацией бывают интромиссия и эякуляция, все «остальное» называется «предварительными ласками» и «завершением». Женская сексуальность более диффузна, в ней участвует больше эрогенных зон [231]. У многих женщин главные эротические ощущения связаны с раздражением клитора, а не с последующей интромиссией. Однако вагинальные ощущения также могут быть весьма острыми. Женщины гораздо более четко, чем мужчины, различают оргазм, достигаемый при мастурбации, и коитальный оргазм. Возможно, это связано с тем, что женщины лучше знают свое тело и точнее вербализуют эмоциональные переживания. Все эти многообразные индивидуальные вариации находятся в пределах психофизиологической нормы и пренебрежение ими со стороны мужчин, наивно уверенных, что все дело в длине полового члена и глубине интромиссии,— одна из самых распространенных причин сексуальной неудовлетворенности женщин.

Женщина способна к множественному оргазму, т. е. сразу после одного оргазма она может достичь другого, тогда как мужчина, за редкими исключениями, после эякуляции некоторое время не реагирует на сексуальное стимулирование (рефрактерный период). Это может быть либо растянутое оргастическое состояние, когда несколько оргазмов следуют друг за другом, минуя стадию плато, с интервалами в 1—2 мин или даже в несколько секунд, практически непрерывно, без дополнительного сексуального стимулирования, либо серия последовательных оргазмических реакций в результате дополнительной стимуляции гениталий через каждые несколько минут. Такие случаи наблюдаются чаще, чем предполагалось раньше. Однако представление, что мужчины, способные к множественному оргазму, получают наибольшее удовольствие от первого, а женщины — от второго или третьего оргазма, сегодня вызывает сомнения. Соотношение оргазма и эротического воображения и оргазма и периода межоргазми-

ческой релаксации у женщин также представляется неясным [91].

Продолжается и старый спор о соотношении клиторального и вагинального оргазма, который после первой работы Мастерса и Джонсон казался снятым. Все 27 колумбийских женщин, экспериментально исследованных Х. Альзате [90], обнаружили эротическую чувствительность одной или обеих стенок влагалища с большими индивидуальными вариациями. Исследователи, пользовавшиеся только данными самоотчетов, возможно, не могли обнаружить этих эрогенных зон, так как половой член не всегда в них проникает. Новейшие исследования подтвердили также, что у некоторых женщин в момент оргазма спазматически выбрасывается через уретру небольшое количество жидкости, химический состав которой пока не изучен. Однако связь этой «женской эякуляции» с раздражением так называемого пятна Графенберга кажется все более сомнительной [189]. Вообще изучение физиологической картины женского оргазма быстро выявляет ее усложнение, включающее все новые мышечные реакции.

Интересны попытки сопоставить сексуальную активность женщины и вероятность достижения ею оргазма с определенными фазами менструального цикла. По некоторым данным, пик женской эротической реактивности приходится на середину менструального цикла, когда вероятность зачатия максимальна, и на период, непосредственно предшествующий менструации, когда она минимальна. Однако Мани считает эти выводы сомнительными [261], так как исследователи не принимали в расчет возможность синхронизации гормональных процессов супружеской пары, а также социальные и ситуативные факторы.

Женские сексуальные реакции больше, чем мужские, зависят от общепсихологических, особенно эмоциональных, факторов. В числе причин, сковывающих женскую сексуальность, называют антисексуальные установки, пуританское воспитание в детстве, отсутствие своевременного полового просвещения, примитивную сексуальную технику мужа, не уделяющего должного внимания любовным ласкам, и т. д. Однако соотношение этих факторов неясно. По данным З. В. Рожановской, время наступления первого оргазма у обследованных ею женщин зависит от того, получили ли они какое-то половое просвещение [67] (табл. 9).

Напротив, американский психолог Сеймур Фишер [162] считает, что роль формального полового просвещения невелика, так как сексуальная реактивность женщины зависит не от уровня ее знаний, а от ее общей эмоциональной

Таблица 9

Половое просвещение и время наступления первого оргазма у женщин, по данным З. В. Рожановской [67] (в процентах)

	Время наступления первого оргазма				
	вскоре после дефлорации	после родов	через несколько лет после родов	только с другим партнером	аноргазмия
Женщины, имевшие информацию о половой жизни	35,5	21,0	10,5	13,2	19,8
Женщины, не имевшие информации о половой жизни	23,8	25,0	15,6	15,6	20,0

раскованности и реактивности. Тип эмоциональных реакций человека формируется на основе природных задатков уже в раннем детстве. По данным Фишера (он детально обследовал 300 женщин), главный фактор, мешающий женщине испытывать оргазм,— неуверенность в любимом человеке, страх потерять его (не связанный с общим уровнем тревожности); источник этой тревоги, возможно, коренится в детских переживаниях и отчасти зависит от отношений девочки с отцом. Однако ясности в этом вопросе нет.

Получаемое женщиной сексуальное удовлетворение, по-видимому, больше, чем у мужчины, зависит от таких психологических обстоятельств, как чувство нежности и любви к партнеру, ощущение близости с ним, удовлетворение от телесной открытости, радость сознания, что она является предметом восхищения, осознание собственной сексуальной компетентности, и т. д. [104, 162]. Разумеется, эти качества ценят и мужчины, но, по данным Шнабля [314], на недостаток нежности и тепла со стороны партнера сетуют втрое больше женщин, чем мужчин. По данным Штарке и Фридриха, среди женщин, которые счастливы со своим партнером, всегда испытывают оргазм 51%, а среди несчастливых — только 22% [330].

Анализ сексуальных историй 619 американских женщин, проходивших лечение по поводу аноргазмии, показал, что отдельные элементы эротической техники, в частности длительность прекоитальных ласк и интромиссии, не имеют того решающего значения, которые им приписывают популярные учебники. О недостаточности простой поведенческой терапии, ограничивающейся выработкой у па-

циентов необходимых технических навыков, говорит и опыт Мастерса и Джонсон, которые подчеркивают необходимость учитывать и совершенствовать прежде всего межличностную коммуникацию пары — способность к самораскрытию, выражению и расшифровке тонких эмоциональных переживаний и т. д. [250]. Статистическое обобщение результатов парной секс-терапии 43 супружеских пар показало, что главные факторы успеха — повышение способности осознавать и принимать собственные эмоциональные переживания и одновременно разделять их с партнером. При этом у мужчин прежде всего увеличивалась способность открыто выражать свои чувства, а у женщин — способность утверждать свои права и выражать свои переживания [338].

Заслуживают внимания также некоторые неэротические социальные факторы, выходящие за рамки парных отношений. По данным Шнабля [314], работающие женщины, особенно занятые умственным трудом, отличаются более высокой сексуальной реактивностью, ведут более активную половую жизнь и получают большее удовлетворение от нее, чем домохозяйки; вообще сексуальная удовлетворенность женщин значимо коррелирует с их общей социальной активностью и удовлетворенностью своей жизнью. У мужчин такой зависимости нет. К тем же выводам приходят Штарке и Фридрих [330]: сексуальная удовлетворенность и высокая «оргазмия» у молодых женщин положительно коррелируют с удовлетворенностью профессией, активной включенностью в работу, наличием других (интеллектуальных, спортивных и т. п.) увлечений, общительностью, общественной активностью и жизнерадостностью. Более высокую оргазмическую активность профессионально увлеченных женщин, которые не только работают, но и интересуются своей работой, по сравнению с теми, кто живет потребительскими интересами, отмечают и сексологи из ФРГ Айхнер и Хабермель [152]. К сожалению, причинная связь этих факторов — влияет ли активный, творческий стиль жизни на сексуальность или же более активный, творческий тип личности лучше чувствует и полнее проявляет себя в разных сферах жизнедеятельности — не изучена. Между тем это весьма важно для понимания социальных факторов женской сексуальности и ее изменений в результате эмансипации женщин и их вовлечения в трудовую и общественную жизнь.

Особого внимания заслуживает устойчивое, повторяющееся в разных исследованиях несовпадение мужских и

женских предпочтений в выборе партнеров. Наряду с рядом общих черт мужчины обычно предпочитают физически привлекательных, красивых, а также домовитых и хозяйственных женщин, тогда как женщины выше ценят в избранниках ум, честолюбие, образованность и трудолюбие, т. е. более «социальные» качества. С чем связаны эти различия? Прежде всего с традиционной половой стратификацией и неодинаковой социализацией мальчиков и девочек: в течение многих веков замужество было главной и единственной возможностью для женщины повысить свой социально-экономический статус, тогда как мужчина рассчитывал на «вознаграждение» в виде физически и сексуально привлекательной жены. Хотя сегодня эти соображения, по крайней мере при социализме, утратили свое значение, привлекательная внешность женщины для мужчины гораздо важнее, чем внешность мужчины — для женщины. Ден Саймонс и Дэвид М. Басс предполагают, что дифференцировка предпочтений уходит своими корнями еще глубже — в различие репродуктивного вклада мужчин и женщин. Женская репродуктивная ценность и фертильность тесно связаны с возрастом и состоянием здоровья, о которых могут свидетельствовать такие компоненты внешней привлекательности, как гладкая и чистая кожа, упругие мускулы, живое лицо, пышные волосы и т. д. Мужской репродуктивный вклад зависел не столько от физических, сколько от социальных возможностей, которые он мог представить своей жене и детям (вспомним сказанное выше о биологии полового отбора). Отсюда следует разная социализация мальчиков и девочек [118а]. Конечно, проблема этим не исчерпывается, но мы снова видим, что сексуально-эротические и эстетические предпочтения не являются самодовлеющими, они тесно связаны с эволюционной биологией, половой стратификацией и историей взаимоотношений между полами.

Однако различия мужской и женской сексуальности не следует биологизировать и абсолютизировать. Психофизиологические различия отдельно взятых сексуальных реакций нельзя экстраполировать на целостную систему сексуальной мотивации и поведения, формирующуюся под влиянием множества различных социально-исторических факторов. Очень многие поведенческие и мотивационные половые различия в этой сфере, которые мы привыкли считать имманентными, неустранимыми, за последние десятилетия, как было показано выше, резко уменьшились, а то и вовсе исчезли (возраст начала половой жизни, уровень сексуальной активности, отношение к эротике

и т. д.). Например, статистически значимые половые различия в сексуальном поведении студенческой молодежи ФРГ сегодня сохраняются только в мастурбации, да и здесь они заметно уменьшились [127].

То же происходит и в сфере мотивации. Мы привыкли считать, что юноши, начиная половую жизнь, преследуют явно эротические цели, тогда как девушки воспринимают первый половой акт в более широком эмоциональном контексте любовных отношений и это событие для них более интимно. Эмпирические данные подтверждали это мнение.

В 1967 г. Дональд Карнс [122] опросил 1177 студентов (17—24 лет) из 12 колледжей и университетов США, кому и когда они рассказали о своем первом половом акте. Оказалось, что ни с кем не делились этой новостью 20% юношей и 24% девушек. У остальных главным конфидентом был друг своего пола, но юноши рассказывали многим (53% опрошенных 5 лицам и больше), а девушки — одной — двум ближайшим подругам. Чем младше юноша в момент события, тем вероятнее, что он расскажет все своим друзьям сразу же после него (так поступили 33% школьников и только 12% старшекурсников). Даже такое, казалось бы, интимное переживание подчинено у юноши чувству принадлежности к группе сверстников, от которой он получает подтверждение своей взрослости и маскулинности и к которой он психологически ближе, чем к женщине, ставшей средством его сексуальной инициации. Иными словами, мужчины и женщины имели разный «сценарий» перехода от девственности к недевственности, и это казалось вполне естественным.

В 1976 г. Каллен и Стифенсон [215] повторили этот эксперимент с группой студентов Мичиганского университета (421 мужчина и 402 женщины). Сексуальный опыт имели 66% опрошенных мужчин и 57% женщин, причем в отличие от сексуально активных обследуемых Карнса, многие из которых (55% мужчин и 37% женщин) пережили только один половой акт, мичиганские студенты вели более или менее регулярную половую жизнь (единственный половой акт был только у 5%). Половые различия в отношении первого сексуального партнера сохранились: у 18,6% мужчин и 7,8% женщин это был случайный контакт, у 32,1% мужчин и 20,5% женщин — увлечение, у 39,4% мужчин и 48,3% женщин — любовь без брачных намерений и у 9,9% мужчин и 23% женщин — любовь с намерением пожениться. Однако эти различия резко уменьшились: больше мужчин сообщают об эмоциональ-

ной близости с первой партнершей (у обследованных Карнса случайные связи составляли 46%) и больше женщин — об эмоциональной близости, не связанной с матримониальными ожиданиями. Зато различия в числе друзей, которым была сообщена эта информация, как видно из табл. 10, исчезли вовсе.

Таблица 10

Число друзей, знающих о сексуальной жизни респондента (в процентах) [215]

	Никто	1—2 человека	3—4 человека	5 человек и более
Мужчины, n=273	13,9	24,5	29,7	31,9
Женщины, n=228	10,5	26,3	30,3	32,9

Это значит, что ни мужчины, ни женщины не считают нужным скрывать от друзей свою половую жизнь. Скорость распространения информации о первом половом акте уже зависит не от пола и возраста, а только от эмоциональной вовлеченности: о любовных отношениях рассказывают менее поспешно, чем о простой сексуальной инициации. Это характерно и для женщин, и для мужчин. Таким образом, в сфере сексуальности половые различия так же проблематичны и вариативны, как и в остальных сферах жизни, и больше зависят от господствующей идеологии, нежели от репродуктивной биологии. Тем не менее в интерпретации данных об уменьшении и исчезновении половых различий необходима крайняя осторожность.

Во-первых, их нельзя экстраполировать за пределы того региона или социокультурного слоя, в котором они получены, так как в других местах еще долго могут господствовать более традиционные установки и нравы, и с этим нельзя не считаться. Во-вторых, краткосрочные тенденции не всегда адекватно отражают глубинные исторические процессы. Хотя сближение мужского и женского сексуального сценариев, безусловно, имеется, оно происходит в значительной мере путем переориентации женщин на традиционные «мужские» образцы. «Ресексуализация» женщины, рост ее сексуального самосознания и активности, признание права на эротические переживания, оргазм и т. п.— естественная и законная реакция на «десексуализированный» образ фемининности, господствовавшей в недавнем прошлом.

Сексуальные реакции мужчин и женщин различаются в общем и целом по тем же признакам, что и их обще-

психологические черты, половые роли и стереотипы М/Ф. Однако усредненные данные, которыми оперируют психологическая и поведенческая статистика, тяготеют к дихотомизации мужской и женской сексуальности. Между тем в рамках этой дихотомизации, а отчасти и независимо от нее имеются разные типы мужчин и женщин, которые каждый по-своему сочетают в себе «маскулинные» и «фемининные» психологические качества.

Это индивидуальное многообразие — не патология, а такой же объективный закон человеческой психики, как бипотенциальность мозга и принципиальная взаимозаменяемость мужчин и женщин во многих, хотя не во всех, социальных ролях и функциях. Между полом и характером нет той однозначной связи, которую предполагали и принимали за факт ученые XIX века. Спорить о плюсах и минусах маскулинности, фемининности или психологической андрогинии вообще, вне конкретного социального и личностного контекста этих понятий, бессмысленно. Социальное и психологическое (включая и сексуальное) благополучие мужчины и женщины зависит вовсе не от того, насколько он или она соответствуют абстрактному нормативу, а от того, насколько соматические и поведенческие свойства индивида согласуются с его самосознанием и системой ценностей, и от того, удастся ли индивиду найти человека противоположного пола, нуждающегося именно в таком типе личности, чтобы они могли образовать пару и строить совместную жизнь. Психология половых различий — только ступень познания индивидуальных качеств, которые лишь отчасти связаны с половой принадлежностью и никогда не исчерпываются ею.

Индивидуальные особенности сексуальных реакций и любовных чувств и принципы их типологизации издавна интересуют людей. Уже Камасутра классифицировала мужчин и женщин по размерам их половых органов, силе желания, быстроте наступления оргазма, предлагая «оптимальные» способы сочетания разных типов. Типологическое значение приобрели и некоторые образы художественной литературы, персонифицирующие тот или иной тип любовных переживаний. Например, Стендаль в книге «О любви» подробно анализирует любовь Вертера и Дон-Жуана, Стефан Цвейг дополняет эту художественную типологию образом Казановы и т. д. Научно-психологические типологии более прозаичны. Это либо простые эмпирические классификации типов сексуального поведения по какому-то набору признаков, либо установление взаимосвязи между характером сексуального поведения и

отдельными индивидуально-личностными чертами субъекта, либо попытки найти общую связь сексуального поведения с типом личности на базе существующих психологических теорий.

Первая задача решается главным образом путем статистического анализа данных массовых опросов и клиники. Уже Кинзи неопровержимо доказал, что сексуальная активность индивида, измеряемая частотой половых сношений,— фактор относительно устойчивый на протяжении всего жизненного пути и что разные люди существенно различны в этом отношении. Дополнив эти материалы клиническими данными, Г. С. Васильченко [62] пришел к выводу, что в основе этих поведенческих различий лежат разные типы половой конституции. Хотя с возрастом сексуальная активность снижается, разница между индивидами, принадлежащими к разным типам, остается значительной. Авторитетным подтверждением этого явились лонгитюдные геронтологические исследования, показавшие на основе как ретроспективных отчетов, так и длительного наблюдения одних и тех же людей, что чем раньше просыпается либидо и чем активнее сексуальная жизнь мужчины в юности, тем активнее будет она и в зрелом, и в преклонном возрасте, даже после 70 лет [247, 248].

Хотя из-за отсутствия лонгитюдных исследований, прослеживающих гормональные изменения у одних и тех же индивидов на протяжении значительных отрезков их жизненного пути, непосредственное сравнение гормональных и поведенческих возрастных сдвигов сегодня невозможно [261], широкая индивидуальная вариабельность уровней и типов сексуального поведения ни у кого сомнений не вызывает, как и то, что эти вариации связаны с определенными нейрофизиологическими и психическими свойствами индивида.

К сожалению, это очень плохо изучено. Единственная серьезная попытка систематического исследования взаимозависимости сексуального поведения и установок и типа личности предпринята Айзенком [156, 157]. По его мнению, личность может быть лучше всего описана в терминах больших совокупностей черт (общительность, импульсивность, активность и т. п.), складывающихся в более крупные гнезда, которые в свою очередь служат эмпирической базой для понятий высшего порядка, называемых типами или, точнее, измерениями личности. На основе многолетних исследований Айзенк выделил три главных измерения (шкалы): E — экстраверсию, N — невротизм и P — психотизм; позже к ним было добавлено четвертое

измерение L — лживость, или притворство. Экстраверсия измеряет такие взаимосвязанные черты, как общительность, импульсивность, активность, беззаботность, живость, любовь к шуткам и т. д. Те, кто имеет высокий показатель по этой шкале, называются «экстравертами», противоположный полюс составляют «интроверты», а посередине стоят «амбиверты». Невротизм обозначает высокую эмоциональную возбудимость, подвижность эмоциональных реакций, которая предрасполагает индивида к обнаружению в стрессовых ситуациях невротических симптомов; его индикаторами служат такие черты, как уныние, частая смена настроения, бессонница, нервность, чувство неполноценности, раздражительность и т. д. В отличие от экстраверсии и невротизма у здоровых людей психотизм включает набор антиадаптивных и антисоциальных черт: неконтактность, жестокость, нечувствительность к чужим переживаниям, враждебность, агрессивность и т. п. Наконец, притворство (первоначально эта шкала должна была только отсеивать ненадежные ответы при тестировании) включает такие черты, как лживость, неискренность, приспособленчество и т. д.

Здесь не место для обсуждения и критики теории личности Айзенка, чему посвящена специальная литература. Для сексологии важно то, что Айзенк прокоррелировал данные своего личностного теста с ответами тех же самых людей на специальную анкету из 158 (первоначально 98) вопросов относительно их сексуальных установок и поведения по нескольким крупным выборкам: 1) студенческая выборка — 423 мужчины и 479 женщин от 18 до 23 лет, не состоящих в браке; 2) взрослая выборка — 427 мужчин и 436 женщин, средний возраст около 30 лет; 3) близнецовая выборка — 153 мужчины и 339 женщин; 4) психотическая выборка — 186 пациентов психиатрической клиники.

На основе статистического анализа Айзенк выделил 12 основных факторов сексуального поведения: терпимость; удовлетворение; невротический секс (конфликт между влечениями и внутренними запретами); безличный, неиндивидуализированный секс; порнография (отношение к сексуальному стимулированию); застенчивость; стыдливость; доминантность — подчиненность (имеется в виду отношение к идее сексуального равенства); сексуальное отвращение; сексуальное возбуждение; физический секс (отношение к телесной стороне сексуальности) и агрессивный секс. Их укрупнение дает два более общих суперфактора: «сексуальное либидо» (в противоположность

низкому уровню сексуальных потребностей, сдержанности и скованности) и «сексуальное удовлетворение» (в противоположность половой неудовлетворенности, фрустрации и патологии).

Кроме существенных половых различий, отмеченных нами выше, Айзенк констатирует тесную зависимость стиля половой жизни от типа личности.

Как и предполагалось, экстраверты раньше интровертов и амбивертов начинают половую жизнь, чаще имеют сексуальные контакты, с бóльшим числом партнеров и в более разнообразных формах; они придают больше значения эротической любовной игре, быстрее привыкают к сексуальным стимулам и потому больше ориентированы на смену партнеров, ситуаций и т. д. Экстравертам легко дается сближение с лицами противоположного пола, они более гедонистичны, получают больше удовлетворения от своей сексуальности и не испытывают в связи с ней тревог или сомнений. Сдержанные и заторможенные интроверты тяготеют к более индивидуализированным, тонким и устойчивым отношениям, что часто сопряжено с психологическими проблемами и трудностями.

Психотики имеют высокие показатели по либидо и маскулинности, предпочитают безличный секс, переживают сильное половое возбуждение и не признают никаких социальных и моральных ограничений. Однако они редко удовлетворены своей половой жизнью и часто склонны к девиантному поведению, включая групповой секс; их установки отличаются грубой биологизацией пола в противоположность романтическим ценностям.

Невротики часто имеют сильное либидо, но не могут удовлетворить его из-за сильного чувства вины и тревоги по поводу своей сексуальной активности, а также трудностей в общении. Показатели сексуальной удовлетворенности у них ниже, чем во всех остальных группах. Секс часто кажется им опасным и отвратительным, а собственные влечения — ненормальными. Здесь чаще всего встречаются такие психосексуальные проблемы и нарушения, как аноргазмия и фригидность у женщин, преждевременная эякуляция и импотенция у мужчин.

Сексуальное поведение притворщиков, как и другие стороны их жизни, отличаются конформизмом. Придерживаясь ортодоксальных, общепринятых в их среде правил, они отрицают наличие у себя каких-либо необычных чувств и желаний. Половую жизнь они обычно начинают поздно, не одобряют до- и внебрачных связей, избегают сексуального экспериментирования и видят сексуальность

скорее в идеалистическом, чем в натуралистическом, свете. Слабое либидо сочетается у них с определенной удовлетворенностью своей половой жизнью, они просто не мыслят себе других возможностей.

По мнению Айзенка, эти личностно-поведенческие «синдромы» приблизительно наполовину обусловлены генетически, а наполовину — социальными факторами. Однако сам он больше подчеркивает биологические детерминанты, связывая различие между экстравертами и интровертами прежде всего с уровнем возбудимости коры головного мозга, невротизм — с активностью вегетативной нервной системы, а психотизм — предположительно с особенностями гормональной секреции, от которых зависит также сила либидо [1]. В конечном итоге Айзенк делает вывод о существовании 4 главных типов, или групп, людей, различающихся характером сексуальных чувств и поведения: 1) индивиды со слабым либидо, но вполне удовлетворенные своей половой жизнью; это устойчивые интроверты, составляющие самый моногамный слой населения и опору соответствующей морали; 2) устойчивые экстраверты, сочетающие высокое либидо с высокой удовлетворенностью, но не слишком стабильной половой жизнью; 3) люди, чаще всего неустойчивые интроверты, у которых слабое либидо сочетается с сильными тормозами, чувством вины и коммуникативными трудностями, результатом чего является сексуальная неудовлетворенность; 4) люди с сильным либидо и одновременно с высокими показателями по психотизму или сочетающие высокий невротизм с сильной экстраверсией; такие люди не только сами испытывают сексуальную неудовлетворенность, но и представляют опасность для окружающих.

В теоретическом отношении концепция Айзенка, включая ее нейрофизиологические основы, весьма уязвима и подвергается серьезной критике [72]. Однако многие его конкретные выводы о связи сексуального поведения с экстраверсией и невротизмом выглядят достаточно обоснованными и подтверждаются другими исследователями. Вот, например, как выглядит характер сексуальной активности неженатых студентов ФРГ (более 6000), обследованных Гизе и Шмидтом с применением сокращенного

---

[1] Из частных замечаний Айзенка заслуживает внимание указание со ссылкой на экспериментальные данные о различии суточных биоритмов у экстра- и интровертов: первые переживают пик кортикального возбуждения вечером, а вторые — утром, что, возможно, влияет на предпочитаемое время половой близости [156].

варианта шкалы экстраверсии [186] (табл. 11). Эти данные ясно показывают бо́льшую сексуальную активность и раскованность экстравертов. О большей сексуальной удовлетворенности экстравертированных женщин говорят и американские данные.

Таблица 11

Сексуальная активность интровертов (И), амбивертов (А) и экстравертов (Э), по данным Гизе и Шмидта [186] (в процентах)

Тип активности	Мужчины			Женщины		
	И	А	Э	И	А	Э
Мастурбация в настоящее время	86	80	72	47	43	39
Петтинг в 17 лет	16	28	40	15	19	24
в 19 лет	31	48	56	30	44	47
в настоящее время	57	72	78	62	71	76
Половой акт в 17 лет	5	13	21	4	4	8
в 19 лет	15	31	45	12	20	29
в настоящее время	47	70	77	42	57	71
Среднее число половых актов в месяц (только сексуально активные студенты)	3,0	3,7	5,5	3,1	4,5	7,5
Число коитальных партнеров за последние 12 мес						
1	75	64	46	72	77	60
2—3	18	25	30	25	17	23
4	7	12	25	4	6	17
Долгие предварительные ласки	21	25	28	21	16	18
Куннилингус	52	62	64	58	69	69
Фелляция	53	60	69	53	59	61
Более 3 разных коитальных позиций	10	16	26	12	18	13
Оргазм почти всегда	—	—	—	17	32	29

Зигфрид Шнабль на основе обследования 3500 человек нашел, что расстройства потенции и оргазма значительно чаще встречаются у людей со слабым типом нервной системы (по Павлову). Среди людей с сильным типом нервной системы никаких трудностей психосексуального порядка не имели 32% женщин и 80% мужчин, а со слабым — только 13% женщин и 35% мужчин [314]. Для циклотимных (по Кречмеру) и экстравертированных (по Айзенку) личностей характерен более высокий уровень сексуальных интересов и реактивности, тогда как половая жизнь шизоидных и интровертированных индивидов нередко протекает с затруднениями. Наибольшие трудности в сексуальной сфере, как и в человеческих взаимоотношениях вообще, испытывают люди с недостаточной контактностью, эмоциональной заторможенностью, комплексом

неполноценности или пониженным самоуважением. Сексуальное поведение 1555 студентов ГДР, обследованных в 1979—1980 гг., статистически следующим образом связано с тестовыми показателями по сокращенной шкале интроверсии/экстраверсии по следующим параметрам [219].

1. Экстраверты независимо от пола благодаря большей общительности и открытости активнее интровертов устанавливают контакт с лицами противоположного пола (табл. 12).

Таблица 12

Активность интро- и экстравертов в установлении гетеросексуальных контактов (в процентах)

	Очень активны	Активны	Менее активны	Пассивны
Выраженные экстраверты	10	59	30	1
Выраженные интроверты	2	30	64	4

Однако интровертированные женщины имеют больше одного сексуального партнера гораздо реже мужчин-интровертов, которые в этом отношении не отличаются от экстравертов. Традиционная дифференцировка половых и сексуальных ролей выглядит более значимой, нежели индивидуально-типологические различия.

2. Экстраверты проявляют больше любви к партнерам, чем интроверты, привязанности которых психологически более противоречивы и окрашены тревогой и неуверенностью. Возможно, что здесь сказываются завышенные ожидания интровертов относительно «настоящей любви».

3. Экстравертированные женщины чаще интровертированных имеют сексуальные отношения, испытывают оргазм и сексуальную удовлетворенность партнером, но эти различия невелики. Застенчивость и сдержанность, отличающие повседневное общение интровертированных женщин и их поведение в трудовых коллективах, в сексуальных отношениях с любимым мужчиной нередко полностью исчезают. У студентов-мужчин непосредственная связь между экстраверсией и отношением к партнерше наблюдается только среди религиозных людей. Экстраверты чаще имеют половые сношения и считают себя сексуально более удовлетворенными и счастливыми. Интроверты ниже оценивают интимность своих сексуальных отношений, зато чаще говорят с партнершей о любви и сексуальности. Отсюда явствует, что характер любовных отношений

зависит не столько от интроверсии/экстраверсии партнера, сколько от других личностных черт.

4. Эмоциональная открытость экстравертов благоприятствует сексуальной возбудимости, разговорам на сексуальные темы и т. п. Однако это также зависит от установок и культурных норм. Психологические трудности интровертов резко усиливаются религиозностью. Из-за неспособности откровенно обсуждать свои чувственные проблемы иначе как в морально-эстетических понятиях платонической любви религиозные интроверты чаще других испытывают разочарования в любви и т. д.

5. Значительная часть различий между интро- и экстравертами обусловлена разным воспитанием и развитием в детстве и юности. Среди экстравертов больше людей, выросших в либеральной, сексуально терпимой среде, тогда как в воспитании интровертов было больше запретов и ограничений. Свой первый оргазм экстраверты пережили на полгода, первый гетеросексуальный контакт — на год, первый половой акт — на полгода раньше интровертов. В момент опроса еще не имели коитального опыта 7% экстравертированных и 14% интровертированных женщин и соответственно 1 и 7% мужчин. Особенно велика разница сексуального опыта опять-таки среди верующих.

6. Влияние интроверсии/экстраверсии у мужчин сильнее всего сказывается на первых фазах развития отношений — от знакомства до установления прочного сексуального партнерства. У женщин оно продолжается дольше, распространяясь на отношения с постоянным партнером, супругом. Это опять-таки связано с традиционной полоролевой дифференцировкой.

Эти выводы весьма интересны в теоретико-методологическом отношении. Они показывают, что влияние интроверсии/экстраверсии на сексуальность имеет кросскультурную значимость, но что речь идет не только и не столько о конституциональных, психофизиологических константах, сколько о психологических установках и ценностных ориентациях, содержание и мера эффективности которых зависят от социокультурных условий. Как подчеркивает Л. Казек [219], не существует таких психических черт, которые бы при всех условиях обусловливали бы одно и то же поведение. Это верно относительно не только экстраверсии, но и сексуального темперамента.

Необходимо также подчеркнуть, что индивидуально-типологические свойства, существенные в подростковом и юношеском возрасте могут в дальнейшем утрачивать часть своего былого значения. Например, при исследо-

вании 631 немецкой (ФРГ) супружеской пары, прожившей в браке 10 лет, единственным статистически значимым фактором сексуальной удовлетворенности оказалось качество супружеских отношений, а не степень индивидуальной интроверсии/экстраверсии супругов. Сексуальная удовлетворенность обнаружилась только в счастливых браках. Возможно, что у более молодых, неженатых, чаще меняющих партнеров людей индивидуально-психологические свойства значат больше, но в длительном брачном союзе они до некоторой степени погашаются, нивелируются взаимной адаптацией и условиями совместной жизни [307].

СЕКСУАЛЬНОСТЬ, ЛЮБОВЬ И БРАК

В рассмотрении психосексуального развития я остановился на пороге взрослости не только потому, что о взрослой сексуальности, да и вообще о психологии взрослых людей мало научной информации. Жизненный путь взрослого человека, в составе которого нужно рассматривать его сексуальность, складывается из нескольких взаимосвязанных, но автономных планов и циклов. Во-первых, это онтогенетический жизненный цикл организма с характерными для него переходами, кризисами, подъемами и спадами, во-вторых — трудовой цикл, измеряемый фазами профессиональной карьеры от начала трудовой деятельности до выхода на пенсию, в-третьих — цикл развития семьи, измеряемый, с одной стороны, продолжительностью брачной жизни, а с другой — качественными градациями, прежде всего рождением и взрослением детей. В конкретных исследованиях сексуального поведения эти аспекты, как правило, разобщены. Психосексуальная история индивида и история супружеской пары имеют разные системы отсчета, которые объективно трудно совместить, тем более что лонгитюдных исследований, прослеживающих развитие в течение длительного времени, в мировой научной литературе было мало и они плохо поддаются обобщению.

Что мы знаем сегодня о психологии половой любви? В отличие от глобальных философских теорий академическая психология ставит перед собой более узкие вопросы: каково соотношение аффективных, когнитивных и коммуникативных аспектов любви? Являются ли безотчетная страсть и дружественное расположение принципиально разными феноменами или аспектами одного и того же? Каковы психологические механизмы влюбленности и

чем детерминируется выбор объекта? Какие индивидуально-личностные и ситуационные факторы способствуют возникновению, поддержанию и угасанию влюбленности? Как меняются соотношение и значение этих факторов на разных стадиях жизненного пути и в зависимости от продолжительности парного союза? От чего зависит устойчивость любовных отношений? Хотя эти вопросы и тем более ответы на них довольно фрагментарны, собранная психологами информация заслуживает серьезного внимания.

Начнем с природы любовной страсти. Поэты и философы с незапамятных времен подчеркивали ее иррациональность, слепоту, безрассудство. Эта тенденция представлена и в психологии. Состояние страстной влюбленности, которое Дороти Теннов [335а] во избежание оценочных моментов предложила называть искусственным, лишенным этимологических корней термином «лимерентность» (limerence), возникает непроизвольно, не зависит от сознательного отношения к объекту и связано, по-видимому, с какими-то не вполне ясными нейрохимическими процессами мозга, которыми можно манипулировать психофармакологически или нейрохирургически.

Феноменологически «лимерентность» — состояние острой эмоциональной неустойчивости с колебаниями между чувством признания и взаимности, вызывающим блаженство эйфории, и мучительной неуверенностью и ревностью. Это порождает чередование ссор и примирений. Двенадцатилетнее исследование, охватившее 2500 человек, привело Теннов к выводу, что лимерентные состояния четко отличаются от других, но представлены не во всех человеческих группах. Каких-либо определенных связей лимерентности с чертами личности или свойствами ситуации пока не обнаружено. Вместе с тем это состояние не ограничено сферой сексуально-эротических отношений, мотив сексуального наслаждения в нем вторичен.

Поскольку страсть принципиально неутолима, удовлетворение означает ее угасание и смерть; она всегда двойственна, амбивалентна, а ее объект вызывает поочередно и даже одновременно любовь и ненависть. Вспомним катулловское «ненавижу и люблю».

Эту амбивалентность часто объясняют антагонизмом полов, противоположностью мужского и женского начала и т. п. Однако она характерна не только для сексуальных, но и для всех остальных сильных аффективных переживаний. Недаром слово «страсть» обозначает одновременно высшую степень любви и страдание, от которого человек

мечтает освободиться. Сексуально-эротические и любовные переживания усиливаются в ситуациях опасности, риска, борьбы, преодоления препятствий и т. д. Это широко представлено и в древнем символизме взаимоперехода жизни и смерти, и в художественной литературе («Ромео и Джульетта» В. Шекспира и др.). О биполярности эмоционального напряжения свидетельствуют и экспериментальные исследования соотношения полового возбуждения и агрессии, о которых говорилось выше.

Однако именно потому, что наши эмоциональные состояния амбивалентны, их влияние на сексуальное поведение и мотивацию не является однозначным, а зависит от когнитивных факторов. Исходя из изложенной выше теории эмоций Шахтера, американские психологи Эллен Бершайд и Элайн Уолстер [106] сформулировали двухступенчатую модель любовной страсти, первую ступень которой составляет физиологическое возбуждение, а вторую когнитивная атрибуция, т. е. определение своего состояния. Физиологическое возбуждение, обостряющее наши чувства, может быть вызвано как приятными, так и неприятными переживаниями (страхом, опасностью и т. п.); любые стрессовые ситуации повышают эмоциональную чувствительность. В эксперименте, проведенном канадскими психологами, красивая девушка-студентка обращалась с просьбой об интервью к переходившим каньон молодым мужчинам, а затем как бы ненароком давала свой телефон, якобы для обсуждения темы ее дипломной работы. В одном случае дело происходило на шатком, скрипучем висячем мостике, а в другом — на солидном стационарном мосту. Из 33 мужчин, опрошенных в опасной ситуации, позвонили 9, в спокойной — только 2. Чувство совместно пережитой опасности сделало девушку более привлекательной в глазах мужчин, вызвав у них желание продолжить знакомство. Сходные результаты были получены и в лабораторных экспериментах [296, 25].

Мгновенные страстные влюбленности военных лет, не раз описанные в художественной литературе, вероятно, также связаны не столько с длительным половым воздержанием (всякий дефицит усиливает потребность и уменьшает избирательность), сколько с потребностью разрядки и переключения эмоционального напряжения. Чувство опасности усиливает потребность в общении и эмоциональной близости с теми, кто эту опасность разделяет. Дальнейшее зависит главным образом от причинной атрибуции: чему человек припишет свое эмоциональное состояние и какие выводы отсюда сделает. По каким психоло-

гическим законам возникает влюбленность? Ссылки на «половое влечение» здесь ничего не проясняют. Возраст, когда дети и подростки начинают влюбляться, очень слабо связан, а возможно, и вовсе не связан с их гормональным развитием [267]. Кроме того, влюбленность не всегда сочетается с сексуально-эротическими желаниями. Наконец, вопрос не столько в том, что вообще влечет мужчину к женщине, сколько в том, почему его привлекает именно эта женщина, а не какая-нибудь другая.

Некоторые психологи [261] полагают, что в основе влюбленности лежит процесс, аналогичный или даже тождественный импринтингу: на определенной генетически обусловленной стадии развития организма у него формируется готовность к восприятию и запечатлению определенного вида стимула (образа), который в дальнейшем становится для него обязательным эталоном, вызывая потребность именно в таком и никаком другом партнере. Однако пока формирование постоянного предпочтения определенного типа сексуального партнера по механизму импринтинга доказано только для птиц; по другим видам животных эмпирические данные противоречивы, а по приматам практически отсутствуют [303]. Для человека модель импринтинга, вероятно, слишком проста. Человеческий «сексуальный сценарий» содержит слишком много разных компонентов, причем ни их критических периодов, ни движущих сил, ни устойчивости мы не знаем. В нем гораздо больше вариаций и изменений, обусловленных индивидуальным жизненным опытом, познанием себя и других и т. д.

В противоположность прежней редукционистской тенденции сводить сложные любовные переживания к удовлетворению сексуальных желаний современная психология подчеркивает, что само сексуальное желание не есть нечто однозначное, его сила и эмоциональная тональность зависят от сочетания множества психофизиологических и межличностных, социокультурных факторов. Сексуальное желание направлено не на вещь или объект, а на определенный тип переживания, который должен стать социально и психологически приемлемым для субъекта (Ганьон). Отсюда следует его зависимость от характерного для данного лица типа любовных ориентаций, которые далеко не единообразны.

Наиболее разработанная современная типология любви, предложенная Д. А. Ли [231а] и эмпирически проверенная на двух больших выборках (807 и 567 человек) Клайдом Хендриком с сотр. [202а], различает 6 стилей,

или «цветов», любви: 1) эрос — страстная, исключительная любовь-увлечение, стремящаяся к полному физическому обладанию; 2) людус — гедонистическая любовь-игра, не отличающаяся глубиной чувства и сравнительно легко допускающая возможность измены; 3) сторге — спокойная, теплая и надежная любовь-дружба; 4) прагма — возникающая из смеси людуса и сторге, рассудочная, легко поддающаяся сознательному контролю — любовь по расчету; 5) мания — вырастающая из смешения эроса и людуса, иррациональная любовь-одержимость, для которой типичны неуверенность и зависимость от объекта влечения; 6) агапе — бескорыстная любовь-самоотдача, синтез эроса и сторге. Хотя все эти термины не новы, в отличие от умозрительных философских построений данная типология основывается на солидных эмпирических данных. Доказано, например, что любовные переживания и установки молодых мужчин содержат больше «эротических» и особенно «людических» компонентов, тогда как у женщин ярче выражены «прагматические», «сторгические» и «маниакальные» черты, что «маниакальные» увлечения типичнее для подростков и юношей, нежели для взрослых, что мужские и женские предпочтения при выборе партнеров не совпадают и т. д.

Эта типология не снимает многих сложных вопросов. Является ли «цвет любви» устойчивой личностной чертой или относительно изменчивой установкой, связанной с конкретным эмоциональным состоянием. Как сочетаются разные стили любви у одного и того же человека в зависимости от характера партнера или стадии развития любовных взаимоотношений (влюбленность и супружеская любовь)?

Возрастная динамика сексуального поведения рассматривается главным образом с количественной точки зрения, а в теоретическом отношении ориентируется на онтогенетическую модель — когда индивид вступает в период зрелой сексуальности, как протекает инволюционный период и т. д. Такой подход оправдан, но недостаточен, так как сексуальное поведение и удовлетворенность взрослого человека зависят от множества социальных обстоятельств, которые невозможно вывести только из его индивидуальных особенностей.

Если взять количественную сторону дела (частота половых сношений), то наибольшую сексуальную активность, естественно, обнаруживают люди до 30 лет. Американское исследование У. Уилсона [358], основанное на опросе 911 мужчин и 1370 женщин, показывает, что сек-

суальная активность зависит не только от возраста и пола, но и от образования.

Снижение сексуальной активности с возрастом, безусловно, имеет свои биологические причины. У пожилых мужчин затрудняется эрекция, для которой теперь требуется тактильная стимуляция или дополнительные зрительные стимулы, снижаются эякуляторные возможности, удлиняется рефрактерный период и т. д. У женщин медленнее наступает половое возбуждение, уменьшается любрикация (увлажнение) влагалища, хотя способность испытывать оргазм сохраняется и в менопаузе (Мастерс и Джонсон). Однако жестких возрастных границ здесь нет. По данным лонгитюдного геронтологического исследования, проведенного в университете Дьюка (США, Северная Каролина), хотя более половины мужчин и женщин прекращают половую жизнь около 60 лет, приблизительно 15 % продолжают ее даже после 80 лет [344]. Данные о сексуальной активности группы пожилых (старше 60 лет) мужчин и женщин, опрошенных в 1955—1957, 1959—1961 гг. и в 1964 г., исследователи распределили по 4 типам: 1) сексуальная активность все время отсутствует, 2) уменьшается, 3) сохраняется, 4) растет. Их соотношение представлено в табл. 13.

Таблица 13

Типы сексуальной активности пожилых женщин и мужчин (в процентах)

Сексуальная активность	Женщины	Мужчины	Всего в выборке
Отсутствует	74	27	48
Уменьшается	10	31	21
Сохраняется	10	22	17
Растет	6	20	14

Чем объясняются эти вариации? Отчасти особенностями половой конституции и выработанного на ее основе индивидуального условно-физиологического ритма [62]. В пользу этой точки зрения говорит и Балтиморский лонгитюд [248]: уровень сексуальной активности (высокий, средний или низкий) 188 женатых мужчин от 60 до 79 лет статистически значимо коррелирует с ранее сложившимся у них уровнем активности, который они стараются поддерживать независимо от своей удовлетворенности браком, сексуальной привлекательности жены и других обстоятельств. Однако дело не только в психофизиологии. Сексуальная активность супругов зависит не только от их

половой возбудимости, но и от того, какую ценность они придают этой стороне жизни, как она вписывается в принятое ими определение своих супружеских и родительских ролей и сочетается с другими формами самореализации (труд, общение и т. д.). Проблема эта весьма сложна.

С одной стороны, супружеские отношения, особенно при наличии детей, способны создать широкую сферу социальной и психологической общности, взаимного доверия и понимания, в которой современный человек остро нуждается. Женатые люди в среднем чувствуют себя гораздо увереннее и счастливее, чем холостяки, а имеющие детей — чем бездетные. Сочетание физической и духовной близости гармонизирует эмоциональные реакции любящих, повышает их эмпатию, что проявляется и в сексуальной сфере. С другой стороны, брак ограничивает, во всяком случае морально, сексуальную свободу индивида, его право устанавливать новые контакты и связи, а привычка и рутинизация супружеских отношений, которые нередко растворяются в материально-бытовых заботах, притупляют остроту и свежесть чувств. Не секрет, что у многих супружеских пар интенсивность половой жизни и удовлетворенность ее качеством с течением времени снижаются, причем вовсе не вследствие старения супругов — часто это происходит уже в первые годы брака и у молодых людей [340], а в результате рутинизации их взаимоотношений, из которых исчезают радость открытия, новизна, спонтанность. Сексуальная неудовлетворенность и дисгармония — одна из существенных причин разводов и нервных заболеваний; по некоторым данным, семейно-бытовые, включая сексуальные, трудности характерны для 65% неврологических больных [63].

Вопрос об интенсивности половой жизни в браке методически очень сложен. Выше отмечалось, что средний общий уровень сексуальной активности современных супругов выше, чем у прошлых поколений. Сексуальной стороне брака придается большее значение. По данным опросов С. И. Голода (1978, 1981), сексуальная гармония и удовлетворенность устойчиво занимают третье место на адаптационной шкале, измеряющей благополучие и устойчивость брака, после духовной и психологической совместимости у супругов, состоящих в браке до 10 лет, и после духовной и бытовой совместимости у проживших от 10 до 15 лет. Среди пар, удовлетворенных браком, сексуально совместимыми оказались практически все, а среди неудовлетворенных — только 63% [26]. 60% опрошенных

болгарских молодых супругов считают сексуальное удовлетворение важным аспектом брака, две трети опрошенных допускают и одобряют добрачный сексуальный опыт и фактически имеют таковой. Ведущий болгарский сексолог Тодор Бостанджиев, обобщая результаты своего исследования «Половая жизнь софийской молодежи» (1981 г., опрошено 1640 человек) и исследования стабильности молодой семьи, выполненного под руководством Марии Динковой (1984 г., опрошено 1040 разведенных и столько же сохранившихся супружеских пар), пишет, что сексуальность — важный стабилизирующий фактор супружества. «В семьях, где супруги придают значение половой жизни и она удовлетворяет их обоих, чувства глубже, взаимоотношения же — гармоничнее» [60а]. Вместе с тем болгарские исследователи отмечают частую рассогласованность мужских и женских сексуальных желаний, а также издержки, связанные с недостаточно высокой сексуальной культурой населения.

При всей связанности с институтами брака и супружества сексуальность все же относительно автономна от них. Существуют достоверные данные, что сексуальная активность супругов и их заинтересованность в интимной близости снижаются с возрастом супругов и стажем супружества. По данным ученых ГДР, средняя частота половых актов на первом году брака составляет 11 раз в месяц, на втором — 9—10, а при стаже от 4 до 10 лет — 8—9 раз [330]. На втором году супружества обнаруживается некоторая рассогласованность желаний мужа и жены: многие женщины проявляют меньшую заинтересованность в половой жизни, нежели их мужья, что снижает у последних удовлетворенность сексуальной стороной брака, но дальнейшего снижения сексуальной удовлетворенности мужчин при брачном стаже от 4 до 10 лет не наблюдается. По-видимому, устанавливается какой-то взаимоприемлемый для обоих супругов ритм, хотя некоторая рассогласованность желаний сохраняется и в более старших возрастах. Среди 30—40-летних супругов, обследованных профессором Люкке Арезин (ГДР), желание более интенсивной сексуальной жизни высказали более двух третей мужчин и меньше трети женщин.

Наиболее совершенное в методологическом отношении обследование в 1970 и 1975 гг. 2000 американских супружеских пар [213] показало, что частота половых актов зависит от нескольких факторов: времени рождения и возраста жены и мужа, времени заключения и продолжительности брака и, наконец, продолжительности периода

наблюдения. В целом у женщин от 15 до 48 лет частота половых сношений с возрастом увеличивается, но в замедляющемся темпе; это соответствует традиционным представлениям о росте женской сексуальной активности. Возраст мужа на частоту половых актов влияет мало, хотя очень небольшое и медленное снижение сексуальной активности начинается уже после 17 лет. С ростом продолжительности брака половые сношения становятся реже, но этот процесс не является линейным; в первые 2—3 года супружества сексуальная активность снижается, затем снова растет сначала в ускоряющемся, а затем, между 6-м и 10-м годом брака, — в снижающемся темпе. Однако эти процессы могут быть неодинаковыми в разных когортах.

Разумеется, усредненные социологические данные не заменяют углубленных клинических и биографических исследований. Они показывают, что психосексуальное развитие как в восходящей, так и в нисходящей фазе не может быть понято как нечто онтогенетически инвариантное, но должно изучаться в русле общих закономерностей индивидуального жизненного пути и с учетом особенностей обоих супругов.

Брак — не просто взаимные ограничения и обязанности. Тесный физический контакт способствует даже синхронизации некоторых физиологических процессов супружеской пары — температуры тела, частоты сердцебиений, гормональных циклов, вплоть до того, что пик уровня тестостерона в крови мужа наступает параллельно повышению его у жены в соответствующий момент менструального цикла, что предположительно способствует также синхронизации их эротических желаний [280]. Вместе с тем некоторые мужские субстанции, в частности подмышечные выделения, активизируют и способствуют нормализации женского менструального цикла (Катлер У. Прети Д., 1984). Нейроэндокринные механизмы такой синхронизации не вполне ясны; некоторые исследователи предполагают, что посредническую функцию выполняют, как и у животных, феромоны, хотя их наличие у человека остается гипотетическим [261]. Однако синхронизация некоторых физиологических процессов может быть следствием не только сексуальной, но и психологической близости. Например, синхронизация сердцебиения в ряде случаев наблюдалась у однополых индивидов, не связанных сексуальными отношениями, но вовлеченных в решение какой-то общей задачи и близких друг другу психологически [61]. Проблема особых телесных эманаций, невидимых для окружающих, но улавливаемых близкими людьми и теми, кто обладает

особой чувствительностью, сегодня стала актуальной не только для парапсихологов. Супружеская пара, как и личность, обладает духовной и психофизиологической индивидуальностью, единство которой не ограничивается сексуальной сферой.

Консультативная служба брака и семьи остро нуждается в психодиагностических тестах, позволяющих определять и прогнозировать психологическую совместимость супружеских пар в долгосрочной перспективе [20, 66]. Интересны в этом плане работы американского психолога Зика Рубина [301], который предложил сравнительно простую методику предсказания развития взаимоотношений влюбленной пары на основе любви и симпатии, расположения, т. е. чувств, которые обычно выражаются посредством слова «нравится». Уже в обыденной речи «любовь» и «расположение» различаются не только количественно (любовь как высшая степень расположения), но и качественно. «Расположение» — более или менее недифференцированная положительная установка, отношение к другому человеку, в котором доминирует оценочный момент. Нравиться может только тот, кто обладает какими-то положительными или желаемыми качествами или кому приписывают их. В любви это не обязательно. Любовь — не расположение, а напряженная потребность в данном человеке, влечение к нему, страстное желание обладать им, заботиться о нем, быть ему нужным независимо от оценки его качеств. Любимый может и не нравиться, а тот, кто нравится, далеко не всегда любим. Руководствуясь этими идеями, Рубин разработал две отдельные шкалы — любви и расположения, по 13 пунктов в каждой. Шкала любви включает пункты, измеряющие степень привязанности («Если мне одиноко, моя первая мысль — разыскать X»), заботы («Если бы X чувствовал себя плохо, мой первейший долг был бы поддержать его») и интимности («Я чувствую, что могу буквально во всем довериться X»). Шкала расположения измеряет, насколько благоприятно испытуемый оценивает данного человека по ряду качеств (зрелость, приспособленность, интеллект, здравомыслие) и насколько он склонен считать этого человека похожим на себя. Применение этих шкал к 182 парам студентов Мичиганского университета, связанных отношениями ухаживания, показало, что «любовь» и «расположение» действительно не совпадают, причем показатели по шкале любви позволяют предсказать вступление молодых людей в брак гораздо точнее, чем показатели шкалы расположения. На этой основе Рубин сумел дос-

таточно точно предсказать, какие из обследованных пар поженятся, а какие разойдутся. Ныне эта методика широко применяется американскими психологами.

По данным С. И. Голода, удовлетворенность браком и уровень психологической интимности тесно связаны с взаимным расположением, симпатией, занимающей «доминантное положение» в структуре супружеской интимности [26, с. 78]. Это наглядно представлено в табл. 14.

Таблица 14

Соотношение удовлетворенности мужа и жены браком и уровень супружеской симпатии [26]

Удовлетворенность	Число пар	Симпатия, %		
		абсолютная	относительная	практически отсутствует
Максимально удовлетворены	147	71,4	25,0	3,6
Удовлетворены	175	41,1	50,3	8,6
Не удовлетворены	79	15,2	36,7	48,1

Примечание. Стаж в браке от 1 до 10 лет; абсолютная — безусловная взаимная симпатия супругов, относительная —«в общем, да», практическое отсутствие — по меньшей мере один из супругов отрицает симпатию.

Однозначное, строгое разграничение ценностей супружества невозможно. Понятия «симпатии», «интимности» могут интерпретироваться по-разному и накладываться друг на друга. С. И. Голод справедливо указывает, что, кроме бытовой адаптации, духовной интимности, сексуальной гармонии и взаимной симпатии, существенным фактором благополучного длительного брака является личностная автономия супругов, возможность сохранять и проявлять свою индивидуальность. Значение этого фактора особенно существенно для мужчин, хотя сами они (еще одна иллюстрация патриархального атавизма) склонны недооценивать и в чем-то ущемлять индивидуальность своих жен. Все эти факторы не в состоянии просчитать никакие ЭВМ.

Во всех сколько-нибудь сложных культурах любовь, во всяком случае в высших ее проявлениях, описывается не в натуралистических, а в религиозно-философских и эстетических терминах, ценностно-аксиологически. Для приобщения к культуре, как и для познания человека, недостаточно «внешнего» рассмотрения, включения в систе-

му объективных причинно-следственных связей (объяснение). Тут требуется иное, внутреннее, проникновение, понимание, основанное на диалоге.

Почему я говорю здесь об этих тривиальных вещах? Потому что они тоже имеют практическое значение. Если любовь — запретный для науки сюжет, а без нее сексуальная мотивация заведомо неполна, то невозможна и психология сексуальности, сексология ограничивается изучением простейших, элементарных форм сексуального поведения. Если, напротив, наука — альфа и омега всего, а чего она не может, просто не заслуживает внимания, то люди должны так же почтительно взирать на статистические выкладки, как некогда — на божественные заповеди.

Однако именно этого нельзя делать. В том, что касается человеческой жизни, наука дает не столько рецепты, сколько пищу для самостоятельных размышлений, помогающих индивиду выработать собственный стиль жизни и душевного творчества, высшим проявлением которого становится любовь.

ГЛАВА 5

СЕКСУАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ И ГОМОСЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

«НЕНАЗЫВАЕМЫЙ ПОРОК»

В этой книге речь идет главным образом о нормальной сексуальности, данные сексопатологии привлекаются лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания нормы. Однако есть одна проблема, которая, хотя и рассматривается у нас преимущественно в рамках сексопатологии, требует специального междисциплинарного освещения. Речь идет о гомосексуализме.

В «Частной сексопатологии» гомосексуализм трактуется как одно из многочисленных нарушений психосексуальных ориентаций, «искажение направленности полового влечения и форм его реализации» [89], в данном случае по полу сексуального объекта. Понятие «парафилии», определяемое Мани как сексуально-эротические дисфункции или синдромы, при которых половое возбуждение или оргазм достигается только с помощью каких-то атипических или культурно-запрещенных стимулов, охватывает очень широкий круг явлений. В числе 28 парафилий, перечисленных Мани [264], наряду с садизмом, мазохизмом, вуайеризмом, зоофилией фигурируют и такие экзотические синдромы, как «клизмофилия» (половое возбуждение связано с клизмой) и «телефонная скатофилия» (потребность произносить нецензурные слова по телефону). Обладая клиническим опытом и достаточным запасом латинских и греческих слов, можно без труда создать специальный «изм» для любых индивидуальных эротических предпочтений. Однако зачем умножать число «сущностных» категорий, когда вполне достаточно феноменологического описания?

Гомосексуализм по ряду параметров выпадает из этого ряда. Во-первых, это широко распространенное явление. По подсчетам разных авторов, исключительно гомосексуальную ориентацию имеют от 1—2% до 5—6% мужчин и от 1% до 3—4% женщин. Эпизодические или временные сексуальные контакты имеют по меньшей мере треть мужского населения. Во-вторых, эта проблема имеет фун-

даментальное теоретическое значение — природа и генезис гомосексуальности так же важны для понимания общих закономерностей формирования сексуальной ориентации, как клиника транссексуализма — для теории половой дифференцировки. В-третьих, гомосексуальность и отношение к ней занимают, как было показано выше, важное место в системе полового и сексуального символизма любой культуры, причем здесь есть свои кросс- и транскультурные, филогенетические константы. В-четвертых, в отличие от большинства парафилий, изучавшихся почти исключительно психиатрами, хотя некоторые из них имеют определенные социокультурные предпосылки (вуайеризм и эсгибиционизм предполагают табуирование наготы, фетишизм — различение эротических и неэротических объектов и т. д), гомосексуальность — междисциплинарный «сюжет», занимающий одно из центральных мест в любом разделе современной сексологии. В-пятых, эта тема широко представлена в художественной литературе и искусстве. Стыдливо замалчивать этот факт — значит только дезориентировать читателя, в том числе врачей.

Что мы знаем о природе гомосексуализма и закономерностях формирования сексуальной ориентации вообще? Начать придется с краткой истории вопроса. В древней Греции, как мы видели, существительного «гомосексуалист» не было, соответствующие прилагательные дифференцировали не индивидов, а их эротические предпочтения или поступки. Средневековое понятие «содомии», помимо своей многозначности, также обозначало не человека, а тип запрещенных действий, с которыми не ассоциировалась особая социальная или психологическая идентичность. В медицинской литературе XIX века проблема была поставлена иначе. Слово «гомосексуализм» субстанциализировалось и стало обозначать не только особое психофизиологическое состояние, болезнь, но и определенный стиль жизни, разновидность человеческого рода, которая по всем основным показателям отличается от других людей [167].

Уже первые специальные теории гомосексуальности были неоднозначны [218]. По мнению французского психиатра Андре Тардье, половое влечение к лицам собственного пола — врожденное моральное и физическое уродство, следствие вырождения, которое обнаруживается даже в особой форме полового члена; единственный способ борьбы с ним — карательные меры, вплоть до кастрации. Напротив, по мнению немецкого юриста Карла Ульрихса, опубликовавшего в 1860-х годах 12 книг на эту тему,

гомосексуалисты (по имени греческой богини Урании, считавшейся покровительницей однополой любви, К. Ульрихс называл их «урнингами») — жертвы ненормального эмбрионального развития. Исходя из того, что половые органы эмбриона вначале недифференцированы, Ульрихс полагал, что у урнингов гениталии развиваются по мужскому типу, тогда как в мозге, который определяет направленность полового влечения, соответствующей дифференцировки не происходит. Урнинги — люди, у которых женская душа заключена в мужское тело; хотя это состояние является врожденным и, следовательно, неизменным, оно представляется не более патологическим, чем, например, дальтонизм. Поскольку в социальном и психическом отношении урнинги вполне нормальны, преследовать их жестоко и неразумно.

После многочисленных безуспешных попыток найти какие-то анатомофизиологические признаки гомосексуализма в центре внимания оказываются психические свойства. Знаменитый немецкий невропатолог и психиатр Карл Вестфаль определил гомосексуализм (термин ввел еще раньше венгерский врач Карой Мария Бенкерт, писавший также под псевдонимом Кертбени) как врожденное изменение полового чувства. В 1882 г. французские психиатры Жан Шарко и Валентин Маньян в статье «Инверсия генитального чувства» сообщили, что с успехом применили для лечения таких случаев гипноз. Хотя трудно понять, как можно гипнозом излечить врожденное заболевание (а его врожденность авторы не ставили под сомнение), статья имела большой резонанс и термин «инверсия» прочно вошел в научный язык.

Однако клинические факты не укладывались в концепцию биологической предопределенности. В результате возникают дуалистические теории. Так, русский дерматовенеролог В. М. Тарновский в конце XIX века предложил разграничивать врожденные, генетически обусловленные, и приобретенные формы гомосексуализма, возникающие вследствие внешних влияний, половых излишеств, жажды разнообразия и т. д. Однако можно ли называть одним и тем же словом явления, имеющие настолько разную этиологию?

Теоретические споры о «причине» гомосексуализма продолжались и в начале XX века. Форель и Молль считали его половым извращением, специфической психопатологией. Крафт-Эбинг и Эллис видели в нем аномалию, подобную дальтонизму, к которой слово «психическая болезнь» неприменимо, так как гомосексуальность сов-

местима с нормальным психическим функционированием. Хиршфельд и Блох считали гомосексуализм врожденным предрасположением, своего рода идиосинкразией, которую нужно просто принимать как факт. Вместе с тем Хиршфельд вслед за Ульрихсом считал гомосексуалистов своего рода «третьим полом», промежуточной стадией развития, интерсексуальным состоянием, когда телесные свойства одного пола сочетаются с сексуальными или эмоциональными характеристиками другого. Исходя из представления о врожденности и неизлечимости гомосексуализма, Хиршфельд настойчиво добивался отмены его уголовного преследования [311].

При всем своем гуманистическом пафосе монокаузальная теория гомосексуальности наталкивалась на непреодолимые трудности: наряду с людьми, чья гетеро- или гомосексуальная ориентация является исключительной и сохраняется на протяжении всей жизни, существуют люди, у которых гетеро- и гомосексуальные увлечения чередуются, сменяя друг друга. Может быть, дело не во врожденном предрасположении, а в особенностях индивидуального развития? Именно так ставил проблему З. Фрейд.

«С точки зрения психоанализа исключительный сексуальный интерес мужчин к женщинам представляет собой проблему, которая требует выяснения, а не самоочевидный факт, основанный на влечении, имеющем в конечном счете химическую природу» [171]. Однополая любовь покоится на тех же психофизиологических предпосылках, что и гетеросексуальная, а итоговое соотношение того и другого определяется лишь в процессе индивидуального развития. И хотя «различия в результатах могут иметь качественный характер, анализ показывает, что различие между их детерминантами только количественное» [171]. Гомосексуальность — не психическая болезнь в обычном понимании этого слова, а результат специфических условий формирования личности в раннем детстве, «переделать» которые в дальнейшем невозможно.

Следующий удар по субстанциалистской концепции гомосексуальности нанес Кинзи, который показал, что и в поведении, и в эротических установках гомо- и гетеросексуальность — не самостоятельные сущности, а полюсы некоторого континуума, так что можно говорить о степенях гетеро-, гомосексуальности. Чтобы получить достоверные данные о распространении гомосексуального поведения, Кинзи сконструировал 6-балльную шкалу, на одном полюсе которой стоят исключительно гетеросексуальные лица, не имевшие никаких гомосексуальных контактов, на дру-

гом — исключительно гомосексуальные лица, не имеющие никакого гетеросексуального опыта, а посередине — те, у кого есть и тот, и другой опыт. Другая такая же шкала измеряла уже не поведение (сексуальные контакты), а эмоциональные реакции, эротические чувства респондентов к лицам своего и противоположного пола.

Метод Кинзи дал интересные результаты. Прежде всего гомосексуальное поведение оказалось значительно более распространенным, чем принято было думать. Среди опрошенных Кинзи мужчин 48% признали в своем сексуальном опыте хотя бы один гомосексуальный контакт, в том числе 37% — с оргазмом, 25% мужчин между 16 и 55 годами пережили несколько таких контактов; 18% имели по крайней мере в течение 3 лет приблизительно равное число гомо- и гетеросексуальных контактов; 10% мужчин в течение этого срока (не менее 3 лет) вели исключительно гомосексуальную жизнь, а 4% остаются гомосексуалистами [221]. Из опрошенных женщин 28% признали, что хотя бы однажды испытывали эротические чувства к другим женщинам; 19% к 40 годам имели хотя бы один фактический гомосексуальный контакт, причем 12% — с оргазмом, исключительно гомосексуальную жизнь вели 1% женщин [222].

Хотя эти цифры отнюдь не являются нормативными, их анализ позволил сделать два важных вывода: 1) гомосексуальное поведение не тождественно устойчивой гомосексуальной ориентации личности: один и тот же индивид может по-разному вести себя в разных ситуациях и в разные периоды своей жизни. Личность — не механическая сумма поступков и с любыми ярлыками нужно обращаться осторожно; 2) сексуальное поведение и эротические переживания часто не совпадают. Даже в очищенной от явных гомосексуалистов выборке Кинзи гомоэротические сны и фантазии признали 14% мужчин и 9% женщин [183]; у людей со «смешанным» сексуальным опытом рассогласованность поведения и установок встречается гораздо чаще.

Гетеро- и гомосексуальные индивиды, по Кинзи, отличаются друг от друга не фундаментально, а по количеству имеющегося у них гетеро- и гомосексуального опыта, причем в формировании исключительно гомосексуального поведения важную роль играют социальные условия, в частности стигматизация и остракизм, которым общество подвергает «разоблаченного», даже если речь идет об одном-единственном опыте.

Эти факты существенны не только для понимания гомосексуальности; они показывают также трудности

интерпретации поведенческой статистики, особенно в середине шкалы. Поведение, в котором гомо- и гетеросексуальные контакты представлены поровну, формально выглядит одинаково бисексуальным. Однако 90 и 90 контактов — не то же самое, что 9 и 9; 20 контактов с 5 партнерами — не то же самое, что 5 контактов с 20 партнерами и т. д. Чтобы перейти от поведенческой статистики к типологии, нужен сложный качественный анализ [179].

Первыми взялись за дело генетики. Экспериментальные исследования показали, что нарушение генетического кода у рыб и лягушек вызывает необратимые сдвиги в их сексуальном поведении: генетические самцы ведут себя как самки и наоборот [262; 267]. Инверсия в этих экспериментах затрагивала не только сексуальность, а все поведение животных, что является скорее аналогом транссексуализма, чем гомосексуализма, который лишь в редких случаях сочетается с общей соматической и поведенческой феминизацией мужского и маскулинизацией женского индивида. Возможность генетического манипулирования сексуальной ориентацией индивида, не меняя общей схемы полодиморфического поведения, представляется более чем сомнительной. Как говорилось выше, уже в XIX веке ученые пытались объяснить гомосексуальность свойствами телосложения, и поныне гомосексуальное поведение иногда ассоциируется с не соответствующим генетическому полу телосложением и объясняется врожденными гормональными нарушениями.

Однако различия в телосложении необходимо сопоставить со сроками полового созревания. Поздно созревающие мальчики-подростки выглядят менее маскулинными, чем их сверстники-акцеleранты, но в зрелом возрасте эта разница практически исчезает. Кроме того, речь может идти не о параллельной генетической детерминации соматических свойств и сексуальной ориентации, а о том, что не соответствующее половому стереотипу телосложение вызывает у подростка ряд психологических проблем, увеличивая риск его вовлечения в гомосексуальные контакты [115, 155, 279].

Не предоставила сколько-нибудь определенных данных и генетика человека. Никаких хромосомных отклонений, отличающих гомосексуалистов от остальных людей, генетики не обнаружили. Правда, применение близнецового метода поначалу дало сенсационные результаты. Американский генетик Франц Каллмен [216] обследовал 40 пар однояйцовых, т. е. генетически тождественных, развившихся из одной яйцеклетки, и 45 пар двуяйцовых, т. е. развив-

шихся из разных яйцеклеток, близнецов, причем один из каждой пары был гомосексуалистом. У однояйцовых близнецов конкордантность (совпадение) по гомосексуальности оказалась стопроцентной, т. е. если один близнец был гомосексуален, таковым же оказывался и другой. У двуяйцовых близнецов таких совпадений не обнаруживалось. Однако работа Каллмена вызвала серьезную критику. Указывали на расплывчатость его определения гомосексуальности, на несовершенство исследовательской техники, в частности отсутствие данных о сексуальной специфике отцов и других мужских родственников изученных близнецов. Подозрение вызвала и слишком высокая степень конкордантности. Новейшее исследование 28 пар близнецов подтвердило высокую конкордантность по гомосексуальности у монозиготных и низкую — у дизиготных близнецов. Расхождение сексуальных ориентаций у монозиготных близнецов, определяемое некоторыми исследованиями как редкость, также не выглядит необычным [351а].

Психологи указывают, что совпадение свойств монозиготных близнецов может объясняться не только наследственностью, но и их сильной эмоциональной привязанностью друг к другу и трудностями психологического процесса их индивидуализации; отношения между однополыми близнецами довольно часто приобретают гомоэротический оттенок, объяснимый без помощи генетики. Новейшие генетические исследования гомосексуальности учитывают и такие факторы, как число, пол и возраст сибсов (братьев и сестер), возраст матери к моменту рождения гомосексуального ребенка и т. д. Однако сколько-нибудь определенных выводов положительного характера никто не делает.

В целом ученые склонны думать, что генетические факторы, вероятно, играют некоторую роль в определении сексуальной ориентации, как и всей программы психосексуального поведения индивида, но это влияние скорее всего является опосредованным, что и объясняет широкую вариативность сексуального поведения и то, что одни формы гомосексуальности поддаются психотерапии, а другие — нет.

К аналогичным выводам приходит и эндокринология. Влияние половых гормонов на формирование сексуальной ориентации сводится практически к 3 основным вопросам: 1) обнаруживают ли гомосексуалисты какие-либо характерные гормональные аномалии; 2) обнаруживают ли люди с определенными эндокринными нарушениями повышенную склонность к гомосексуальности; 3) вызывает

ли гормонотерапия изменения сексуальной ориентации. На все 3 вопроса ответ дается скорее отрицательный [257]. Уровень тестостерона в плазме крови мужчин-гомосексуалистов находится в общем в пределах нормы, а сравнение их по этому показателю с гетеросексуальными мужчинами дает противоречивые результаты (что вполне естественно, если вспомнить изменчивость этих показателей). В свете имеющихся данных считается весьма маловероятным, чтобы отклонения гормонального порядка в постпубертатном периоде были ответственны за развитие гомосексуальной ориентации у мужчин, хотя не исключена возможность, что такие эндокринные нарушения прямо или косвенно содействуют или сопутствуют гомосексуальности у некоторых мужчин. Приблизительно так же обстоит дело и у женщин. Хотя у трети лесбиянок уровень тестостерона повышен, у большинства он остается в пределах нормы. Может ли повышенный, хотя все-таки значительно ниже мужской нормы, уровень тестостерона служить причиной женского гомосексуализма, неизвестно. Кроме того, эти результаты могут быть следствием каких-то неучтенных особенностей гомосексуальной выборки или артефактом измерительных процедур [150а].

Однако невозможность непосредственного эндокринного объяснения гомосексуальности не исключает возможности влияния более тонких нейроэндокринных факторов. По мнению эндокринолога Гунтера Дёрнера (ГДР), гомосексуальность можно объяснить, хотя бы отчасти, расхождением между генетическим полом плода и специфическим для данного пола уровнем андрогенов в критический период дифференцировки мозга [145—147]. Согласно экспериментальным данным, кастрированные новорожденные самцы крысы, достигнув половой зрелости, даже после искусственного введения им больших доз андрогенов обнаруживали большей частью гомосексуальное поведение, а строение мозга таких феминизированных самцов напоминало мозг нормальных самок. Гормональная реакция таких самцов на введение эстрогенов также была типично фемининной. Сходные различия выявились и при сравнении реакций на эстроген группы гомо- и гетеросексуальных мужчин. Другой фактор, которому Дёрнер придает большое значение, состоит в том, что гомо- и бисексуальное поведение чаще всего наблюдается у самцов крыс, матери которых испытывали в период беременности стресс, что обычно снижает уровень тестостерона. Экспериментальная проверка подтвердила, что у плодов

и новорожденных самцов крыс от матерей, подвергнутых стрессу, уровень плазменного тестостерона значительно ниже нормы. Применимо ли это к людям? Сопоставив даты рождения 794 мужчин-гомосексуалистов, зарегистрированных в последние годы сексологами и венерологами ГДР, Дёрнер и сотр. нашли, что в военные годы родилось значительно больше гомосексуалистов, чем до и после войны. Сходные результаты были получены при опросе 72 гомо- и 72 гетеросексуальных мужчин: матери первых испытывали в период беременности гораздо больше нервных потрясений и трудностей, чем матери вторых. Следовательно, заключает Дёрнер, стресс у матери, который может повлечь за собой ненормальный уровень половых гормонов и связанные с этим нарушения половой дифференцировки мозга плода, вероятно, и есть фактор риска по сексуальным девиациям в постнатальной жизни.

Однако нейроэндокринная теория гомосексуальности вызывает серьезные возражения и острую критику со стороны многих нейроэндокринологов, нейрофизиологов, психиатров и психологов [150, 257, 311].

Переход от экспериментов с крысами к анализу человеческого поведения — дело весьма нелегкое и рискованное. В опытах с крысами были получены не столько гомосексуальные реакции, сколько трансформация полодиморфического поведения животных в целом. У людей и даже у приматов дело обстоит сложнее. Не говоря уже о частом расхождении поведенческих свойств и эротических предпочтений, выявленном еще Кинзи, гомосексуалисты ни соматически, ни поведенчески не образуют однородной группы. В некоторых случаях Дёрнер специально оговаривает, что установленные фемининные гормональные реакции характерны лишь для «феминизированных» мужчин-гомосексуалистов, но человеческие сексуальные ориентации относительно автономны от соматических и других характеристик. Хотя девочки с адреногенитальным синдромом, описанные Мани [261], во многом вели себя маскулинно, их сексуальное поведение было гетеросексуальным; исключительно гомоэротические фантазии были характерны лишь для 10%. Данные о влиянии стрессовых ситуаций военного времени вызывают ряд сомнений методологического порядка (репрезентативность медицинской статистики по столь деликатному вопросу; как коррелируют эти данные со статистикой других нейрогормональных нарушений, связанных с пренатальным стрессом; насколько надежно сравнение ретро-

спективных самоотчетов людей, среди которых одни здоровы, а другие считают себя больными, и т. п.).

Тем не менее психоэндокринные факторы сексуальной ориентации нельзя сбрасывать со счетов. В последние 2—3 года теория зависимости половой дифференцировки мозга и сексуального поведения от андрогенов подверглась существенным уточнениям. Оказалось, что, кроме уже известной специфической дифференцировки мозга в определенные критические фазы пренатального развития, существуют два различных пути прохождения гормонов: андрогенный, использующий главным образом тестостерон и (или) дигидротестостерон, и эстрогенный, полагающийся преимущественно на эстрадиол, извлекаемый из тестостерона путем ароматизации на клеточном уровне соответствующих органов-мишеней [252]. Эксперименты с нестероидным синтетическим эстрогеном диэтилстильбэстролом (ДЭС) показали, что его пре- и постнатальное введение меняет черты полодиморфического игрового общения у самок крыс, увеличивает маскулинность и уменьшает фемининность сексуального поведения у взрослых самок морских свинок и снижает вероятность поведения, связанного с наскоком и интромиссией, у взрослых самцов крыс. При сравнении 30 взрослых женщин, которые в пренатальном периоде подверглись воздействию ДЭС, с двумя контрольными группами 25% этих женщин обнаружили повышенную бисексуальность и гомосексуальность, хотя 75% были исключительно или почти исключительно гетеросексуальными [151]. Это побуждает ученых допускать, что в основе некоторых форм полодиморфического поведения лежат специфические вариации или отклонения в путях метаболизма гормонов, независимые от механизмов, регулирующих периферический половой диморфизм, и, возможно, даже от других полодиморфических мозговых систем и связанного с ними поведения.

Эти явления сейчас интенсивно изучаются. Однако большое число гипотетических нейроэндокринных механизмов, которые должны быть рассмотрены для объяснения гомосексуальности, делает крайне маловероятным, что в основе всех форм гомосексуальности лежит один и тот же механизм. «В свете уроков эндокринного исследования генитальной интерсексуальности эндокринный базис гомосексуальности — даже если он существует только у одной группы гомосексуалистов — сам будет, вероятно, многофакторным» [257].

ФОРМИРОВАНИЕ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Каковы бы ни были возможные биологические причины или сопутствующие факторы гомосексуальности, формирование сексуальной ориентации индивида — сложный и длительный индивидуальный процесс. Важнейший теоретический вывод многолетнего поиска причин гомосексуальности — уяснение того, что мы вообще не знаем «этиологию» устойчивой системы эротических предпочтений индивида, будь то гомо-, гетеро- или бисексуальная ориентация. Поведенческая статистика, подсчитывающая количественное соотношение гомо- и гетеросексуальности, так же легко вводит в заблуждение, как и склонность клиницистов «субстанциализировать» описываемые ими синдромы, превращая их из феноменов в самостоятельные сущности.

Поскольку вариации сексуального, как и всякого иного, поведения могут объясняться временными, ситуативными факторами, американский психиатр Д. Мармор предлагает считать гомосексуальным индивидом только того, «кто во взрослой жизни испытывает определенно более сильное эротическое влечение к представителям собственного пола и обычно, хотя не обязательно, поддерживает с ними сексуальные отношения» [245]. Это определение заведомо исключает преходящие, временные, ситуативно обусловленные (например, жесткой половой сегрегацией в условиях тюрьмы или закрытого учебного заведения) или типичные только для определенной фазы психосексуального развития (препубертатное и подростковое сексуальное экспериментирование) гомосексуальные контакты и переживания. Однако от чего зависит этот итог? В современной сексологии существуют на сей счет две главные парадигмы, за каждой из которых стоит несколько содержательных концепций [333].

Первая, более традиционная биолого-медицинская парадигма (назовем ее теорией инверсии) относит гомосексуальность к тому же классу явлений, что и гермафродитизм, транссексуализм и трансвестизм. Их общую основу составляет рассогласованность различных детерминант или уровней половой идентичности, но эта рассогласованность неодинакова по своей глубине, устойчивости и преимущественной сфере проявления. Гермафродитизм — явная соматическая патология, делающая невозможной половую идентификацию индивида. Транссексуализм — постоянная, тотальная инверсия половой роли/идентичности, несовпадение морфологического пола и

полового самосознания субъекта, большей частью обусловленное скрытой генетической или гормональной патологией. Трансвестизм также предполагает инверсию половой роли/идентичности, но не постоянную, а эпизодическую; половая идентичность является в этих случаях как бы сменной, выбираемой на время. Гомосексуализм не затрагивает ни телосложение, ни половую роль/идентичность, но означает постоянную инверсию сексуальной ориентации, т. е. неадекватный выбор сексуального партнера. У бисексуальных индивидов сексуальная инверсия является временной, эпизодической.

Эта схема по-своему логична, отражая переход от более глубокой и устойчивой инверсии к локальной и эпизодической. Однако хотя «сексуальные» свойства кажутся производными от «половых», так бывает далеко не всегда. С одной стороны, нарушение половой роли/идентичности в детстве в дальнейшем нередко сопровождается сексуальной инверсией. Например, все 9 мальчиков, страдавших допубертатной рассогласованностью половой роли/идентичности, развитие которых прослежено Мани и Руссо до 23—29 лет, стали гомосексуалистами [268]. С другой стороны, трансвестизм не обязательно и даже довольно редко сочетается с гомосексуальностью (это видно, кстати, и из приведенных выше этнографических данных). Поскольку попытки найти биологические детерминанты «чистого» гомосексуализма до сих пор остаются безуспешными, психологи и психиатры вынуждены искать источники сексуальной ориентации как в гомо-, так и в гетеросексуальном варианте, в особенностях индивидуального развития личности.

Вторая парадигма (теория сексуальной ориентации) основывается не на сексопатологии, а на психологии нормального развития, считая формирование эротических предпочтений субъекта одним из аспектов становления его полоролевой ориентации; с этой точки зрения критическим периодом формирования эротических предпочтений будет уже не раннее детство, а предподростковый и подростковый возраст, а наиболее значимыми другими — не родители, а сверстники, с которыми индивид общается и на которых психологически ориентируется в период, когда у него пробуждаются эротические интересы. Соотношение этих двух теоретических моделей представлено на с. 269.

С точки зрения постановки вопроса вторая модель, предлагающая изучать процесс формирования сексуальной ориентации в целом, а не только в гомосексуальном ва-

Две модели формирования сексуальной ориентации (теория инверсии и теория сексуальной ориентации) [47]

	Этиологическая модель	Психологическая модель
Общая система отсчета	Сексопатология	Психология развития
Область исследования	Инверсия, отклонение от подразумеваемой нормы	Нормальный процесс психосексуального развития
Предмет исследования	Гомосексуальность как перверсия, девиация или парафилия	Сексуальная ориентация
Ключевой психический процесс	Идентификация со своим или противоположным полом	Формирование и осознание своих эротических предпочтений
Критический период	Раннее детство	Предподростковый и пубертатный возраст
Наиболее значимые другие	Родители	Сверстники
Возможные биологические факторы	Пренатальные гормональные нарушения, несоответствие телосложения половым стереотипам	Нормальная неравномерность физического, полового и социального созревания
Неэротические поведенческие факторы	Несоответствие поведения полоролевым предеписаниям	Соотношение гомо - и гетеросоциальности, круг и характер общения

рианте, предпочтительнее, но в содержательном плане обе модели не столько альтернативны, сколько взаимодополнительны. Первая фиксирует связь сексуальной ориентации личности с особенностями формирования полоролевой ориентации и предпочтений у ребенка, тогда как вторая описывает процесс дифференцировки собственно эротических предпочтений, приходящийся на младший подростковый возраст.

Согласно теории Стормса, «эротическая ориентация возникает в результате взаимодействия между развитием полового влечения и социальным развитием в младшем подростковом возрасте» [334]. Иными словами, половое созревание вызывает эротические переживания, а социальная среда и преобладание в ней гетеро- или гомосоциальных моментов (круг общения подростков, объекты их эмоциональных привязанностей, источники сексуальной информации и т. д.) определяют их направленность. Поскольку более раннее пробуждение либидо приходится на возраст, когда в круге общения и эмоциональных при-

вязанностей подростка преобладают сверстники собственного пола, это способствует развитию гомоэротических склонностей, а более позднее созревание, наоборот, благоприятствует гетеросексуальности. При одинаковом половом влечении гомоэротическая ориентация будет тем сильнее, чем продолжительнее период преобладания гомосоциальных отношений; уменьшение половой сегрегации, напротив, способствует формированию гетеросексуальной ориентации.

Стормс подтверждает это ссылками на известные факты более раннего пробуждения у гомосексуалистов эротических интересов и сексуальной активности. Например, по данным Сагира и Робинса [302], от 60% до 80% мужчин-гомосексуалистов сообщили, что половое влечение появилось у них до 13 лет (в контрольной группе таковых оказалось 20—30%). Меньшая распространенность гомосексуализма среди женщин также может быть объяснена этими двумя факторами: более поздним пробуждением эротических интересов (15 лет по сравнению с 13 у мальчиков) и меньшей гомосоциальностью женщин.

Гипотеза Стормса, несомненно, заслуживает серьезного обсуждения, но далеко не бесспорна. Во-первых, повышенная эротизированность эмоциональных переживаний и межличностных отношений мужчин-гомосексуалистов в подростковом возрасте может быть следствием ретроспективной иллюзии или того, что осознание своей сексуальной необычности побуждает таких людей воспринимать все свои отношения в эротическом ключе. Во-вторых, гомосоциальность, как уже говорилось, способствует развитию гомоэротизма не при всех, а только при каких-то, не вполне одинаковых, условиях. В-третьих, остается открытым вопрос, почему социально типичные для определенного возраста гомоэротические переживания у одних людей проходят, а у других закрепляются. В-четвертых, ссылка на половые различия в этом случае малоубедительна, так как вследствие диффузности женской сексуальности гомоэротические оттенки и мотивы женских межличностных привязанностей часто остаются незамеченными и даже неосознанными.

На переходный возраст приходится львиная доля тех «гомосексуальных контактов», распространенностью которых так ужаснул своих читателей Кинзи. Даже в очищенной от гомосексуалистов выборке Кинзи такие контакты признали 36% мужчин и 15% женщин, обучавшихся в колледже [183].

Однако пересчет наиболее репрезентативной части

выборки Кинзи (2900 мужчин моложе 30 лет, учившихся в колледже) показал, что хотя 30% из них имели в прошлом хотя бы один гомосексуальный контакт, при котором опрошенный или его партнер испытывали оргазм, больше половины данной подвыборки (16% общего числа) не имели такого опыта по достижении 15-летнего возраста, а у другой трети подвыборки (9% общего числа) гомосексуальное экспериментирование закончилось к 20 годам. По данным Ханта [210], из людей, имевших когда-либо гомосексуальный контакт, половина мужчин и более половины женщин прекратили такие отношения до наступления 16 лет. Среди американских подростков 13—19 лет гомосексуальный опыт признали 11% мальчиков и 6% девочек, но более половины этого опыта приходится у мальчиков на 11—12 лет, а у девочек — на 6—10 лет [325]. Среди студентов американских колледжей, опрошенных в 1976 г., такие контакты признали 12% мужчин и 5% женщин [350], среди канадских студентов — 16—17 и 6—8% соответственно [95]. Среди 16—17-летних школьников ФРГ гомосексуальный контакт признали 18% юношей и 6% девушек, в том числе с оргазмом — 10% юношей и 1% девушек, но в последний год перед опросом такой опыт имели лишь 4% юношей и 1% девушек [323].

Что реально стоит за этими цифрами, которые, по единодушному мнению специалистов, скорее преуменьшены, чем завышены? Посмотрим на них не с точки зрения сексопатологии, которую интересует этиология гомосексуализма, а с точки зрения нормальной подростковой и юношеской сексуальности.

Гомосексуальный опыт в отрочестве и юности может быть существенным или несущественным фактом психосексуальной биографии индивида, но такой опыт сам по себе отнюдь не делает его «гомосексуалистом», так же как никто не назовет вором ребенка, похитившего чужую игрушку. Бо́льшая часть подобных контактов происходит между сверстниками, без участия взрослых. Из числа американских подростков, имеющих гомосексуальный опыт, взрослыми были инициированы только 12% мальчиков и меньше 1% девочек; у остальных первым партнером был сверстник или подросток ненамного старше или моложе [325]. Сходную картину рисует и гомосексуальная выборка Кинзи: более 60% этих мужчин имели первый гомосексуальный контакт в возрасте от 12 до 14 лет [183]; в 52,5% случаев партнеру было также от 12 до 15 лет, у 8% он был младше, у 14% это были 16—18-летние юноши

и только у остальных — взрослые [183]. Аналогичные данные приводят и другие исследования.

Почему же вообще распространены гомоэротические чувства и контакты среди подростков? Ранние сексологические теории были склонны выводить их из особенностей самой подростковой сексуальности. Например, А. Молль постулировал существование особого периода «подростковой интерсексуальности», когда половая возбудимость очень велика, а объект влечения не определился. Такого мнения и сейчас придерживаются некоторые психиатры [68]. Однако возрастные рамки этого периода (от 7—8 до 15—16 лет) слишком неопределенны. Кроме того, неясно, является ли интерсексуальность всеобщей или характерной только для некоторых детей и подростков (и каких именно), как соотносятся в этих случаях сексуальное поведение и эротические фантазии и др. Если для Молля «интерсексуальность»— возрастной феномен, то З. Фрейд связывает гомосексуальность с изначальной бисексуальностью человека. Окончательный баланс гетеро- и гомоэротических влечений, т. е. психосексуальная ориентация личности, складывается, по З. Фрейду, только после полового созревания [171]. Поскольку у подростка этот процесс еще не завершен, «латентная гомосексуальность» проявляется у него, с одной стороны, в прямых сексуальных контактах и играх, а с другой — в страстной дружбе со сверстниками собственного пола. В рамках психоаналитической теории, рассматривающей все эмоциональные привязанности как либидонозные, такая расширительная трактовка гомоэротизма вполне логична. Однако насколько продуктивен подход, описывающий всю систему общения и эмоциональных привязанностей индивида в терминах, имеющих преимущественно, а для неспециалистов — исключительно сексуальный смысл?

Подростковый возраст и ранняя юность — время, когда личность больше всего нуждается в сильных эмоциональных привязанностях, но как быть, если психологическая близость с лицом противоположного пола затруднена собственной незрелостью подростка плюс многочисленными социальными ограничениями (насмешки товарищей, косые взгляды учителей и родителей), а привязанность к другу своего пола ассоциируется с гомосексуальностью? Порожденный этим страх лишь усиливает неуверенность подростка в своей психосексуальной идентичности. Дело даже не в последствиях. Взаимоотношения подростка с лицами своего и противоположного пола нужно рассмат-

ривать в общей системе его межличностных отношений, которые, конечно, не сводятся к сексуально-эротическим. Предложенных Кинзи двух шкал — поведенческой шкалы гетеро/гомосексуальности, фиксирующей половой состав реальных сексуальных партнеров личности, и диспозиционной шкалы гетеро/гомоэротизма, фиксирующей эротические предпочтения индивида,— недостаточно для описания и понимания его взаимоотношений с лицами своего и противоположного пола. Их необходимо дополнить двумя коммуникативными шкалами: поведенческой шкалой гетерогомосоциальности, фиксирующей половой состав круга реального общения личности (партнеры по играм, совместной деятельности, участие в однополых или смешанных компаниях и т. п.), и диспозиционной шкалой гетеро/гомофилии, фиксирующей ориентацию на одно- или разнополое общение, способность индивида к психологической интимности и дружбе с представителями своего и противоположного пола и потребность в них и т. д. [47].

Ни одно из этих понятий не является новым. Понятия гетеро- и гомосоциальности и гетеро/гомофилии давно употребляются в социальной психологии. Что же касается гетеро/гомосексуальности и гетеро/гомоэротизма, то их различал Шандор Ференци уже в начале XX века. Однако эти 4 оси обычно рассматривают изолированно друг от друга. Между тем именно их сопоставление показывает неправомерность сведéния общих социально-коммуникативных категорий к сексуально-эротическим, как бы широко последние ни трактовались.

Общеизвестная гомосоциальность мужчин и особенно мальчиков-подростков, предпочитающих общение с представителями своего пола, вытекает не из общего для них «гомосексуального радикала», а из общих закономерностей их половой социализации. Гомофилия, т. е. ориентация скорее на сходство, чем на дополнение, является общепсихологической закономерностью, которая отнюдь не ограничивается сферой взаимоотношения полов; людям вообще свойственно симпатизировать и искать близости с теми, кто кажется им похожими на них самих. Это ярко проявляется в психологии дружбы [41]. В переходном возрасте эта тенденция особенно сильна.

Сочетание коммуникативных и психосексуальных характеристик неодинаково у разных индивидов и на разных стадиях жизненного пути. Поведенческая гетеросексуальность может сочетаться с диспозиционным гомоэротизмом. Гетероэротизм нередко сочетается с гомофилией; это осо-

бенно типично для мальчика-подростка, который воспринимает женщину только как сексуальный объект и именно поэтому не способен к психологической близости с ней, остро нуждаясь в друге собственного пола. Половая сегрегация в общении (гомосоциальность) подростков может объективно благоприятствовать гомосексуальным контактам и в то же время стимулировать гетеросексуальные интересы. Подтверждение своей маскулинности и гетеросексуальности юноша опять-таки получает от сверстников собственного пола, которым он рассказывает о своих «победах».

Хотя разные эмоциональные привязанности взаимосвязаны и одна из них может предшествовать и подготавливать рождение другой, они принципиально несводимы друг к другу. Психосексуальные переживания переходного возраста можно понять только с учетом других аспектов формирования личности.

Например, интерес к телу и гениталиям людей собственного пола, возникающий уже в раннем детстве, стимулируется прежде всего потребностью самопознания, сравнения себя с другими. В пубертатный период подросток впервые воспринимает собственное тело как эротический объект, вторичные половые признаки становятся для него одновременно знаком взрослости и пола.

Мы читаем в дневнике 14-летней девочки: «Однажды, оставшись ночевать у подруги, я ее спросила — можно мне в знак нашей дружбы погладить ее грудь, а ей — мою? Но она не согласилась. Мне всегда хотелось поцеловать ее, мне это доставляло большое удовольствие. Когда я вижу статую обнаженной женщины, например, Венеру, то всегда прихожу в экстаз» [1]. При желании можно увидеть в этом признании проявление «латентной гомосексуальности». Однако телесный контакт, прикосновение имеют не только эротический смысл, это универсальный язык передачи эмоционального тепла, поддержки и т. д. Оценивая потенциально и даже явно эротические контакты между подростками, нужно помнить и о ситуативных факторах, в частности о высокой гомосоциальности младших подростков, для которых, особенно в 10—12 лет, почти повсеместно характерна некоторая сегрегация игровой активности мальчиков и девочек. Среди товарищей 10—11-летних мальчиков, обследованных Кинзи [221], мальчики преобладали в 72% случаев, девочки — в 4,7% случаев, было

[1] Дневник Анны Франк/Пер. Р. Райт-Ковалевой.— М., 1960, с. 125.

поровну тех и других в 23% случаев. Большая фактическая доступность сверстника своего, нежели противоположного, пола усиливается сходством интересов и значительно менее строгими табу на телесные контакты. Неудивительно, что гомосексуальные игры встречаются у них чаще, чем гетеросексуальные. Меньшая половая сегрегация, вероятно, даст иное соотношение. Генитальная игра со сверстниками, взаимная или групповая мастурбация, если в них не вовлечены взрослые, как правило, не считаются в мальчишеских компаниях чем-то страшным или постыдным. Поскольку у девочек выражения нежности, объятия, поцелуи вообще не табуируются, их потенциальные эротические обертоны большей частью и вовсе не замечаются. Естественно, пробуждающаяся чувственность на первых порах нередко удовлетворяется именно этим путем. К концу пубертатного периода такие игры обычно прекращаются; их продолжение в 15—16 лет уже дает основание для беспокойства.

Так как в генитальных играх младших подростков эротическая мотивация имеет подчиненное значение, психологи, чтобы избежать стигматизации, предпочитают не называть такие контакты гомосексуальными и не придавать им чрезмерного значения. Однако между допубертатной гомосексуальной активностью и будущим сексуальным поведением взрослого человека есть определенная связь. Из 2835 мужчин-студентов ФРГ, опрошенных Гизе и Шмидтом [185], гомосексуальные контакты в течение года перед опросом имели 3,4%. Эти данные были затем сопоставлены с воспоминаниями респондентов об их допубертатной (до 12 лет) гомосексуальной активности; оказалось, что чем выше допубертатная гомосексуальная активность личности (количество контактов и число партнеров), тем вероятнее гомосексуальное поведение взрослого. Из числа студентов, не имевших гомосексуальных контактов в детстве, в последний год перед опросом их имели лишь 2%, а из тех, кто имел много таких контактов,— 19% [309]. Вообще детство гомосексуальных мужчин выглядит более «сексуализированным».

Простейшее объяснение этих корреляций — ссылка на условнорефлекторные связи, которые могут возникнуть у подростка во время генитальной игры и зафиксироваться в качестве гомосексуальной направленности. В принципе это, конечно, не исключено. Однако условнорефлекторная модель психосексуального развития в целом кажется слишком упрощенной, фиксируя внимание скорее на внешней стороне события, чем на его смысле для личности.

Между тем долгосрочные последствия зависят именно от субъективного смысла.

Гомосексуальные контакты со сверстниками, если они имеют игровую форму и не сочетаются с психологической интимностью, большей частью преходящие. Дело не столько в поведении, сколько в переживаниях субъекта. Один пациент Гарри Салливэна, взрослый гомосексуалист, рассказал ему, что в школьные годы только он и еще один мальчик не участвовали в гомоэротических играх сверстников; случайно познакомившись затем и с этим школьным товарищем пациента, Салливэн узнал, что он тоже стал гомосексуалистом. Неучастие в играх товарищей было, вероятно, их бессознательной защитной реакцией, но пассивная роль зрителя только усиливала психологическую значимость происходящего [335].

Корреляциям между гомосексуальными играми мальчиков в допубертатном возрасте и поведением взрослых Г. Шмидт [309] предлагает следующие объяснения: 1) в поведении ребенка уже проявляется будущая гомосексуальная ориентация взрослого; 2) положительно воспринятый сексуальный опыт вызывает желание продолжать его и тем самым формирует гомосексуальную ориентацию; 3) гомосексуалисты чаще вспоминают свои допубертатные сексуальные контакты; у них либо лучше память на такие события, либо меньше склонность к их вытеснению из сознания; 4) гомосексуалисты бессознательно перестраивают свою автобиографию, чтобы придать ей больше последовательности.

Несмотря на разные исходные посылки, эти интерпретации не исключают друг друга. Объяснения 1 и 2 считают описываемые различия реальными, а объяснения 3 и 4 видят в них следствия ретроспективного анализа; кроме того, 1 и 2 основаны на предпосылке, что настоящее есть функция прошлого, тогда как 3 и особенно 4 считают субъективное прошлое функцией настоящего. Проверить эти гипотезы можно только с помощью долгосрочных лонгитюдных исследований; метод поперечных срезов и анализ ретроспективных самоотчетов тут бессильны.

Этиология гомосексуализма выводит нас на проблему генезиса сексуальных ориентаций как таковых. Если законен вопрос, когда, как и в результате чего индивид осознает себя гомосексуалистом, какие стадии проходит этот процесс, то этот вопрос правомерен и в отношении гетеросексуальности.

Исследователи [133, 306] выделяют 3 этапа гомосексуальной идентификации: 1) от первого осознанного

эротического интереса к представителю своего пола до первого подозрения о своей гомосексуальности; 2) от первого подозрения о своей гомосексуальности до первого гомосексуального контакта и 3) от первого гомосексуального контакта до уверенности в своей гомосексуальности, за которой следует выработка соответствующего стиля жизни.

Этот процесс неодинаково протекает у мужчин и у женщин. Мальчики, у которых раньше пробуждаются эротические чувства и чья половая роль допускает и даже требует отчетливых проявлений сексуальности, раньше начинают подозревать о своей психосексуальной необычности и раньше начинают половую жизнь, как правило, в гомосексуальном варианте. У девушек психосексуальное самосознание формируется позже; первое увлечение, объектом которого обычно бывает женщина на много лет старше, переживается как потребность в дружбе, гомосексуальному контакту у них часто предшествуют гетеросексуальные связи; так обстояло дело у 55% женщин и только у 19% мужчин [306]. В табл. 15 приводятся данные о возрастных параметрах этого процесса.

Таблица 15

Основные этапы гомосексуальной идентификации мужчин (581 человек) и женщин (151 человек), по данным М. Даннекера и Р. Райхе и З. Шефер [306]

Возраст	Первое подозрение о своей гомосексуальности		Первый гомосексуальный контакт		Уверенность в своей гомосексуальности	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
15 лет, %	51	21	45	10	14	11
20 лет, %	93	80	84	64	74	54
Медианный возраст, годы	14,6	18,2	16,7	19,8	19,0	20,7

Длительность процесса гомосексуальной идентификации варьирует в зависимости от социальных условий, включая существующие в обществе стереотипы, и индивидуальных особенностей. Если максимум практического сексуального экспериментирования приходится на допубертатный возраст и начальный период полового созревания, то психологически наиболее сложен юношеский возраст, когда завершается формирование сексуальной идентичности. Анализируя свои эротические переживания, юноша с гомо-

эротическими наклонностями обнаруживает свою непохожесть на других. Это вызывает острый внутренний конфликт, чувство страха и одиночества, мешая установлению психологической близости с другими и усугубляя свойственные этому возрасту психологические трудности. Многие юноши пытаются «защититься» от гомосексуальности экстенсивными, лишенными эмоциональной вовлеченности гетеросексуальными связями, но это чаще всего обостряет внутренний конфликт. Психическое состояние и самочувствие юношей с незавершенной психосексуальной идентификацией значительно хуже, чем у тех, кто так или иначе завершил этот процесс, и они больше нуждаются в психиатрической помощи.

Однако подростковое гомосексуальное экспериментирование не всегда и не у всех бывает просто ситуативным. Судя по всему, оно и его последствия тесно связаны с детским жизненным опытом и самосознанием личности. Выше, обсуждая закономерности психосексуального развития ребенка, я отмечал у мальчиков в соответствии с «принципом Адама» тенденцию «дефеминизации». Вопреки распространенному стереотипу обыденного сознания, ни телосложение, ни поведение взрослых мужчин-гомосексуалистов отнюдь не является более фемининным, чем остальных мужчин. Сравнение гомосексуальных и гетеросексуальных мужчин по психологическим шкалам маскулинности, фемининности и андрогинии также не подтверждает психоаналитической концепции, что для гомосексуалистов характерна идентификация с противоположным полом. Однако, описывая свое детство, гомосексуалисты часто видят себя более фемининными, чем остальные мужчины. Почему?

В 1974 г. Уитэм [351] задал 206 мужчинам-гомосексуалистам и 78 гетеросексуальным мужчинам ряд вопросов, относившихся к их детству: 1) интересовались ли они куклами, вышиванием и другими «девчачьими» играми и занятиями; 2) любили ли переодеваться в женскую одежду; 3) любили ли играть с девочками больше, чем с мальчиками; 4) дразнили ли их сверстники «девчонкой» и другими женскими кличками; 5) предпочитали ли они в детстве сексуальные игры с мальчиками, а не с девочками. Разница оказалась огромной, особенно между крайними группами исключительно гомо- и исключительно гетеросексуальных мужчин (табл. 16)

Аналогичные данные были получены в Гватемале и Бразилии [352], заставив предположить, что неадекватные полоролевые предпочтения в детстве — частая предпосылка взрослой гомосексуальности. Конечно, ретроспективные

Таблица 16
Сексуальная ориентация и не соответствующее полу поведение в детстве (только ответы «да» и «нет», %) [351]

Тип поведения	Исключительно гомосексуальные мужчины	Исключительно гетеросексуальные мужчины
I. Женские игры		
да	46,7	0
нет	53,3	98,5
II. Женская одежда		
да	44	0
нет	56	100
III. Игра с девочками		
да	42,1	1,5
нет	17,8	47,1
IV. Женские прозвища		
да	29,0	1,5
нет	29,9	89,7
не совсем женские, но и не мальчишеские	41,1	8,8
V. Сексуальный интерес к мальчикам		
да	77,6	11,8
нет	19,6	82,4

самоотчеты о детском поведении — источник принципиально ненадежный, но сходные результаты по детским играм, дифференцировка которых по полу отличается большой универсальностью и стабильностью, приводят многие другие ученые. Например, Греллерт и сотр. [195], спросив 198 гомо- и 198 гетеросексуальных мужчин и такие же две группы гомо- и гетеросексуальных женщин о том, насколько характерно было для них участие в 58 различных играх и спортивных занятиях отдельно в 5—8 и 9—13 лет, нашли между этими группами существенные различия, причем большинство гомосексуалистов обнаружили заметные отклонения от полоролевых нормативов. Ту же симптоматику отмечает лонгитюдное исследование Грина, в течение многих лет наблюдавшего мальчиков и девочек с атипичным полоролевым поведением [191—194]: 94% этих мальчиков начали переодеваться в женскую одежду еще до 6, а 74% — до 4 лет. Дружить с девочками предпочитают 94% фемининных и только 2% маскулинных мальчиков. Фемининные мальчики не только охотно играют в женские игры (куклы, дом), но и нередко выбирают в них женские роли, чего маскулинные мальчики не делают никогда. Хотя причины этой феминизации, равно

как и сексологический прогноз, могут быть разными, нарушение полоролевых стандартов поведения в детстве большей частью дополняется в пубертатном возрасте гомосексуальностью.

Однако почему у взрослых гомосексуалистов нет признаков феминизации? Отчасти на этот вопрос отвечает Харри [201]. Опросив более 1500 гомосексуальных мужчин, в какой мере некоторые противоречащие образу маскулинности черты (кличка «неженка», чувство одиночества, желание быть девочкой, общение больше с девочками, переодевание в женскую одежду и т. п.) были характерны для них в детстве, в подростковом возрасте и на стадии взрослости, Харри нашел, что эти признаки с возрастом убывают. Например, в детстве считались «неженками» 42%, в юности — 33%, в настоящее время — 8% опрошенных; желание быть девочкой (женщиной) уменьшилось соответственно с 22% в детстве до 15% в юности и, наконец, до 5% у взрослых; игра (общение) преимущественно с девочками (женщинами) в детстве была характерна для 46%, в юности — для 27%, а для взрослых — для 9% опрошенных. Дефеминизация происходит и у контрольной, гетеросексуальной, группы, но исходный уровень «фемининных» показателей у этих мужчин гораздо ниже. Например, в однородной студенческой подвыборке среди гомосексуалистов в детстве считались «неженками» 47%, а среди гетеросексуальных мужчин — 11%, быть девочками хотели соответственно 34 и 5%, надевали женское платье 44 и 5%. С возрастом эта разница уменьшается или сходит на нет, а кое в чем даже «переворачивается». Например, в детстве общество девочек предпочитали 50% будущих гомосексуальных и только 12% гетеросексуальных студентов-мужчин; в юности соответствующие показатели составили 47 и 25%, а среди взрослых — 23 и 41%, что вполне понятно в связи с расхождением сексуальных ориентаций обеих групп. С одной стороны, тут действуют макросоциальные факторы. Обследование 686 мужчин-гомосексуалистов в Сан-Франциско показало, что психологически и поведенчески феминизированные гомосексуалисты чаще происходят из рабочей, нежели из интеллигентной, среды, причем многие мальчики раньше начинают половую жизнь и именно в гомосексуальном варианте [202]. Харри объясняет это тем, что в культуре «синих воротничков» сильнее выражена полоролевая дихотомизация, благодаря чему любое несоответствие стереотипу маскулинности приобретает большее социальное значение, четче фиксируется окружающими, закрепляясь сначала в самосознании под-

ростка, а затем и в его сексуальной ориентации. С другой стороны, имеет значение микросоциальная, семейная, среда. Сравнение 66 поведенчески и психологически феминизированных мальчиков 4—11 лет с контрольной группой из 56 обычных маскулинных мальчиков из демографически сходных семей показало, что «фемининных» мальчиков в раннем детстве чаще считали красивыми, они больше болели; в первые годы жизни матери и отцы проводили с ними меньше времени. В то же время ожидаемой разницы в зависимости от того, хотели ли родители в период беременности данным ребенком получить сына или дочь, не обнаружилось, как и разницы в распределении супружеских ролей или удовлетворенности браком (некоторые теории транссексуализма придают этим факторам важное значение) [194].

Эти данные интересны не только с точки зрения сексопатологии, но и в более широком плане. В соответствии с «принципом Адама» формирование мужской половой идентичности и полоролевого поведения требует каких-то дополнительных усилий, и на мальчиков оказывается сильное давление в направлении психологической и поведенческой дефеминизации. Большинство из них справляются с этой задачей, но у тех, кому это дается труднее и процесс дефеминизации затягивается, по-видимому, остаются какие-то сомнения в своей полоролевой адекватности. Такие мальчики комфортнее чувствуют себя в женском обществе и в то же время испытывают повышенный интерес и тяготение к маскулинному началу, выступающему как своего рода идеал, недостижимый образец. В пубертатном возрасте эти интересы и контакты нередко эротизируются и складываются в более или менее устойчивую диспозиционную систему. При этом одних влечет к более сильным, физически развитым, маскулинным мальчикам, общение с которыми, не обязательно сексуальное, приобщает их к вожделенной маскулинности, в которой им самим как бы отказано (вспомним Тонио Крегера). Другие, напротив, тяготеют к младшим, более слабым и нежным мальчикам, в общении с которыми они могут чувствовать себя более уверенными и маскулинными, чем в обществе ровесников.

Эта модель, принимающая во внимание общеизвестную идеализацию маскулинности в гомосексуальной среде, позволяет, мне кажется, преодолеть односторонность концепции Стормса [334]. Из нее вытекает, что соотношение гомо/гетеросоциальности, гомо/гетерофилии и гомо/гетероэротизма зависит не только от возраста и стадии психосексуального развития ребенка, но и от его индивидуаль-

ных особенностей. Недаром одни авторы связывают развитие гомосексуальной ориентации с жесткой половой сегрегацией и гомосоциальностью, а другие, напротив, с разнополым общением. В действительности, вероятно, происходит и то, и другое, но эти факторы, как и возраст появления эротических интересов, значение которого подчеркивает Стормс, следует считать не детерминантами сексуальной ориентации, а лишь факторами, способствующими ее формированию, причем это объясняется в рамках теории нормального психосексуального развития, без ссылок на «скрытую» биологию.

Однако если наши сексуальные ориентации пластичны и изменчивы, то можно ли говорить о существовании единого гомосексуального стиля жизни или особого типа личности?

СЕКСУАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ И ТИП ЛИЧНОСТИ

Связи сексуальной ориентации с типом личности посвящена огромная специальная и вовсе уж необозримая популярная литература. На первый взгляд кажется вполне понятным, что такое существенное обстоятельство, как тип сексуальной ориентации, сказывается на самосознании, образе Я и социальном поведении. Однако идет ли речь при этом просто о какой-то устойчивой корреляции черт или о причинной зависимости и будет ли такая корреляция или причинная связь имманентной, проявляющейся всюду и везде, или она зависит от конкретных средовых условий? Применительно к гетеросексуальности самый вопрос об общих свойствах личности очевидно нелеп; можно говорить, какие психические черты благоприятствуют тем или иным специфическим чертам сексуального поведения, и только. Однако точно так же обстоит дело и с гомосексуальностью. Мы привыкли думать иначе лишь потому, что эта категория маркированная, более того — стигматизированная. Даже если гомосексуальность — такая же болезнь, как диабет или коронарная недостаточность, вряд ли кому-нибудь придет в голову всерьез писать о «личности диабетика»; другое дело — обсуждать влияние диабета и любой другой болезни на психическое состояние страдающего ею человека. Понятие «личность гомосексуалиста» или «гомосексуальная личность» не вызывает интуитивного протеста только потому, что оно родилось в психиатрической клинике и, подобно понятиям «невротическая личность» или «личность шизофреника», ассоциируется с выраженными невротическими или психотически-

ми проявлениями. Хотя так ли это однозначно? Сегодня психиатры отлично понимают, что, не касаясь эндогенной симптоматики, личность и социальное поведение больного зависят, помимо всего прочего, от того, как относятся к нему окружающие. Без учета этого фактора не может быть ни профилактики, ни успешной психотерапии.

С гомосексуальностью еще сложнее. С точки зрения научной психологии говорить о свойствах личности, которые никак не зафиксированы, бессмысленно. Между тем ни один из существующих психологических тестов не позволяет отличить гомосексуальных мужчин и женщин от гетеросексуальных, заставляя думать, что различия в сексуальной ориентации более или менее автономны от остальных психических качеств [295]. В начале 60-х годов американский психиатр Ирвинг Бибер с сотр. [107] сопоставили особенности жизненного пути и личностные свойства 106 мужчин-гомосексуалистов, находившихся на психоаналитическом лечении, с контрольной группой из 100 гетеросексуальных пациентов и нашли между ними существенные различия. Так, 63% гомосексуалистов и только 39% лиц контрольной группы сообщили, что они были любимцами своих матерей; 65% гомосексуалистов сказали, что их матери в свою очередь хотели быть в центре внимания сыновей; в контрольной группе так было у 36%. Только 18% гомосексуалистов сказали, что их матери поощряли в них маскулинные установки и занятия (в контрольной группе — 47%), 66% гомосексуалистов и 48% лиц контрольной группы отметили пуританский характер своих матерей. Матери гомосексуалистов чаще вмешивались в их сексуальную жизнь. Многие гомосексуалисты чувствовали себя отвергнутыми своими отцами, в семейных ссорах матери обычно солидаризировались с сыновьями против отцов. Гомосексуалисты проводили меньше времени в обществе отцов. Сексуальную информацию они также получали в основном от матерей; 17% гомосексуальной группы имели в детстве гомосексуальные контакты с братьями или сверстниками (в контрольной группе — 3%); во всех возрастах гомосексуалисты имели более высокую сексуальную активность, 82% из них имели гомосексуальный контакт до 19 лет, тогда как в контрольной группе к этому возрасту сексуальный опыт приобрели только 35%. Личностные особенности наблюдаются и вне сексуальной сферы. Три четверти обследованных гомосексуалистов боялись в детстве телесных травм, 80% избегали соревновательных игр и ситуаций, 90% избегали драк, две трети чувствовали себя одинокими и т. д.

Эти наблюдения можно объяснить не только в терминах психоанализа, но и в понятиях ролевой теории, связывающей возникновение гомосексуальности с трудностями усвоения ребенком адекватной половой роли. То, что многие гомосексуальные мужчины испытывали в детстве дефицит мужского влияния, имели плохие отношения с отцами, констатируют и некоторые другие исследователи (Р. Эванс). Однако, помимо общей ненадежности ретроспективных самоотчетов, сходство жизненных условий, как известно, не гарантирует формирования одинаковых личностных качеств.

Как справедливо замечает Мартин Хофман, многие гомосексуальные сыновья вырастают в семьях совершенно иного типа, тогда как в семьях описанного типа вырастает много гетеросексуальных сыновей. Избегание драк и соревновательных ситуаций вообще характерно для интровертов, но нет никаких доказательств того, что интроверсия сама по себе типична для гомосексуальности.

Систематическое сравнение взаимоотношений с родителями у двух групп американских и английских мужчин-гомосексуалистов и контрольных групп гетеросексуальных мужчин, проведенное Зигелманом, не выявило в их воспитании никакой существенной разницы [321].

Одно из лучших в методологическом отношении исследований гомосексуальности было выполнено в Англии Майклом Скофилдом [315]. Он обследовал 3 группы мужчин-гомосексуалистов, по 50 человек в каждой, из которых первую составляли заключенные, вторую — пациенты психиатрической клиники и третью — люди, никогда не привлекавшиеся к уголовной ответственности и не обращавшиеся к психиатру. Каждой из этих групп соответствовала аналогичная контрольная группа. Оказалось, что 3 группы гомосексуалистов так же сильно отличаются друг от друга, как и соответствующие группы гетеросексуальных мужчин, т. е. сексуальная ориентация не только не определяет всех остальных свойств личности, но сама варьирует в зависимости от них. До тех пор пока сексологических исследований было мало и они опирались на малочисленные выборки, считалось, что гомосексуалисты во всем отличаются от остальных людей. С появлением массовых обследований (Даннекер и Райхе [133] обследовали около 800, Белл и Уайнберг [101] — 1500 человек) эта иллюзия рухнула. Как пишут Белл и Уайнберг, единый тип «гомосексуалиста» так же невозможен, как единый тип «гетеросексуальной личности», «Есть „гомосексуальности“ и „гетеросексуальности“, каждая из

которых включает в себя множество различных, взаимосвязанных измерений» [101]. Даже половая жизнь этих людей неодинакова: 71% мужской (465 человек) и три четверти женской выборки (211 человек) Белла и Уайнберга распределились по следующим 5 типам.

Первую группу (67 мужчин и 81 женщина) составили люди, живущие устойчивыми, тесными парами, напоминающими гетеросексуальный брак. По сравнению с другими группами у них меньше всего сексуальных проблем, они не ищут случайных, временных партнеров, лучше социально и психологически приспособлены, отличаются более высоким самоуважением и реже страдают от одиночества. Второй тип (120 мужчин и 51 женщина) — «открытые пары», также живущие вместе, но не вполне удовлетворенные своим партнерством; они чаще ищут сексуальных развлечений на стороне, испытывая в связи с этим разнообразные тревоги. Их социальная и психологическая адаптация несколько ниже, чем у лиц первой группы, но выше, чем у остальных гомосексуалистов. Третья группа — «функционалы» (102 мужчины и 30 женщин); они похожи на гетеросексуальных холостяков, жизнь которых строится вокруг сексуальных похождений. Сексуальная активность у них выше, партнеров больше, чем у остальных групп, но их контакты большей частью лишены эмоциональной вовлеченности, экстенсивны и безличны. Хотя в целом это энергичные, жизнерадостные люди, успешно преодолевающие трудности своего бытия, их социально-психологическая адаптация ниже, чем у первых групп. Четвертый тип (66 мужчин и 16 женщин) — «дисфункционалы»; они не в состоянии ни принять свою гомосексуальность, ни подавить ее. У них больше всего сексуальных и психологических проблем и внутренних конфликтов. Пятый тип — «асексуалы» (110 мужчин и 33 женщины), отличающиеся минимальной сексуальной активностью, отсутствием эмоциональных контактов с другими людьми и множеством психосексуальных проблем. Эти люди больше других склонны считать себя несчастными, чаще обращаются к врачам и среди них больше всего самоубийц.

Таким образом, даже по сексуальному поведению и социальной адаптации гомосексуалисты не образуют единого целого. Если же учесть частую рассогласованность сексуального поведения и эротических предпочтений, различия мужской и женской гомосексуальности и другие моменты, то вывод станет еще более бесспорным.

Данные Белла, Уайнберга и Хаммерсмит [102] подверглись резкой критике за то, что они практически огра-

ничились статистической обработкой воспоминаний респондентов об их сексуальном поведении. Однако разве можно понять сексуальное поведение вне его конкретного социального контекста? То, что Белл и Уайнберг считают «типами» сексуального поведения, может оказаться всего лишь временными состояниями; один и тот же человек может быть в один период «асексуалом», в другой — «функционалом» и т. д. Еще более методологически рискованно конструирование по ответам респондентов «стадий» их сексуального развития.

Показательна в этой связи эволюция взглядов на гомосексуальность в зарубежной психиатрии. В начале XX века большинство психиатров считали гомосексуализм серьезным психическим заболеванием. К середине столетия выяснилось, что нередко наблюдаемые у таких людей невротические симптомы вытекают не из самой их сексуальной ориентации, а из каких-то других индивидуальных свойств и больше всего — из трудностей их социального положения. В самом деле, легко ли сохранить душевное здоровье и психическое равновесие человеку, который всю жизнь вынужден что-то подавлять, скрывать, бояться разоблачения, да и сам склонен считать себя неполноценным? Как выразился один писатель, покажите мне счастливого гомосексуалиста и я покажу вам веселый труп.

В 70-х годах и эта позиция была пересмотрена. Массовые исследования с применением психологических тестов показали, что невротизм — не обязательный спутник гомосексуальности. Будет ли гомосексуалист невротиком или нет, зависит, с одной стороны, от социальных условий (чем сильнее стигматизация и социальная изоляция определенной категории людей, тем вероятнее появление у них невротических реакций), а с другой — от индивидуально-личностных свойств, включая коммуникативные качества, уровень самоуважения, способность принять и отстаивать свою индивидуальность и т. д. В 1973 г. Американская психиатрическая ассоциация исключила гомосексуализм из своего официального списка диагнозов, отметив, что гомосексуалисты имеют разные характеры, которым могут соответствовать разные неврозы (или не соответствовать никакие) [1]. Что бы ни говорили ее адепты, гомосексуальность, помимо личных эмоциональных трудностей, связан-

[1] Это не значит, что гомосексуальность объявлена «нормальной», но ее уже не считают психическим заболеванием; она может сочетаться с любым нервно-психическим расстройством равно как и не сопровождаться таковым.

ных с определением своей сексуально-эротической идентичности, которая часто всю жизнь остается двойственной (среди гомосексуалистов, обследованных Беллом и Уайнбергом, только половина признали свои эротические предпочтения исключительно гомосексуальными), порождает ряд социальных проблем. Многие мужчины-гомосексуалисты (у женщин картина иная) в США и ФРГ вынужденно или по личной склонности ведут крайне экстенсивную половую жизнь, меняя в год по 50—60 сексуальных партнеров, часто малознакомых и вовсе анонимных. Это способствует широкому распространению в их среде различных венерических заболеваний (их имели почти две трети респондентов Белла и Уайнберга), к которым в последние годы присоединилось такое опасное заболевание, как СПИД. Это не может не вызывать общественной озабоченности, тем более что установить источники заражения в гомосексуальной среде труднее, чем в любой другой.

Проблема «гомосексуальной личности» имеет и свой культурологический аспект. Тезису о человеческой неполноценности гомосексуалистов нередко противопоставляют список относящихся к этой категории великих людей. С точки зрения гомосексуального меньшинства, стремящегося утвердить свою респектабельность, составление таких перечней вполне логично: все стигматизируемые группы любят ссылаться на своих великих, но что это дает для науки?

Прежде всего некоторые такие атрибуции проблематичны. Например, с легкой руки Оскара Уайлда в литературоведении распространилось мнение о гомосексуальности В. Шекспира, потому что многие его любовные сонеты обращены к мужчине. Однако в XVII веке такие обращения были обычной литературной нормой, а в драмах В. Шекспира гомосексуальность обычно высмеивается, что также было литературной нормой. Определять сексуальную ориентацию деятелей прошлого по косвенным данным крайне рискованно. Многие из тех, за кем утвердилась репутация гомосексуалистов, в действительности вели бисексуальный образ жизи, у других зафиксированы эпизодические гомосексуальные контакты, третьих подозревают в гомосексуализме потому, что в их творчестве или личной жизни были сильно выражены гомофильные мотивы, например идеализация однополой дружбы, хотя гомофилия и гомоэротизм далеко не всегда совпадают. Иногда приговоры выносятся на основании сплетен и отзывов заведомо враждебных людей.

Однако дело не столько в проблематичности атри-

буции, сколько в том, нужна ли она вообще. Хотя сексуальная ориентация — весьма существенное свойство личности, она имеет значение не сама по себе, а только в системе жизненного мира личности, биографию которой мы пишем. Важно не столько то, каковы были сексуальная жизнь и эротические предпочтения человека, сколько то, как он их осмысливал и переживал. Заставило ли его осознание своей психосексуальной особенности скрыться от мира, уйти в себя или, напротив, активно искать общения с себе подобными? В каком возрасте, как и насколько отчетливо пришло (если пришло) это осознание? Пытался ли он подавить свои гомоэротические желания или, напротив, удовлетворить их и насколько удавалось ему то и другое? Скрывал ли он свою гомосексуальность (как М. Пруст) или открыто признавал ее (как А. Жид)? Были ли его эротические отношения — все равно, гомо- или гетеросексуальные, устойчивыми и психологически интимными или случайными и анонимными? Как преломлялось все это в его образе Я и самоуважении и какое отражение находило в его творчестве? Если такого внутреннего проникновения в душевный мир личности нет, то информация о ее половой жизни бессмысленна. Этикетка «гомосексуалист» дает для понимания жизни и творчества поэта А. так же мало, как справка, что прозаик Б. был лысым, а художник В.— хромым. Все мы в чем-то похожи, а в чем-то не похожи на других. Если непохожесть означает принадлежность к стигматизируемому меньшинству, это неизбежно порождает какие-то психологические трудности.

Однако дело не столько в непохожести (она может быть и воображаемой) и в отношении окружающих, сколько в самосознании субъекта. Один низкорослый, физически слабый мальчик вырастает с чувством своей неполноценности, ущербности; другой исправляет природные недостатки с помощью специальных упражнений; третий компенсирует их достижениями в других сферах деятельности; четвертый вырабатывает реакцию гиперкомпенсации и т. д. То же происходит и с сексуальными ориентациями.

Медико-психологические исследования, прослеживающие, как та или иная психическая черта или болезнь (будь то шизофрения, эпилепсия или камни в почках) проявляется и преломляется в поведении и художественном творчестве, сами по себе вполне правомерны, но для литературоведения и искусствознания этот угол зрения не подходит. Независимо от их фактической достоверности списки «великих гомосексуалистов» выглядят оскорбительными и пошлыми. Подобные биографии, акцентируют

ли они «благодаря» или «вопреки», описывают целое с точки зрения части, а этот подход прямо противоположен методу серьезной психологической биографии, старающейся воспроизвести и понять противоречивую целостность индивидуального бытия и становления личности. Это верно и при интерпретации художественных произведений. «Смерть в Венеции» и «Тонио Крегер» содержат определенные гомоэротические мотивы, но свести к ним их содержание — то же самое, что увидеть в «Будденброках», говоря словами Т. Манна, всего лишь «историю мочекислого диатеза в четырех поколениях» [1].

Говоря о сексуальных ориентациях, нельзя обойти молчанием проблему бисексуальности. В рамках традиционной дихотомии гомо- и гетеросексуальности склонность индивида к сексуальным контактам с представителями обоих полов кажется каким-то недоразумением, следствием незавершенности психосексуальной идентификации или просто средством мимикрии, желания гомосексуалиста «сойти за своего» в гетеросексуальном мире. В действительности бисексуальное поведение и стоящие за ним «сценарии» автономны и неоднозначны. Ганьон выделяет несколько их типов [179].

1. Бисексуальность нередко наблюдается в переходном возрасте, когда подросток еще не определил своих эротических пре́дпочтений и может экспериментировать в обоих направлениях, хотя, вероятно, уже в это время гомо- и гетеросексуальные переживания имеют для него разный смысл.

2. Чередование гетеро- и гомосексуального поведения на основе присутствия в сознании индивида двух качественно разных сексуальных «сценариев». Например, американские «хастлеры», молодые мужчины-проститутки, позволяют другим мужчинам за деньги совершать с ними фелляцию, но без эмоциональной вовлеченности и активности со своей стороны. Хотя они испытывают при этом половое возбуждение и оргазм, они не считают себя гомосексуалистами, презирают своих клиентов и поддерживают гетеросексуальные отношения. Насколько такое разграничение «сценариев» («гомо» — за деньги, «гетеро» — для себя) искренне или условно — вопрос открытый.

3. Ситуационно обусловленная бисексуальность, например, в условиях вынужденной половой сегрегации (тюрьма, военные училища и т. д.). Гомосексуальная активность при этом служит временной заменой гетеросексуальных

---

[1] Манн Т. Письма.— М., 1975, с. 29.

связей, но эти люди сохраняют свою гетеросексуальную идентичность. Нередко, особенно в тюрьме, это сопровождается насилием и символизируется в понятиях господства и подчинения: более сильный утверждает власть над слабым, тем самым подтверждая собственную маскулинность (вспомним этнографические данные на сей счет).

4. Параллельное гомо- и гетеросексуальное поведение, например, когда официальный гетеросексуальный брак совмещается с тайными гомосексуальными привязанностями или связями мужа или жены. Чаще всего это следствие поздней сексуальной идентификации, когда индивид обнаруживает, что его действительные эротические предпочтения лежат в другом направлении. Однако возможно и постоянное совмещение отношений обоих типов, которые удовлетворяют разные запросы бисексуального индивида, позволяя ему чувствовать себя то более маскулинным, то более фемининным.

5. Наконец, бисексуальность как следствие равнодушия к полу партнера. Так иногда бывает в ситуациях группового секса, где тела как бы утрачивают свои половые различия, или у людей, целиком сосредоточенных на собственных сексуальных переживаниях.

Очевидно, что эти случаи психологически совершенно различны. Иначе говоря, бисексуальность также имеет свою семантику, которую нужно изучать конкретно, не сваливая все на природные различия. Рассмотрение процессов формирования сексуальной ориентации имеет принципиальное, общеметодологическое значение. Во-первых, оно показывает, что в становлении психосексуальной идентичности индивида, его сексуальных ориентаций и предпочтений самосознание играет такую же ключевую роль, как и в становлении половой идентичности. Любые события сексуальной биографии индивида нужно рассматривать не только объективно, со стороны, но и с учетом того смысла, который он сам в них вкладывает. Во-вторых, оно проясняет значение пубертатного возраста и юности как критических периодов становления сексуальной ориентации, в свете которой корректируются и подчас видоизменяются ранее сформированные представления индивида о собственной половой идентичности, полоролевой адекватности и т. д. В-третьих, оно показывает, что эти процессы, как и более общие процессы половой дифференцировки, предполагают тесное взаимодействие природных, социокультурных и индивидуально-биографических факторов. В-четвертых, оно имеет практически-педагогический смысл, ориентируя врачей и воспитателей на

внимательное и тактичное отношение к сексуальным переживаниям подростка, поскольку отличить статистически нормальное возрастное сексуальное экспериментирование от признаков развивающейся парафилии очень трудно, а травмировать ребенка и придать его мыслям и фантазиям опасное направление, напротив, очень легко.

Спор о том, считать ли гомосексуализм врожденным заболеванием, свойством личности, стилем жизни или чем-то еще, вряд ли закончится в близком будущем. Столь же разнообразны и предлагаемые методы его терапии и коррекции. Какими бы причинами (как правило, многими) ни детерминировалась сексуальная ориентация, она не является делом свободного выбора и не может быть изменена произвольно. Правда, вопреки представлениям, господствовавшим до середины 60-х годов, интенсивная психотерапия, иногда в сочетании с гормонотерапией, в некоторых случаях приводит к изменению сексуальных ориентаций индивида [89, 245]. Успех достигается в 30—50% случаев и зависит от таких факторов, как возраст (люди моложе 35 лет поддаются терапии лучше, нежели старшие), наличие гетеросексуального опыта или хотя бы реактивности, длительность гомосексуальной активности, соответствие внешности пациента половым стереотипам и т. д. Однако дело это трудное и возможное только при очень сильном желании самого пациента. У подростков с еще не сложившейся сексуальной ориентацией это зачастую не получается. Психолого-педагогические методы, предполагающие такт, терпимость и понимание, преобладают здесь над более активными психотерапевтическими приемами.

Насколько сложно изменение сексуальных ориентаций личности, убедительно показывает книга Мастерса и Джонсон «Гомосексуальность в перспективе» [251]. Ее первая часть, «Доклиническое исследование», обобщает выполненное в 1957—1970 гг. систематическое лабораторное изучение сексуальных реакций (мастурбация, способы сексуального стимулирования партнера, анально-генитальные контакты и эротические фантазии) 94 гомосексуальных мужчин и 82 женщин в сравнении с поведением группы гетеросексуальных индивидов и небольшой (6 мужчин и 6 женщин) «амбисексуальной» выборки. Вторая часть, «Клиническое исследование», описывает почти 10-летний (1968—1977) опыт лечения 56 мужских и 25 женских гомосексуальных пар, обратившихся в институт по поводу различных функциональных нарушений (импотенция, аноргазмия и др.) или сексуальной неудовлетворенности. Иначе

говоря, доклиническое исследование имело дело с гомосексуалистами, удовлетворенными своей половой жизнью, а клиническое — с теми, кто нуждался в медицинской помощи.

Как и подобает серьезным ученым, Мастерс и Джонсон весьма осторожны в своих выводах. Однако они категорически утверждают, что гомосексуальность не является единым феноменом, что ее истоки и формы так же многообразны, как и подобные стороны гетеросексуальности. Несмотря на возможное (хотя и не доказанное) генетическое предрасположение к гомосексуальности, в целом любая сексуальная ориентация строится на основе индивидуального опыта и научения. Первое, что должен усвоить врач, подчеркивают авторы, это то, что гомосексуальность не является болезнью; цели терапии должны всегда определяться не врачом, а клиентом, хотя врач и должен помочь ему оценить, насколько обоснованы и реалистичны его пожелания.

По данным Мастерса и Джонсон, психофизиология гомосексуальной половой активности подчинена в основном тем же законам, что и гетеросексуальной, и лечение большинства сексуальных расстройств (импотенция, аноргазмия и др.) в обоих случаях совпадает. Более сложными представляются случаи сексуальной неудовлетворенности, особенно если предметом озабоченности клиента является сама его сексуальная ориентация. Мастерс и Джонсон различают два типа таких случаев: «конверсию» (обращение), когда гомосексуалист, вовсе или почти не имевший гетеросексуального опыта (5 или 6 по шкале Кинзи), выражает желание перейти к гетеросексуальному стилю жизни, и «реверсию» (возвращение), когда индивид, обладающий ограниченным гетеросексуальным опытом (от 2 до 4 по шкале Кинзи), хочет вернуться к нему. В принципе Мастерс и Джонсон, опираясь на свой клинический опыт, считают оба эти процесса возможными. В табл. 17 обобщена их клиническая практика (число неудач и его отношение к общему числу случаев).

Хотя общий процент терапевтических неудач довольно велик, данные Мастерса и Джонсон подтверждают принципиальную возможность коррекции психосексуальной ориентации. Однако ученые предостерегают от излишнего оптимизма. Во многих случаях (23% обращавшихся мужчин и 18,8% женщин), когда мотивация пациентов казалась недостаточно сильной, врачи заранее отказывали им в помощи, считая свое вмешательство

Таблица 17

Терапия гомосексуальной неудовлетворенности мужчин и женщин. Статистика неудач Мастерса и Джонсон

Пол и жалобы	n	НПТ	Индекс НПТ,%	Р	Индекс ОНТ,%
Мужчины					
конверсия	9	2	22,2	1	33,3
реверсия	45	9	20,0	3	26,7
Всего...	54	11	20,4	4	27,8
Женщины					
конверсия	3	0	0	0	0
реверсия	10	3	30,0	1	40,0
Всего...	13	3	23,1	1	30,8
Мужчины и женщины	67	14	20,9	5	28,4

Примечание: n — число клиентов; НПТ — неудачи первоначальной терапии; индекс НПТ — отношение числа неудач первоначальной терапии к общему числу случаев; Р — рецидив, возвращение к гомосексуальной практике после завершения первоначальной терапии; индекс ОНТ — показатель общей неудачи терапии, включая рецидивы.

бесперспективным и даже вредным. Пытаясь без достаточных шансов на успех изменить сексуальную ориентацию пациента, врач рискует, в случае неудачи, расшатать его душевное равновесие, снизить самоуважение и укрепить взгляд на себя как на больного (сходные опасения высказывают и другие врачи и психологи).

Главная предпосылка функциональной терапии и гомо-, и гетеросексуальных субъектов — способность врача определить, оценить и открыто обсуждать положительное и/или отрицательное влияние, которое социальные и сексуальные ценности пациента оказывают на стиль его жизни. Обязанность врача — не навязывать пациенту свою систему ценностей, а помочь ему разобраться в его собственной жизненной ситуации. В случае необходимости врач может изменить структуру поведения пациента, но не вправе перестраивать его базовую систему ценностей.

Такая установка, одновременно этическая, основанная на принципе автономии и самоценности личности, и прагматическая (грубое давление извне имеет гораздо больше шансов повредить, нежели помочь), соответствует общему духу современной психологии и медицинской деонтологии. Сексопатолог, как никто другой, обязан помнить первую заповедь Гиппократа и то, что за сексологическими проблемами всегда стоят проблемы человеческие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автор книги ставил перед собой две задачи: рассказать о важнейших достижениях и проблемах современной сексологии и проследить закономерности становления новой отрасли знания на стыке разных и очень далеких друг от друга наук. О междисциплинарных связях и исследованиях сейчас говорят много, но нигде, вероятно, их необходимость и плодотворность не выступают так наглядно, как в сексологии. Что общего между физиологией полового возбуждения, социальным поведением животных, древним половым символизмом и семантикой мата в русском языке? Однако оказывается, одна область исследований проясняет вопросы другой. Так, автоматизмы (например, эрекция) приобретают разное значение в контексте видового поведения животных; это последнее позволяет установить некоторые константы психосексуального развития человека, а сравнительно-историческое изучение культурного символизма и соответствующих моральных норм — возможные границы его вариативности.

Пока научная дисциплина неразвита, она обычно тяготеет к упрощенным, монокаузальным объяснениям и сведéнию сложного к простому и одновременно — к выпячиванию специфики своего предмета вплоть до утверждений о неприменимости к нему общенаучной логики исследования. Например, в ранних сексологических теориях «половые извращения» объяснялись без серьезного соотнесения с «нормальной» сексуальностью, которая большей частью вообще не объяснялась. Вульгарный физиологизм причудливо сочетался здесь с метафизической трактовкой «либидо», напоминающей «теорию» теплорода в физике XVIII века, и наивным морализированием.

По мере созревания науки усложняются ее представления о собственном предмете. В развитии сексологии важнейшую роль сыграло и продолжает играть понимание многоуровневости пола и полифункциональности сексуального поведения. Проблема многоступенчатой детерминации половых свойств первоначально возникла в физиологии как проблема соотношения отдельных подсистем и

организма как целого. Затем выяснилось, что эта многоступенчатость имеет свой генетический аспект, отражая последовательность формирования отдельных биологических подсистем. Позже оказалось, что эта закономерность действует и в филогенезе, что половой диморфизм неодинаково проявляется у разных видов и т. д. Связь полового диморфизма с дифференцировкой половых ролей выявила социально-исторический аспект проблемы, обогатив понятие пола рядом новых компонентов. Такая же многоступенчатость обнаружилась и в системе психологической мотивации. Отсюда следует необходимость рассматривать пол и сексуальное поведение на трех автономных уровнях: биологическом, социальном и психическом, каждый из которых имеет свои собственные градации, но которые тесно связаны друг с другом, и потребность в кооперации соответствующих дисциплин и целых отраслей знания.

То же происходит и с проблемой полифункциональности. Ранняя сексология однозначно связывала сексуальное поведение и обеспечивающие его физиологические процессы с прокреативной функцией. Затем выяснилась (прежде всего в нейрофизиологии и нейроэндокринологии) полифункциональность отдельных сексуальных реакций. Сложной оказалась и семантика сексуального поведения на уровне как культуры, так и индивидуальной мотивации (понятие «сексуального сценария» вместо нерасчлененного «полового инстинкта» или «либидо»).

Казалось бы, усложнение предмета и методов сексологического исследования должно увеличивать междисциплинарную чересполосицу. В действительности оно усиливает интегративные тенденции науки. Социология и социальная психология, отправляясь от половых различий в социальном поведении мужчин и женщин, а медицинская психология и психиатрия, отправляясь от клиники интерсексуальных состояний, с разных сторон подошли к различению понятий «полового» и «сексуального», а также «роли» и «идентичности». В результате и сексопатология уже не может рассматривать свои проблемы вне системы сексологических категорий, а эти последние— без соотнесения с общими принципами биологии, социологии и психологии. Под влиянием новой социологической и историко-этнографической информации, которую они раньше не принимали в расчет, сексопатологи и психиатры вынуждены пересматривать некоторые свои традиционные представления. В то же время клиника транссексуализма стала бесценной лабораторией для психологов и социо-

логов, изучающих закономерности формирования личности и ее самосознания. Унифицируется не только понятийный аппарат науки, но и ее методологические принципы и критерии оценки данных (вспомним хотя бы критику ретроспективных отчетов о поведении).

Однако интегративность и системность нельзя понимать механистически. Разные научные дисциплины сохраняют свою предметную и методологическую автономию, не пытаясь перекладывать свои трудности на плечи соседей и не подменяя их. В чужой области многое кажется проще, и история сексологии знает немало примеров монодисциплинарного экспансионизма. Такие попытки всегда заканчивались неудачей, хотя порой способствовали прояснению или переформулированию проблемы.

В живом процессе взаимодействия наук тон обычно задает та дисциплина, которая в данный момент развивается быстрее и дает больше новых, неожиданных идей и фактов, но в долгосрочной перспективе существует иерархия: науки, предметом которых являются более общие, регулятивные уровни поведения, призваны теоретически интегрировать и координировать данные наук, изучающих более частные процессы и подсистемы. Недаром биологические дисциплины, прежде всего нейрофизиология и нейроэндокринология, все больше ориентируются на теоретические построения психологии, хотя она явно отстает от них по строгости методов. В ряду клинических дисциплин, на стыке которых формируется сексопатология, явно доминирует — и в плане диагностики, и с точки зрения методов терапии — психоневрология, что нисколько не умаляет значения урологии, эндокринологии и гинекологии.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что общенаучная методология содержит в себе не одну, а несколько парадигм и моделей познания. В свете массовых исследований статистического типа клинические исследования, основанные на детальном изучении немногих отдельных случаев, выглядят малонадежным источником знания, но этот метод имеет и свои преимущества. Даже в социологии, не говоря уже о психологии, истории и этнографии, наряду с массовыми обследованиями издавна существует метод монографического изучения отдельных случаев. В последнее время в науках о человеке и обществе все чаще говорят о значении биографического метода, «понимания» и других приемов, которые раньше считались архаичными и ненаучными. Необходимы они и в сфере сексологии.

Благодаря совместным, хотя и не всегда координи-

рованным, усилиям многих наук мы знаем сегодня о закономерностях половой дифференцировки и сексуального поведения человека неизмеримо больше, чем прошлые поколения. Достаточно назвать такие в полном смысле слова междисциплинарные проблемы, как соотношение биологических и социальных факторов половой дифференцировки; диалектика полового диморфизма и бипотенциальности на разных стадиях развития организма, личности, культуры и общества; стадии и компоненты формирования половой идентичности индивида; роль научения в становлении сексуального сценария и поведения; соотношение половой конституции, сексуального сценария и самосознания; семантика сексуального поведения; взаимодействие и проблема соответствия эротических установок и поведения; половозрастные, культурно-исторические, социальные и индивидуально-типологические вариации человеческой сексуальности; многозначность понятий нормы и патологии; относительность разграничения «сексуальных» и «несексуальных» реакций и привязанностей: когнитивные и аксиологические аспекты сексуальной мотивации и их связь с системой личностных смыслов; особенности мужской и женской сексуальности в контексте психофизиологии и динамики социальных половых ролей; межкультурные вариации и тенденции исторического развития половой стратификации и сексуальной морали; закономерности подбора, адаптации и функционирования супружеской пары и т. д. Многие из этих вопросов 20—30 лет назад даже не возникали либо на них невозможно было ответить средствами науки.

Именно потому, что мы знаем сегодня больше, мы особенно остро осознаем, как мало мы знаем, как отрывочна и несовершенна наша информация. Отсюда следует напряженная теоретико-методологическая рефлексия, выражающая неудовлетворенность науки своим состоянием. Эта взаимная междисциплинарная критика и самокритика исключительно важна и плодотворна и помогает преодолевать односторонность частных точек зрения и увлечений. Кажущаяся неопределенность положений науки — ее сила, а не слабость.

Тем не менее не следует фетишизировать науку. Как справедливо писал Фуко [167], «наука о сексуальности» — не синоним и не замена «искусства любви», существовавшего в Китае, Японии, Индии, Древнем Риме или арабско-мусульманских обществах. Древняя эротология была неразрывно связана с этикой, эстетикой и религиозно-философскими ценностями, предлагая своим адептам

не столько знания и частные рецепты, сколько общую жизненную философию.

Научная сексология, возникшая в недрах антисексуальной западной культуры, строилась принципиально иначе. Отстаивая свое право на существование, она стремилась как можно более жестко отделить мир сущего от сферы морального долженствования, в которой сексуальности вообще не находилось места, да и сама логика научного познания, построенного по естественно-научным образцам, внутренне тяготеет к аналитическому расчленению предмета, измерительным процедурам и т. д. Этот путь оказался весьма плодотворным. Научные методы не только дают новое знание, но и освобождают нас из-под власти иррациональных табу и стереотипов массового сознания.

Однако абсолютизация этих методов иногда мешает увидеть за деревьями лес. Всякая наука начинается с общей постановки вопроса в философских терминах или понятиях житейского здравого смысла. Затем проблема расчленяется, начинается напряженный поиск конкретных параметров, индикаторов, способов их измерения, а то, что такому измерению не поддается, поневоле остается за рамками науки. Сначала условность ограничения предмета науки всем понятна, но потом кое-кто о ней забывает. Если ученый-новатор изобретает методы, исходя из волнующей его проблемы, то ученый-эпигон формулирует проблему, исходя из имеющихся в его распоряжении методов. Работа такого ученого-техника весьма полезна, именно он доводит теоретическую идею до практических результатов, но если эта стадия затягивается, то сужиаются сами границы научного поиска, а проблемы, для решения которых нет готовых методов, объявляются как бы несуществующими. Вместо того чтобы сказать: «В пределах моей науки этот вопрос сегодня не решается», заявляют: «Такого явления вообще не может быть».

В изучении сексуальности наивный методологический натурализм и сциентизм особенно опасны. Уже много раз говорилось о несостоятельности биологического редукционизма. Это касается и статистических обследований сексуального поведения, которые легко превращаются в то, что социологи иронически называют «абстрактным эмпиризмом», когда за обилием «конкретных» цифр скрывается очень абстрактная и условная модель действительности.

Все количественные данные о мужском оргазме, равно как и тезис о его сравнительной «простоте», основываются на молчаливом отождествлении оргазма с эяку-

ляцией. Однако разве тождественны более или менее острое, но сугубо мышечное, локализованное в гениталиях, ощущение, связанное с эякуляцией, физиологический экстаз, сопровождающийся общим расслаблением организма, и полное физическое и духовное слияние мужчины и женщины, самозабвение, чувство полета и прорыва в какое-то иное измерение бытия, сопровождающееся излиянием любви и нежности? Первые два типа переживаний можно измерить и описать объективно как физиологические реакции. Третий, хотя он также связан с физиологическими реакциями и может быть зарегистрирован, например нейрохимически, относится к миру субъективного опыта, который можно выразить только на языке искусства или в религиозно-философских терминах. Недаром в развитых культурах, придающих сексуальности положительную ценность, такая близость расценивается как разновидность духовного откровения, сходного с тем, какое происходит при непосредственном общении с божеством. Если бы мы знали нейрохимию экстатических состояний, она, вероятно, оказалась бы не зависящей от причин и стимулов, вызывающих экстаз. Выразить качество сексуальной жизни и получаемого от нее эмоционального удовлетворения числом эякуляций, как и любыми другими количественными показателями, невозможно, а сравнивать людей по этому принципу бессмысленно, так как индивидуальная удовлетворенность зависит прежде всего от уровня притязаний.

Универсальной, годной для всех, формулы сексуальности нет, так же как формул любви и счастья. Переход от безличного знания к мудрости означает восстановление доверия к самому себе, к своим чувствам, переживаниям, творческим потенциям, рост активного желания быть счастливым и приносить счастье другим. В той мере, в какой наука помогает людям осознать необходимость этого вместо того, чтобы ориентироваться на готовые, усредненные нормы и правила, она тоже выполняет гуманистическую миссию. Изучение человеческой сексуальности начали и осуществляют, преодолевая всяческое противодействие, люди, которые хотят не просто объяснить эту сложную сферу общественной и личной жизни, но и облегчить ее, сделать ее более благополучной и счастливой. Кроме рассмотренных выше естественно-научных, социально-культурных и психологических аспектов, сексология имеет чрезвычайно важный этико-педагогический аспект.

Моральные оценки являются одним из объектов

сексологического исследования, поскольку оно связано с изучением социальных норм, установок и мотивации. Вместе с тем сексология и практикующие ее люди всегда осознанно или неосознанно опираются на какой-то нравственный кодекс. Решение врача, сообщать ли родителям о беременности их несовершеннолетней дочери, если заведомо известно, что они жестоко отнесутся к девушке, — не только профессиональное, но и моральное решение. Нравственное решение принимает и учитель, посвящая (или не посвящая) своего воспитанника в какие-то «тайны жизни», знание которых, по мнению педагога, необходимо подростку, но не предусмотрено школьной программой. Как всякое моральное решение, это предполагает выбор, внутреннее чувство ответственности и определенный риск. Разумеется, этот выбор делается с ориентацией на определенный моральный кодекс.

XXVII съезд КПСС требует от нас улучшения нравственного воспитания молодежи, укрепления моральных устоев семьи и брака. Это возможно только при условии трезвого взгляда на жизнь, совпадения слова и дела. Коммунистическая мораль не должна превращаться в свою противоположность — пустое морализирование, когда научное познание действительности, понимание законов ее развития подменяются субъективными представлениями о желаемом ходе событий и праведным негодованием, когда эти события развиваются вопреки ожиданиям моралистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. 2-е изд., т. 2, с. 3—230.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.*— Соч. 2-е изд., т. 21, с. 23—155.
3. *Ленин В. И.* — Полн. собр. соч., т. 49, с. 51—52.
4. *Материалы* XXVII съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1986—352 с.
5. *Абрамян Л. А.* Первобытный праздник и мифология. — Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1983. — 230 с.
6. *Абрамян Л. А.* Оскорбление и наказание.— В кн.: Этнические стереотипы поведения/Под ред. А. К. Байбурина. Л.: Наука, 1985, с. 269—295.
7. *Адигамов М. М., Немиринский О. В.* К вопросу о проявлениях транссексуализма в онтогенезе. — В кн.: Клиническая эндокринология—Отв. ред. В. В. Ковалев. М., 1985, с. 69—75.
8. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. — Л.: Изд. ЛГУ, 1969. —339 с.
9. *Андреева И. С.* Социально-философские проблемы пола, брака и семьи. — Вопр. философии, 1980, № 2, с. 135—143.
10. *Антонов А. И.* Социология рождаемости (теоретические и методологические проблемы). — М.: Статистика, 1980. —272 с.
11. *Антонов В. В.* Стадии развития полового поведения у собак. — Физиол. журн. СССР, 1971, т. 57, № 11, с. 1674—1676.
12. *Антонов В. В., Хананашвили М. М.* Значение раннего индивидуального опыта для формирования полового поведения собак-самцов. — Журн. высш. нервн. деят., 1974, т. 23, вып. 1, с. 68—73.
13. *Бабичев В. Н.* Нейроэндокринология пола. — М.: Наука, 1981. 222 с.
14. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худ. лит-ра, 1965. — 527 с.
15 *Белкин А. И.* Биологические и социальные факторы, формирующие половую идентификацию. — В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке (Материалы к симпозиуму). М., 1975, с. 777—790.
16. *Белкин А. И.* Индивидуальность и социализация (по данным изучения лиц, сменивших пол). — В кн.: Гормоны и мозг/Под ред. А. И. Белкина. М., 1979, с. 13—23.
17. *Бернштам Т. А.* Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX в. — начале XX в. — В кн.: Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1977, с. 49—71.
18. *Бостанджиев Т. А.* Секс и сексуална култура на населението.— София, 1983,— 51 с.
19. *Бызова В. М.* Влияние особенностей личности на половые взаимоотношения в юношеском возрасте: Автореф. дис. канд. — Л.: 1985, —16 с.
20. *Васильченко Г. С., Решетняк Ю. А.* Брачный клиринг. — Вопр. кибернетики, 1978, вып. 48, с. 59—70.

21. *Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество. — М.: Финансы и статистика, 1982. —285 с.
22. *Властовский В. Г.* Акцелерация роста и развития детей.— М.: Изд МГУ, 1976. —279 с.
23. *Вундер П. А.* Эндокринология пола. — М.: Наука, 1980 —253 с.
24. *Геодакян В. А.* Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации. — Проблемы передачи информации, 1965, № 1, с. 105—112.
25. *Гозман Л. Я.* О возможности социально-психологического исследования любви. — В кн.: Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979, с. 89—97.
26. *Голод С. И.* Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. — Л.: Наука, 1984. —136 с.
27. *Голубева И. В.* Гермафродитизм (Клиника, диагностика, лечение). — М.: Медицина, 1980, —159 с.
28. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972. —317 с.
29. *Дзарасова И. В., Медков В. М.* Репродуктивное поведение семьи. — В кн.: Семья и дети/Под ред. А. И. Антонова. М.: Изд. МГУ, 1982, с. 6—16.
29а. *Дзарасова И. В., Сиротенко Ю. В.* Особенности контрацептивного поведения малодетной семьи. — В кн.: Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983, с. 143—147.
30. *Жельвис В. И.* Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации.— В кн.: Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985, с. 296—322.
31. *Жирмунский В. М.* Религиозное отречение в истории романтизма. — М.: 1918. —204 с.
32. *Жуковская Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии. — М.: Наука, 1977. —199 с.
33. *Здравомыслов В. И., Анисимова З. Е., Либих С. С.* Функциональная женская сексопатология. — Алма-Ата: Казахстан, 1985. —271 с.
34. *(Зеленин Д. К.) Zelenin D.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. — Berlin — Leipzig, 1927. —127S.
35. *Иванов Вяч. Вс.* К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений. — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1977, вып. 8, с. 45—65.
36. *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет. Ассиметрия мозга и знаковых систем. — М.: Советское радио, 1978. — 184 с.
37. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. — М.: Наука, 1965. —326 с.
38. *Исаев Д. Н., Каган В. Е.* Половое воспитание и психогигиена пола у детей. — Л.: Медицина, 1979. —183 с.
39. *Исаев Д. Н., Каган В. Е.* Психогигиена пола у детей. — Л.: Медицина, 1986, —336 с.
40. *Колесов Д. В., Сельверова Н. Б.* Физиолого-педагогические аспекты полового созревания. — М.: Педагогика, 1978. — 224 с.
41. *Кон И. С.* Дружба. Этико-психологический очерк. — М.: Политиздат, 1980.— 199 с.; 1987—350 с.
42. *Кон И. С.* Психология половых различий. — Вопр. психол., 1981, № 2, с. 47—57.
43. *(Кон И. С.) Kon I. Sz.* Kultúra — szexológia.— Budapest, 1981. —372 p.
44. *Кон. И. С.* Психология старшеклассника. — М.: Просвещение, 1982. — 190 с.

45. *Кон И. С.* Этнография детства. Историографический очерк. — В кн.: Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии/Под ред. И. С. Кона, М., 1983, с. 9—50 с.
46. *Кон И. С.* В поисках себя (личность и ее самосознание). — М.: Политиздат, 1984. —335 с.
47. *(Кон И. С.) Kon I.* Einführung in die Sexuologie. — Berlin, 1985. —376 S.
48. *Корольков А. А., Петленко В. И.* Норма как закономерное явление. — В кн.: Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни/Под ред. Г. И. Царегородцева. М.: Медицина, 1975, с. 22—47.
49. *Латышев И. А.* Семейная жизнь японцев. М.: Наука, 1985. — 287 с.
50. *Левинтон Г. А.* Инцест. — В кн.: Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980, т.1, С. 545—547.
51. *Лейбин В. М.* Психоанализ и философия неофрейдизма. — М.: Политиздат, 1977. —246 с.
52. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
53. *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. — Л.: Наука, 1984. —295 с.
54. *Лотман Ю. М.* Место киноискусства в механизме культуры.— Труды по знаковым системам. Тарту, 1977, вып. 8, с. 138—150.
55. *Лотман Ю., Успенский Б.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси. — Вопр. лит., 1977, № 3, с. 148—166.
56. *Макаренко А. С.* Книга для родителей. — В кн.: Сочинения в 7 томах. М.: Изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1957, т. 4. 552 с.
57. *Маторин Н. М.* Женское божество в православном культе. — М., 1931.
58. *Межличностное* восприятие в группе/Под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. — М.: Изд. МГУ, 1981. —293 с.
59. *Мелетинский Е. М.* Об архетипе инцеста в фольклорной традиции (особенно в героическом мифе). — В кн.: Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984, с. 57—62.
60. *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР/Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977, с. 83—104.
60а. *Младото* семейство/ Под ред. М. Динковой. — София, 1985. — 118 с.
61. *Новиков М. А.* Психофизиологические и экопсихологические аспекты межличностных взаимодействий в автономных условиях — В кн.: Проблема общения в психологии/Отв. ред. Б. Ф. Ломов. —М.: Наука, 1981, с. 178—217.
62. *Общая* сексопатология: Руководство для врачей/Под ред. Г. С. Васильченко.— М.: Медицина, 1977.— 487 с.
63. *Первов Л. Г.* Нервность. — Л.: Медицина, 1976. —87 с.
64. *Переведенцев В. И.* Социальная зрелость выпускника школы. — М.: Знание, 1985. —80 с.
64а. *Попов А. А.* О частоте и причинах внебольничных абортов (обзор литературы). — Здравоохр. Рос. Федерации, 1982, № 6, с. 27—30.
65. *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избр. статьи. — М.: Наука, 1976. —324 с.

66. *Решетняк Ю. А.* Применение тестов межличностных отношений к задачам брачного клиринга. — Вопр. кибернетики, 1978, вып. 48, с. 70—84.
67. *Рожановская З. В.* Профилактика сексуальных нарушений у женщин.: Методические указания. — Харьков, 1977. —30 с.
68. *Свядощ А. М.* Женская сексопатология. — М.: Медицина, 1974. —183 с.
69. *Семенов В. С.* Образы брака и любви в молодежных журналах. — В кн.: Молодежь. Образование. Воспитание, профессиональная деятельность. — Л., Наука, 1973, с. 164—170.
70. *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. — М.: Мысль, 1974. —309 с.
71. *Симонов П. В.* Эмоциональный мозг. — М.: Наука, 1981. — 215 с.
72. *Скородок Л. М., Савченко О. Н.* Нарушения полового развития у мальчиков. — М.: Медицина, 1984. —238 с.
72а. *Смулевич В. Б., Ременник Л. И.* Демографические аспекты эпидемиологии злокачественных новообразований: Научный обзор/ Под ред. А.Б. Синельникова.— М.: ВНИИМИ, 1983.— 93 с.
73. *Сонин М.* Демографические аспекты службы брака.— В кн.: Молодая семья.— М., Статистика, 1977, с. 73-87.
74. *Струнников В. А.* Пол.— В кн.: БСЭ. М., 1975, т. 20, с. 171-174.
75. *Сыркин А. Я., Соколова И. И.* Об одной дидактической традиции в Индии и Китае.— В кн.: Роль традиции в истории и культуре Китая. М.: Наука, 1972, с. 116-143.
76. *Токарев С. А.* Двуполые существа.— В кн.: Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1980, т. 1, с. 358-359.
77. *Тольц М.* Характеристика некоторых компонентов рождаемости в большом городе.— В кн.: Демографический анализ рождаемости. М.: Статистика, 1974, с. 45-55.
78. *Тольц М. С., Оберг Л. Я.* Дифференциация отдельных компонентов рождаемости на ранних этапах формирования семьи.— В кн.: Социально-демографические иссследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983, с. 118-122.
79. *Тольц М. С., Оберг Л. Я., Шишко О.А.* Начальные этапы реализации репродуктивной функции женщин.— Здравоохр. Рос. Федерации, 1984, № 7, с. 13-15.
80. *Топоров В. Н.* Геометрические символы.— В кн.: Мифы народов мира. Энциклопедия, 1980— т. 1, 1982— т. 2, с. 272-273.
81. *Топоров В. Н.* Еда.— В кн.: Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980, т. 1, с. 427-429.
82. *Топоров В. Н.* Крест.— В кн.: Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1982, т. 2, с. 12-13.
83. *Торчинов Е. А.* Даосское учение о «женственном».— Народы Азии и Африки, 1982, № 6, с. 99-107.
84. *Файнберг Л. А.* У истоков социогенеза. От стада обезьян к общине древних людей.— М.: Наука, 1980.— 153 с.
85. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы.— Л.: Гослитиздат, 1936.—454 с.
86. *Фридман Р. А.* Любовная лирика трубадуров и ее истолкование. — Ученые записки Рязанского пед. ин-та, 1965, т. 34, вып. 1, с. 87-390.
87. *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. 2-е изд.— М.: Мысль, 1979.— 367 с.
88. *Харчев А. Г., Голод С. И.* Молодежь и брак.— Человек и общество. Л.: Изд. ЛГУ, 1969, вып. 6, с. 125-142.

89. *Частная* сексопатология (Руководство для врачей)/Под ред. Г. С. Васильченко. Т. 1-2.— М.: Медицина, 1983.
90. *Alzate N.* Vaginal eroticism: a replication study.— Arch. Sex. Behav., 1985, vol. 14, p. 529-538.
91. *Amberson J. I., Hoon P. W.* Hemodynamic of sequential orgasm. — Arch. Sex. Behav., 1985, vol. 14, p. 351-360.
92. *Babcock B.A.* Introduction.— In: The reversible world. Symbolic inversion in art and society/Ed. B.A. Babcock.— Ithaca — London, 1978. p. 123-128.
93. *Barker-Benfield B.* The spermatic economy: A nineteenth century view of sexuality.— In: The American family in social-historical perspective/ Ed. M. Gordon. New York, 1973, p. 336—372.
94. *Barklay A.M.* Sexual fantasies in men and women.— Med. Asp. Hum. Sex., 1973, vol. 7, p. 205-216.
95. *Barrett E. M.* Sexual experience, birth control usage, and sex education of unmarried Ganadian university students: changes between 1968 and 1978.— Arch. Sex. Behav., 1980, vol. 9, p. 367-390.
96. *Bates J. E., Bentler P. M.* Play activities of normal and effeminate boys.— Develop. Psychol., 1973, vol. 9, p. 20-27.
97. *Baum M. J., Everitt B. J., Herbert J., Keverne E. B.* Hormonal basis of proceptivity and receptivity in female primates.— Arch. Sex. Behav., 1977, vol. 6, p. 173—192.
98. *Baumann H.* Das doppelte Geschlecht.— Berlin, 1955.— 127 S.
99. *Beach F. A.* Hormonal control of sex-related behavior.— In: Human sexuality in four perspectives/Ed. F.A. Beach. Baltimore — London, 1977, p. 247-268.
100. *Beach F. A.* Cross-species comparisons and the human heritage.— In: Human sexuality in four perspectives/Ed F.A. Beach. Baltimore — London, 1977, p. 296-316.
101. *Bell A. P., Weinberg M. S.* Homosexualities. A study of diversity among men and women.— New York, 1978.—505 p.
102. *Bell A. P., Weinberg M. S., Hammersmith S. K.* Sexual Preference: Its development in men and women.— Bloomington, 1981.—242 p.
103. *Bem S. L.* Theory and measurement of androgyny.— J. Personal. soc. Psychol., 1979, vol. 37, p. 1047—1054.
104. *Bentler P. M., Peeler W. H.* Models of female orgasm.— Arch. Sex. Behav., 1979, vol. 8, p. 405-425.
105. *(Berndt R. M., Berndt C. H.) Берндт Р. М., Берндт К. Х.* Мир первых австралийцев/Пер. с англ.— М.: Наука, 1981.— 446 с.
106. *Berscheid E., Walster E.* A little bit about love. In: Foundations of interpersonal attraction/Ed. T. Huston. New York — London, 1974, p. 356-382.
107. *Bieber I.* Homosexuality: A psychoanalytic study of male homosexuals.— New York, 1962.— 358 p.
108. *The Birth* of sexology. A brief history in documents. Selected and annotated with an introduction/Ed. by E. J. Haeberle.— West Berlin, 1983.— 47 p.
109. *Bisexual* and homosexual identities: Critical theoretical issues/Ed. J. P. DeCecco, M. G. Shively.— New York, 1984.—326 p.
110. *Bixler R.H.* The incest controversy.— Psych. Rep., 1981, vol. 49, p. 269-283.
111. *Blanc A. K.* Nonmarital cohabitation and fertility in the United States and Western Europe.— Population Research and Policy Reviews, 1984, vol. 3, p. 181-193.
112. *Bohlen J. G., Held J. I., Sanderson M. O.* The male orgasm.— Arch. Sex. Behav., 1980, vol. 9, p. 503-520.

11 Зак 138

113 *Bohlen J. G., Held J. P., Sanderson M. O., Ahlgren A.* The female orgasm: pelvic contractions.— Arch. Sex. Behav., 1982, vol. 11, p. 367—386.
114. *Boswell J.* Christianity, social tolerance and homosexuality: Gay people in Western Europe from the beginning of the christian era to the 14th century.— Chicago, 1980,—424 p.
115. *Brooks-Gunn J., Petersen A.K.* Problems in studying and defining pubertal events.— J. Youth and Adolescence, 1984, vol. 13, p. 181—196.
116. *Broude G. J.* The cultural management of sexuality.— In: Handbook of cross-cultural human development/Ed. R. H. Munroe, R. L. Munroe, B. B. Whiting. New York — London, 1981, p. 633-674.
117. *Brown W. A., Monti M. M., Carriveau D. P.* Serum testosterone and sexual activity and interest in men.— Arch. Sex. Behav., 1978, vol. 7, p. 97-103.
118. *Bullough V. L.* Sexual variance in society and history.— New York, 1976.—715 p.
118a. *Buss D. M., Barnes M.* Preferences in human mate selection.— J. Personal. Soc. Psychol., 1986, vol. 50, p. 559-570.
119. *Byrne D.* The imagery of sex.— In: Handbook of sexology/Ed. J. Money H. Musaph. New York — Oxford, 1977, p. 327—350.
120. *Caletti G., Delpra G., Fojadelle A.* et al. Il comportamento sessuale degli Italiani.— Bologna, 1976.—370 p.
121. *Callender C., Kochems L.N.* The North American Berdache.— Curr. Anthropol., 1983, vol. 24, p. 37-45.
122. *Carns D. E.* Talking about sex: Notes on first coitus and the double sexual standard.— J. Marriage and the Family, 1973, vol. 35, p. 677-688.
123. *Carrier J. M.* «Sex-role preference» as an explanatory variable in homosexual behavior.— Arch. Sex. Behav., 1977, vol. 6, p. 53-66.
124. *Carrier J. M.* Homosexual behavior on cross-cultural perspective.— In: Homosexual behavior. A modern reappraisal/Ed. J. Marmor. New York, 1980, p. 100-122.
125. *Chilman C. S.* Adolescent Sexuality in a Changing American Society.— Washington, D. C., 1980.—384 p.
126. *Cicrumvaginal* Musculature in sexual function/Ed. by B. Graber.— Basel, 1982.— 526 p.
127. *Clement U.* Sexualität im Sozialen Wandel. Eine empirische Vergleichsstudie an Studenten 1966 und 1981.— Stuttgart, 1986.— 129 S.
128. *Colker R., Widom C. S.* Correlates of female athletic participation: masculinity, femininity, self-esteem and attitudes toward women.— Sex Roles, 1980, vol. 6, p. 47—58.
129. *Commission* on obscenity and pornography. The report of the commission.— Washington, 1970.— 646 p.
130. *Constantinople A.* Sex-role acquisition: In search of the elephant.— Sex Roles, 1979, vol. 5, p. 121—134.
131. *Craig A.* Censorship of sexual literature.— In: Encyclopedia of sexual behavior/Ed. A. Ellis, A. Abarbanel. New York, 1961, vol. 1, p. 235—246.
132. *Crepault C., Couture M.* Men's erotic fantasies.— Arch. Sex. Behav., 1980, vol. 9, p. 565—581.
133. *Dannecker M., Reiche R.* Der gewöhnliche Homosexuelle. Eine soziologische Untersuchung über männliche Homosexuelle in der Bundesrepublik.— Frankfurt/Main, 1974.—393 S.
134. *Darling C. A., Kallen D. J., Van Dusen J. E.* Sex in transition, 1900—1980. J. Youth and Adolescence, 1984, vol. 13, p. 385—400.
135. *Davenport W. H.* Sexual patterns and their regulations in a society of the Southwest Pacific.— In: Sex and behavior/Ed. F. A. Beach. New York — London, 1965, p. 164—207.
136. *Davenport W. H.* Sex in cross-cultural perspective.— In: Human

sexuality in four perspectives.— Baltimore — London, 1977, p. 115—163.
137. *De Mause L.* The evolution of childhood.— In: The history of childhood/Ed. L. de Mause. New York, 1974, p. 3—73.
138. *Denniston R. H.* Ambisexuality in animals.— In: Homosexual behavior. — New York, 1980, p. 25—40.
139. *Devereux G.* Institutionalized homosexuality of the Mohave Indians.— Hum. Biology, 1937, vol. 9, p. 498—527.
140. *De Vore I.* Male dominance and mating behavior in baboons.— In: Sex and behavior, New York — London, 1965, p. 266—295.
141. *Diamond M.* A critical evaluation of the ontogeny of human sexual behavior.— Quart. Rev. Biol., 1965, vol. 40, p. 147—175.
142. *Diamond M.* Human sexual development: biological foundations for social development.— In: Human sexuality in four perspectives. Baltimore — London, 1977, p. 22—61.
143. *Doering C. H.* A cycle of plasma testosterone in the human male.— J. clin. Endocr., 1975, vol. 40, p. 429—500.
144. *Dornbush S. M., Carlsmith J. M.* et al. Sexual development, age and dating: a comparison of biological and social influences upon one set of behaviors.— Child Develop., 1981, vol. 52, p. 179—185.
145. *Dörner G.* Hormones and sexual differentiation of the brain.— In: Sex, hormones and behavior: Ciba Foundation Symposium 62 (new series). Amsterdam, 1979, p. 81—112.
146. *Dörner G.* Die Ontogenese der neuroendokrinen systems als kinetischer prozess.— Nova Acta Leopoldina, N. F., 1980, Bd 51, H. 237, S. 279—291.
147. *Dörner G.* Hormones and sex specific brain development.— Adv. physiol. Sci., 1981, vol. 15, p. 111—120.
148. *Dover K.* Greek Homosexuality.— Cambridge: Mass., 1978.— 244 p.
149. *Downey L.* Intergenerational change in sex behavior: a belated look at Kinsey's males.— Arch. Sex. Behav., 1980, vol. 9, p. 267—317.
150. *Ehrhardt A. A., Meyer-Bahlburg H. F. L.* Effects of prenatal sex hormones on gender-related behavior.— Science, 1981, vol. 211, p. 1312—1318.
150a. *Ehrhardt A. A., Mayer-Bahlburg H. F. L.* Long-term developmental effects of hormonal factors and social experiences on gender.— International Academy of Sex Research. 11-th Annual Meeting. Seattle, Sept. 17—21, 1985. Astracts, p. 10.
151. *Ehrhardt A. A., Meyer-Bahlburg H. F. L., Rosen L. R.* et al. Sexual orientation after prenatal exposure to exogenous estrogen.— Arch. Sex. Behav., 1985, vol. 14, p. 57—75.
152. *Eichner K., Habermehl W.* Der RAFL-Report. Des Sexualverhalten der Deutschen. Hamburg, 1978.—363 S.
153. *Eliade M.* Rites and Symbols of Initiation.— New York, 1965.—175 p.
154. *Ember C. R.* Cross-cultural perspective on sex differences.— In: Handbook of cross-cultural human development.— New York — London, 1981, p. 531—580.
155. *Evans R. B.* Physical and biochemical characteristics of homosexual men,— J. clin. consul. Psychol., 1972, vol. 39, p. 140—147.
156. *Eysenck H. J.* Sex and personality.— London, 1976.—256 p.
157. *Eysenck H. J., Wilson G.* The Psychology of sex.— London, 1979.
158. *Fehling D.* Altertumswissenschaftliche Bemerkungen zu einer ethologischen Entdeckung.— Homo, 1972, Bd 23, S. 281—285.
159. *Feustel R.* Sexualität in den Anfängen der Menschheit. — In: Sexuologie/Hrsg. P. G. Hesse et al. Leipzig, 1978, Bd 3.— S. 87—89.
160. *Finkelhor D.* Sex among siblings: A survey of prevalence, variety, and effects.— Arch. Sex. Behav., 1980, vol. 9, p. 171—194.

161. *Fisher A. E.* Maternal and sexual behavior induced by intracranial chemical stimulation.— Science, 1956, vol. 124, p. 128—129.
162. *Fisher S.* The Female orgasm. Psychology. Physiology. Fantasy.— New York, 1973.—533 p.
163. *Fisher W. A., Byrne D.* Sex differences in response to erotica? Love versus lust.— J. Personal. Soc. Phychol., 1978, vol. 36, p. 117—125.
164. *Flandrin J.—L.* Le sex et l'Occident. Evolution des attitudes et des comportements.— Paris, 1981.—376 p.
165. *Flandrin J.—L.* Un temps pour embrasser. Aux origines de la morale sexuelle occidentale (VI—XI siécle).— Paris, 1983.—252 p.
166. *Ford C. S., Beach F. A.* Patterns of sexual behavior.—New York, 1951.—318 p.
167. *Foucault M.* Histoire de la sexualité. T. I. La volonté de savoir.— Paris, 1976.—211 p.
168. *Francoeur A. K., Francoeur R. T.* Hot and cool sex: cultures in conflict.— New York, 1974.— 220 p.
169. *Franklin C. W.* II. The Changing definition of masculinity.— New York, 1984.—234 p.
170. (*Frazer G. G.*) *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии: Пер. с англ.— М.: Политиздат, 1980.— 831 с.
171. *Freud S.* Three Essays on the theory of sexuality.— In: Standard edition of the complete phychological works. London, 1953, vol. 12, p. 123—243.
172. *Freud S.* Contributions to the psychology of love.— Standard Edition..., London, 1957, vol. 11, p. 163—208.
173. *Freud S.* Instincts and their vicissitudes.— Standard Edition..., London, 1987, 14, p. 117—140.
174. *Freud S.* Group Psychology and the analysis of the ego.— Standard Edition..., London, 1955, vol. 18, p. 69—143.
175. *Freud S.* An Autobiographical study.— Standard Edition..., London, 1959, vol. 20, p. 1—75.
176. *Freud S.* New introductory lectures on psycho-analysis.— Standard Edition..., London, 1964, vol. 22, p. 5—182.
177. *Freud S.* Letter to an american mother.— Amer. J. Psychiat., 1951, vol. 102, p. 786.
178. *Friedl E.* Women and men. An anthropologist's view.— New York, 1975.— 150 p.
179. *Gagnon J. H.* Human sexualities.— Glenview, 1977.— 432 p.
180. *Gagnon J. H., Rosen R. C., Leiblum S. R.* Cognitive and social aspects of sexual disfunction: sexual scripts in sex therapy.— J. Sex and Marital Ther., 1982, vol. 8, p. 44—56.
181. *Gagnon J. H., Simon W.* Sexual conduct. The Social sources of human sexuality.— Chicago, 1973.— 316 p.
182. *Gebhard P. H.* Human sexual behavior: A summary statement.— In: Variations in the ethnographic spectrum/Ed. D. S. Marshall, R. C. Suggs. — New York, 1971, p. 206—217.
183. *Gebhard P. H., Johnson A. B.* The Kinsey data: Marginal tabulations of the 1938—1963 interviews conducted by the institute for sex research.— Philadelphia, 1979.— 642 p.
184. *Gellner E.* The Psychoanalytic movement, Or the coming of unreason.— London, 1985.— 241 p.
185. *Gender* Development: Social influences and prenatal hormone effects.— Arch. Sex. Behav. Special Issue, 1984, vol. 13, p. 391—502.
186. *Giese H., Schmidt G.* Studenten — Sexualitat: Verhalten und Einstellung.— Reinbek, 1968.— 223 S.
187. *Gilbert L. A., Deutsch C. L., Strahan R. F.* Feminine and masculine

dimensions of the typical, desirable, and ideal woman and man.— Sex Roles, 1978, vol. 4, p. 767—779.
188. *Girls* at puberty. Biological and psychosocial perspectives/Ed. J. Brooks-Gunn, A. C. Petersen.— New York, 1983.— 321 p.
189. *Goldberg D. C., Whipple B., Fishkin R. E.* et al. The Grafenberg spot and female ejaculation: a review of initial hypotheses.— J. Sex Marital Ther., 1983, vol. 9, p. 27—37.
190. *Goodland R.* Bibliography of sex rites and customs.— London, 1931.— 223 p.
191. *Green R.* Sexual identity conflict in children and adults.— New York, 1974.— 327 p.
192. *Green R.* One hundred ten feminine and masculine boys.— Arch. Sex. Behav., 1976, vol. 5, p. 425—446.
193. *Green R., Williams K., Goodman M.* Ninety-nine "tomboys" and "non-tomboys"; behavioral contrasts and demographic similarities.— Arch. Sex. Behav., 1982, vol. 11, p. 247—266.
194. *Green R., Williams K., Goodman M.* Masculine or feminine gender identity in boys: developmental differences between two diverse family groups.— Sex Roles, 1985, vol. 12, p. 1155—1162.
195. *Grellert E. A., Newcomb M. D., Bentler P. M.* Childhood play activities of male and female homosexuals and heterosexuals.— Arch. Sex. Behav., 1982, vol. 11, p. 451—478.
196. *Gulik R.* van. Sexual life in Ancient China.— Leiden, 1961.
197. *Guiraud P.* Dictionnaire historique, stylistique, rhétorique, etymologique de la litterature érotique.— Paris, 1978.— 640 p.
198. *Hampson J. L.* Determinants of psychosexual orientation.— In: Sex and behavior.— New York, 1965, p. 108—132.
199. *Harlow H. F.* Learning to love.— San-Francisco, 1971.— 115 p.
200. *Harlow H. F., Mears C.* The nature of complex, unlearned responses.— In: The Development of affect/Ed. M. Lewis, L. A. Rosenblum.— New York — London, 1978, p. 257—274.
201. *Harry J.* Defeminization and adult psychological well-being among male homosexuals.— Arch. Sex. Behav., 1983, vol. 12, p. 1—20.
202. *Harry J.* Defeminization and social class.— Arch. Sex. Behav., 1985, vol. 14, p. 1—12.
202a. *Hendrick C., Hendrick S.* A theory and method of love.— J. Personal. Soc. Psychol., 1986, vol. 50, p. 392—402.
203. *Herbert J.* Neurobiological concepts and methods in the study of sexual behavior.— In: Methodology in sex research/Ed. R. Green, G. Wiener. Roquille, 1980, p. 207—224.
204. *Herdt G. H.* Guardians of the flutes. Idioms of masculinity. A study of ritualized homosexual behavior.— New York, 1981,— 382 p.
205. *Hite S.* The Hite report.— New York, 1977.— 211 p.
206. *Hoenig I.* The development of sexology during the second half of the 19th century.— In: Handbook of sexology, New. York, 1977, p. 5—20.
207. *Hoenig I.* Dramatic personae: selected biographical sketches of 19th century pioneers in sexology.— In: Handbook of sexology, 1977, New York, p. 21—43.
208. *Human* Sexual behavior. Variations in the ethnographic spectrum/Ed. D. S. Marshall, R. C. Suggs.— New York — London, 1977,— 302 p.
209. *Hunt M. M.* The Natural history of love.— New York, 1959.— 416 p.
210. *Hunt M.* Sexual behavior in the 1970s.— New York, 1974,— 395 p.
210a. *(Imieliński K.) Имелинский К.* Сексология и сексопатология. Пер. с польск.— М.: Медицина, 1986.— 423 с.
211. *Imperato-McGinley J., Peterson R. E., Gautier T., Sturla E.* Male pseudohermaphroditism secondary to steroid 5a reductase deficiency — a model for the role of androgens in both the development of male

phenotype and the evolution of a male gender identity.— J. Steroid Biochem., 1979, vol. 11, p. 637—645.
212. *Isacenko A. V.* Un juron russe du XVIe siecle.— In: Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky. Helsinki, 1964, p. 68—70.
213. *Jasso G.* Marital coital frequency and the passage of time: estimating the separate effects of spouses ages and marital duration, birth and marriage cohorts, and period influences.— Amer. Soc. Rev., 1985, vol. 50, p. 224—241.
214. *Jensen G. D.* Human sexual behavior in primate perspective. In: Contemporary sexual behavior/Ed. J. Zubin, J. Money.— New York, 1973, p. 17—32.
215. *Kallen D. J., Stephenson J. J.* Talking about sex revisited.— J. Youth and Adolescence, 1982, vol. 11, p. 11—24.
216. *Kallmann F. J.* Comparative twin study on the genetic aspects of male homosexuality.— J. nerv. ment. Dis., 1952, vol. 115, p. 283—298.
217. *Karacan J., Williams R. L., Thorney J. J., Salis P. J.* Sleep-related penile detumescence as a function of age.— Amer. J. Psychol., 1975, vol. 132, p. 932—937.
218. *Karlen A.* Sexuality and homosexuality. A New view.— New York, 1971.— 666 p.
219. *Kasek L.* Sexualität und Extraversion/Introversion.— In: Ehe — Familie — Sexualverhalten. III Seminar sozialistischer Länder/Hrsg. K. Starke, G. Roski. Leipzig, 1983, S. 66—71.
220. *Kemper T. D., Bologh R. W.* The ideal love object: structural and famity sources.— J. Youth and Adolescence, 1980, vol. 9, p. 33—48.
221. *Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. E.* Sexual behavior in the human male.— Philadelphia, 1948.— 804 p.
222. *Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. B., Gebhard P. N.* Sexual behavior in the human female.— Philadelphia. 1953.— 842 p.
222a. *Kockott G., Fahrer E.—M.* Social and partnership behavior of female and male transsexuals: a comparison.— Intern. Academy of Sex Research. 11-th Annual Meeting. Seattle, Sept. 17—21, 1985. Abstracts, p. 19.
223 *Kohlberg L. A.* A cognitive developmental analysis of children's sex-role concepts and attitudes.— In: The Development of sex differences/ Ed. E. E. Moccoby.— Stanford, 1966, p. 82—172.
224. *Komarovsky M.* Dilemmas of masculinity. A Study of college youth.— New York: Norton and Company, 1976.— 274 p.
225. *Konner M. J.* Evolution of human behavior development.— In: Handbook of cross-cultural human development. 1981, p. 3—52.
226. *Kozakiewicz M.* Development tendencies of sexual ethics in contemporary Europe.— In: Sex — Society — Education/Ed. M. Kozakiewicz. Warszawa, p. 86—113.
227. *(Kozakiewicz M.) Козакевич М.* Сексуальное воспитание и молодежь Европы.— София, 1985.— 144 с.
227а. *(Kratochvil S.) Кратохвил С.* Терапия функциональных сексуальных расстройств. Пер. с чешск.— М.: Медицина, 1985.— 159 с.
228. *Laslett P.* Family life and illicit love in earlier generations.— Cambridge, 1977.— 270 p.
229. *Laslett P.* Introduction: comparing illegitimacy over time and between cultures.— In: Bastardy and its comparative history/Ed: P. Laslett, K. Oosterveen, R. M. Smith.— Cambridge: Mass., 1980, p. 1—65.
230. *(Lawick-Goodall J.) Лавик-Гудолл Д.* ван. В тени человека: Пер. с англ.— М.: Прогресс, 1974.— 318 с.
231 *Laws J. L., Schwartz P.* Sexual scripts. The Social contruction of female sexuality.— Hillsdale, 1977.— 150 p.

231a. *Lee J. A.* A typology of styles of loving.— Personality and Social. Psychol. Bull., 1977, vol. 3, p. 173—182.
232. *Le Vine R. A.* Gusii sex offenders: A study in social control.— Amer. Anthrop., 1959, vol. 61, p. 965—990.
233. *Levin R. J., Wagner G.* Orgasm in women in the laboratory-quantitative studies on duration, intensity, latency and vaginal blood flaw.— Arch. Sex. Behav., 1985, vol. 14, p. 439—450.
234. *Lothstein L. M.* Female-to-male transsexualism: Historical, Clinical, and theoretical issues.— Boston, 1983.— 336 p.
235. *Maccoby E. E., Jacklin C. N.* The Psychology of sex Differences.— Stanford, 1974.— 634 p.
236. *MacLean P. D.* Special award Lecture: New findings on brain function and socio-sexual behavior.— In: Contemporary sexual behavior/Ed. J. Zugin, J. Money.— Baltimore — London, 1973, p. 53—76.
237. *(Mainwaring W. Y. P.) Мейнуоринг У.* Механизмы действия андрогенов: Пер. с англ.— М.: Мир, 1979.— 224 с.
238. *Makarius R., Makarius L.* L'Origine de I'exogamie et du totemisme. Paris, 1961.— 216 p.
239. *Malamuth N. M.* Rape fantasies as a function of exposure to violent sexual stimuli.— Arch. Sex. Behav., 1981, vol. 10, p. 33—47.
240. *Malamuth N. M.* Factors associated with rape as prediction of laboratory aggression against women.— J. Personal soc. Psychol., 1983, vol. 45, p. 432—442.
241. *Malamuth N. M., Feshbach S., Jaffe Y.* Sexual arousal and aggression: recent experiments and theoretical issues.— J. Soc. Iss., 1977, vol. 33, p. 110—133.
242. *Malinowski B.* Sex and repression in savage sociaty.— New York, 1927.— 251 p.
243. Malinowski B. The sexual life of savages in North-Western Melanesia.— New York, 1929.— 603 p.
244. *Marcus S.* The Other victorians. A Study of sexuality and pornography in mid-nineteenth-century England.— New York, 1966.— 292 p.
245. *Marmor J.* Overview; the multiple roots of homosexual behavior.— In: Homosexual behavior, New York, 1980, p. 3—24.
246. *Marshall D. S.* Sexual behavior on Mangaia. In: Human sexual behavior, New York — London, 1971, p. 103—162.
247. *Martin C. E.* Sexual activity in the ageing male.— In: Handbook of sexology, New York — Oxford, 1977, p. 813—824.
248. *Martin C. E.* Factors affecting sexual functioning in 60—79-year-old married males.— Arch. Sex. Behav., 1981, vol. 10, p. 399—420.
249. *Masters W., Johnson V.* Human sexual response.— Boston, 1966.— 366 p.
250. *Masters W., Johnson V.* Human sexual inadequacy.— Boston, 1970.— 467 p.
251. *Masters W., Johnson V.* Homosexuality in perspective.— Boston, 1979.— 449 p.
252. *McEwen B. S.* Gonadal steroid influences of brain development and sexual differentiation.— In: Reproductive physiology IV/Ed. R. O. Greep. Baltimore, 1983, p. 99—145.
253. *Mead M.* Male and female.— New York, 1955.— 318 p.
254. *Meggit M. J.* Male-female relationships in the Highlands of Australian New Guinea.— Amer. Anthrop., 1964, vol. 66, part 2, p. 204—224.
255. *The Menstrual* cycle: A Synthesis of interdisciplinary research/Ed. A. J. Dan, E. A. Graham, C. P. Beecher.— New York, 1980.
256. *Messenger J. C.* Sex and repression in an Irish Folk Community.— In: Human sexual behavior.— New York, 1971, p. 3—37.
257. *Meyer-Bahlburg H. F. L.* Psychoendocrine research on sexual orientation.

Current status and future options.— In: Progress in brain research./Ed. G. J. De Vries et al., Amst., 1984, vol. 61, p. 375—398.
258. *Miller P. Y., Simon W.* The Development of Sexuality in Adolescence.— In: Handbook of adolescent psychology/Ed. J. Adelson. New York, 1980, p. 383—407.
259. *Mischel W.* A social-learning view of sex differences in behavior.— In: The Development of sex differences/Ed. E. E. Maccoby.— Stanford, 1966, p. 56—61.
260. *Money J.* Determinants of human gender identity/role.— In: Handbook of sexology. New York — Oxford, 1977, p. 57—79.
261. *Money J.* Love and Love Sickness. The Science of sex, gender difference and pair-bonding.— Baltimore — London, 1980.— 256 p.
262. *Money J.* Genetic and chromosomal aspects of homosexual etiology.— In: Homosexual Behavior. New York, 1980, p. 59—72.
263. *Money J.* Endocrine influences and psychosexual status spanning the life cycle.— In: Handbook of biological psychiatry./Ed. H. M. van Praag. New York, 1980, part 3, p. 279—318.
264. *Money J.* Paraphilias: phyletic origins of erotosexual dysfunction.— Int. J. Ment. Hlth., 1981, vol. 10, p. 75—109.
265. *Money J., Cawte J. E., Bianchi G. N.* et al. Sex training and traditions in arnhem land.— In: Handbook of sexology.— New York.— Oxford, 1977, p. 519—542.
266. *Money J., Dalêry J.* Yatrogenic homosexuality: Gender Identity in seven 46, XX chromosomal females with hyperadrenocortical hermaphroditism born with a penis, three reared as boys, four reared as girls.— J. Homosexuality, 1976, vol. 1, p. 357—371.
267. *Money J., Enrhard A. A.* Man and woman. Boy and girl.— Boston, 1972.— 311 p.
268. *Money J., Russo A. J.* Homosexual outcome of discordant gender identity/role in childhood: longitudinal follow — up. J. Pediat. Psychol., 1979, vol. 4, p. 29—41.
269. *Morse B.* The Sexual revolution.— Derby, 1962.— 157 p.
270. *Munroe R. L., Munroe R. H., Whiting J. W. M.* Male sex-role resolutions.— In: Handbook of cross-cultural human development. New York, 1981, p. 611—632.
271. *Munroe R. L., Whiting J. W. M., Hally D. J.* Institutionalized male transvestism and sex distinction.— Amer. Anthropol., 1969, vol. 71, p. 87—91.
272. *Murdock G. P., Provost C.* Factors in the division of labor by sex.— Ethnology, 1973, vol. 12, p. 203—225.
273. *Mussen P. H.* Early sex-role development.— In: Handbook of socialization theory and research/Ed. D. A. Goslin. Chicago, 1969, p. 700—736.
274. *Myers A. M., Lips H. M.* Participation in competitive amateur sports as a function of psychological androgyny.— Sex Roles, 1978, vol. 4, p. 571—578.
274a. *Newcomb M. D., Huba G. J., Bentler P. M.* Determinants of sexual and dating behaviors among adolescents.— J. Personal. soc. Psychology, 1986, vol. 50, p. 428—438.
275. *Onians R. B.* The Origins of european thought about the body, the mind, the soul etc.— Cambridge: Univ. Press, 1951.
276. *Ortner S. B.* Gender and sexuality in hierarchical societies.— In: Sexual meanings. The cultural construction of gender and sexuality/ Ed. S. B. Ortner, H. Whitehead. Cambridge — London, 1981, p. 359.
277. *Paige K. E., Paige J. M.* Politics and reproductive rituals.— Berkeley, 1978.
278. *Parsons T., Bales R. F., Olds J.* et al. Family, socialization and interaction process.— Glencoe, 1955.—422 p.

279. *Perkins M. W.* Female homosexuality and body build.— Arch. Sex. Behav., 1981, vol. 10, N 4, p. 337—345.
280. *Persky H., Lief H. J., Strauss D.* et al. Plasma testosterone level and sexual behavior of couples.— Arch. Sex. Behav., 1978, vol. 7, p. 157—174.
281. *Petrakis E.* The sexual revolution.— It, 1969, vol. 50, p. 14—27.
282. *Pilkonis P. A., Zimbardo P. G.* The personal and social dynamics of shyness.— In: Emotions in personality and psychopathology/Ed. C. E. Izard. New York — London, 1979, p. 133—160.
283. *Pillard R. C., Poumadere J., Carretta R. A.* A family study of sexual orientation.— Arch. Sex. Behav., 1982, vol. 11, N. 6, p. 511—520.
284. *Pleck J. H.* The Myth of masculinity.— Cambridge; Meiss, 1981.— 229 p.
285. *Ploog D. W., MacLean P. D.* Display of penile erection in squirrel monkey (Saimiri sciureus).— Animal Behav., 1963, vol. 11, p. 32—39.
286. *Pomeroy W. B.* The Masters — Johnson report and the kinsey tradition.— In: An Analysis of "Human Sexual Response"/Ed. R. Brecher, E. Brecher. 1966, p. 111—124.
287. *Proctor E. B., Wagner N. N., Bulter J. C.* The differentiation of male and female orgasm: An experimental study.— In: Perspectives on human sexuality/Ed. N. N. Wagner. New York, 1974.
288. *Raboch J., Barták V.* Changes in the sexual life of Czechoslovak women born between 1911 and 1958.— Arch. Sex. Behav., 1980, vol. 9, p. 495—502.
289. *Raboch J., Bartak V.* Menarche and orgastic capacity.— Arch. Sex. Behav., 1981, vol. 10, p. 379—382.
290. *Raboch I., Starka L.* Coital activity of men and the levels of plasmatic testosterone.— J. Sex Research, 1972, vol. 8, p. 219—224.
291. *Reading A. E., Wiest W. M.* An analysis of self reported sexual behavior in a sample of normal males.— Arch. Sex. Behav., 1984, vol. 13, p. 65—83.
292. *Rennert H.* Untersuchungen zur sexuellen Entwicklung der Jugend.— Z. ärztl. Fortbild., 1966, Bd 60, S. 361—367.
293. *Reiss I. L.* Family systems in America.— New York, 1976.—520 p.
294. *Rierdan J., Kaff E.* The psychological impact of menarche: integrative versus disruptive changes.— J. Youth and Adolescence, 1980, vol. 9, p. 49—58.
295. *Riess B. F.* Psychological tests in homosexuality.— In: Homosexual behavior, New York, 1980, p. 296—311.
296. *Rook K. S., Hammen C. L.* A cognitive perspective on the experience of sexual arousal.— J. Soc. Iss., 1977, vol. 33, p. 7—29.
297. *Rose R. M., Holiday J. W., Bernstein I. S.* Plasma testosterone, dominance rank, and aggressive behavior in male rhesus monkeys.— Nature, 1971, vol. 231, p. 366—368.
298. *Rosenzweig S.* Human sexual autonomy as an evolutionary attainment, anticipating proceptive sex choice and idiodynamic bisexuality.— In: Contemporary sexual behavior.— New York, 1973, p. 189—230.
299. *Rossi A. S.* A biosocial perspective on parenting.— Daedalus, 1977, vol. 106, p. 1—32.
300. *Rossi A. S., Rossi P. E.* Body time and social time: mood patterns by menstrual cycle phase and day of week.— Soc. Science Research, 1977, vol. 6, p. 273—308.
301. *Rubin Z.* Measurement of romantic love.— J. Personal. soc. Psychol., 1970, vol. 16, p. 265—273.
302. *Saghir M. T., Robins E.* Male and female homosexuality.— Baltimore, 1973.—326 p.

303. *Salzen E. A.* Social attachment and a sense of security.— A review.— Social Science Information, 1978, vol. 17, No. 4/5, p. 555—627.
304. *Salzman L.* Sexuality in psychoanalytic theory.— In: Modern psychoanalysis/Ed. J. Marmor. New York, 1968, p. 123—145.
305. *Schachter S.* The interaction of cognitive and physiological determinants of emotional state.— In: Advances in experimental social psychology/Ed. L. Berkowitz. 1964, vol. 1, No. 4.
306. *Schäfer S.* Socio-sexual behavior in male and female homosexuals: A study in sex differences.— Arch. Sex. Behav., 1977, vol. 6, p. 355—364.
307. *Schenk J., Pfrang H., Rausche A.* Personality traits versus the quality of marital relationship as the determinant of marital sexuality.— Arch. Sex. Behav., 1983, vol. 12, p. 31—42.
308. *Schlaegel J., Schoof-Tams K., Walczak K.* Sexuelle Sozialisation in Vorpubertät, Pubertät und früher Adoleszenz.— Sexualmedizin, 1975, Bd 4, S. 206—218, 306—325; 381—388.
309. *Schmidt G.* Letter to the editor.— Arch. Sex. Behav., 1978, vol. 7, p. 73—75.
310. *Schmidt G.* Motivationale Grundlagen sexuellen Verhaltens.— In: Psychologie der Motive/Hrsg. von H. Thomae. Göttingen, 1983, S. 70—109.
311. *Schmidt G.* Allies and persecutors: science and medicine in the homosexuality issue.— J. of Homosexuality, 1984, vol. 10, N 4, p. 127—140.
312. *Schmidt G., Schorsch E.* Psychosurgery of sexually deviant patients: review and analysis of new empirical findings.— Arch. Sex. Behav., 1981, vol. 10, p. 301—323.
313. *Schmidt G., Sigusch V.* Arbeiter-Sexualität. Eine empirische Untersuchung an jungen Industriearbeitern.— Neuwied und Berlin, 1971.— 181 S.
314. *Schnabl S.* Intimverhalten. Sexualstörungen. Persönlichkeit. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1976.—478 S.
315. *Schofield M.* Sociological aspects of homosexuality.— London, 1965.— 244 p.
316. *Seksuologia* kulturowa/Red. K. Imielinski.— Warszawa, 1984.—390 S.
317. Sex research. Studies from the Kinsey Institute Ed. M. L. Weinberg.— New York.— London. 1976.—320 p.
318. *Sexualtheorie* und Sexualpolitik: Ergebnisse einer Tagung/Hrsg. von M. Dannecker, V. Sigusch.— Stuttgart, 1984.—129 S.
319. *Sexuell* gestörte Beziehungen. Konzept und Technir der Paartherapie/ Hrsg. G. Arentewicz und G. Schmidt.— Berlin — Heidelberg — New York, 1980.—296 S.
320. *Shorter E.* The Making of the modern family.— New York, 1975.— 369 p.
321. *Siegelman M.* Psychological adjustment of homosexual and heterosexual men: a cross-national replication.— Arch. Sex. Behav., 1978, vol. 7, p. 1—12.
322. *Sigusch V.* Physiologie des Orgasmus.— In: Sexualität und Medizin/ Hrsg. V. Sigusch. Köln, 1979, S. 143—158.
323. *Sigusch V., Schmidt G.* Jugendsexualität. Dokumentation einer Untersuchung.— Stuttgart, 1973.—211 S.
324. *Simon P.* Rapport sur le comportement sexuel des Francais: Edition abregée — Paris, 1972.—354 p.
325. *Sorensen R.* Adolescent sexuality in contemporary America.— New York, 1973.
326. *Spanier G. B.* Married and unmarried cohabitation in the United States: 1980.— J. Marriage and the Family, 1983, vol. 45, p. 277.

327. *Spence J. T., Helmreich R. L.* The many faces of androgyny.— J. Personal. soc. Psychol., 1979, vol. 37, p. 1032—1046.
328. *Standards* of care: the hormonal and surgical sex reassignment of gender dysphoric person.— Arch. Sex. Behav., 1985, vol. 14, N 1, p. 72—75.
329. *Starke K.* Junge Partner. Tatsachen über Liebesbeziehungen im Jugendalter.— Leipzig — Berlin, 1980.—181 S.
330. *Starke K., Friedrich W.* Liebe und Sexualität bis 30.— Berlin, 1984.— 355 S.
331. *Stoller R. J.* Impact of new advances in sex research on psychoanalytic theory.— Dan. Med. Bull., 1972, vol. 19, p. 287—300.
332. *Stone L.* The family, sex and marriage in England 1500—1800.— Abr. ed. New York, 1979.— 447 p.
333. *Storms M. D.* Theories of sexual orientation.— J. Personal. soc. Psychol., 1980, vol. 38, p. 783—792.
334. *Storms M. D.* A theory of erotic orientation dėvelopment.— Psychol. Rev., 1981, vol. 88, p. 340—353.
335. *Sullivan H. S.* The Interpersonal theory of psychiatry.— New York, 1953.—393 p.
335a. *Tennov D.* Love and Limerence. The Experience of being in love.— New York, 1979.
336. *Tinbergen N.* Some recent studies of the evolution of sexual behavior.— In: Sex and Behavior, New York — London, 1965, p. 1—33.
337. *Tomkins S. S.* Script theory: Differential magnification of affects.— In: Nebrasca Symposium on motivation. 1978/Ed. H. E. Howe, R. Al Diebster. Lincoln — London, 1979, p. 201—236.
338. *Tullman G. M., Gilner F. H., Kolodny R. C.* et al. The pre-and post-therapy measurement of communication skills of couples undergoing sex therapy at the Masters and Johnson Institute.— Arch. Sex. Behav., 1981, vol. 10, p. 95—109.
339. *Trudgill E.* Madonnas and magdalens. The Origins and Development of victorian sexual attitudes.— New York, 1976.—336 p.
340. *Udry J. R.* Changes in the frequency of marital intercourse from panel data.— Arch. Sex. Behav., 1980, vol. 9, p. 319—325.
341. *Valins S.* Cognitive effects of false heart-rate feedback.— J. Pers. Soc. Psych., 1966, vol. 4, p. 400—408.
342. *Vanggaard T.* Phallos. A Symbol and its history in the male world.— New York, 1972.—208 p.
343. *Vener A. M., Stewart C. S.* Adolescent behavior in Middle America revisited: 1970—1973.— J. Marriage and the Family, 1974, vol. 34, p. 728—735.
344. *Verwoerdt A.* Clinical geropsychiatry.— Baltimore, 1976.
345. *Weeks J.* Sex, politics and society. The Regulation of sexuality since 1800.— London, 1981.—306 p.
346. *Weis D. L.* The experience of pain during women's first sexual intercourse: cultural mythology about female sexual initiation.— Arch. Sex. Behav., 1985, vol. 14, p. 421—438.
347. *Westoff Ch. F.* Coital frequency and contraception.— Fam. Planing Perspectives, 1974, vol. 3, p. 136—141.
348. *Whalen R. E.* Sexual motivation.— Psychol. Rev., 1966, vol. 73, p. 151—163.
349. *Whalen R. E.* Brain mechanisms controlling sexual behavior.— In: Human sexuality in four perspectives. Baltimore — Oxford, 1974, p. 215—246.
350. *What's* Really Happening on Campus? — Playboy, 1976, vol. 23, p. 128—169.

351. *Whitam F. L.* Childhood indicators of male homosexuality.— Arch. Sex. Behav., 1977, vol. 6, p. 89—96.
351a. *Whitam F. L.* The sexual orientation of homosexual twins.— Intern. Academy of Sex. Research. 11-th Annual. Meeting. Seattle, Sept. 17—21, 1985. Abstracts, p. 46.
352. *Whitam F. L., Zent M.* A cross-cultural assessment of early cross-gender behavior and familial factors in male homosexuality.— Arch. Sex. Behav., 1984, vol. 13, p. 427—439.
353. *Whitehead H.* The bow and the burden strap: a new look at the institutionalized homosexuality in native North America.— In: Sexual meanings, 1981, p. 80—115.
354. *Whitley B. E. Jr.* Sex role orientation and psychological well-being: two meta-analyses.— Sex Roles, 1985, vol. 12, p. 227—242.
355. *Wickler W.* Ursprung und biologische Deutung des Genitalpräsentierens männlicher Primaten.— Z. Tierpsych., 1966, Bd 23, S. 422—437.
356. *Wiest W. M.* Semantic differential profiles of orgasm and other experiences among men and women.— Sex Roles, 1977, vol. 3, p. 399—405.
357. *Wilson E. O.* Sociobiology. The New Synthesis.— Cambridge: Mass., 1975.—679 p.
358. *Wilson W. C.* The distribution of selected sexual attitudes and behaviors among the adult population of the United States.— J. Sex. Res., 1975, vol. 11, p. 46—64.
359. *Wilson W. C., Abelson H. I.* Experience with and attitudes toward explicit sexual materials.— J. soc. Iss., 1973, vol. 29, p. 19—40.
360. *Wincze J. P., Hoon P., Hoon E. F.* Sexual arousal in women.— Arch. Sex. Behav., 1977, vol. 6, p. 121—134.
361. *Women,* culture and society/Ed. M. Z. Rosaldo, L. Lamphere.— Stanford, 1974.—352 p.
362. *Wood M., Hughes M.* The moral basis of moral reform: status discontent vs culture and socialization as explanation of anti-pornography social movement adherence.— Amer. Soc. Rev., 1984, vol. 49, p. 71—75.
363. *Wood R.* Sex reforms movement.— In: Encyclopedia of sexual behavior, 1961, vol. 2, p. 956—966.
364. *Wooden W. S., Parker J.* Men behind bars. Sexual exploitation in prison.— New York, 1982.
365. *Yamaguchi K., Kandel D. B.* Dynamic relationships between premarital cohabitation and illicit drug use: An event-history analysis of role selection and role socialization.— Amer. Soc. Rev., 1985, vol. 50, p. 530—546.
366. *Zelnik M., Kantner J.* Sexual activity, contraceptive use and pregnancy among metropolitan-area teenagers: 1971—1979.— Fam. Planning Perspect., 1980, vol. 12, p. 230—237.
367. *Zelnik M., Kantner J. F., Ford K.* Sex and pregnancy in adolescence.— Cambridge: Beverly Hills, 1981.—327 p.
368. *(Zetkin K.) Цеткин К.* Воспоминания о Ленине.— М.: Госполитиздат. 1955.—72 с.
369. *Zucker K. J., Doering R. W., Bradley S. J., Finegan J.—A.* Sex-typed play in gender-disturbed children: a comparison to sibling and psychiatric controls.— Arch. Sex. Behav., 1982, vol. 11, N 309—322.
370. *Zurcher L. A., Jr., Kirkpatrick R. G.* Citizens for decency: Anti-pornography crusades as status defense.— London — Austin, 1976.—412 p.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аберрация половая — половое извращение.

Абстиненция половая (син.— депривация сексуальная) — периоды вынужденного полового воздержания; комплекс тягостных общеневротических и местных проявлений психофизиологического дискомфорта, возникающих при снижении уровня половой активности ниже индивидуальной (конституционально-возрастной) потребности. *Абстиненция половая парциальная* — вынужденное половое воздержание, смягчаемое наступлением эякуляций при суррогатных (мастурбация, петтинг) или непроизвольных (поллюции) формах полового удовлетворения; *абстиненция половая тотальная* — абсолютное отсутствие половой активности, когда эякуляция не наступает ни при каких обстоятельствах.

Аверсия сексуальная — негативное отношение к сексуальному партнеру; наиболее тяжелая форма партнерской сексуальной дисфункции.

Агапэ — в Древней Греции — жертвенная любовь, бескорыстная самоотдача, растворение любящего в заботе о любимом.

Акушерский пол — то же, что гражданский пол.

Алголагния — сексуальное удовлетворение, испытываемое при причинении боли половому партнеру (*активная алголагния*, или садизм) или в связи с болью, причиняемой половым партнером (*пассивная алголагния*, или мазохизм).

Амбивалентность — двойственность переживания, когда один и тот же объект одновременно вызывает противоположные чувства.

Амбисексуальность — термин, используемый в качестве синонима терминов гермафродитизм и бисексуальность.

Анафродизия — то же, что фригидность.

Андрогены — мужские половые гормоны (тестостерон, андростерон и др.), вызывающие маскулинизацию (омужествление) организма.

Андрогиния — одновременно женские и мужские свойства у индивида; психологическая андрогиния — высокие показатели одновременно по шкалам маскулинности и фемининности.

Андрофилия — разновидность мужского гомосексуализма — влечение к взрослым мужчинам.

Анестезия половая — то же, что фригидность.

Аноргазмия — отсутствие оргазма при половых сношениях. Оргазм может наступать при других формах половой активности, например при эротических сновидениях, или не появляться никогда.

Асексуальность — отсутствие полового влечения.

Аскриптивный пол — приписанный пол; то же, что гражданский пол.

Аттрактивность — эмоциональное притяжение, симпатия; аттрактивность эротическая — эротическая привлекательность.

Аутоэротизм — направленность полового влечения на самого себя (нарциссизм).

Aphrodisiaca (афродизиака) — вещества, стимулирующие половое влечение, вызывающие половое возбуждение (половые гормоны и др.).

Афродизиомания — болезненная фиксация психики на поисках средств, способных возбудить снижающиеся половые возможности.

Аффективный — эмоционально окрашенный.

Бинарный — двоичный, состоящий из двух компонентов.

Бисексуальность — в широком смысле слова обладание свойствами, характерными для обоих полов (андрогиния); в узком смысле — половое влечение к лицам обоего пола.

Вагинизм — судорожное сокращение мышц влагалища и тазового дна, препятствующее проведению полового акта.

Викторианство — букв.: нравы Англии времен правления королевы Виктории (1837—1901); в переносном смысле — символ ханжества и лицемерия.

Викхарита — одна из суррогатных форм полового сношения — оргазм вызывается введением полового члена между сомкнутыми бедрами женщины.

Виргогамия — девственный брак.

Виргхата — одна из суррогатных форм полового сношения — оргазм вызывается трением полового члена о промежность женщины.

Вирильность, вирилизация — появление мужских черт (тип телосложения, оволосения, тембр голоса и др.) у женщин под влиянием андрогенов.

Воздержание половое — усилия, направленные на подавление половой активности.

Воллюст — сладострастное чувство, сопровождающее половой акт.

Вуайеризм, визионизм — достижение полового возбуждения или оргазма путем созерцания чужих гениталий или наблюдения за сексуальной активностью других людей. Ср. с эксгибиционизмом.

Гениталии — половые органы.

Генотип — генетическая конституция организма, совокупность всех наследственных задатков, присущих данной особи.

Гермафродитизм — двуполость, интерсексуальность; врожденная двойственность репродуктивных органов, когда пол индивида нельзя однозначно определить ни как мужской, ни как женский. Различают гермафродитизм *истинный* (при наличии мужских и женских половых желез) и *ложный*, или *псевдогермафродитизм* (наличие в организме только женских или только мужских половых желез).

Геронтофилия — направленность полового влечения на лиц старческого возраста.

Гетеризм — форма свободной любви в Древней Греции.

Гетеро... — часть сложных слов, обозначающая «другой», «иной» (напр. гетерогенность).

Гетеро/гомосексуальность — предпочтение сексуальных партнеров противоположного/собственного пола; проявляется в соответствующем поведении.

Гетеро/гомосоциальность — ориентация на общение с лицами противоположного/собственного пола; определяется кругом общения.

Гетеро/гомофилия — эмоциональное тяготение к лицам противоположного/собственного пола, не имеющее выраженной эротической окраски.

Гетеро/гомоэротизм — эротическое влечение к лицам противоположного/собственного пола, не обязательно сопровождающееся сексуальной близостью.

Гибристика — древний аргосский праздник с выраженной полоролевой инверсией.

Гинекомастия — увеличение молочных желез у мужчин вследствие эндокринных нарушений (*истинная гинекомастия*), избыточного отложения жира (*ложная гинекомастия*); иногда возникает в период полового созревания (пубертатная гинекомастия, или юношеский мастит).

Гинекофилия — разновидность женского гомосексуализма — влечение к взрослым женщинам.

Гиперсексуальность — повышенное половое влечение. См. также *Нимфомания, Сатириазис.*

Гиперсексуальность пубертатная — свойственная юношескому возрасту фиксация психики на сексуально-эротических впечатлениях и фантазиях, сопровождаемых спонтанными эрекциями, частыми поллюциями и другими проявлениями повышенной половой возбудимости; порождая преходящую невротизацию, пубертатная гиперсексуальность в то же время способствует формированию условнорефлекторных комплексов половой сферы, обеспечивающих нормальные половые функции в периоде зрелости.

Гиперсублимация — стойкое подавление сексуальных проявлений в результате систематического оттеснения сексуальных интересов мотивациями и активностью спортивного, творческого или производственного характера.

Гипогонадизм, гипогенитализм — недоразвитие половых органов и вторичных половых признаков в связи с пониженной секрецией половых гормонов.

Гипосексуальность — снижение полового влечения; крайнее проявление у женщин — фригидность.

Гипоталамус — отдел промежуточного мозга, высший подкорковый центр вегетативной нервной системы; регулирует деятельность желез внутренней секреции и осуществляет связь эндокринной и нервной систем.

Гипофиз — железа внутренней секреции, тесно связанная с гипоталамусом, его гормоны регулируют многие функции других эндокринных желез, включая гонады.

Гирсутизм — избыточное оволосение (рост усов, бороды) у женщин; проявление вирилизации.

Гифедония (искажен. гипгедония; гипогедония, половая гипестезия) — притупление остроты сладострастных ощущений.

Гомо... — часть сложных слов, обозначающих сходство, единство, принадлежность к одному и тому же (например, гомосоциальность, гомофилия).

Гомофобия — иррациональная ненависть к гомосексуалистам; часто выражает страх собственных сексуальных фантазий и импульсов.

Гонадный, истинный пол — идентифицируется по основному показателю половой принадлежности — гистологическому строению половой железы.

Гонадотропин — общее название гормонов передней доли гипофиза, стимулирующих формирование и активность половых желез.

Гонады (прилаг. гонадный) — половые железы.

Гормональный пол — определяется гонадным полом; проявляется способностью половых желез секретировать специфические половые гормоны.

Гражданский пол (паспортный, акушерский, аскриптивный пол) — официально регистрируемый пол; определяется при рождении и выводится непосредственно из морфологического пола. Как правило, определяет пол воспитания.

Грефенберга пятно — участок на передней стенке влагалища, размер которого у некоторых женщин увеличивается при половом возбуждении и раздражение которого предположительно связано с женским оргазмом.

Гуморальный — относящийся к жидкостям организма (крови, лимфе).

Даосизм — одно из направлений древнекитайской философии.

Двойной стандарт — различные нормы поведения для мужчин и женщин.

Девиация (прилаг.— девиантный) — отклонение от нормы.

Девиации половые — не относящиеся к болезненным состояниям отклонения от общепринятых (в рамках данной этнической культуры) форм полового поведения.

Детерминация пола — направленность наследственных (генетических) и средовых факторов, определяющих конечный результат половой дифференцировки, т. е. развитие первичных и вторичных половых признаков по мужскому или женскому типу и половое самосознание (основными компонентами последнего являются психосексуальная ориентация, выбор сексуального партнера и исполняемая индивидуумом половая роль).

Дефеминизация — процесс преодоления мальчиками женственных черт характера и поведения.

Дефлорация — разрыв девственной плевы.

Диапазон приемлемости — совокупность форм сексуального поведения при интимной близости (как в коитусе, так и в подготовительной стадии предварительных ласк, или форшпиле), не порождающая у партнера негативной эмоциональной реакции (выбор сексуальных поз партнеров, орально-генитальные контакты и т. п.).

Диморфизм — две качественно различные формы одного и того же явления; половой диморфизм — различия, обусловленные принадлежностью к мужскому или женскому полу.

Дисгармония сексуальная — общее название различных половых нарушений, возникающих в результате неудачного выбора партнера; разновидность партнерской сексуальной дисфункции.

Дисгенитализм — ненормальное развитие половых органов.

Диспареуния — термин, которым различные авторы определяют очень широкий круг нарушений, главным образом у женщин, от отсутствия полового влечения (асексуальность) и

неспособности к оргазму (аноргазмия) до дисгармонии половых отношений между супругами (дисгамия), болезненных ощущений в половых органах (гениталгии) и мышечных спазмов, затрудняющих половое сношение или делающих его невозможными (вагинизм).

Дисфункция сексуальная партнерская, дисгамия — сексуальные расстройства, проявляющиеся во взаимодействии конкретной партнерской пары; часто трактуется как сексуальная несовместимость, хотя нередко за ней стоит всего лишь отсутствие некоторых навыков.

Доминанта — главенствующая идея, основной признак чего-либо.

Доминантность (прилаг. доминантный) — властность, склонность и способность занимать господствующее положение.

Защитные механизмы психологические — специальная регулятивная система стабилизации личности, направленная на устранение или уменьшение чувства тревоги путем «ограждения» сферы сознания от негативных, травмирующих личность переживаний. Наиболее подробно теория защитных механизмов разработана в психоанализе.

Зоофилия — скотоложество, сексуальные контакты с животными.

Идентичность — осознанное единство и преемственность телесных и психических процессов. См. также *Половая идентичность*.

Импотенция — неспособность мужчины совершить половой акт или (и) обеспечить сексуальное удовлетворение у обоих партнеров. Под импотенцией подразумевают самые разные нарушения эрекции, эякуляции и других сексуальных реакций. Термин исчезает из современной научной сексологии.

Импринтинг — психофизиологический механизм, в соответствии с которым впечатление или образ, воспринятые в определенный критический период развития, прочно запечатлеваются в мозге, превращаясь в устойчивую поведенческую программу.

Инверсия — изменение обычного порядка вещей, перестановка; сексуальная инверсия означает гомосексуализм.

Инволюция — развитие по нисходящей линии, свертывание биологической функции; сексуальная инволюция — постепенное возрастное снижение половой активности.

Инволюция сексуальная — возрастное снижение половой активности, первым проявлением которого обычно становится постепенное ослабление интереса к половой сфере.

Индекс сезонности — статистический показатель зависимости зачатий от времени года.

Инициация — обряд посвящения.

Интериоризация — перенесение внутрь, усвоение; противоположное понятие — экстериоризация — выражение вовне.

Интерсексуальность — неопределенность соматического полового статуса (гермафродитизм) или половой идентичности (транссексуализм).

Интроверсия (интровертированный, интроверт) — обращенность внимания внутрь себя, необщительность, замкнутость. См. также *Экстраверсия*.

Интромиссия — введение полового члена во влагалище.

Инцест — кровосмешение, половая связь между близкими родственниками.

Инь и ян — в древнекитайской философии и медицине — принцип разделения женского и мужского начал.

Каноническое право — совокупность правил, установленных церковью в отличие от светского законодательства.

Кастрация, оскопление — воздействие, вызывающее полное прекращение функций гонад. Различают гормональную, лучевую, травматическую и хирургическую кастрацию.

Когнитивный — познавательный.

Коитус — половой акт, половое сношение, совокупление.

Коитус вестибулярный — суррогатная форма полового акта, осуществляемая путем ритмичных движений полового члена, не выходящих за пределы преддверия влагалища, или ритмичных сдавлений члена между преддверием влагалища и лобком мужчины; производится либо как средство предотвратить разрушение девственной плевы и наступление беременности, либо при недостаточном напряжении полового члена, исключающем возможность введения его во влагалище, либо при индивидуальном своеобразии механизмов сексуального удовлетворения у некоторых женщин.

Коитус гетеросексуальный — половой акт между представителями разных полов (мужчиной и женщиной)

Коитус гомосексуальный — половой акт между представителями одного пола.

Коитус прерванный — половой акт, при котором мужчина, чувствуя приближение заключительной нервной разрядки (оргазма), для предупреждения беременности извлекает половой член из влагалища, чтобы сперма не попала в половые пути женщины.

Коитус пролонгированный — половой акт, произвольно затягиваемый с целью продлить удовольствие.

Конституция половая — совокупность биологических свойств (особенностей) организма, сложившихся под влиянием наследственных факторов и условий развития, определяющая уровень половой потребности, предел половой активности и сопротивляемость вредным влияниям, воздействующим на половую сферу.

Контрацептивы — противозачаточные средства.

Копуляция (прилаг. копулятивный) — то же, что коитус.

Кровосмешение — то же, что инцест.

Куннилингус — оральное стимулирование женских гениталий.

Ласки заключительные — завершающие половой акт сексуальные действия, обычно умиротворяющие, сглаживающие остроту предшествующих ощущений и выражающие удовлетворение и благодарность партнеру; могут способствовать наступлению полного сексуального удовлетворения у женщины в случаях некоторой задержки разрядки.

Ласки подготовительные — взаимные сексуальные действия на начальном этапе полового сближения (обычно в форме словесных высказываний, объятий и поцелуев), имеющие целью достижение обоими партнерами полной психологической и телесной готовности к полноценному половому акту.

Латентный — скрытый, находящийся в потенции.

Лесбийская любовь, лесбианство — женский гомосексуализм.

Либидо — половое влечение.

Лонгитюдный метод — исследование одних и тех же людей в течение длительного времени (в отличие от метода возрастных срезов).

Людус — в Древней Греции — гедонистическая любовь-игра, не отличающаяся глубиной чувства и сравнительно легко допускающаяся возможность измены.

Мазохизм — половое удовлетворение при физических или моральных страданиях, причиняемых половым партнером.

Мания — в Древней Греции — вырастающая из смешения эроса и людуса иррациональная любовь-одержимость, для которой типичны неуверенность и зависимость от объекта влечения.

Маскулинность — совокупность соматических, психических и поведенческих признаков, отличающих мужчину от женщины (у животных — самца от самки). См. также *Фемининность*.

Мастурбация (ипсация, онанизм) — сексуальное самоудовлетворение, чаще всего путем раздражения гениталий.

Менархе — первая менструация. См. также *Ойгархе*.

Менопауза — прекращение менструаций у женщины, знаменующее окончание детородного периода ее жизни.

Микрогенитосомия — недоразвитие наружных половых органов.

Морфологический, соматический пол — пол, определяемый строением наружных и внутренних половых органов; обусловливается уровнем и доминирующей направленностью гормональных воздействий.

Мужеложство — то же, что педерастия.

Мультиоргастичность — способность несколько раз переживать оргазм в течение одного полового акта; характерна для женщин (так наз. мультиоргастичные женщины).

Нарвасадата — суррогатная форма полового сношения путем введения полового члена между молочными железами женщины.

Нарциссизм (аутоэротизм, аутомоносексуализм) — предпочтение собственного тела в качестве объекта полового влечения.

Нимфомания — повышенное половое влечение (гиперсексуальность) у женщины. См. также Сатириазис.

Обрезание — хирургическое иссечение крайней плоти.

Ойгархе — первая поллюция. См. также Менархе.

Онанизм — то же, что мастурбация.

Онанизм психический — фантазии на сексуальные темы с переживанием оргазма без мастурбации и любых других манипуляций.

Оральный — относящийся к полости рта.

Оргазм — высшая степень сладострастного ощущения, возникающая в момент завершения полового акта или при других формах сексуального удовлетворения.

Оргазмическая платформа (син.— оргастическая манжетка) — предварительное тоническое напряжение мышц наружной трети влагалища, предельное сокращение которых связано с возникновением оргазма.

Оргастичность — способность переживать оргазм.

Панельное исследование — повторное обследование одного и того же объекта через некоторое время.

Пансексуализм — сведение всех эмоциональных реакций и мотивов поведения к сексуальной основе.

Парафилия — достижение полового удовлетворения с помощью необычных или культурно неприемлемых стимулов; обычно это понятие используют как синоним половых отклонений, девиаций.

Паспортный пол — то же, что гражданский пол.

Педерастия — мужеложство, мужской гомосексуализм; обычно

употребляется в более узком смысле для обозначения анального коитуса между взрослым мужчиной и мальчиком.

Педофилия — направленность полового влечения на детей.

Перверсия — извращение, патологическое отклонение от нормы.

Пермиссивная половая мораль, пермиссивность — сексуальная терпимость. См. также *Репрессивная половая мораль.*

Петтинг — преднамеренное вызывание оргазма искусственным возбуждением эрогенных зон в условиях двустороннего сексуального контакта, исключающего непосредственное соприкосновение гениталий. Может быть поверхностным (раздражение эрогенных зон, обычно обнаженных, а гениталий — только через одежду), глубоким, гомо- и гетеросексуальным, активным и пассивным.

Пол воспитания — пол, в котором воспитывают ребёнка в семье (от выбора одежды, причёски и игр до применения наказаний за неконформное сексуальное поведение); определяется гражданским полом. Участвует в формировании полового самосознания и выборе половой роли.

Поллюционизм — стремление пачкаться выделениями полового партнера с целью полового возбуждения.

Поллюция — непроизвольная эякуляция, не связанная с половым актом; происходит большей частью во сне. Поллюции дневные — непроизвольные семяизвержения, наступающие при бодрствующем состоянии сознания, но вне обстановки полового акта (чаще всего при форсированных объятиях и поцелуях, но иногда — под влиянием чисто зрительных возбуждающих восприятий или эротического фантазирования, а изредка — при воздействии таких несексуальных агентов, как вибрации или стыд, страх и т. п.). Поллюции ночные — непроизвольные семяизвержения (условно противопоставляемые «произвольным» при половом акте или онанизме), происходящие во время сна.

Половая активность — свойственная данному человеку частота половых отправлений (у мужчин характеризуется количеством семяизвержений, наступающих при половых актах или других, в частности суррогатных, формах полового удовлетворения, например при онанизме).

Половая жизнь — совокупность телесных, психических и социальных процессов, в основе которых лежит и посредством которых удовлетворяется половое влечение.

Половая идентичность — осознанная половая принадлежность индивида, с которой соотносятся прочие свойства его самосознания.

Половая роль — модель социального поведения, специфиче-

ский набор требований и ожиданий, предъявляемых обществом к лицам мужского или женского пола.

Половая социализация — процесс формирования мужской или женской половой идентичности в соответствии с принятыми в данном обществе культурными нормами.

Половая стратификация — иерархически организованная система половых ролей.

Половая холодность (син.— фригидность) — ослабление полового влечения или половой возбудимости. Термин чаще употребляется применительно к лицам женского пола.

Половое влечение (син.— либидо) — стремление к половой близости, выраженность и направленность которого определяются генетическим набором хромосом, диэнцефальным отделом мозга, железами внутренней секреции и формированием условнорефлекторных комплексов под влиянием индивидуального опыта.

Половое развитие задержанное — отсутствие или четкое (на несколько лет) запаздывание формирования функциональных (половое влечение, семяизвержение, менструации и т. п.) и объективных (в частности, вторичных половых признаков) проявлений, характеризующих половую зрелость.

Половое самосознание — способность осознавать себя представителем определенного пола, а также регулировать свое поведение в соответствии с принятыми в обществе морально-этическими требованиями и установками.

Половой дисфории синдром — устойчивое психическое состояние острой неудовлетворенности своей половой принадлежностью, желание сменить половую роль и половую идентичность.

Половой символизм — система образов и норм, в которых культура осмысливает половые различия и сексуальное поведение.

Половые расстройства — нарушения, сказывающиеся на получении полового удовлетворения у обоих сексуальных партнеров (мужчины и женщины) и на их плодовитости (способности к зачатию и воспроизведению потомства).

Половые свойства — свойства, дифференцирующие людей по половой принадлежности

Полоролевое предпочтение — предпочтение мужской или женской роли или каких-то ее аспектов.

Порнография — непристойное, вульгарно-натуралистическое изображение или словесное описание полового акта, имеющее целью сексуальное возбуждение.

Постконсумматорная фаза — завершающий этап копуляции, наступающий после коитуса и характеризующийся общим

расслаблением и угасанием сексуальных реакций.

Прагма — в Древней Греции — возникающая из смеси людуса и сторгэ рассудочная, легко поддающаяся сознательному контролю любовь по расчету.

Прокреация — воспроизведение потомства; прокреативная сексуальность — имеющая своей целью деторождение. См. также Рекреация.

Промискуитет — беспорядочные, ничем не регулируемые половые сношения; в XIX веке промискуитет ошибочно считали древнейшей формой взаимоотношений полов в первобытном обществе.

Процептивность — поведение самки, стимулирующее сексуальную активность самца.

Псевдогермафродитизм — ложный гермафродитизм.

Псевдоимпотенция — сомнения в состоянии своей половой сферы у мужчины, порождаемые неправильными представлениями о нормальных половых проявлениях, при отсутствии у него отклонений.

Психосексуальная ориентация — характерная для индивидуума направленность полового влечения, определяющая выбор сексуального партнера и особенности собственной сексуальной роли.

Пубертат — период полового созревания.

Реакции сексуальные — поведенческие, физиологические реакции, связанные с сексуальным влечением и направленные на его удовлетворение.

Редукционизм — сведение сложного к простому и высшего к низшему.

Рекреация — букв.: отдых, развлечение; рекреативная сексуальность — сексуальность, имеющая целью удовольствие. См. также Прокреация.

Репрезентативный — статистически представительный.

Репрессивная половая мораль — система жестких антисексуальных установок; противоположна сексуальной терпимости (пермиссивности).

Респондент — лицо, отвечающее на вопросы анкеты.

Ретардация сексуальная — задержка сексуального развития; в легких случаях выражающаяся запаздыванием пробуждения полового влечения и наступления первых менструаций (у юношей — первых эякуляций), в более тяжелых случаях к этому присоединяется недоразвитие вторичных половых признаков.

Рецептивность — готовность самки принять самца в копулятивном акте.

Садизм — половое удовлетворение путем причинения страданий или унижения сексуальному партнеру.

Садомазохизм — садизм и мазохизм как дополняющие друг друга способы сексуального удовлетворения; иногда чередуются у одного и того же лица.

Сатириазис — повышенное половое влечение (гиперсексуальность) у мужчины. См. также Нимфомания.

Сексология — область научных исследований и знаний о половой жизни.

Сексуальность — характеристика сексуального влечения, сексуальных реакций, сексуальной активности и т. д.

Сексопатология — раздел клинической медицины, изучающий половые расстройства.

Секс-терапия — метод лечения половых расстройств в партнерской паре (обучение, тренинг по специальным программам).

Сексуальная роль/идентичность — аспекты половой роли/идентичности, относящиеся к генитально-эротическим свойствам и поведению.

Сексуальные игры — действия, связанные с обследованием или стимуляцией гениталий и других эрогенных зон.

Сексуальные свойства — свойства, относящиеся к генитально-эротической сфере.

Секуляризация — перевод из церковного, священного в светское, мирское.

Семантический дифференциал — психологический тест, основанный на словесных ассоциациях.

Сенситивность (прилаг. сенситивный) — чувствительность, восприимчивость к каким-то стимулам.

Сиблинги (сибсы) — братья и сестры.

Синергия (прилаг. синергический) — совместное действие.

Сновидения эротические — сновидения, содержание которых сплетается с различными сексуальными проявлениями (от простого сексуально-эротического возбуждения до оргазма, у лиц обоего пола или эякуляции у мужчин).

Соматический — телесный.

Соматотип — тип телосложения.

Стигма — буквально: пятно, метка, телесный знак; в переносном смысле — несмываемое пятно позора и осуждения.

Стигматизация — социально-психологическая дискриминация какой-то категории людей.

Сторгэ — одна из разновидностей любви в Древней Греции: любовь-нежность, в частности семейная любовь родителей к детям.

Субинцизия — ритуальное подрезание задней стенки губчатой части уретры.

Сублимация — процесс преобразования и переключения энергии аффективных влечений на социальную деятельность и культурное творчество.

Суперинцизия — ритуальное надрезание передней части крайней плоти (без ее удаления).

Табу — социально-культурный запрет, подкрепляемый религиозными санкциями.

Тантризм — направление в буддизме и индуизме.

Телесный канон — характерная для данной культуры нормативная система установок и представлений относительно тела и его отправлений.

Трансвестизм — достижение полового удовлетворения посредством переодевания в одежду другого пола.

Транссексуализм — убежденность в «неправильности» своего биологического пола, желание принадлежать к противоположному полу. Сопровождается стремлением к перемене пола (хирургическим путем) и имитацией поведения лиц противоположного (желаемого) пола.

Тумесценция — увеличение объема гениталий и приобретение ими повышенной упругости.

Установка — внутреннее состояние готовности человека определенным образом воспринимать, оценивать и действовать по отношению к определенным объектам.

Фаллос (фалл, линга) — символическое изображение эрегированного полового члена.

Фелляция (пенилинкция) — разновидность орогенитального контакта (вызывание полового возбуждения воздействием ртом и языком на половой член партнера).

Фемининность — совокупность соматических, психических и поведенческих свойств, отличающих женщину от мужчины (у животных — самку от самца). См. также *Маскулинность.*

Фенотип — внешнее, наблюдаемое проявление генотипа.

Феромоны — химические вещества, действующие как передатчики биологической информации между особями, в том числе играющие роль ключевых сексуальных раздражителей («релизеров»), привлекающих индивидов противоположного пола.

Фетальный — плодный, относящийся к соответствующему периоду утробного развития.

Фетишизм — достижение полового удовлетворения посредством манипуляций и контакта с предметами, которым сами по себе не имеют эротического значения (одежда, обувь и т. п.), но обычно символизируют сексуального партнера.

Филиа — в Древней Греции — любовь-дружба, обусловленная личной симпатией и социальными связями.

Флагелляция — достижение полового возбуждения путем бичевания партнера или самобичевания (иногда путем взаимобичевания). Разновидность садизма и мазохизма.

Фригидность — половая холодность у женщины. Проявляется слабостью полового влечения или половой возбудимости; может сопровождаться отвращением к половому акту.

Фрикции копулятивные — движения полового члена во влагалище, производимые во время полового акта.

Фрустрации сексуальные — неудовлетворенное половое возбуждение.

Хастлеры (амер. жаргон) — мужчины-проститутки (гетеросексуальные), допускающие гомосексуальные контакты (фелляцию).

Целибат — обязательное безбрачие католического духовенства.

Эксгибиционизм — достижение полового удовлетворения путем демонстрации гениталий лицам противоположного пола вне ситуации половой близости. Ср. с *вуайеризмом.*

Экспрессивный — выразительно-эмоциональный.

Экстраверсия (прилаг. экстравертированный) — обращенность внимания вовне, высокая общительность, открытость. См. также *Интроверсия.*

Экстрагенитальный — находящийся вне сферы половых органов.

Эксцесс сексуальный — повторные половые акты в течение суток при условии, что каждый из них является завершенным, т. е. заканчивается оргазмом или эякуляцией. *Эксцесс сексуальный максимальный* — наибольшее количество завершенных (закончившихся семяизвержением) половых актов на протяжении суток, которые имел мужчина в своей жизни.

Эмпатия — вчувствование, непосредственный эмоциональный отклик на чужое переживание.

Энцефализация — филогенетическое развитие головного мозга.

Эрекция — рефлекторное наполнение полового члена или клитора кровью, придающее этим органам жесткость.

Эрогенные зоны — участки тела, раздражение которых вызывает половое возбуждение.

Эрос — в Древней Греции — название стихийной, страстной влюбленности, направленной обычно на телесное, физическое обладание.

Эротика (прилагательное эротический) — сексуальные чувства, фантазии и переживания, а также все то, что их стимулирует.

Эротомания — повышенное половое влечение; то же, что *гиперсексуальность.*

Эстрогены — женские половые гормоны (эстрадиол, эстрон и др.).

Эструс — течка, период половой активности у самок млекопитающих.

Этиология — учение о причинах заболевания.

Эупареуния — одновременное наступление оргазма у мужчины и женщины.

Эфебофилия — разновидность гомосексуализма — влечение к юношам, подросткам.

Эякуляция — семяизвержение, выделение эякулята; рефлекторный акт, наряду с эрекцией основное проявление мужской сексуальности.

Эякуляция задержанная (запаздывающая) — симптомокомплекс, при котором половые акты носят затяжной, изнуряющий характер и часть их не завершается семяизвержением.

Эякуляция преждевременная (ускоренная) — симптомокомплекс, при котором семяизвержение происходит до или сразу же после интромиссии, не давая обоим партнерам (или женщине) сексуального удовлетворения.

INTRODUCTION TO SEXOLOGY
By I. S. Kon
Moscow, «Meditsina», 1989, 336 pp.,

Readership: physicians, sociologists, family consultants.

This is the first Soviet text on general issues of sexology. On the basis of extensive scientific literature the author traces development of sexology as interdisciplinary field of science, discusses biological, sociocultural, historico-ethnographic and psychological regularities of sexual behaviour, specific features of male and female sexuality, its age-related and individual, typological variations etc. The book focuses on the problems of normal human sexuality but also covers certain issues of sexopathology, in particular, formation of sexual identity and sexual orientation.

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

Монография

Игорь Семенович Кон

ВВЕДЕНИЕ В СЕКСОЛОГИЮ

Зав. редакцией *Э. М. Попова*
Редактор *А. В. Бруенок*
Редактор издательства *О. П. Зубарева*
Художественный редактор *В. Ф. Киселев*
Оформление художника *А. Е. Григорьева*
Технический редактор *Н. М. Гаранкина*
Корректор *Н. П. Проходцева*

ИБ 4980

Сдано в набор 09.04.87. Подписано к печати 01.11.88. Т.—03821. Формат бумаги 84×108/32. Бумага тип. № Гарнитура литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 17,64. Уч.-изд. л. 20,30. Допечатка тиража 60 000 экз. Заказ 138. Цена 3 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Медицина» 101000 Москва, Петроверигский пер. 6/8

Диапозитивы изготовлены в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 113054, Москва, Валовая, 28

Отпечатано в Ленинградской типографии № 2 головном предприятии ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.